

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький

Мещане

Действующие лица

Бессемёнов, Василий Васильев, 58 лет, зажиточный мещанин, старшина малярного цеха.

Акулина Ивановна, жена его, 52 года.

Петр, бывший студент, 26 лет; Татьяна, школьная учительница, 28 лет, его дети.

Нил, воспитанник Бессемёнова, машинист, 27 лет.

Перчихин, дальний родственник Бессемёнова, торговец певчими птицами, 50 лет.

Поля, его дочь, швейка, работает в семьях поденно, 21 год.

Елена Николаевна Кривцова, вдова смотрителя тюрьмы, живет на квартире у Бессемёновых, 24 года.

Тетерев, певчий; Шишкин, студент, нахлебники у Бессемёновых.

Цветаева, учительница, подруга Татьяны, 25 лет.

Степанида, кухарка.

Баба с улицы.

Мальчишка, маляр.

Доктор.

Место действия – маленький провинциальный город.

Обстановка

Комната в зажиточном мещанском доме. Ее правый угол отрезан двумя глухими переборками; они выступают в комнату прямым углом и, стесняя задний план ее, образуют на переднем еще маленькую комнату, отделенную от большой деревянной аркой. В арке протянута проволока, на ней висит пестрый занавес. В задней стене большой комнаты – дверь в сени и другую половину дома, где помещается кухня и комнаты нахлебников. Слева от двери – огромный, тяжелый шкаф для посуды, в углу сундук, справа – старинные часы в футляре. Большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное – да, так! да, так! В левой стене – две двери: одна в комнату стариков, другая – к Петру. Между дверями печь, облицованная белыми изразцами. У печи – старый диван, обитый клеенкой, перед ним – большой стол, на котором обедают, пьют чай. Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят у стен. Слева же у самого края сцены – стеклянная горка, в ней – разноцветные коробочки, пасхальные яйца, пара бронзовых подсвечников, ложки чайные и столовые, несколько штук серебряных стаканчиков, стопок. В комнате за аркой, у стены против зрителя – пианино, этажерка с нотами, в углу кадка с филодендроном. В правой стене – два окна, на подоконниках – цветы, у окон – кушетка, около нее – у передней стены – маленький стол.

Действие первое

Вечер, около пяти часов. В окна смотрит осенний сумрак. В большой комнате – почти темно. Татьяна, полулежа на кушетке, читает книгу, Поля у стола – шьет.

Татьяна (читает). «Взошла луна. И было странно видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света»...

(Бросает книгу на колени себе.) Темно.

Поля. Зажечь лампу?

Татьяна. Не надо! Я устала читать...

Поля. Как это хорошо написано! Просто так... и грустно... за душу берет... (Пауза.) Ужасно хочется знать – какой конец? поженятся они – иль нет?

Татьяна (с досадой). Не в этом дело...

Поля. А я бы такого не полюбила... нет!

Татьяна. Почему?

Поля. Скучный он... И всё жалуется... Неуверенный потому что... Мужчина должен знать, что ему нужно делать в жизни...

Татьяна (негромко). А... Нил – знает?

Поля (уверенно). Он знает!

Татьяна. Что же?

Поля. Я... не могу вам это рассказать... так просто, как он говорит... Но только – дурным людям... злым и жадным – плохо будет от него! Не любит он их...

Татьяна. Кто – дурен? И кто – хорош?

Поля. Он Знает!.. (Татьяна молчит, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь, берет книгу с ее колен.) Хорошо это написано! Она очень уж привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вот как видишь женщину-то, в милом образе описанную, так и сама себе лучше кажешься...

Татьяна. Какая наивная... смешная ты, Поля! А меня – раздражает вся эта история! Не было такой девушки! И усадьбы, и реки, и луны – ничего такого не было! Всё это выдуманно. И всегда в книгах описывают жизнь не такой, какая она на самом деле... у нас, у тебя, например...

Поля. Пишут про интересное. А в нашей жизни – какой интерес?

Татьяна (не слушая, с раздражением). Мне часто кажется, что книги пишут люди... которые не любят меня и... всегда спорят со мной. Как будто они говорят мне: это лучше, чем ты думаешь, а вот это – хуже...

Поля. А я думаю, что все писатели непременно добрые... Посмотрела бы я на писателя!..

Татьяна (как бы сама с собою). Дурное и тяжелое они изображают не так, как я его вижу... а как-то особенно... более крупно... в трагическом тоне. А хорошее – они выдумывают. Никто не объясняется в любви так, как об этом пишут! И жизнь совсем не трагична... она течет тихо, однообразно... как большая мутная река. А когда смотришь, как течет река, то глаза устают, делается скучно... голова тупеет, и даже не хочется подумать – зачем река течет?

Поля (задумчиво глядя пред собой). Нет, я бы посмотрела на писателя! Вы читали, а я нет-нет да в подумаю – какой он? Молодой? старый? брюнет?..

Татьяна. Кто?

Поля. Вот этот писатель...

Татьяна. Он умер...

Поля. Ах... жалко как! Давно? Молодой?

Татьяна. Средних лет. Он пил водку...

Поля. Бедненький... (Пауза.) И почему это – умные люди пьянствуют? Вот этот,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
нахлебник ваш, певчий... он ведь умный, а – пьет... почему это?

Татьяна. Жить скучно...

Петр (заспанный, выходит из своей комнаты). Экая тьма! Кто это сидит?

Поля. Я... и Татьяна Васильевна...

Петр. Что ж вы огонь не зажжете?

Поля. Мы сумерничаем...

Петр. В мою комнату от стариков запах деревянного масла проходит... Должно быть, от этого во сне видел, будто плыву по какой-то реке, а вода в ней густая, как деготь... Плыть тяжело... и я не знаю – куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мне какие-то обломки, но когда я хватаюсь за них – они рассыпаются в прах... гнилые, трухлявые. Ерунда... (Насвистывая, шагает по комнате.) Пора бы чай пить:

Поля (зажигая лампу). Пойду, похлопочу... (Уходит.)

Петр. По вечерам у нас в доме как-то особенно... тесно и угрюмо. Все эти допотопные вещи как бы вырастают, становятся еще крупнее, тяжелее... и, вытесняя воздух, – мешают дышать. (Стучит рукой в шкаф.) Вот этот чулан восемнадцать лет стоит на одном месте... восемнадцать лет... Говорят – жизнь быстро двигается вперед, а вот шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершок... Маленький я не раз разбивал себе лоб о его твердыню... и теперь он почему-то мешает мне. Дурацкая штука... Не шкаф, а какой-то символ... чёрт бы его взял!

Татьяна. Какой ты скучный, Петр... Тебе вредно жить так...

Петр. Как это?

Татьяна. Ты нигде не бываешь... только наверху у Лены... каждый вечер. И это очень беспокоит стариков... (Петр, не отвечая, ходит и свещет.) Знаешь – я стала сильно уставать... В школе меня утомляет шум и беспорядок... здесь – тишина и порядок. Хотя у нас стало веселее с той поры, как переехала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздников еще далеко... Ноябрь... Декабрь. (Часы бьют, шесть раз.)

Бессемёнов (высовывая голову из двери, своей комнаты). Засвистали козаченьки! Прощение-то, поди-ка, опять не написал?

Петр. Написал, написал...

Бессемёнов. Насилу-то удосужился... эхе-хе!

(Скрывается.)

Татьяна. Какое это прошение?

Петр. О взыскании с купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сарае...

Акулина Ивановна (выходит с лампой). А на дворе-то опять дождик пошел. (Подходит к шкафу, достает из него посуду и накрывает на стол.) Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно. Старый дом-то... продувает... охо-хо! А отец-то, ребятишки, опять сердитый... поясницу, говорит, ломит у него. Тоже старый... а всё неудачи да непорядки... расходы большие... забота.

Татьяна (брату). Ты вчера у Лены сидел?..

Петр. Да...

Татьяна. Весело было?

Петр. Как всегда... пили чай, пели... спорили...

Татьяна. Кто с кем?

Татьяна. По обыкновению...

Петр. Да. Нил восторгался процессом жизни... ужасно он раздражает меня... проповедью бодрости, любви к жизни... Смешно! Слушая его, начинаешь представлять себе эту никому не известную жизнь... чем-то вроде американской тетушки, которая вот-вот явится и осыплет тебя разными благами... А Шишкин проповедовал пользу молока и вред табака... да уличал меня в буржуазном образе мыслей.

Татьяна. Всё одно и то же...

Петр. Да, по обыкновению...

Татьяна. Тебе... очень нравится Лена?

Петр. Н-ничего... она славная... веселая...

Акулина Ивановна. Вертушка она! Зряшная ее жизнь! Каждый божий день гости у нее, чай да сахара... пляс да песня... а вот умывальника купить себе не может! Из таза умывается да на пол воду хлещет... дом-то гноит...

Татьяна. А я вчера была в клубе... на семейном вечере. Член городской управы Сомов, попечитель моей школы, едва кивнул мне головой... да. А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше, и поцеловал руку:

Акулина Ивановна. Экой бесстыдник, а? Где бы взять честную девушку под ручку да уважить ее, поводить ее по зале-то вальяженько, на людях-то...

Татьяна (брату). Нет, ты подумай! Учительница, в глазах этих людей, заслуживает меньше внимания, чем распутная, раскрашенная женщина...

Петр. Не стоит замечать таких... пошлостей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

Акулина Ивановна. Ты почему знаешь? Лизал ей щеки-то? Сестру обидели, а он за обидчицу заступается...

Петр. Мамаша! Будет вам...

Татьяна. Нет, при матери совершенно нельзя говорить: (За дверь в сени слышны тяжелые шаги.)

Акулина Ивановна. Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил... а то Степанида жалуется – тяжело, дескать...

Степанида (вносит самовар, ставит его на пол около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говорит хозяйке). Ну, и как вам будет угодно, а только опять говорю – сил моих нет лешего эдакого таскать, – ноженьки подламываются...

Акулина Ивановна. Что же – особого человека нанять прикажешь?

Степанида. Как хотите! Пускай певчий носит – что ему? Петр Васильич, поставь на стол самовар, ей-ей, мочи нет!

Петр. Ну, давай... эх!

Степанида. Спасибо. (Уходит.)

Акулина Иванова. В самом деле, Петя, скажи-ка ты певчему-то, пусть бы он самовар-от подавал? Право...

Татьяна (тоскливо вздыхает). О боже мой...

Петр. А не сказать ли ему, чтоб он воду носил, полы мыл, трубы чистил и, кстати уж, белье стирал?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Акулина Ивановна (с досадой отмахивается от него рукой). Что зря говоришь? Всё это своим порядком и без него делают... А самовар внести...

Петр. Мамаша! Каждый вечер вы поднимаете сей роковой вопрос – вопрос о том, кому носить самовар. И поверьте, что вопрос этот пребудет неразрешенным до поры, пока вы не наймете дворника...

Акулина Ивановна. На кой шут он нужен, дворник? Отец сам двор убирает...

Петр. И это называется – скряжничеством. А скряжничать нехорошо, имея в банке...

Акулина Ивановна. Ш-ш! Нишкни! Отец услышит – он те задаст банк! Ты в банк-то деньги вложил?

Петр. Послушайте!

Татьяна (вскакивая). Петр, да оставь хоть ты... ведь терпения не хватает...

Петр (подхода к ней). Ну, не кричи! Незаметно для себя втягиваешься в эти споры...

Акулина Ивановна. Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

Петр. Изю дня в день – одно и то же... На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина...

Акулина Ивановна (кричит в дверь своей комнаты). Отец! Иди чай пить...

Петр. Когда истечет срок моего отлучения от университета, я уеду в Москву и, как прежде, буду приезжать сюда на неделю, не больше. За три года университетской жизни я отвык от дома... от всего этого крохоборства и мещанской суеты... Хорошо жить одному, вне прелестей родного крова!..

Татьяна. А мне вот некуда ехать...

Петр. Я говорю тебе – поезжай на курсы...

Татьяна. Ах, зачем мне курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

Акулина Ивановна (снимая чайник с самовара, обожгла руку и вскрикивает). Ах, пострели те горой!

Татьяна (брату). И я не знаю, не представляю – что значит жить? Как я могла бы жить?

Петр (задумчиво). Н-да, жить надо умеючи... осторожно...

Бессемёнов (выходит из своей комнаты, и, оглядев детей, садится ее стол). Нахлебников звали?

Акулина Ивановна. Петя! Позови-ко...

(Петр уходит. Татьяна идет к столу.)

Бессемёнов. Опять пиленого сахара купили? Сколько раз я говорил...

Татьяна. Ну, не всё ли равно, папаша?

Бессемёнов. Я говорю не тебе, а матери. Тебе, я знаю, всё равно...

Акулина Ивановна. Всего фунт купила я, отец. Целая голова есть, только не успели

Бессемёнов. Я не сержусь... Я говорю пиленый сахар тяжел и не сладок, стало быть, невыгоден. Сахар всегда нужно покупать головой... и колоть самим. От этого будут крошки, а крошки в кушанье идут. И сахар самый он легкий, сладкий... (Дочери.) Ты чего морщишься да вздыхаешь?

Татьяна. Ничего, ничего... так...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бессемёнов. А коли ничего, так незачем и вздыхать. Неужто отцовы слова так тяжело слушать? Не для себя ради, а для вас же, молодых, говорим. Мы свое прожили, вам – жить. А когда глядишь на вас, то не понимаешь, как, собственно, вы жить думаете? К чему у вас намерения? Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем... а какой свой порядок вы придумали? Вот он, вопрос? Н-да...

Татьяна. Папаша! Подумайте, который раз говорите вы мне это?

Бессемёнов. И еще, и без конца, до гроба говорить буду! Ибо – обеспокоен я в моей жизни. Вами обеспокоен... Зря, не подумавши хорошо, пустил я вас в образование... Вот – Петра выгнали, ты – в девках сидишь...

Татьяна. Я работаю... я...

Бессемёнов. Слышал. А кому польза от этой работы? Двадцать пять рублей твои – никому не надобны и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, – я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду...

Акулина Ивановна (все время разговора отца с дочерью беспокойно вертится на стуле, несколько раз пытается что-то сказать и, наконец, ласково спрашивает). Отец! Ватрушечки... не хочешь ли? От обеда остались... а?

Бессемёнов (оборачиваясь к ней, смотрит на нее сначала сердито и потом, улыбаясь в бороду, говорит). Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе-хе! (Акулина Ивановна бросается к шкафу, а Бессемёнов говорит дочери.) Видишь, мать-то, как утка от собаки птенцов своих, вас от меня защищает... Все дрожит, все боится, как бы я словом-то не ушиб вас... Ба, птичник! Явился, пропащий!

Перчихин (является в дверях, за ним молча входит Поля). Мир сему дому, хозяину седому, хозяйке-красотке, чадам их любезным – во веки веков!

Бессемёнов. У тебя опять разрешение вина?

Перчихин. С горя!

Бессемёнов. С какого это?

Перчихин (рассказывает, здороваясь). Зяблика продал сегодня... Три года держал птицу, тирольской трелью пела, – продал! Почувствовал себя за этот поступок низким человеком и – растрогался. Жаль птицу, привык... любил...

(Поля, улыбаясь, кивает отцу головой.)

Бессемёнов. А зачем продавал, коли так.

Перчихин (придерживаясь за спинки стульев, ходит вокруг стола). Цену хорошую дали...

Акулина Ивановна. А что тебе деньги? Все равно зря промотаешь...

Перчихин (усаживаясь). Верно, мать! Деньги мне не к рукам... верно!

Бессемёнов. Значит, опять-таки не было резона продавать...

Перчихин. Был резон. Слепнуть стала птица... стало быть, скоро помрет...

Бессемёнов (усмехаясь). Ты однако не совсем дурак...

Перчихин. Рази я это от ума поступил? Это от низости природы моей...

(Петр и Тетерев входят.)

Татьяна. А Нил где?

Петр. Ушел с Шишкиным на репетицию.

Бессемёнов. Где это они играть хотят?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Петр. В манеже. Спектакль для солдат.

Перчихин (Тетереву). Божьей дудке – почтение! Синиц ловить идем, дядя?

Тетерев. Можно. А когда?

Перчихин. Хоть завтра.

Тетерев. Не могу. Покойник есть...

Перчихин. До обедни?

Тетерев. Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось ли чего-нибудь от обеда? Каши или в этом роде чего-либо?..

Акулина Ивановна. Изволь, батюшка, есть. Поля, принеси-ка там...

(Поля уходит.)

Тетерев. Премного благодарен. Ибо сегодня, как вам это известно, не обедал я по случаю похорон и свадьбы...

Акулина Ивановна. Знаю, знаю...

(Петр, взяв налитый стакан, уходит в комнату за аркой, сопровождаемый испытующим взглядом отца и недружелюбным Тетерева. Несколько секунд все пьют и едят молча.)

Бессемёнов. А хорошо ты, Терентий Хрисанфович, заработаешь в этом месяце. Почти каждый день покойник.

Тетерев. Везет... ничего.

Бессемёнов. И свадьбы часто...

Тетерев. И женятся усердно...

Бессемёнов. Вот накопи денег, да и сам женись.

Тетерев. Не хочется...

(Татьяна уходит к брату, и между ними начинается тихая беседа.)

Перчихин. Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни к чему. Лучше пойдем снегирей ловить...

Тетерев. Согласен...

Перчихин. Расчудесное это занятие – снегирей ловить! Только что снег выпал, земля словно в пасхальную ризу одета... чистота, сияние и кроткая тишина вокруг. Особенно ежели день солнечный – душа поет от радости! На деревьях еще осенний лист золотом отливает, а уж ветки серебрецом снежка пухлого присыпаны... И вот на этакую умильную красоту – гурлы! гурлы! – вдруг с небес чистых стайка красных птичек опустится, цви! цви! цви! И словно маки расцветут. Толстенькие эдакие пичужки, степенные, вроде генералов. Ходят и ворчат и скрипят – умиление души! Сам бы в снегиря обратился, чтобы с ними порыться в снегу... эх!..

Бессемёнов. Глупая птица, снегирь.

Перчихин. Я сам глупый...

Тетерев. Рассказано хорошо...

Акулина Ивановна (Перчихину). Младенец ты...

Перчихин. Люблю птичек ловить! Что есть на свете лучше певчей птицы?

Бессемёнов. А ловить ее, птицу-то, грех. Знаешь?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Перчихин. Знаю. Но ежели люблю? И ничего кроме делать не умею. Я так полагаю, что всякое дело любовью освящается...

Бессемёнов. Всякое?

Перчихин. Всякое!

Бессемёнов. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

Перчихин. Это уж будет не дело, а воровство.

Бессемёнов. Мм... Оно пожалуй...

Акулина Ивановна (зевая). Охо-хо! Скушно что-то... И как это по вечерам скушно всегда... Хоть бы ты, Терентий Хрисанфович, гитару свою принес да поиграл бы...

Тетерев (спокойно). При найме мною квартиры, почтенная Акулина Ивановна, я не брал на себя обязанности увеселять вас...

Акулина Ивановна (не разобрав). Как ты сказал?

Тетерев. Громко и внятно.

Бессемёнов (с удивлением и досадой). Смотрю я на тебя,

Терентий Хрисанфович, и дивуюсь. Человек ты... извини за выражение, совсем... никудышный – никчёмный, но гордость в тебе – чисто барская. Откуда бы?

Тетерев (спокойно). Врожденная...

Бессемёнов. Чем же ты гордишься-то, скажи на милость?

Акулина Ивановна. Так это он – чудачит все. Какая в нем гордость может быть?

Татьяна. Мама!

Акулина Ивановна (встрепенувшись). А? Ты что?

(Татьяна укоризненно качает головой.)

Акулина Ивановна. Али я опять что не так сказала? Ну, ин буду молчать... Бог с вами!

Бессемёнов (обиженный). Ты, мать, осторожнее выражай свои мысли. Мы живем среди лиц образованных. Они на все могут навести критику с точки науки и высших свойств ума. А мы с тобой люди старые, глупые...

Акулина Ивановна (миролюбиво). Что уж там! Конечно уж... они ведь знают.

Перчихин. А это ты, брат, верно сказал. Хоть и в шутку, а верно...

Бессемёнов. Я не в шутку...

Перчихин. погоди! старики – действительно глупый народ...

Бессемёнов. Особенно как на тебя помотришь.

Перчихин. Я – не в счет. Я даже так полагаю: не было бы стариков – не было бы и глупости... Старый человек думает, как сырое дерево горит, – больше чаду, чем огня...

Тетерев (улыбаясь). Одобряю...

(Поля ласково смотрит на отца и гладит его плечо рукой.)

Бессемёнов (угрюмо). Так, так! Ну, ври дальше...

(Петр и Татьяна, прерывая свою беседу, с улыбкой смотрят на Перчихина.)

Перчихин (воодушевленно болтает). Старики, главное дело, упрямые! Он, старик, и видит, что ошибся, и чувствует, что ничего не понимает, но сознаться в том – не может. Гордость! Жил, дескать, жил, одних штанов, может, сорок штук износил и вдруг – понимать перестал! Как так? Обидно! Ну, он свое и долбит – я стар, я прав. А куда уж? Ум стал тяжелый у него... А у молодых – ум быстрый, легкий...

Бессемёнов (грубо). Ну, ты заврался однако... Ты вот что мне скажи: коли мы глупы, стало быть – надо нас учить уму-разуму?

Перчихин. Где там? В камни стрелять – стрелы терять...

Бессемёнов. погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего же быстрые-то умы по углам от нас, стариков, разбегаются, да оттуда смешные рожи показывают, а говорить с нами не хотят? Вот ты и подумай... И я пойду подумаю... один, коли глуп я для вашей компании. (с шумом отодвигает свой стул и в дверях своей комнаты говорит)...образованные мои дети...

(Пауза.)

Перчихин (Петру и Татьяне). Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

Поля (улыбаясь). Да это ты его обидел...

Перчихин. Я? в жизнь ни разу никого не обижал...

Акулина Ивановна. Эх, братцы! Нехорошо у нас... За что старика обидели? Все надутые, все недовольные... а он – стар, ему покой нужен... его уважать надо бы... Ведь отец... Пойду к нему. Палагея, ты вымой посуду-то...

Татьяна (подходя к столу). И за что на нас рассердился отец?

Акулина Ивановна (в дверях). А ты больше бегай от него... умная!

(Поля моет посуду, а Тетерев, облокотясь о стол, тяжелым взглядом смотрит ей в лицо. Перчихин идет к Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходит в свою комнату.)

Поля (Тетереву). Вы что смотрите на меня... так?

Тетерев. Так...

Перчихин. О чем думаешь, Петя?

Петр. Куда бы уйти...

Перчихин. Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мне, пожалуйста: что такое канализация?

Петр. Ну, зачем тебе? Рассказывать это так, чтоб ты ясно понял, – долго... и скучно...

Перчихин. А ты сам-то знаешь все-таки?

Петр. Знаю...

Перчихин (недоверчиво глядя в лицо Петра). Мм...

Поля. Как долго не идет Нил Васильевич...

Тетерев. Какие у вас хорошие глаза...

Поля. Вы это и вчера говорили.

Тетерев. Скажу и завтра...

Поля. Зачем?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тетерев. А не знаю... Вы, может быть, думаете, что я влюблен в вас?

Поля. Господи! Ничего я не думаю.

Тетерев. Ничего? Жаль? Вы подумайте...

Поля. Да... о чем?

Тетерев. Ну, хоть бы о том, чего ради я пристаю к вам? Подумайте и скажите мне...

Поля. Какой вы чудак!

Тетерев. Знаю... Вы говорили мне это. Я тоже повторю вам – уходите отсюда! Вам вредно бывать в этом доме... уходите!

Петр. Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?

Тетерев. Нет, не беспокойтесь! Я не считаю вас предметом одушевленным...

Петр. Неостроумно...

Поля (Тетереву). Какой вы задира!

(Тетерев отходит в сторону и внимательно прислушивается к разговору Петра и Перчихина.)

Татьяна (выходит из своей комнаты, кутаясь в шаль, садится за пианино и спрашивает, разбирая ноты). Нил еще не пришел?

Поля. Нет...

Перчихин. Скушновато... Да, вот что, Петя: прочитал я прошлый раз в листке, будто в Англии летающие корабли выстроены. Корабль будто как следует быть, но ежели сел ты на него, надавил эдакую кнопку – фию! Сейчас это поднимается он птицей под самые под облаки и уносит человека неизвестно куда... Будто очень многие англичаны без вести пропали. Верно это? Петя?

Петр. Ерунда!

Перчихин. А печатают...

Петр. Мало ли ерунды печатают.

Перчихин. Много разве?

(Татьяна тихо наигрывает что-то грустное.)

Петр (с досадой). Конечно, много!

Перчихин. Ты не сердись. И что это, в самом деле, все вы, молодые, на нас, подержанных людей, свысока глядите? И даже никак говорить не желаете? Нехорошо!

Петр. Дальше!..

Перчихин. Дальше вижу я, что надо мне уходить. Надоел. Поля, ты скоро домой пойдешь?

Поля. Вот уберусь только... (Выходит из комнаты, сопровождаемая взглядом Тетерева.)

Перчихин. Н-да... Забыл ты, Петя, как мы с тобой, бывало, чижигов ловили. В ту пору любил ты меня...

Пётр. Я и теперь...

Перчихин. Вижу, чувствую... как ты теперь!

Пётр. Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру...

Перчихин. Понимаю... Дядя Терентий! Идем пиво пить?

Тетерев. Не расположен...

Перчихин. Ну, я один. В кабачке – весело. В кабачке – просто. А у вас – с тоски помрешь, не в комплимент вам будь сказано. Ничего вы не делаете... никаких склонностей не имеете... А то давайте в карты играть? В свои козыри? Как раз четверо... (Тетерев смотрит на Перчихина и улыбается.) Не желаете? Ну, воля ваша... Стало быть, прощайте! (Подходя к Тетереву, щелкает себя по горлу.) Идем?

Тетерев. Нет...

(Перчихин уходит, безнадежно махая рукой. Несколько секунд тишины. Отчетливо слышны тихие ноты пьесы, которую медленно разбирает Татьяна. Петр, лежа на кушетке, вслушивается и насвистывает мелодию. Тетерев встает со стула и ходит по комнате. В сенях, за дверью, с громом падает что-то железное – ведро или самоварная труба. Слышен голос Степаниды: «Куда те чёрт понес»...)

Татьяна (не прерывая игры). Как долго Нил не приходит...

Петр. Никто не идет...

Татьяна. Ты ждешь Елену?..

Петр. Кого-нибудь...

Тетерев. Никто к вам не придет...

Татьяна. Какой вы всегда мрачный...

Тетерев. Никто не придет к вам, ибо у вас нечего взять...

Петр. Так говорит Терентий Богословский...

Тетерев (настойчиво). Замечаете ли вы, что у пьяненького, подержанного птичника – жив дух и жива душа его, тогда как вы оба, стоя на пороге жизни, – полумертвы?

Петр. А вы? Вы о себе какого мнения?

Татьяна (вставая со стула). Господа, оставьте! Ведь уж это было, было! Вы спорили об этом...

Петр. Мне нравится ваш стиль, Терентий Хрисанфович... И нравится ваша роль – роль судьи всех нас... Но я желал бы понять – почему именно эту роль вы играете... Вы говорите всегда так, точно читаете нам акафист за упокой...

Тетерев. Таковых акафистов не бывает...

Петр. Ну, все равно. Я хочу сказать – вот вы не любите нас...

Тетерев. Очень...

Петр. Спасибо за откровенность.

(Входит Поля.)

Тетерев. Кушайте на здоровье.

Поля. Чем вы угощаете?

Татьяна. Дерзостями...

Тетерев. Правдой...

Поля. А я хочу идти в театр... Не пойдет ли кто со мной?

Тетерев. Я...

Петр. Что сегодня?

Поля. «Вторая молодость»... Идемте,

Татьяна Васильевна?

Татьяна. Нет... Я в этот сезон едва ли буду ходить в театр. Надоело. Меня злят, раздражают все эти драмы с выстрелами, воплями, рыданиями. (Тетерев ударяет пальцем по клавише пианино, и по комнате разливается густой, печальный звук.) Все это неправда. Жизнь ломает людей без шума, без криков... без слез... незаметно...

Петр (угрюмо). Разыгрывают драмы на тему о страданиях любви, и никто не видит тех драм, которые терзают, душу человека, стоящего между «хочу» и «должен»...

(Тетерев, улыбаясь, продолжает бить по клавишам басов.)

Поля (смущенно улыбаясь). А мне нравится в театре... ужасно. Вот, например, Дон Сезар де Базан, испанский дворянин... удивительно хорошо! Настоящий герой...

Тетерев. Я похож на него?

Поля. Ой, что вы! Совсем ни капли!..

Тетерев (усмехаясь). Эх... жаль!

Татьяна. Когда актер на сцене объясняется в любви, – я слушаю и злюсь... Ведь этого не бывает, не бывает!..

Поля. Ну, я иду... Терентий Хрисанфович, – идете?

Тетерев (перестает трогать клавиши). Нет. Я не пойду с вами, если вы не находите во мне ничего общего с испанским дворянином...

(Поля, смеясь, уходит.)

Петр (глядя вслед ей). Что ей испанский дворянин?

Тетерев. Она чувствует в нем здорового человека...

Татьяна. Он красиво одет...

Тетерев. И весел... Веселый человек – всегда славный человек... Подлецы редко бывают веселыми людьми.

Петр. Ну, с этой точки зрения вы должны быть величайшим злодеем на земле...

Тетерев (снова начиная извлекать из пианино густые, тихие звуки). Я просто – пьяница, не больше. Вы знаете, почему в России много пьяниц? Потому что быть пьяницей удобно. Пьяниц у нас любят. Новатора, смелого человека – ненавидят, а пьяниц – любят. Ибо всегда удобнее любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чем что-либо крупное, хорошее...

Петр (расхаживая по комнате). У нас в России... у нас в России... Как это странно звучит! Разве Россия – наша? Моя? Ваша? Что такое – мы? Кто – мы?

Тетерев (напевает). Мы во-ольные птицы...

Татьяна. Терентий Хрисанфович! Перестаньте, пожалуйста, звонить... уж очень погребально!

Тетерев (продолжая). Я аккомпанирую настроению...

(Татьяна с досадой выходит из комнаты в сени.)

Петр (задумчиво). Н-да... Вы... в самом деле перестаньте, это расстраивает нервы... Я думаю, что, когда француз или англичанин говорит: Франция! Англия!.. он непременно представляет себе за этим словом нечто реальное, осязаемое... понятное

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru ему... А я говорю – Россия и – чувствую, что для меня это – звук пустой. И у меня нет возможности вложить в это слово какое-либо ясное содержание. (Пауза. Тетерев звонит.) Есть много слов, которые произносишь по привычке, не думая о том, что скрыто за ними... Жизнь... Моя жизнь... Чем наполняются эти два слова?... (Молчит, расхаживая. Тетерев, тихо ударяя по клавишам, наполняет комнату стонущими звуками струн и с улыбкой, застывшей на его лице, следит за Петром.) Чёрт дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях! Я пришел в университет учиться и учился... перестаньте звонить, пожалуйста! Никакого режима, мешавшего мне изучать римское право, я не чувствовал... нет! По совести... нет, не чувствовал! Я чувствовал режим товарищества... и уступил ему. Вот два года моей жизни вычеркнуто... да! Это насилие! Насилие надо мной – не правда ли? Я думал: кончу учиться, буду юристом, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!

Тетерев (иронически подсказывает). Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу, в роли покорного слуги общества...

Петр. Общество? Вот что я ненавижу! Оно всё повышает требования к личности, но не дает ей возможности развиваться правильно, без препятствий... Человек должен быть гражданином прежде всего! – кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином... чёрт их возьми... Я... не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я – личность! Личность свободна... послушайте! Бросьте это... этот чёртов звон...

Тетерев. Я же аккомпанирую вам... мещанин, бывший гражданином – полчаса?

(Шум за дверями в сенях.)

Петр (раздраженно). Вы... не издевайтесь!

(Тетерев, вызывающе глядя на Петра, продолжает звонить. Входят Нил, Елена, Шишкин, Цветаева и вслед за ними Татьяна.)

Елена. Что значит этот звон погребальный? Здравствуйте, страшный букан! Здравствуйте, почти прокурор! Что вы тут делали?

Петр (хмуро). Глупости...

Тетерев. Это я вызванивал отходную человеку, безвременно угасшему...

Нил (Тетереву). Слушай! У меня к тебе просьба!

(Что-то шепчет на ухо ему. Тетерев кивает головой.)

Цветаева. Ах, господа! Как интересно было на репетиции!

Елена. О прокурор! Как свирепо ухаживал за мной поручик Быков!

Шишкин. Теленок ваш Быков...

Петр. Почему вы полагаете, что мне интересно знать, кто и как ухаживал за вами?

Елена. Ой, вы не в духе?

Цветаева. Петр Васильевич всегда не в духе.

Шишкин. Это обычное состояние его духа...

Елена. Танечка! И ты, по обыкновению, грустна, как ночь сентябрьская?

Татьяна. Да, по обыкновению...

Елена. А мне – ужасно весело! Господа, скажите – почему мне всегда весело?

Нил. Отказываюсь отвечать на вопрос – мне самому тоже всегда весело!

Цветаева. И мне!..

Шишкин. Мне – не всегда, но...

Татьяна. Постоянно...

Елена. Танечка! Ты остришь? Вот хорошо! Букан! Отвечайте – почему мне весело?

Тетерев. О воплощенное легкомыслие!

Елена. Ка-ак! Хорошо! Я вспомню вам эти слова, когда вы будете объясняться мне в любви!

Нил. Однако я бы поел чего-нибудь... Мне скоро на дежурство идти...

Цветаева. На всю ночь? Бедный!

Нил. На целые сутки... Пойду однако в кухню, поклонюсь Степаниде...

Татьяна. Я скажу ей... (Уходит с Нилом.)

Тетерев (Елене). Э... позвольте! Да разве я должен влюбиться в вас?

Елена. Да, дерзкий человек! Да, мрачное чудовище! Да! да!

Тетерев (отступая пред ней). Повинуюсь... Мне это не трудно... Я однажды был влюблен сразу в двух девиц и в одну замужнюю женщину...

Елена (продолжая наступать на него). Ну и что же?

Тетерев. Бесполезно...

Елена (вполголоса, указывая глазами на Петра). Что у вас с ним вышло?

(Тетерев смеется. Они тихо беседуют.)

Шишкин (Петру). Слушай, брат, – нет ли целкового дня на три? Понимаешь – башмаки лопнули...

Петр. На... Семь за тобой...

Шишкин. Помню...

Цветаева. Петр Васильевич! Почему вы не принимаете участия в наших спектаклях?

Петр. Я же не умею играть...

Шишкин. А мы-то разве умеем?

Цветаева. Ходили бы хоть на репетиции. Солдатики ужасно интересные! Один, Ширков, такой уморительный! Наивный, славный, улыбается так ласково, конфузливо... и ничего не понимает...

Петр (искоса наблюдая за Еленой). Ну, знаете, я плохо разумею, как могут быть интересны люди, которые ничего не понимают?

Шишкин. Да ведь там не один Ширков...

Петр. Допускаю, что их целая рота...

Цветаева. Как можно говорить такие вещи? Вот уж не понимаю – что это у вас? Аристократизм, что ли?

Тетерев (вдруг громко). Жалеть я не умею...

Елена. Ш-ш-ш!..

Петр. Как вам известно, я мещанин...

Шишкин. Тем менее понятно твое отношение к простым людям...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тетерев. Меня никто никогда не жалел...

Елена (вполголоса). А вы разве не знаете, что нужно платить добром за зло?

Тетерев. Не имею ни крупной, ни мелкой монеты...

Елена. Ах, тише!..

Петр (вслушиваясь в разговор Елены с Тетеревом). А мне непонятно... чего ради вы играете в симпатии к этим простым людям...

Цветаева. Мы – не играем... мы делимся, чем можем, с ними...

Шишкин. И даже не это... Просто нам приятно бывать в их среде... Они безыскусственны... среди их дышишь чем-то здоровым... как в лесу. Нашему брату, буквоеду, никогда не мешает освежаться...

Петр (настойчиво, со скрытым раздражением) Просто вы любите жить иллюзиями... И подходите вы к вашим солдатам с некоторым тайным намерением... смешным, простите за правду! Освежаться среди солдат, это, извините...

Цветаева. Да не только солдат! Ведь вы же знаете, что мы устраиваем спектакли и в депо...

Петр. Все равно. Я говорю о том, что, называя всю эту вашу... беготню и суету живым делом, вы обманываетесь. Вы ведь убеждены, что способствуете развитию личности... и прочее... И это – самообман. Придет завтра офицер или мастер, даст личности в рожу и вышибет из ее головы все, что вы успели заронить в нее, – если еще успели...

Цветаева. Как досадно слушать такие речи!

Шишкин (мрачно). Н-да... Речи неладные... Не первый раз я слышу их, и все более они не нравятся мне... Когда-нибудь мы с тобой, Петр, разговоримся... навсегда!

Петр (холодно и лениво). Страхусь! Но жажду этой встречи...

Елена (горячо вскрикивает). Зачем вы напускаете на себя все это? Господа! Зачем он хочет, чтоб его считали злым?

Петр. Ради оригинальности, я думаю.

Цветаева. Конечно! Интересничает! Все мужчины интересничают... при женщинах. Один изображает пессимиста, другой Мефистофеля... А сами – просто лентяи...

Тетерев. Кратко, ясно... и здорово!

Цветаева. А что же – комплименты я вам буду говорить? Ждите! Знаю я вас!

Тетерев. В этом случае вы знаете больше, чем я. А не знаете ли вы, кстати, вот чего: следует платить добром за зло или не следует? То есть, проще говоря, – считаете вы добро и зло равноценными или же нет?

Цветаева. Поехали парадоксы на немазанных колесах!

Шишкин. Погодите, не мешайте ему! Это интересно. Я, господа, люблю Тетерева слушать! Все-таки он – нет-нет да и загонит в мозг какую-нибудь занозу... А ведь у нас у всех, правду говоря, мыслишки-то всё ходовые, стертые, как старые пятаки...

Петр. Ты слишком великодушен... распространяя свои личные достоинства на всех...

Шишкин. Ну-ну! Надо говорить правду, брат! Даже в пустяках надо быть правдивым! Я прямо сознаюсь – никогда еще я ни одного оригинального слова не сказал! А хочется, господа!

Тетерев. А вот и сказал!

Шишкин (живо). Н-ну? Врешь? Что такое?

Тетерев. Сказал, брат! Верно... А что – сам догадайся.

Шишкин. Ну, это нечаянно вышло...

Тетерев. Нарочно оригинальным не будешь. Я пробовал...

Елена. Да говорите же вы, мучитель, о добре и зле!

Шишкин. Ну-ка, заводи философскую волюнку!

Тетерев (становясь в позу). Достопочтенные двуногие! Когда вы говорите, что зло следует оплачивать добром, – вы ошибаетесь. Зло есть качество прирожденное вам и потому – малоценное. Добро – вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него и потому – оно суть драгоценность, редкая вещь, прекраснее которой нет на земле ничего. Отсюда вывод – уравнивать добро со злом невыгодно для вас и бесполезно. Я говорю вам – добром платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять в человеке чувство ростовщика. Ибо человек – жаден. Получив однажды больше того, сколько следовало ему, в другой раз захочет получить еще больше. А также не платите ему меньше, чем должны. Ибо если вы его раз обсчитаете – человек злопамятен! – он скажет про вас «банкроты!», перестанет уважать и в другой раз не добро уже сделает вам, а только подаст милостину. Братие! будьте строго точны в уплате за добро, содеянное вам! Ибо нет на земле ничего печальнее и противней человека, подающего милостину ближнему своему! Но за зло – всегда платите сторицею зла! Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближнего за зло его вам! Если он, когда вы просили хлеба, дал камень вам, – опрокиньте гору на голову его! (Тетерев начинает шутливо, постепенно переходит в серьезный тон и кончает свою речь сильно, убежденно. Кончив, он, тяжело ступая, отходит в сторону. Минута общего молчания. Все смущены, почувствовав в словах его что-то тяжелое, искреннее.)

Елена (тихо). Однако вы... должно быть, много потерпели от людей...

Тетерев (оскалив зубы). Но это дало мне веселую надежду, что и они, со временем, потерпят от меня... или, вернее, – за меня...

Нил (входит с миской в руках и куском хлеба. Говоря, он внимательно следит, как бы не разлить содержимое миски. За ним идет Татьяна). Все это философия! Плохая у тебя, Таня, привычка делать из пустяков философию! Дождь идет – философия, палец болит – другая философия, угаром пахнет – третья. И когда я слышу такие философии из пустяков, так мне невольно думается, что не всякому человеку грамота полезна...

Татьяна. Какой ты... грубый, Нил!

Нил (садится за стол и ест). Чего там – грубый?... Скучно тебе жить, – займись чем-нибудь. Кто работает, тот не скучает. Дома тяжело – поезжай в деревню, там живи и учи... а то – в Москву, сама поучись...

Елена. Так её! И еще проберите вот этого

(указывает на Тетерева), – этого вот!

Нил (искоса посмотрев). Тоже, чадушко! В Гераклиты метит...

Тетерев. Назови меня Свифтом, если тебе не трудно!..

Нил. Много чести!

Петр. Да, многонько!..

Тетерев. А мне это было бы приятно...

Цветаева. Какой лакомый!..

Нил (глядя в миску). Не погневайся... А что... того... Поля была? То есть куда она ушла?

Нил. Ничего... так... вообще – спрашиваю...

Татьяна. Тебе ее нужно?

Нил. Нет, не нужно... то есть сейчас не нужно... а вообще, всегда... нужно. О, чёрт... запутался!

(Все улыбаются, кроме Татьяны.)

Татьяна (настойчиво). Зачем? Зачем она тебе?..

(Нил, не отвечая, ест.)

Елена (Татьяне быстро). За что он тебя пробирал? Скажи?

Цветаева. Да, это интересно!

Шишкин. Мне тоже нравится, как Нил Васильев нотации читает...

Петр. А мне – как он ест...

Нил. Я все недурно делаю...

Елена. Ну же, Таня, говори!

Татьяна. Не хочется...

Цветаева. Ей никогда ничего не хочется!

Татьяна. Почему ты знаешь? А может быть, я очень хочу... умереть?

Цветаева. Фи, гадость!

Елена. Брр! Не люблю говорить о смерти!

Нил. Что можно сказать о смерти до поры, пока не умрешь?

Тетерев. Вот истинный философ!

Елена. Идемте, господа, ко мне! Пора, самовар, наверное, давно готов...

Шишкин. А хорошо теперь чайку хлебнуть! Да и подзакусить бы... можно надеяться?

Елена. Конечно!

Шишкин (указывая на Нила). А то я смотрю на него и – завидую, грешный человек!

Нил. Не завидуй – я уже все съел! Я тоже пойду с вами, у меня еще более часа свободного времени...

Татьяна. Ты лучше отдохнул бы до дежурства...

Нил. Сойдет и так...

Елена. Петр Васильевич! Идете?

Петр. Если позволите...

Елена. Благосклонно разрешаю! Вашу руку...

Цветаева. Становитесь все в пары. Нил Васильевич, ко мне...

Шишкин (Татьяне). Значит, вы – со мной...

Тетерев. Вот – говорят, что женщин на земле больше, чем мужчин. Однако я живал во многих городах, и всегда, везде мне не хватало дамы...

Елена (смеясь, идет к двери и напевает). Allons, enfants de la patri...i...i...e!

Шишкин (толкая Петра в спину). Двигайся живее, сын отечества!..

(Уходят с шумом, пением и смехом. Комната несколько секунд остается пустой. Потом дверь из комнаты стариков отворяется, выходит Акулина Ивановна и, позевывая, гасит лампы. Слышен голос старика, монотонно читающего псалтирь у себя в комнате. Во тьме, натываясь на стулья, старуха проходит обратно к себе.)

Занавес

Действие второе
Та же комната.

Осенний полдень. За столом сидит старик Бессемёнов. Татьяна неслышно и медленно ходит взад и вперед. Петр, стоя у переборки, смотрит в окно.

Бессемёнов. Битый час говорю я вам... детки мои милые, а, видно, нет у меня таких слов, чтобы сердца вашего коснулись... Один спиной меня слушает, другая ходит, как ворона по забору.

Татьяна. Я сяду... (Садится.)

Петр (оборачиваясь лицом к отцу). Ты скажи прямо – чего ты хочешь от нас?

Бессемёнов. Хочу понять, что вы за люди... Желаю знать – какой ты человек?

Петр. Подожди! Я отвечу тебе... ты поймешь, увидишь. Дай прежде кончу учиться...

Бессемёнов. Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... а фордыбачишь. Ты вот научился презрению ко всему живущему, а размера в действиях не приобрел. Из университета тебя выгнали. Ты думаешь – неправильно?

Ошибаешься. Студент есть ученик, а не... распорядитель в жизни. Ежели всякий парень в двадцать лет уставщиком порядков захочет быть... тогда все должно придти в замешательство... и деловому человеку на земле места не будет. Ты научись, будь мастером в твоём деле и тогда – рассуждай... А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать – цыц! Я говорю это тебе не со зла, а по душе... как ты есть мой сын, кровь моя, и все такое. Нилу я ничего не говорю... хоть много положил труда на него, хоть он и приемыш мой... но все же он – чужая кровь. И чем дальше – тем больше он мне чужой. Я вижу – будет он прохвостом... актером будет или еще чем-нибудь в этаким духе... Может, даже социалистом будет... Ну – туда ему и дорога!

Акулина Ивановна (выглядывая из двери, жалобным и робким голосом). Отец! не пора ли обедать?

Бессемёнов (строго). Пошла ты! Не суйся, когда не надо... (Акулина Ивановна скрывается за дверью. Татьяна укоризненно смотрит на отца, встает со стула и снова бродит по комнате.) Видели? Мать ваша ни минуты покоя не знает, оберегая вас... все боится, как бы я не обидел... Я не хочу никого обижать... Я сам обижен вами, горько обижен!.. В доме моем я хожу осторожно, ровно на полу везде битое стекло насыпано... Ко мне и гости, старые приятели, перестали ходить: у тебя, говорят, дети образованные, а мы – народ простой, еще насмеются они над нами! И вы не однажды смеялись над ними, а я со стыда горел за вас. Все приятели бросили меня, точно образованные дети – чума. А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой... А ведь я – люблю вас!.. Люблю! Понимаете вы, что значит – любовь? Тебя вот выгнали – мне это больно. Татьяна зря в девках сохнет, мне это обидно... и даже конфузно пред людьми. Чем Татьяна хуже многих прочих, которые выходят замуж и... все такое? Мне хочется видеть тебя, Петр, человеком, а не студентом... Вон Филиппа Назарова сын – кончил учиться, женился, взял с приданым, две тыщи в год получает... в члены управы попадет...

Бессемёнов. Да, я вижу! Ты – хоть завтра готов... Ну, только – на ком? На вертушке, на беспутной бабенке... да еще и вдове! Э-эх!

Петр (вскипая). Вы не имеете права называть ее... так!

Бессемёнов. Как – так? Вдовой или беспутной?

Татьяна. Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это! Петр... Уйди!.. или – молчи! Я ведь вот – молчу! Слушайте... Я – не понимаю ничего... Отец!.. Когда вы говорите – я чувствую – вы правы! Да, вы правы, знаю! Поверьте, я... очень это чувствую! Но ваша правда – чужая нам... мне и ему... понимаете? У нас уже своя... вы не сердитесь, стойте! Две правды, папаша...

Бессемёнов (вскакивая). Врешь! Одна правда! Моя правда! Какая ваша правда? Где она? Покажи!

Петр. Отец, не кричи! Я тоже скажу... ну, да! Ты прав... Но твоя правда узка нам... мы выросли из нее, как вырастают из платья. Нам тесно, нас давит это... То, чем ты жил, твой порядок жизни, он уже не годится для нас...

Бессемёнов. Ну да! Вы... вы! Как же... вы образовались... а я дурак! А, вы...

Татьяна. Не то, папаша! Не так...

Бессемёнов. Нет – то! К вам ходят гости... целые дни шум... ночью спать нельзя... Ты на моих глазах шашни с постоялкой заводишь... ты всегда надута... а я... а мы с матерью жмемся в углу...

Акулина Ивановна (врываясь в комнату, жалобно кричит). Голубчики! Да я ведь... родной ты мой! Разве я говорю что? Да я и в углу!.. и в углу, в хлеву! Только не ругайтесь вы! Не грызите друг друга... милые!

Бессемёнов (одной рукой привлекая ее, а другой отталкивая). Пошла прочь, старуха! Не нужна ты им. Оба мы не нужны! Они – умные!.. Мы – чужие для них...

Татьяна (стонет). Какая мука! Какая... мука!..

Петр (бледный, с отчаянием). Пойми, отец... ведь глупо это! Глупо! Вдруг, ни с того ни с сего...

Бессемёнов. Вдруг? Врешь! Не вдруг... годами нарывало у меня в сердце!..

Акулина Ивановна. Петя, уступи! Не спорь!.. Таня... пожалейте отца!

Бессемёнов. Глупо? Дурак ты! Страшно... а не глупо! Вдруг... жили отец и дети... вдруг – две правды... звери вы!

Татьяна. Петр, уйди! Успокойся, отец... ну, прошу...

Бессемёнов. Безжалостные! Стеснили нас... Чем гордитесь? Что сделали? А мы – жили! Работалистроили дома... для вас... грешили... может быть, много грешили – для вас!

Петр (кричит). Просил я тебя, чтоб ты... все это делал?

Акулина Ивановна. Петр! Ради...

Татьяна. Ступай вон, Петр! Я не могу, я уйду... (В изнеможении опускается на стул.)

Бессемёнов. А! бежите... от правды, как черти от ладана... Зазрела совесть!

Нил (широко распахнув дверь из сеней, останавливается на пороге. Он – с работы. Лицо у него черное, закопченное дымом, измазанное сажей, руки тоже грязные. Он в короткой куртке, промасленной до блеска, подпоясан ремнем, в высоких грязных сапогах по колено. Протягивая руку, он говорит). Дайте поскорее двугривенный, извозчику заплатите! (Его неожиданное появление и вдруг раздавшийся спокойный

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
голос сразу прекращают шум в комнате, и несколько секунд все молчат, неподвижно глядя на него. Он замечает впечатление и, сразу сообразив в чем дело, с улыбкой сожаления говорит.) Н-ну-у! Опять баталия!

Бессемёнов (грубо кричит). Ты, нехристь! Куда пришел!

Нил. А? Куда?

Бессемёнов. В шапке! Шапку...

Акулина Ивановна. Что, в самом деле? Грязный лезешь прямо в горницы... ишь ты!

Нил. Да вы двугривенный-то дайте!

Петр (дает ему деньги и вполголоса говорит). Иди сюда скорее...

Нил (с улыбкой). На помощь? Трудно приходится! Сейчас!

Бессемёнов. Ишь! Вот он!.. Тоже – всё с рывка, с наскоку... Тоже нахватался где-то... чего-то... Уважения нет ни к чему на свете...

Акулина Ивановна (поддельваясь под тон мужа). И впрямь... Сорванец какой! Таня, ты поди... поди в кухню... в кухню! скажи Степаниде – обедать...

(Татьяна уходит.)

Бессемёнов (угрюмо улыбаясь). Ну, а Петра куда пошлешь? Э-эх ты! Глупая старуха! Глупая ты... Пойми, я не зверь какой! Я от души... от страха за них... от боли душевной кричу... а не от злости. Чего же ты их разгоняешь от меня?

Акулина Ивановна. Да я ведь знаю... голубчик мой! Я знаю все... да жалко их! Мы старые с тобой... мы – таковские! Куда нас? Господи! На что нас? А им – жить! Они, милые, горя-то от чужих много увидят...

Петр. Отец, ты, право, напрасно... волнуешься... Ты вообразил что-то...

Бессемёнов. Боюсь я! Время такое... страшное время! Все ломается, трещит... волнуется жизнь!.. За тебя боюсь... Вдруг что-нибудь... кто нас поддержит в старости? Ты – опора нам... Вон Нил-то... вишь какой? И этот... птица эта, Тетерев... тоже! Ты сторонись их! Они... не любят нас! Гляди!

Петр. Э, полно! Ничего со мной не будет... Вот, подожду еще немного... потом подам прошение...

Акулина Ивановна. Подай-ка ты, Петя, поскорее, успокой отца...

Бессемёнов. Я в тебя, Петр, верю, когда ты вот так говоришь... рассудительно, серьезно... Верю, что ты жизнь проживешь не хуже меня... Ну, а иной раз...

Петр. Ну, давай, оставим это! Будет... Подумай, как часто у нас бывают такие сцены!

Акулина Ивановна. Голубчики вы мои!

Бессемёнов. Вот еще Татьяна... эх! Бросить бы ей это училище... Что оно для нее? Одно утомление...

Петр. Да, ей надо отдохнуть...

Акулина Ивановна. Ох, надо!

Нил (входит раздетый, в синей блузе, но еще неумытый). Обедать скоро будем, а?

(Петр, при виде Нила, быстро выходит в сени.)

Бессемёнов. Рожу-то умыл бы сначала, а потом об еде спрашивал.

Нил. Ну, рожа у меня не велика, вымою живо, а вот есть я хочу, как волк! Дождь,
Страница 20

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
ветер, холодище, паровоз старый, скверный... измаялся я в эту ночь – прямо сил нет! Заставить бы начальника тяги прокатиться в такую погоду, да на этаким паровозе...

Бессемёнов. Болтай больше! Что-то, я смотрю, ты про начальников-то легко говорить стал... смотри, худа не было бы!

Нил. Начальникам худо не будет...

Акулина Ивановна. Отец не про них говорит, а про тебя.

Нил. Ага, про меня...

Бессемёнов. Да, про тебя!

Нил. Ага!..

Бессемёнов. Ты не гакай, а слушай...

Нил. Я слушаю...

Бессемёнов. Зазнаваться ты стал...

Нил. Давно?

Бессемёнов. Ты таким языком со мной не смей говорить!

Нил. А у меня один язык (высовывая язык, показывает), и я со всеми им говорю...

Акулина Ивановна (всплескивая руками). Ах ты, бесстыдник! Кому ты язык показываешь?

Бессемёнов. Погоди, мать, постой! (Акулина Ивановна, укоризненно покачивая головой, уходит.) Ты... умник! Я хочу с тобой говорить...

Нил. После обеда?

Бессемёнов. Сейчас!

Нил. Лучше бы после обеда! Право, я голоден, устал, продрог... сделайте одолжение, отложите разговор! И потом, – что вы можете мне сказать? Ругаться ведь будете... а мне ругаться с вами неприятно... лучше бы вы... того... сказали бы прямо, что терпеть меня не можете... и чтоб я...

Бессемёнов. Ну, чёрт с тобой! (Уходит в свою комнату и плотно, крепко прикрывает дверь за собою.)

Нил (ворчит). И отлично! Лучше чёрт, чем ты...

(Напевая себе под нос, ходит по комнате. Татьяна входит.) Опять лаялись?

Татьяна. Ты не можешь себе представить...

Нил. Ну! превосходно представляю... Разыгрывали драматическую сцену из бесконечной комедии, под названием «Ни туда, ни сюда»...

Татьяна. Тебе хорошо говорить так! Ты умеешь стоять в стороне...

Нил. Я умею оттолкнуть от себя в сторону всю эту канитель. И скоро – оттолкну решительно, навсегда... Переведусь в монтеры, в депо... надоело мне ездить по ночам с товарными поездами! Еще если б с пассажирскими! С курьерским, например, – фьить! Режь воздух! Мчись на всех парах! А тут – ползешь с кочегаром... скука! я люблю быть на людях...

Татьяна. От нас ты однако бегаешь...

Нил. Да... прости за правду! – убежишь ведь! Я жить люблю, люблю шум, работу, веселых, простых людей! А вы разве живете? Так как-то слоняетесь около жизни и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru по неизвестной причине стонете да жалуетесь... на кого, почему, для чего? Непонятно.

Татьяна. Ты не понимаешь?

Нил. То-то нет! Когда человеку лежать на одном боку неудобно – он перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно – он только жалуется... А ты сделай усилие, – перевернись!

Татьяна. Ты знаешь – один философ сказал, что только глупому жизнь кажется простой!

Нил. Философы в глупостях, должно быть, знают толк. Но я ведь умником себя не считаю... Я просто нахожу, что с вами жить почему-то невыносимо скучно. Думаю, потому что очень уж вы любите на все и вся жаловаться. Зачем жаловаться? Кто вам поможет? Никто не поможет... И некому, и... не стоит...

Татьяна. Откуда в тебе эта черствость, Нил?

Нил. А это – черствость?

Татьяна. Жестокость... Я думаю, что ты заразился ею от Тетерева, который ненавидит за что-то всех людей.

Нил. Ну, не всех... (Усмехаясь.) Тебе этот Тетерев не кажется похожим на топор?

Татьяна. Топор? Какой топор?

Нил. Обыкновенный, железный топор на деревянном топорище...

Татьяна. Нет, не шути! Не надо... Знаешь... с тобой приятно говорить... ты такой свежий... Но только вот... невнимателен ты...

Нил. К чему?

Татьяна. К людям... Ко мне, например...

Нил. Мм... наверно, не ко всем.

Татьяна. Ко мне...

Нил. К тебе? Н-да... (Оба молчат. Нил рассматривает свои сапоги. Татьяна смотрит на него с ожиданием чего-то.) Видишь ли... Я к тебе... то есть я тебя...

(Татьяна делает движение к нему, Нил, ничего не замечая.) Очень уважаю... и люблю. Только мне не нравится – зачем ты учительница? Дело это тебе не по душе, утомляет, раздражает тебя. А дело – огромное! Ребятишки – ведь это люди в будущем... Их надо уметь ценить, надо любить. Всякое дело надо любить, чтобы хорошо его делать. Знаешь – я ужасно люблю ковать. Пред тобой красная, бесформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотом – наслаждение! Она плюет в тебя шипящими, огненными плевками, хочет выжечь тебе глаза, ослепить, отшвырнуть от себя. Она живая, упругая... И вот ты сильными ударами с плеча делаешь из нее все, что тебе нужно...

Татьяна. Для этого нужно быть сильным...

Нил. И ловким...

Татьяна. Послушай, Нил... Тебе иногда не жалко...

Нил. Кого?

Елена (входит). У вас обедали? Нет? Идемте ко мне, пожалуйста! Какой пирог я испекла! Где прокурор? Прекрасный пирог!

Нил (подходя к Елене). Я иду! О, я съем весь прекрасный пирог! Я умираю с голода, меня нарочно не кормят! На меня рассердились здесь за что-то...

Татьяна. Я только скажу маме... (Уходит.)

Нил. Откуда вы знаете, что я показал отцу язык?

Елена. Что-о? Я ничего не знаю! Что такое?

Нил. Ну, я и не скажу... Лучше вы расскажите мне о прекрасном пироге.

Елена. Я узнаю! А о пироге... знаете, меня научил печь пироги один арестант, осужденный за убийство. Муж позволял ему помогать на кухне. Он был такой жалкенький, худенький...

Нил. Муж?

Елена. Милостивый государь! Мой муж был двенадцати вершков роста...

Нил. Он был так низок?

Елена. Молчать! И имел вот такие усы (показывает пальцами, какие усы) длиной по три вершка...

Нил. Первый раз слышу о человеке, достоинства которого измеряются вершками!

Елена. Увы! У него не было никаких достоинств, кроме усов!

Нил. Это грустно! Продолжайте о пироге...

Елена. Он, этот арестант, был повар... и убил свою жену... Но мне он очень нравился. Он ведь убил ее как-то так...

Нил. Между прочим... понимаю!

Елена. Убирайтесь! Не хочу с вами говорить. (Татьяна, появляясь в двери, смотрит на них. Из другой двери выходит Петр.) Прокурор! Ко мне... есть пирог!..

Петр. С удовольствием!

Нил. Его сегодня папенька пробрал за непочтение...

Петр. Ну, перестань...

Нил. И я удивляюсь – как решается он идти к вам без спроса?

Петр (глядя на дверь в комнату стариков, беспокожно). Идти, так идемте!

Татьяна. Идите, я сейчас приду...

(Нил, Петр и Елена уходят. Татьяна идет в свою комнату, но в это время из комнаты стариков раздается голос Акулины Ивановны.)

Акулина Ивановна. Таня!

Татьяна (останавливается, нетерпеливо поводя плечами). Что?

Акулина Ивановна (в двери). Подь-ка сюда! (Почти шепотом.) Что, Петруша-то опять к той пошел?

Татьяна. Да... и я иду...

Акулина Ивановна. Ах ты горе наше горькое, а? Завертит она, егоза, Петю! Уж я чувствую!.. Ты бы хоть поговорила ему. Поговорила бы: братец, мол, отстанись! Не пара, мол, она тебе... сказала бы ты ему! Ведь у ней и денег-то всего-навсего три тыщи, да мужнина пенсия... я знаю!

Татьяна. Мамаша, оставьте это! Елена совсем не обращает внимания на Петра...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Акулина Ивановна. Нарочно это! Нарочно! Она, шельма, разжигает его... Показывает только видимость такую, что-де ты мне не интересен... а сама следит за ним, как кошка за чижом...

Татьяна. Ах!.. да что мне! Мне-то что? Говорите сами... оставьте меня! Поймите, – я устала!

Акулина Ивановна. Да ты не сейчас поговори с ним... Ты поди, ляг, отдохни...

Татьяна (почти кричит) Мне негде отдохнуть! Я навсегда устала... навсегда! Понимаете? На всю жизнь... от вас устала... от всего! (Быстро уходит в сени. Акулина Ивановна делает движение к дочери, как бы желая остановить ее, но, всплеснув руками, остается на месте, недоумело раскрыв рот.)

Бессемёнов (выглядывая из двери). Опять схватка?

Акулина Ивановна (встрепенувшись). Нет, ничего... это так...

Бессемёнов. Что так? Надерзила она тебе?

Акулина Ивановна (торопливо). Нет, ничего, что ты это? Я ей говорю... обедать, мол, пора! А она говорит – не хочу! Я говорю – как не хочешь? А она...

Бессемёнов. Завралась ты, мать!

Акулина Ивановна. Правое слово!

Бессемёнов. И сколько ты, ради их, врешь предо мной! Взгляни-ка мне в глаза-то... Не можешь... эх ты!

(Акулина Ивановна стоит пред мужем, понуря голову, молча. Он тоже молчит, задумчиво поглаживая бороду. Потом, вздохнув, говорит.) Нет, зря все-таки разгородились мы от них образованием-то...

Акулина Ивановна (тихо). Полно, отец! Теперь и простые-то люди тоже не лучше...

Бессемёнов. Никогда не надо детям давать больше того, сколько сам имеешь... И всего мне тяжелее, что не вижу я в них... никакого характера... ничего эдакого... крепкого... Ведь в каждом человеке должно быть что-нибудь свое... а они какие-то... ровно бы без лиц! Вот Нил... он дерзок... он – разбойник. Но – человек с лицом! Опасный... но его можно понять... Э-эхе-хе!.. Я вот, в молодости, церковное пение любил... грибы собирать любил... А что Петр любит?

Акулина Ивановна (робко, со вздохом). К постоялке ушел...

Бессемёнов. Ну вот!.. погоди же! – Я ее... ущемлю! (Входит Тетерев, заспанный и мрачный более, чем всегда. В руке – бутылка водки и рюмка.) Терентий Хрисанфович! Опять разрешил?

Тетерев. Вчера, после всенощной...

Бессемёнов. С чего это?..

Тетерев. Без причины. Обедать скоро?

Акулина Ивановна. Сейчас накрою... (Начинает хлопотать.)

Бессемёнов. Эхма, Терентий Хрисанфович, умный ты человек... а вот губит тебя водочка!..

Тетерев. Почтенный мещанин, – ты врешь! Меня губит не водка, а сила моя... Избыток силы – вот моя гибель...

Бессемёнов. Ну, сила лишней не бывает...

Тетерев. Опять врешь! Теперь сила – не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змеиная гибкость. (Засучивая рукав, показывает кулак.) Гляди, – если я этой штукой ударю по столу, – разобью его вдребезги. С такими руками – нечего делать

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru в жизни. Я могу колоть дрова, но мне трудно и смешно писать, например... Мне некуда девать силы. Я могу найти себе место по способностям только в балагане, на ярмарке, где мог бы рвать железные цепи, поднимать гири... и прочее. Но я учился... И хорошо учился... за что и был изгнан из семинарии. Я учился и не хочу жить напоказ, не хочу, чтоб ты, придя в балаган, любовался мною со спокойным удовольствием. Я желаю, чтобы все смотрели на меня с беспокойным неудовольствием...

Бессемёнов. Злой ты...

Тетерев. Скоты такой величины, как я, не бывают злыми, – ты не знаешь зоологии. Природа – хитра. Ибо, если к силе моей прибавить злобу, – куда бежишь ты от меня?

Бессемёнов. Мне бежать некуда... я в своем доме.

Акулина Ивановна. Ты бы молчал, отец.

Тетерев. Верно! Ты в своем доме. Вся жизнь – твой дом, твое строение. И оттого – мне негде жить, мещанин!

Бессемёнов. Живешь ты зря... ни к чему. Но ежели бы захотел...

Тетерев. Не хочу захотеть, ибо – противно мне. Мне благороднее пьянствовать и погибать, чем жить и работать на тебя и подобных тебе. Можешь ли ты, мещанин, представить себе меня трезвым, прилично одетым и говорящим с тобою рабьим языком слуги твоего? Нет, не можешь... (Поля входит и при виде Тетерева пятится назад. Он, заметив ее, широко улыбается и, кивая головой, говорит, протягивая ей руку.) Здравствуй и не бойтесь... Я ничего не скажу вам больше... ибо все знаю!

Поля (смущенно). Что?... ничего вы не можете знать...

Акулина Ивановна. А, пришла! Ну-ка, иди-ка, скажи Степаниде, чтобы щи несла...

Бессемёнов. Пора... (к Тетереву.) Люблю я слушать, как ты рассуждаешь... Особенно про себя самого хорошо выходит у тебя. Так вот – глядишь на тебя, страшен ты! А начнешь ты мысли-то свои высказывать, я и чувствую твою слабость... (Довольно и тихо смеется.)

Тетерев. И ты нравишься мне. Ибо ты в меру – умен и в меру – глуп; в меру – добр и в меру – зол; в меру честен и подл, труслив и храбр... ты образцовый мещанин! Ты законченно воплотил в себе пошлость... ту силу, которая побеждает даже героев и живет, живет и торжествует... давай, выпьем перед щами, почтенный крот!

Бессемёнов. Принесут – выпьем. Но, между прочим, зачем ты ругаешься?... Без причины не надо обижать людей... Надо рассуждать кротко, складно, чтобы слушать тебя было занятно... а если ты будешь людей задевать словами – никто не услышит тебя, а кто услышит – дурак будет!

Нил (входя). Поля пришла?

Тетерев (ухмыляясь). Пришла...

Акулина Ивановна. А тебе ее на что?

Нил (не отвечая ей. Тетереву). Эге-э! Разрешил? Опять? Часто же начал ты...

Тетерев. Лучше пить водку, чем кровь людей... тем паче, что кровь теперешних людей – жидка, скверна и безвкусна... Здоровой, вкусной крови осталось мало, – всю высосали...

(Поля и Степанида. Степанида несет миску. Поля – тарелку с мясом.)

Нил (подходя к ней). Здравствуй! Готов ответ?

Поля (вполголоса). Не сейчас же... при всех...

Нил. Вот важность! Чего бояться?

Бессемёнов. Кому?

Нил. Мне... и вот ей...

Акулина Ивановна. Что такое?

Бессемёнов. Не понимаю...

Тетерев (усмехаясь). А я – понимаю... (Наливает водки и пьет.)

Бессемёнов. В чем дело? Ты чего, Пелагея?

Поля (смущенная, тихо). Ничего...

Нил (усаживаясь за стол). Секрет... Тайна!

Бессемёнов. А коли тайна – говорите где-нибудь в углу, а не при людях. То есть, это, я скажу, насмешка какая-то... хоть беги из дома! Какие-то знаки, недомолвки, разговоры... А ты сиди дураком и хлопай глазами... Я тебя, Нил, спрашиваю, кто я тебе?

Акулина Ивановна. Уж что это, Нил, право...

Нил (спокойно). Вы мне приемный отец... Но сердиться и поднимать истории не следует... Ничего особенного не случилось...

Поля (вставая со стула, на который только что села). Нил...

Васильевич сделал... сказал мне... вчера вечером... спросил...

Бессемёнов. Что спросил?... Ну?

Нил (спокойно). Вы не пугайте ее... Я спросил ее – не хочет ли она выйти за меня замуж...

(Бессемёнов удивленно смотрит на него и Полю, держа в воздухе ложку. Акулина Ивановна тоже замерла на месте. Тетерев смотрит пред собой, тяжело моргая глазами. Кисть его руки, лежащей на колене, вздрагивает. Поля низко наклонила голову.)

Нил (продолжает). А она сказала, что ответит мне сегодня... Ну, вот и все...

Тетерев (махая рукой). И очень... просто... и больше ничего...

Бессемёнов. Та-ак... Действительно... очень просто! (С горечью.) И модно... по-новому! Впрочем – что уж тут!

Акулина Ивановна. Нехристь ты, нехристь! Отчаянная ты голова!.. Чай бы, с нами первоначально поговорить надо...

Нил (с досадой). Вот дернуло меня за язык!

Бессемёнов. Оставь, мать! Не наше дело! Ешь и молчи. И я буду молчать...

Тетерев (хмелея). А я буду говорить... А впрочем, и я пока молчу...

Бессемёнов. Да... Лучше всем молчать. Но все-таки, Нил... не торопато благодаришь ты меня за мою хлебсоль... Исподтишка живешь...

Нил. За хлеб-соль вашу я платил трудом и впредь платить буду, а воле вашей подчиниться не могу. Вы вон хотели женить меня на дуре Седовой, потому только, что за нею десять тысяч приданого. На что мне ее нужно? А Полю я люблю... Давно люблю и ни от кого это не скрывал. Всегда я жил открыто и всегда буду так жить. Укорять меня не в чем, обижаться на меня не за что.

Бессемёнов (сдержанно). Так, так! Очень хорошо... Ну что ж? Женитесь. Мы вам не помеха. Только на какие же капиталы жить-то будете? Коли не секрет – скажите.

Нил. Работать будем. Я перевожусь в депо... А она... у нее тоже дело будет. Вы по-прежнему будете получать с меня тридцать рублей в месяц.

Бессемёнов. Поглядим. Посулы легки...

Нил. Вексель возьмите с меня...

Тетерев. Мещанин! Возьми с него вексель! Возьми!

Бессемёнов. Вас в это дело не просят мешаться...

Акулина Ивановна. Тоже... советчик какой!

Тетерев. Нет, ты возьми! Не возьмешь ведь – совесть коротка, не посмеешь... Нил, дай ему подписку: обязуюсь, мол, ежемесячно...

Бессемёнов. Я могу и подписку взять... есть за что, так я думаю. С десяти лет кормил, поил, обувал, одевал – до двадцати семи... Н-да...

Нил. Не лучше ли нам после считаться, не сейчас?

Бессемёнов. Можно и после. (Вдруг вскипая.) Ну, только помни, Нил, – отныне ты мне... и я тебе – враги! Обиды этой я не прощу, не могу! Знай!

Нил. Да какая обида? В чем обида? Ведь не ожидали же вы, что я на вас женюсь?

Бессемёнов (кричит, не слушая). Помни! Издеваться над тем, кто тебя кормил, поил... без спроса... без совета... тайно... Ты! Смирная! Тихая! Что понурилась? А! Молчишь? А знаешь, что я могу тебя...

Нил (вставая со стула). Ничего вы не можете! Будет шуметь! В этом доме я тоже хозяин. Я десять лет работал и заработок вам отдавал. Здесь, вот тут (топает ногой в пол и широким жестом руки указывает кругом себя) вложено мною не мало! Хозяин тот, кто трудится...

(Во время речи Нила Поля встает и уходит. В дверях ей встречаются Петр и Татьяна. Петр, заглянув в комнату, скрывается.)

Татьяна стоит в дверях, держась за косяк.)

Бессемёнов (ошеломленно таращит глаза на Нила). Ка-ак? Хозяин? Ты?

Акулина Ивановна. Уйдем, отец! Уйдем... пожалуйста, уйдем! (Грозя кулаком Нилу.) Ну, Нилка! Ну, уж... погоди!

(Со слезами.) Уж погоди... дождешься!

Нил (настойчиво). Да, хозяин тот, кто трудится... Запомните-ка это!

Акулина Ивановна (тащит за собой мужа). Идем, старик! И-идем! Бог с ними!.. Не говори, не кричи! Кто нас услышит?

Бессемёнов (уступая усилиям жены). Ну, хорошо! Оставайся... хозяин! Поглядим... кто хозяин! Увидим!

(Уходит к себе. Нил взволнованно расхаживает по комнате. Где-то на улице, далеко, играет шарманка.)

Нил. Вот заварил кашу! И чёрт меня дернул спросить ее... Дурак! То есть, положительно не могу я ничего скрыть... лезет все наружу помимо воли! Ах ты...

Тетерев. Ничего! Сцена очень интересная. Я слушал и смотрел с удовольствием. Очень недурно, очень! Не волнуйся, брат! У тебя есть способности... ты можешь играть героические роли. В данный момент герой нужен... поверь мне! В наше время все люди должны быть делимы на героев, то есть дураков, и на подлецов, то есть людей умных...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Нил. Чего ради заставил я Полю пережить такую... гадость?.. Испугалась... нет, она не пуглива! Обиделась, наверно... тьфу!

(Татьяна, все еще стоя в дверях, при имени Поли делает движение. Звуки шарманки умолкают.)

Тетерев. Людей очень удобно делить на дураков и мерзавцев. Мерзавцев – тьмы! Они живут, брат, умом звериным, они верят только в правду силы... не моей силы, не этой вот, заключенной в груди и руке моей, а в силу хитрости... Хитрость – ум зверя.

Нил (не слушая). Теперь придется ускорить свадьбу... Ну, и ускорим... Да, она еще не ответила мне. Но я знаю, что она скажет... милая моя девчушка!.. Как ненавижу я этого человека... этот дом... всю жизнь эту... гнилую жизнь! Здесь все... какие-то уроды! Никто не чувствует, что жизнь испорчена ими, низведена к пустякам... что из нее они делают себе темницу, каторгу, несчастье... как они ухитряются делать это? Не понимаю! Но – ненавижу людей, которые портят жизнь...

(Татьяна делает шаг вперед, останавливается. Потом неслышно идет к сундуку и садится на него, в углу. Она согнулась, стала маленькой и еще более жалкой.)

Тетерев. Жизнь украшают дураки. Дураков – немного. Они всё ищут чего-то, что не им нужно, не только им одним... Они любят выдумывать проспекты всеобщего счастья и тому подобной ерунды. Хотят найти начала и концы всего сущего. Вообще – делают глупости...

Нил (задумчиво). Да, глупости! На это я мастер... Ну, она потрезвее меня... Она – тоже любит жизнь... такой внимательной, спокойной любовью... Знаешь, мы с ней великолепно будем жить! Мы оба – смелые... и, если захотим чего, – достанем! Да, мы с ней достанем... Она какая-то... новорожденная... (Смеется.) Мы с ней прекрасно будем жить!

Тетерев. Дурак может всю жизнь думать о том, почему стекло прозрачно, а мерзавец просто делает из стекла бутылку...

(Вновь играет шарманка уже близко, почти под окнами.)

Нил. Ну, ты все о бутылках!

Тетерев. Нет, я о дураках. Дурак спрашивает себя – где огонь, пока он не зажжен, куда девается, когда угасает? А мерзавец сидит у огня, и ему тепло...

Нил (задумчиво). Да-а... тепло...

Тетерев. В сущности – они оба глупы. Но – один глуп красиво, геройски, другой – тупо, нищенски глуп. И оба они, хотя разными дорогами, но приходят в одно место – в могилу, только в могилу, друг мой... (Хохочет. Татьяна тихо качает головой.)

Нил (Тетереву). Ты чего?

Тетерев. Смеюсь... Оставшиеся в живых дураки смотрят на умершего собрата и спрашивают себя – где он? А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную... (Хохочет.)

Нил. Однако ты здорово напился... Шел бы к себе, а?

Тетерев. Укажи – где это?

Нил. Ну, не дури! Хочешь, отведу?

Тетерев. Меня, брат, не отведишь. Я не состою в родстве ни с обвиняемыми... ни с потерпевшими. Я – сам по себе. Я – вещественное доказательство преступления! Жизнь испорчена! Она – скверно сшита... Не по росту порядочных людей сделана жизнь, говорю я. Мещане сузили, окоротили ее, сделали тесной... и вот я есмь вещественное доказательство того, что человеку негде, нечем, незачем жить...

Нил. Ну, иди же, иди!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тетерев. Оставь меня! Ты думаешь, могу упасть? Я уже упал, чудак ты! Давно-о! Я, впрочем, думал было подняться; но прошел мимо ты и, не заметив, не нарочно, вновь толкнул меня. Ничего; иди себе! Иди, я не жалуюсь... Ты – здоров и достоин идти, куда хочешь, так, как хочешь... Я, падший, сопровождаю тебя взглядом одобрения – иди!

Нил. Что ты болтаешь? Интересно что-то... но непонятно...

Тетерев. И не понимай! Не надо! Некоторые вещи лучше не понимать, ибо понимать их бесполезно... Ты иди, иди!

Нил. Ну, хорошо, я уйду. (Уходит в сени, не замечая Татьяну, прижавшуюся в углу.)

Тетерев (кланяясь вслед ему). Желаю счастья, грабитель! Ты незаметно для себя отнял мою последнюю надежду и... чёрт с ней! (Идет к столу, где оставил бутылку, и замечает в углу комнаты, фигуру Татьяны.) Это-о кто, собственно говоря?

Татьяна (тихо). Это я...

(Звуки шарманки сразу обрываются.)

Тетерев. Вы? Мм... а я думал, мне почудилось...

Татьяна. Нет, это я...

Тетерев. Понимаю... Но – почему вы? Почему вы тут?

Татьяна (негромко, но ясно, отчетливо). Потому что мне негде, нечем, незачем жить... (Тетерев молча идет к ней тихими шагами.) Я не знаю, отчего я так встала и так тоскливо мне... но, понимаете, до ужаса тоскливо! Мне только двадцать восемь лет... мне стыдно, уверяю вас, мне очень стыдно чувствовать себя так... такой слабой, ничтожной... Внутри у меня, в сердце моем, – пустота... все высохло, сгорело, я это чувствую, и мне больно от этого... Как-то незаметно случилось это... незаметно для меня в груди выросла пустота... зачем я говорю вам это?..

Тетерев. Не понимаю... Сильно пьян... Совсем не понимаю...

Татьяна. Никто не говорит со мной, как я хочу... как мне хотелось бы... я надеялась, что он... заговорит... Долго ожидала я, молча... А эта жизнь... ссоры, пошлость, мелочи... теснота... все это раздавило меня тою порой... Потихоньку, незаметно раздавило... Нет сил жить... и даже отчаяние мое бессильно... Мне страшно стало... сейчас вот... вдруг... мне страшно...

Тетерев (качая головой, отходит от нее к двери и, отворив дверь, говорит, тяжело ворочая языком). Проклятие дому сему!.. И больше ничего...

(Татьяна медленно идет в свою комнату. Минута пустоты и тишины. Быстро, неслышными шагами входит Поля и за нею Нил. Они без слов проходят к окнам, и там, схватив Полю за руку, Нил вполголоса говорит.)

Нил. Ты прости меня за давешнее... это вышло глупо и скверно... но я не умею молчать, когда хочу говорить!

Поля (почти шепотом). Все равно... теперь все равно! Что уж мне все они? Все равно...

Нил. Я знаю – ты меня любишь... я вижу... я не спрашиваю тебя. Ты – смешная! Вчера сказала? отвечу завтра, мне надо подумать! Вот смешная! О чем думать – ведь любишь?

Поля. Ну да, ну да... давно уж!..

(Татьяна крадется из двери своей комнаты, встает за занавесом и слушает.)

Нил. Мы славно будем жить, увидишь! Ты – такой милый товарищ... нужды ты не побоишься... горе – одолеешь...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Поля (просто). С тобой – чего же бояться? Да я и так – одна не робкая... я только смиренная...

Нил. И ты упрямая... сильная, не согнешься... Ну, вот... рад я... Ведь знал, что все так будет, а рад... страшно!

Поля. Я тоже знала все вперед...

Нил. Ну? Знала? Это хорошо... Эх, хорошо жить на свете! Ведь хорошо?

Поля. Хорошо... милый ты мой друг... славный ты мой человек...

Нил. Как ты это говоришь... вот великолепно сказала!

Поля. Ну, не хвали... надо идти... надо идти... придет кто-нибудь...

Нил. А пускай их!..

Поля. Нет, надо!.. Ну... поцелуй еще!..

(Вырвавшись из рук Нила, она пробегает мимо Татьяны, не замечая ее. А Нил, идя за ней с улыбкой на лице, увидел Татьяну и остановился пред ней, пораженный ее присутствием и возмущенный. Она тоже молчит, глядя на него мертвыми глазами, с кривой улыбкой на лице.)

Нил (презрительно). Подслушивала? Подглядывала? Э-эх ты!.. (Быстро уходит. Татьяна стоит неподвижно, как окаменевшая. Уходя, Нил оставляет дверь в сени открытой, и в комнату доносится суровый окрик старика Бессемёнова: «Степанида! Кто угли рассыпал? Не видишь? Подбери!»)

Занавес

Действие третье
Та же комната.

Утро. Степанида стирает с мебели пыль.

Акулина Ивановна (моет чайную посуду и говорит). Говядина-то сегодня не жирна, так ты сделай вот что: от вчерашнего жаркого сало должно остаться, – ты его запусти во щи... они и покажут себя жирными... Слышишь?

Степанида. Слышу...

Акулина Ивановна. А телятину будешь жарить – масла-то много не вали в плошку... в середине пять фунтов я купила, а вчера, смотрю, уж и фунта не осталось...

Степанида. Стало быть – вышло...

Акулина Ивановна. Знаю, что вышло... Вот у тебя его в голове-то сколько... как у мужика дегтя в мазнице...

Степанида. Нешто вы по духу не слышите, что я деревянным из лампадки мажусь?

Акулина Ивановна. Ну, ладно уж... (Пауза.) Куда тебя утром Татьяна-то посылала?

Степанида. В аптеку... За спиртом нашатырным... Поди, говорит, купи мне на двадцать копеек нашатырного спирту...

Акулина Ивановна. Видно, голова болит... (Вздыхая.) То и дело хворает она у нас...

Степанида. Замуж бы выдали... Оздоровела бы сразу, небойсь...

Акулина Ивановна. Не больно-то легко нынче замуж выдать девицу... а образованную-то... еще труднее...

Степанида. Приданое хорошее дадите, и образованную кто-нибудь возьмет...

(Петр выглядывает из своей комнаты и скрывается.)

Акулина Ивановна. Не увидят мои глазыньки этой радости... Не хочет Таня замуж выходить...

Степанида. Где уж, чай, не хотеть... в ее-то летах.

Акулина Ивановна. Э-эхе-хе... Кто вчера у верхней-то постоялки в гостях был?

Степанида. Учитель этот... рыжий-то.

Акулина Ивановна. Это у которого жена сбежала?..

Степанида. Ну, ну, он! Да акцизный... такой... худущий да желтый с лица-то...

Акулина Ивановна. Знаю! На племяннице Пименова купца женат... чахоточный он, слышь...

Степанида. Ишь ты... Оно и видать...

Акулина Ивановна. Певчий наш был?

Степанида. И певчий, и Петр Васильич... Песни орал певчий-то... часов до двух орал... вроде как бык ревел...

Акулина Ивановна. Петя-то когда воротился?

Степанида. Да светало уж, как дверь-то я ему отперла...

Акулина Ивановна. Охо-хо...

Петр (входит). Ну, Степанида, возись скорее и уходи...

Степанида. Сейчас... Я сама рада скорее-то...

Петр. А рада – так больше делай, да меньше разговаривай... (Степанида фыркает и уходит.) Мама! Я вас не однажды просил поменьше разговаривать с ней... Ведь это же нехорошо, – поймите вы, наконец! – вступать в интимные беседы с кухаркой... и выпрашивать у нее... разные разности! Нехорошо!

Акулина Ивановна (обиженно). Что же, у тебя прикажешь спрашиваться, с кем говорить мне можно? Ты своей беседой меня с отцом не жалуешь, так позволь хоть со слугой-то слово сказать...

Петр. Да поймите же, что она вам не пара! Ведь, кроме сплетни какой-нибудь, вы от нее ничего не услышите!

Акулина Ивановна. А от тебя что я слышала? Полгода ты живешь дома-то, а ни разу с матерью своей родной часу не просидел вместе... ничего-то не рассказал ей... и что в Москве и как...

Петр. Ну, послушайте...

Акулина Ивановна. А заговоришь когда, – одни огорчения от тебя... То – не так, это – не эдак... мать родную, как девчонку, учить начнешь, да укорять, да насмехаться...

(Петр, махнув рукой, быстро уходит в сени. Акулина Ивановна вслед ему.) Ишь, вот сколько наговорил! (Оттирает глаза концом передника и всхлипывает.)

Перчихин (входит. Он в рваной куртке, из дыр ее торчит грязная вата, подпоясан веревкой, в лаптях и меховой шапке.) Ты чего куксишься? Али Петруха обидел? Чего-то он мимо меня, как стриж, вильнул... даже здравствуй не сказал. Поля – здесь?

Акулина Ивановна (вздыхая). В кухне, капусту шинкует...

Перчихин. Вот у птиц – хорош порядок! Оперился птенец – лети на все четыре

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
стороны... никакой ему муштровки от отца с матерью нет... Чайку тут мне не осталось?

Акулина Ивановна. Ты, видно, тоже птичьих порядков придерживаешься в своем-то быту?

Перчихин. Вот именно, это самое! И хорошо ведь! Ничего у меня нет, никому я не мешаю... вроде как не на земле, а на воздухе живу.

Акулина Ивановна (презрительно). И никакого уваженья от людей не имеешь. На, пей... холодный только чай-то... да и жидковат немного...

Перчихин (поднимая стакан на свет). Не густо... ну, спасибо, хоть не пусто! В густом-то еще, пожалуй, увязнешь... А что до уважения, так сделайте милость, не уважайте... я сам никого не уважаю...

Акулина Ивановна. А кому оно, уважение твое, нужно? Никому...

Перчихин. И отличное дело!.. Я так замечаю, что люди, которые на земле свой кус хлеба берут, – друг у друга изо рта его дерут. А я получаю пищу из воздуха... от небесных птиц кормлюсь... мое дело чистенькое!

Акулина Ивановна. Ну, а свадьба – скоро?

Перчихин. Чья? Моя, что ли? Так еще та кукушка, которая за меня бы замуж пошла, – в здешние леса не прилетала, шельма! Пожалуй, совсем опоздает... не дожdamшись – помру...

Акулина Ивановна. Ты не болтай пустяков, а прямо говори – когда венчаешь?

Перчихин. Кого?

Акулина Ивановна. Дочь! Будто не знает... ишь!

Перчихин. Дочь? Когда захочет, обвенчаю... коли будет с кем венчать...

Акулина Ивановна. Давно ли это у них затеялось?

Перчихин. Что? У кого?

Акулина Ивановна. Да не ломай паяца-то! Ведь сказала же она хоть тебе-то...

Перчихин. Про что?

Акулина Ивановна. Про свадьбу...

Перчихин. Это про чью?

Акулина Ивановна. Тьфу тебе! Старик уж ведь, стыдился бы юродствовать-то!

Перчихин. Ты погоди! Ты не сердчай... а скажи просто – в чем суть дела?

Акулина Ивановна. Говорить-то с тобой охоты нет...

Перчихин. А ты говоришь... да еще сколько времени говоришь и все без толку...

Акулина Ивановна (сухо, с завистью). Когда Палагею с

Нилом венчать будешь?

Перчихин (вскакивая, изумленный). Что-о? С Нилом... ну-у?

Акулина Ивановна. Неужто вправду она тебе не говорила? Ну, люди пошли!.. Отцу родному...

Перчихин (радостно). Да что ты? Да шутишь? Нил? Ах, раздуй их горой! В сам-деле? Ах, черти! Ай да Полька! Это уж целая кадрель, а не полька... Нет, ты не врешь? Ну-у, ловко! А я так расположил в уме, что Нил на Татьяне женится... Правое слово! Такая видимость была, что как бы на Татьяне...

Акулина Ивановна (обиженно). Еще кто бы за него выдал Татьяну! Очень нам нужно... такого отбойного...

Перчихин. Нила-то очень нужно? Что ты! Да я бы... да будь у меня десять дочерей, я бы, закрыв глаза, всех ему отдал! Нил? Да он... он сто человек один прокормит! Нил-то? Ха-ха!

Акулина Ивановна (с иронией). Смотрю я, – тесть у него хорош будет! Оч-чень приятен!

Перчихин. Тесть? Вона! Не захочет этот тесть никому на шею сесть... их ты! На камаринского меня даже подбивает с радости... Да я теперь – совсем свободный мальчик! Теперь я – так заживу-у! Никто меня и не увидит... Прямо в лес – и пропал Перчихин! Ну, Поля! Я, бывало, думал, дочь... как жить будет? И было мне пред ней даже совестно... родить – родил, а больше ничего и не могу!.. А теперь... теперь я... куда хочу уйду! Жар-птицу ловить уйду, за самые за тридесять земель!

Акулина Ивановна. Как же уйдешь ты! От счастья не уходят...

Перчихин. Счастье? Мое счастье в том и состоит, чтобы уходить... А Полька будет счастлива... она будет! С Нилом-то? Здоровый, веселый, простой... У меня даже мозги в голове пляшут... а в сердце – жаворонки поют! Ну, – везет мне! (Притопывая.) Поля Нила подцепила, она мило поступила... Их ты! Люли-малина!

Бессемёнов (входит. Он в пальто, в руке картуз). Опять пьян!

Перчихин. С радости! Слыхал? Палагея-то?

(Радостно смеется.) За Нила выходит! а? Здорово, а?

Бессемёнов (холодно и жестко). Нас это не касается... Мы свое получим...

Перчихин. А я все думал, что Нил на Татьяне намерен жениться...

Бессемёнов. Что-с?

Перчихин. Правое слово! Потому видимо было, что Татьяна не прочь... и глядела она на него так... эдак, знаешь... ну, как следует, и вообще... и все прочее... а? Вдруг...

Бессемёнов (спокойно и злобно). Вот что я тебе скажу, милый... Ты хоть и дурак, но должен понимать, что про девицу говорить такие подлые слова не позволено. Это – раз! (Постепенно повышая голос.) Засим: на кого и как глядела твоя дочь и кто как на нее глядел и что она за девица, – я не говорю, а только скажу одно: ежели она выходит за Нила – туда ей и дорога! Потому обоим им – цена грош, и хоть оба они мне обязаны очень многим, но я отныне на них плюю! Это – два! Ну-с, а теперь вот что: хоша мы с тобой и дальние родственники, но однако погляди на себя – что ты такое? Золоторотец. И скажи мне – кто это тебе разрешил придти ко мне в чистую горницу в таком драном виде... в лаптищах и во всем этом уборе?

Перчихин. Что ты? Василий Васильич, – что ты, брат? Да разве я в первый раз эдак-то...

Бессемёнов. Не считал разов и не хочу считать. Но вижу одно – коли ты так являешься, значит, уважения к хозяину дома у тебя нет. Опять говорю: кто ты? Нищий, шантрапа, рвань коричневая... слышал? Это – три! И – пошел вон!

Перчихин (ошеломленный). Василий Васильевич! За что? За какое...

Бессемёнов. Вон! Не финти...

Перчихин. Опомнись! Я ни в чем пред тобой...

Бессемёнов. Ну?! Ступай... а то...

Перчихин (уходя, с укором и сожалением). Эх, старик! Ну, и жаль мне тебя! Прощай!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Бессемёнов, выпрямившись, молча, твердыми, тяжелыми шагами ходит по комнате, суровый, мрачный. Акулина Ивановна моет посуду, боязливо следя за мужем, руки у нее трясутся, губы что-то шепчут.)

Бессемёнов. Ты чего шипишь? Колдуешь, что ли...

Акулина Ивановна. Я молитву... молитву, отец...

Бессемёнов. Знаешь... не быть мне головой! Вижу, – не быть... Подлецы!

Акулина Ивановна. Ну, что ты? Ай, батюшки... а? Да почему? Да еще, может быть...

Бессемёнов. Что – может быть? Федька Досекин, слесарного цеха старшина, в головы метит... Мальчишка! Щенок!

Акулина Ивановна. Да еще, может, не выберут его... ты не кручинься...

Бессемёнов. Выберут... видно по всему... Прихожу я, сидит он в управе... Слышу – поет, разливается – жизнь, говорит, трудная, надо, говорит, друг за друга держаться... всё, говорит, сообща делать... артели, говорит... Теперь, дескать, всё фабрика... ремесленникам жить нельзя врозь. Я говорю: жида всему причина! Жидов надо ограничить! Губернатору, говорю, жалобу на них – ходу русским не дают, и просить его, чтобы выселил жидов. (Татьяна тихо отворяет дверь и бесшумно, пошатываясь, проходит в свою комнату.) А он это с улыбочкой такой и спрашивает: а куда девать тех русских, которые хуже жидов? И начал разными осторожными словами на меня намекать... Я будто не понимаю, но однако чувствую, куда он метит... мерзавец! Послушал, – отошел прочь... погоди, думаю, я тебе насолю... А тут Михайло Крюков, печник, подошел ко мне... знаешь, говорит, а головой-то, пожалуй, Досекину быть... и глядит вбок, конфузится... Хотел я сказать ему – ах, ты, Иуда косоглазый...

Елена (входит). Здравствуйте, Василий Васильевич! Здравствуйте, Акулина Ивановна...

Бессемёнов (сухо). А... вы-с? Пожалуйте... что скажете?

Елена. Да вот – деньги за квартиру принесла...

Бессемёнов (более любезно). Доброе дело... сколько тут? Четвертная... Причитается мне еще с вас получить за два стекла в коридорном окне сорок копеек, да за петлю у двери в дровянике... кухарка ваша сломала... ну, хоть двадцать копеек...

Елена (усмехаясь). Какой вы... аккуратный! Извольте... у меня нет мелких... вот – три рубля...

Акулина Ивановна. Углей мешок вы брали... кухарка ваша.

Бессемёнов. Сколько за угли?

Акулина Ивановна. За угли – тридцать пять...

Бессемёнов. И всего – девяносто пять... Два с пятаком сдачи... пожалуйста! А насчет аккуратности, милая барыня, вы сказали справедливо. Аккуратностью весь свет держится... Само солнце восходит и заходит аккуратно, так, как положено ему от века... а уж ежели в небесах порядок, то на земле – тем паче быть должно... Да вот и сами вы – как срок настал, так и деньги несете...

Елена. Я не люблю быть в долгу...

Бессемёнов. Распрекрасное дело! Зато всякий вам и доверит...

Елена. Ну, до свиданья! Мне надо идти...

Бессемёнов. Наше почтение. (Смотрит вслед ей и потом говорит.) Хороша, шельма! Но все же однако с превеликим удовольствием турнул бы я ее долой с квартиры...

Акулина Ивановна. Хорошо бы это, отец...

Бессемёнов. Ну, положим... Пока она тут... мы можем следить. А съедет, – Петрушка к

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
ней шляться начнет тогда, за нашими-то глазами она его скорее может обойти... Надо
принять в расчет и то, что деньги она платит аккуратно... и за всякую порчу в
квартире бесшумно возмещает... н-да! Петр... конечно, опасно... даже очень...

Акулина Ивановна. Может, он жениться и не думает на ней... а просто так...

Бессемёнов. Кабы знать, что так... то и говорить нам не о чем, и беспокоиться не
надо. Все равно, чем в публичные дома таскаться, – тут прямо под боком... и даже
лучше... (Из комнаты Татьяны раздаётся хриплый стон.)

Акулина Ивановна (тихо). А?

Бессемёнов (так же). Что это?

Акулина Ивановна (она говорит тихо, беспокойно озирается, как бы прислушиваясь к
чему-то). В сенях будто...

Бессемёнов (громко). Кошка, должно быть...

Акулина Ивановна (нерешительно). Знаешь, отец... хочу я тебе сказать...

Бессемёнов. Ну, говори...

Акулина Ивановна. Не больно ли ты строго с Перчихиным-то поступил? Он ведь
безобидный...

Бессемёнов. А безобидный, так и не обидится... если же обидится, – потеря нам не
велика... знакомство с ним – честь не дорогая... (Стон повторяется громче.) Кто это?
Мать...

Акулина Ивановна (суется). Не знаю я... право... что это...

Бессемёнов (бросаясь в комнату Петра). Тут, что ли? Петр!

Акулина Ивановна (бежит за ним в ужасе). Петя! Петя... Петя...

Татьяна (хрипло кричит). Спасите... мама... спасите... спасите!.. (Бессемёнов и
Акулина Ивановна выбегают из комнаты Петра и бегут на крик молча, у двери в
комнату они на секунду останавливаются, как бы не решаясь войти, и затем
бросаются в дверь оба вместе. навстречу им несутся крики Татьяны..) Горит... о-о!
Вольно... пить! Дайте пить!.. спасите!..

Акулина Ивановна (выбегая из комнаты, растворяет дверь в сени и кричит).
Батюшки! Милосердные... Петя...

(В комнате Татьяны слышен глухой голос Бессемёнова: «Что ты... доченька... что ты...
что с тобой... доченька?..»)

Татьяна. Воды... Умираю... Горит все... о боже!

Акулина Ивановна. Идите... сюда идите, батюшки...

Бессемёнов (из комнаты). Беги, зови... доктора:

Петр (вбегает). Что такое? Что вы?

Акулина Ивановна (схватывает его за руку, задыхается). Таня... умирает...

Петр (вырываясь). Пустите... пустите...

Тетерев (надевая по дороге пиджак). Горит, что ли?

Бессемёнов. Доктора!.. Доктора зови, Петр... двадцать пять рублей давай!..

Петр (выскакивая из комнаты сестры, – Тетереву). Доктора! за доктором... скажите –
отравилась... женщина... девушка... нашатырный спирт... скорей! скорей!

(Тетерев бежит в сени.)

Степанида (вбегают). Батюшки мои... батюшки мои...

Татьяна. Петя... горю! Умираю!.. жить хочу! Жить... воды дайте!

Петр. Сколько ты приняла? Когда ты выпила? Говори...

Бессемёнов. Доченька моя... Танечка...

Акулина Ивановна. Погубила себя, голу-бу-ушка!

Петр. Мама, уйдите... Степанида, уведи ее... уйдите, говорят вам... (Елена пробегает в комнату Татьяны). Уведите мать...

(Входит баба, останавливается у дверей, заглядывает в комнату и что-то шепчет.)

Елена (выводит Акулину Ивановну под руку и бормочет). Это ничего... это не опасно...

Акулина Ивановна. Голубушка моя! Доченька... чем я тебя обидела? Чем прогневала?

Елена. Это пройдет... вот доктор... он поможет... о, какое несчастье!

Баба (подхватывая Акулину Ивановну под другую руку). Не кручиньтесь, матушка! То ли бывает? Эх, болезная... Вон у купца Ситанова... лошадь кучера копытом в бок...

Акулина Ивановна. Милая ты моя... что я буду делать-то? Единственная моя... (Ее уводят.)

(В комнате Татьяны ее крики смешиваются с глухим голосом отца и нервными, отрывистыми словами Петра. Гремит какая-то посуда, падает стул, скрипит железо кровати, мягко шлепается о пол подушка. Степанида несколько раз выбегает из комнаты, растрепанная, с открытым ртом и вытаращенными глазами, хватая из шкафа тарелки, чашки, что-то разбивает и снова скрывается. Из сеней заглядывают в дверь какие-то рожи, но никто не решается войти. Вскрикивает маляр-мальчишка и, взглянув в дверь к Татьяне, тотчас же возвращается назад, громким шепотом, сообщая: «Помираит!» На дворе раздаются звуки шарманки, но тотчас же обрываются. Среди людей в сенях глухой говор: «Убил? Отец... Он ей говорил: эй, говорит, смотри у меня!.. По голове... Чем – не знаешь? Что врешь, – зарезалась она своей рукой...» Женский голос спрашивает: «Замужняя?» Кто-то громко с сожалением чмокает губами.)

Баба (выходит из комнаты стариков, проходя мимо стола, сует себе под платок булку и, подходя к двери, говорит). Тише! Отходит!..

Мужской голос. Как имя?

Баба. Лизавета...

Женский голос. С чего это она?..

Баба. А, стало быть, еще в Успенев день, сказал он ей – Лизавета, говорит...

(В толпе движение. Входят доктор и Тетерев. Доктор в шляпе и пальто проходит прямо в комнату Татьяны. Тетерев заглядывает в дверь и отходит прочь, хмурый. Из комнаты Татьяны все продолжает доноситься смешанный говор и стоны. Из комнаты стариков – вой Акулины Ивановны и ее крики: «Пусти меня! Пусти ты меня к ней!» В сенях – глухой гул голосов. Выделяются восклицания: «Серьезный человек... Это – певчий... Н-ну? Ей-ей... от Ивана Предтечи».)

Тетерев (подходя к двери). Вы чего тут? Пошли прочь! Ну?

Баба (тоже суется в дверь). Проходите, люди добрые... некасаемо это вас...

Тетерев. Ты кто такая? Тебе чего надо?..

Баба. Я, батюшка, овощью торгую... луком зеленым, огурчиками...

Тетерев. Тебе что нужно?

Баба. Я, батюшка, к Семягиной шла... кума она мне...

Тетерев. Ну? Что же тебе тут нужно?

Баба. А мимо я иду... шум, слышу... думала, пожар...

Тетерев. Ну?

Баба. И зашла... На несчастье посмотреть зашла...

Тетерев. Ступай вон... Вы все! Вон из сеней?..

Степанида (выбегая, Тетереву). Тащи ведро воды... тащи живо! (В дверь высовывается седенький старичок с подвязанной щекой и, подмигивая, говорит Тетереву: «Господин! Она у вас тут со стола булочку стащила...» Тетерев идет в сени, толкая людей вон из них. В сенях – топот, возня, визжит мальчишка: «Ай-ай!» Кто-то смеется, кто-то обиженно восклицает: «Потише-с!»)

Тетерев (невидимый). К черту! Марш!

Петр (выглядывая из двери). Тише... (Обращаясь в комнату.) Иди, отец, иди к маме! Ну, иди же! (Кричит в сени.) Не пускайте никого!..

(Бессемёнов выходит, качаясь на ногах. Садится на стул у стола, тупо смотрит пред собой. Потом встает и идет в свою комнату, откуда слышен голос Акулины Ивановны.)

Акулина Ивановна. Я ли ее не любила? Я ли не берегла?

Елена. Ну, успокойтесь... милая моя...

Акулина Ивановна. Отец! Родной ты...

(Дверь за Бессемёновым затворяется, и конца речи не слышно. Комната пуста. С двух сторон в нее несется шум: звуки голосов из комнаты Бессемёновых, тихий говор, стоны и возня из комнаты Татьяны. Тетерев вносит ведро воды, ставит у двери и осторожно стучит в нее пальцем. Степанида отворяет дверь, берет ведро и тоже выходит в комнату, отирая пот с лица.)

Тетерев. Что?

Степанида. Ничего, слышь...

Тетерев. Это доктор сказал?

Степанида. Он. Да где уж... (Безнадежно махает рукой.) Отца с матерью пускать не велят туда...

Тетерев. Ей лучше?

Степанида. А кто знает? Не стонет, перестала... Зеленая вся... глаза огромные... Недвижима лежит...

(Укоризненным шепотом.) Я говорила им... сколько разов говорила – выдайте ее замуж! Эй, выдайте! Не послушали... ну и – вот оно! Да разве здорово девице до такой поры без мужа?.. Опять же: в бога не веровала... ни тебе помолится, ни тебе перекрестится... Ну, вот!

Тетерев. Молчи... ворона!

Елена (входит). Ну что, что она?

Тетерев. Не знаю... Доктор будто сказал, что не опасна...

Елена. Старики убиты... жалко их!

(Тетерев молча пожимает плечами.)

Степанида (бежит вон из комнаты). Батюшки! А про кухню-то забыла...

Елена. И отчего? Что случилось? Бедная Таня... как, должно быть, больно ей... (Морщится и вздрагивает.) Ведь это больно? Очень? Страшно?

Тетерев. Не знаю. Я никогда не пил нашатырного спирта...

Елена. Как вы можете шутить?

Тетерев. Я не шучу...

Елена (подходит к двери в комнату Петра, заглядывает в нее). А Пе... Петр Васильевич еще все там, у нее?

Тетерев. Очевидно... ибо он оттуда не выходил...

Елена (задумчиво). Воображаю, как на него это подействовало!.. (Пауза.) Когда я... когда мне случается видеть... что-нибудь подобное этому... я ощущаю в себе ненависть к несчастью...

Тетерев (улыбаясь). Это похвально...

Елена. Вы понимаете? Так бы вот схватила его, бросила себе под ноги и раздавила... всё, навсегда!

Тетерев. Несчастье?

Елена. Ну, да! Я его не боюсь, а именно – не-на-ви-жу! Я люблю жить весело, разнообразно, люблю видеть много людей... и я умею делать так, чтобы и мне и тем, кто около меня, жилось легко, радостно...

Тетерев. Паки похвально!

Елена. И – знаете что? Я вам покаюсь... я очень черствая... такая жесткая! Я ведь и людей несчастных не люблю... Понимаете – есть такие люди, которые всегда несчастны, что хотите, делайте с ними! Наденьте на голову такому человеку вместо шляпы – солнце, – что может быть великолепнее! – он все же будет ныть и жаловаться: «Ах, я так несчастен! я так одинок! Никто не обращает на меня внимания... Жизнь темна и скучна... Ох! Ах! Ой! Увы!..» Когда я вижу такого барина, то чувствую злое желание сделать его еще более несчастным...

Тетерев. Милая барыня! Я – тоже покаюсь... Терпеть не могу, когда женщины философствуют, но когда вы рассуждаете, – мне хочется целовать вам ручки...

Елена (лукаво и капризно). Только? И только тогда, когда рассуждаю?.. (Спохватясь.) Ай-ай-ай! Я шучу... дурачусь, тогда как там – страдает человек...

Тетерев (указывая на дверь стариков). И там страдает. И всюду, куда бы вы ни указали пальцем, – везде страдает человек! Такая уж у него привычка...

Елена. А все-таки ему больно...

Тетерев. Разумеется...

Елена. И нужно его пожалеть.

Тетерев. Не всегда... И едва ли даже когда-нибудь человека нужно пожалеть... Лучше – помочь ему.

Елена. Всем не поможешь... и, не пожалевши, – не поможешь...

Тетерев. Барыня! Я рассуждаю так: страдания – от желаний. В человеке есть желания, заслуживающие уважения, и есть желания, не заслуживающие такового. Помогите ему удовлетворить те желания тела, кои необходимы для того, чтоб он был здоров и силен, и те, которые, облагородив его, возвысят над скотом...

Елена (не слушая его). Может быть... может быть и так... Но что там делается? Что

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
она – уснула? Так тихо... что-то шепчут... Старики тоже... ушли, забились в свой угол... Как это странно все! Вдруг – стоны, шум, крики, суета... и вдруг – тишина, неподвижность...

Тетерев. Жизнь! Покричат люди, устанут, замолчат... Отдохнут, – опять кричать будут. Здесь же, в этом доме, – все замирает особенно быстро... и крик боли и смех радости... Всякие потрясения для него – как удар палкой по луже грязи... И последним звуком всегда является крик пошлости, феи здешних мест. Торжествующая или озлобленная, здесь она всегда говорит последней...

Елена (задумчиво). Когда я жила в тюрьме... там было интереснее. Муж у меня был картежник... много пил, часто ездил на охоту. Город – уездный... люди в нем – какие-то... заштатные... Я была свободна, никуда не ходила, никого не принимала и жила с арестантами. Они меня любили, право... они ведь чудаки такие, если рассмотреть их поближе. Удивительно милые и простые люди, уверяю вас! Смотрю я на них, бывало, и мне кажется совершенно невероятным, что вот этот – убийца, этот – ограбил, этот... еще что-нибудь сделал. Спросишь иногда: «Ты убил?» – «Убил, матушка Елена Николаевна, убил... что поделаешь?» И мне казалось, что он, этот убийца, взял на себя чужую вину... что он был только камнем, который брошен чужою силой... да. Я накупила им разных книжек, дала в каждую камеру шашки, карты... давала табак... и вино давала, только понемножку... На прогулках они играли в мяч, в городки, – совсем как дети, честное слово! Иногда я читала им смешные книжки, а они слушали и хохотали... как дети. Я купила птичек, клеток, и в каждой камере была своя птичка... они любили ее – как меня! И знаете, – им ужасно нравилось, когда я надевала что-нибудь яркое, – красную кофточку, желтую... уверяю вас, – они очень любят веселые, яркие цвета! И я нарочно одевалась для них как можно пестрее... (Вздыхнув.) Славно было с ними! Я не заметила, как прошло три года... и когда мужа убила лошадь, я плакала не столько о нем, кажется, сколько о тюрьме... Было жалко уходить из нее... и арестанты тоже... им тоже было грустно... (Оглядывает комнату.) Здесь, в этом городе, мне живется хуже... в этом доме есть что-то... нехорошее. Не люди нехороши, а... что-то другое... Однако, знаете, мне стало грустно... Тяжело как-то... Вот мы с вами сидим, говорим... а там, может быть, умирает человек...

Тетерев (спокойно). И нам его не жалко...

Елена (быстро). Вам не жалко?..

Тетерев. И вам...

Елена (тихо). Да, вы правы! Это... нехорошо, я понимаю... но я не чувствую, что это нехорошо! Вы знаете: ведь так бывает, – понимаешь, что дурно, но не чувствуешь этого... Вы знаете: мне больше жалко его... Петра Васильевича, чем ее... Мне вообще жалко его... ему плохо здесь... да?

Тетерев. Здесь всем плохо...

Поля (входит). Здравств...

Елена (вскакивая, идет к ней). Ш-ш! Тише! Знаете... Таня – отравилась!

Поля. Что-о?

Елена. Ну, да, да.! Вот... там у нее доктор и брат...

Поля. Умирает... умрет?

Елена. Никто не знает...

Поля. Из-за чего? Сказала? Нет?

Елена. Не знаю! Нет!.

Петр (высовывая из двери взлохмаченную голову). Елена Николаевна... на минутку... (Елена быстро уходит.)

Поля (Тетереву). Что вы смотрите на меня... так?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тетерев. Сколько раз вы так спрашивали меня?

Поля. Если все одно и то же... всегда какой-то особый взгляд... зачем? (Подходя вплоть к нему, строго.) Вы что же... меня считаете виноватой... в этом?

Тетерев (усмехаясь). А вы разве чувствуете что-то... вроде вины?

Поля. Чувствую, что все больше... не люблю вас: вот! Вы скажите лучше, – как все это было?

Тетерев. Ее вчера тихонько толкнули, и – слабая – она сегодня упала... вот и все!

Поля. Неправда!

Тетерев. Что – неправда?

Поля. Я знаю, на что вы намекаете... это неправда! Нил:

Тетерев. Разве – Нил? При чем тут нил?

Поля. Ни он, ни я... мы оба ни при чем! Вы... нет! Я знаю, вы вините нас... ну, что же? Ну, я его люблю... и он меня... это давно началось!

Тетерев (серьезно). Ни в чем я вас не виню... это вы сами себя в чем-то обвинили и вот – оправдываетесь пред первым встречным. К чему? Я вас... очень уважаю... Кто говорил вам всегда, постоянно, упорно – уйдите скорее из этого дома, не ходите в этот дом, здесь – нездорово, здесь вам расстроят душу? Это я говорил...

Поля. Ну, что же?

Тетерев. Ничего. Я хотел только сказать, что если б вы сюда не ходили... вам не пришлось бы испытывать того, что вы испытываете сейчас... вот и все!

Поля. Да... Но – как же это она? Опасно? Чем она?

Тетерев. Не знаю...

(Петр и доктор выходят.)

Петр. Поля! Пожалуйста, помогите Елене Николаевне...

Тетерев (Петру). Ну, что?

Доктор. Пустяки, собственно говоря! Вот только субъект нервный, а то – ничего бы... Выпила немного... обожгла пищевод... в желудок проникло спирту, очевидно, тоже мало... да и тот выброшен обратно...

Петр. Вы устали, доктор, присядьте, пожалуйста...

Доктор. Благодарю... С неделю прохворает... Вот у меня на днях был интересный случай... Маляр, в нетрезвом виде, выпил вместо пива чайный стакан лаку...

(Бессемёнов входит. Остановившись у двери своей комнаты, он молча, вопросительно и мрачно смотрит на доктора.)

Петр. Успокойся, отец, это не опасно!

Доктор. Да, да! Не пугайтесь! Через два, три дня она встанет на ноги...

Бессемёнов. Правда ли?

Доктор. Уверяю вас!

Бессемёнов. Ну!.. Спасибо! Коли правда... коли не опасно – спасибо! Петр, ты того... поди-ка сюда...

(Петр подходит к нему. Бессемёнов отступает пред ним в дверь своей комнаты. Шепот, звон денег.)

Тетерев (доктору). Ну, что же маляр?

Доктор. Э... как-с?

Тетерев. Что же маляр?

Доктор. А! Маляр... ничего, выздоровел... гм... Я, кажется, встречался с вами... где-то?

Тетерев. Может быть...

Доктор. Вы... э... не лежали в тифозном бараке?

Доктор (радостно). Ага! Вот, вот! То-то, я смотрю, – знакомое лицо... Позвольте... это было весной? да? Кажется, я помню даже имя и фамилию вашу...

Тетерев. И я вас помню...

Доктор. Да?

Тетерев. Помню. Когда я стал оправляться и попросил вас увеличить мне порцию, вы скорчили прескверную рожу и сказали мне: «Будь доволен тем, что дают. Вашего брата, пьяниц и бродяг, много»...

Доктор (растерянно). Позвольте! Это... этого... Извините!.. вы... ваше имя... я – врач Николай Троеруков... а...

Тетерев (подходя к нему). А я – потомственный алкоголик и кавалер Зеленого Змия Терентий Богословский. (Доктор отступает пред ним.) Не бойся, не трону... (Проходит мимо. Доктор растерянно смотрит вслед ему, обмахиваясь шляпой. Входит Петр.)

Доктор (оглядываясь на дверь в сени). До свидания однако! Меня ждут... В случае, если она будет жаловаться на боль... повторите... дайте ей еще... капель... Сильной боли не должно быть... До свидания!.. А-а... скажите, тут был сейчас такой... оригинальный господин... он ваш родственник?..

Петр. Нет, это нахлебник...

Доктор. Ага!.. Очень приятно!.. Большой оригинал! До свидания... благодарю вас! (Уходит. Петр провожает его в сени. Бессемёнов и Акулина Ивановна выходят из своей комнаты и осторожно, ступая на носки, подвигаются к двери в комнату дочери.)

Бессемёнов. Погоди, не ходи туда... Ничего не слышать. Может, спит она... не разбудить бы... (Отводит старуху в угол к сундуку.) Н-да, мать! Вот и дожили... до праздника! Говору, сплетни будет теперь по городу – без конца...

Акулина Ивановна. Отец! Что ты? То ли говоришь? Да хоть во все трубы пускай трубят... только бы жива-то осталась! Во все колокола пусть звонят... Бессемёнов. Ну, да... я знаю... это так!.. Только ты... эхма! Не понимаешь ты! Ведь – позор это нам с тобой!

Акулина Ивановна. А ну... какой позор?

Бессемёнов. Дочь отравилась, пойми! Что мы ей – какую боль причинили? Чем огорчили? Что мы – звери для нее? А будут говорить разное... Мне – наплевать, я все ради детей стерплю... но только – зачем? Из-за чего? Хоть бы знать... Дети! Живут – молчат... Что в душе у них? Неизвестно! Что в головах? Неведомо! Вот – обида!

Акулина Ивановна. Я понимаю... ведь и мне обидно! Все-таки я – мать... Хлопочешь, хлопчешь целый день, и спасибо никто не скажет... я понимаю! Да что уж... хоть бы живы-здоровы были... а то вот на-ко!

Поля (выходит из комнаты Татьяны). Она засыпает... Вы потише...

Бессемёнов (вставая). Ну, как она, что? Посмотреть-то можно?

Акулина Ивановна. Я войду тихонечко? Мы вот с отцом...

Поля. Доктор не велел пускать никого...

Бессемёнов (подозрительно). Ты почему знаешь? Тебя при докторе не было еще...

Поля. Мне Елена Николаевна передала.

Бессемёнов. А она – там? Ишь ты... чужому человеку можно, родным – нельзя. Удивительно...

Акулина Ивановна. Обедать-то надо в кухне... чтобы не беспокоить ее... Милая моя!.. И взглянуть нельзя...

(Махнув рукой, уходит в сени. Поля стоит, прислонясь к шкафу и глядя на дверь в комнату Татьяны. Брови у нее нахмурены, губы сжаты, стоит она прямо. Бессемёнов сидит у стола, как бы ожидая чего-то.)

Поля (тихо). Отец мой не был здесь сегодня?

Бессемёнов. Совсем ты не про отца спрашиваешь. Что тебе отец? Знаю я, кого тебе надо... (Поля удивленно смотрит на него.) Отец твой был... да! Грязный, оборванный, лишенный всякого порядочного подobia... Но все-таки ты его должна уважать...

Поля. Я уважаю... Почему вы это... говорите?

Бессемёнов. Чтоб ты понимала... Твой отец бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить из его воли... Но разве вы понимаете – что такое отец?... Все вы – бесчувственные... Ты вот... девушка бедная, бесприютная, ты бы должна быть скромной... ласковой со всеми... а ты – туда же! – пускаешься рассуждать, подражаешь образованным людям. Н-да. Вот ты замуж выходишь... а тут человек едва жизни не лишил себя...

Поля. Я не понимаю, что вы говорите... и зачем?

Бессемёнов (видимо, сам утратив связь своих мыслей, раздражается). Понимай: думай... затем и говорю, чтобы понимала ты! Кто ты? А однако вот... выходишь замуж! Дочь же моя... чего торчишь тут? Иди-ка в кухню... делай что-нибудь... Я покараулю... иди! (Поля, с недоумением глядя на него, хочет идти.) Постой! Давеча я... крикнул на твоего отца...

Поля. За что?

Бессемёнов. Не твое дело! Ступай... иди! (Поля уходит удивленная. Бессемёнов тихо идет к двери Татьяны и, приотворив ее, хочет заглянуть. Елена выходит и отстраняет его.)

Елена. Не ходите, она спит, кажется! Не беспокойте ее...

Бессемёнов. Мм... Нас беспокоят все... это ничего! А вас – нельзя...

Елена (удивленно). Что вы говорите? Да ведь она же больная!..

Бессемёнов. Знаю я... Все знаю... (Уходит в сени. Елена пожимает плечами вслед ему. Проходит к окнам, садится на кушетку и, закинув руки за шею, о чем-то думает. На лице у нее является улыбка, она мечтательно закрывает глаза. Петр входит, сумрачный, растрепанный. Он встряхивает головой, как бы желая сбросить с нее что-то. Видит Елену, останавливается.)

Елена (не открывая глаз). Это кто?

Петр. Чему вы смеетесь? Странно видеть улыбающееся лицо... теперь... после этого...

Елена (взглянув на него). Вы – сердитый? Устали? Бедный мальчик... Как мне жалко вас...

Петр (садясь на стул рядом с нею). Мне самому жалко себя.

Елена. Вам надо уехать куда-нибудь...

Петр. Да, надо. В сущности – зачем я здесь? Меня страшно тяготит эта жизнь...

Елена. Как бы вы хотели жить? Скажите!.. Я часто спрашивала вас об этом... но вы не ответили, никогда...

Петр. Трудно быть откровенным...

Елена. Со мной?

Петр. И с вами... Разве я знаю... как вы относитесь ко мне? Как отнесетесь к тому, что я мог бы вам сказать? Иногда мне кажется, что вы...

Елена. Что я? Ну...

Петр. Что вы хорошо...

Елена. Я отношусь к вам очень, очень хорошо! Славный вы мой... мальчик!

Петр (горячо). Я не мальчик, нет! Я много думал. Слушайте, скажите... вам нравится – вам интересна вся эта возня, которой занимается Нил, Шишкин, Цветаева – все эти шумные люди?... Вы можете верить, что совместные чтения умных книг, спектакли для рабочих... разумные развлечения... и вся эта суетность – действительно, важное дело, ради которого и следует жить? Скажите...

Елена. Голубчик! Ведь я необразованный человек... я не могу судить, не понимаю. Я ведь – несерьезная... Они – мне нравятся все, и Нил, и Шишкин... Веселые, всегда что-то делают... Я люблю веселых людей... сама такая же. К чему вы это спросили?

Петр. А... меня раздражает все это! Если они любят жить так... если находят в этом удовольствие – пожалуйста! Я не мешаю... я не хочу никому мешать, но не мешайте и мне жить так, как я хочу! Зачем они влагают в свои действия какой-то особый смысл... Зачем говорят мне, что я трус, эгоист...

Елена (дотрагиваясь до его головы). Его замучили: устал он...

Петр. Нет, я не устал... я только раздражен. Я – имею право жить, как мне нравится, мне! Я имею это право?

Елена (играя его волосами). Это опять мудреный вопрос для меня... Я одно знаю – сама я живу, как умею, делаю, что хочу... и, если меня будут убеждать идти в монастырь, – не пойду! Заставят, – убегу, утоплюсь...

Петр. Вы больше бываете с ними, чем со мной, вы... вам они больше нравятся, чем я! Я чувствую это... Но я хочу сказать – я могу это сказать! – они – пустые бочки.

Елена (удивленно). Что? Какие...

Петр. Пустые бочки... есть басня о бочках...

Елена. Ах, знаю... Однако... ведь и я тоже... значит, и я пустая?

Петр. О, нет! Вы – нет! Вы – живая, вы, как ручей, освежаете человека!

Елена. Ба! Значит, я, по-вашему, холодная?

Петр. Не шутите! Я прошу вас! Этот момент... но вы смеетесь! Зачем? Разве я смешон? Я – жить хочу! Хочу жить... по своему разумению... по своей воле...

Елена. Живите! Кто мешает?

Петр. Кто? Кто-то есть... есть что-то! Когда я думаю, что вот как надо жить – одному, независимо... мне кажется, что кто-то говорит – нельзя!

Елена. Совесть?

Петр. При чем тут совесть? Я... не... разве я хочу сделать преступление? Я хочу только быть свободным... я хочу сказать...

Елена (наклоняясь к нему). Это говорится не так! Это гораздо проще нужно говорить! Я помогу вам, бедненький мальчик... чтоб вам не путать таких простых вещей...

Петр. Елена Николаевна! Вы... мучаете меня... шутками! Это жестоко! Я хочу сказать вам... вот я весь пред вами!

Елена. Опять не то!

Петр. Я, очевидно, слабый человек... эта жизнь, – не по силам мне! Я чувствую ее пошлость, но ничего не могу изменить, ничего не в состоянии внести... Я хочу уйти, жить один...

Елена (взяв его голову в руки). Говорите за мной, повторяйте: я вас люблю!

Петр. О, да! да! Но... нет. Вы шутите!..

Елена. Право же, я совершенно серьезно и давно решила выйти за вас замуж! Может быть, это нехорошо... но мне очень хочется этого...

Петр. Но... как я счастлив! Я люблю вас, как... (За стеною – стон Татьяны. Петр вскакивает, растерянно оглядываясь вокруг. Елена встает с места спокойно. Петр тихо.) Это... Таня? А мы... тут...

Елена (проходя мимо его). Мы не сделали ничего дурного...

Голос Татьяны. Пить... дайте пить...

Елена. Иду... (Улыбаясь Петру, уходит. Петр стоит, схватив голову руками, и растерянно смотрит пред собой. Дверь из сеней отворяется, и Акулина Ивановна громко шепчет.)

Акулина Ивановна. Петя! Петя – ты где?..

Петр. Здесь...

Акулина Ивановна. Иди обедать...

Петр. Не хочу... не пойду...

Елена (выходит). Он пойдет ко мне...

(Акулина Ивановна недовольно оглядывает ее и скрывается.)

Петр (бросаясь к Елене). Как это вышло... нехорошо! Там она лежит... а мы... мы...

Елена. Идемте-ка... Что тут нехорошего? Даже в театре после драмы дают что-нибудь веселое... а в жизни это еще более необходимо...

(Петр прижимается к ней, и она уводит его под руку.)

Татьяна (стонет хрипло). Лена!.. Лена!..

(Вбегает Поля.)

Занавес

Действие Четвертое
Та же комната.

Вечер. Комната освещена лампой, стоящей на столе. Поля собирает посуду для чая. Татьяна, больная, лежит на кушетке в углу, в полутьме. Цветаева – на стуле около нее.

Татьяна (тихо, укоризненно). Думаешь, я не хотела бы смотреть на жизнь вот так же весело и бодро, как ты? О, я хочу... но – не могу! Я родилась без веры в сердце... Я научилась рассуждать...

Цветаева. Голубчик! Ты слишком много рассуждаешь... А ведь – ты согласишься, – не стоит быть умным человеком для того, чтоб только рассуждать... Рассудок – это хорошо, но... видишь ли, чтоб человеку жилось не скучно и не тяжело, он должен быть немножко фантазером... он должен, – хоть не часто, – заглядывать вперед, в будущее...

(Поля, внимательно слушая речь Цветаевой, улыбается ласково, задумчиво.)

Татьяна. Что там, впереди?

Цветаева. Все, что захочешь видеть!

Татьяна. Да-а... нужно выдумать!

Цветаева. Поверить нужно...

Татьяна. Во что?

Цветаева. В свою мечту. Ты знаешь... когда я смотрю в глаза моих мальчишек, я думаю о них: вот Новиков. Он кончит школу, пойдет в гимназию... потом – университет... он будет доктором, мне кажется! Такой солидный мальчик, внимательный, добрый... лоб у него – огромный. Он очень любящий... он будет очень много работать, бескорыстный, славный... и люди будут его очень любить, уважать... я это знаю! И однажды, вспоминая свое детство, он вспомнит, как учительница Цветаева, играя с ним во время перемены, разбила ему нос... А может, и не вспомнит... ну, все равно!.. Нет, вспомнит, я думаю... он очень любит меня. Есть у меня рассеянный, растрепанный, всегда чумазый Клоков. Он вечный спорщик, задира, озорник. Он – сирота, живет у дяди, ночного сторожа... он – почти нищий... но такой гордый, смелый! Я думаю – он будет журналистом. Ах, сколько у меня интересных мальчишек! И как-то невольно всегда думаешь о том, что будет с ними, какую роль они сыграют в жизни... Ужасно интересно представлять себе, как будут жить мои ученики... Ты видишь, Таня, это ведь немного... но если б ты знала, как приятно!

Татьяна. А ты? Где ты сама? Твои ученики будут жить... быть может, очень хорошо... а ты тогда уже...

Цветаева. Умру? Вот еще! Нет, я намерена жить долго...

Поля (негромко, ласково, как бы вздыхая). Какая милая вы, Маша! Какая славная...

Цветаева (улыбаясь Поле). Запела коноплянка... Ты знаешь, Таня, я не сентиментальна... но когда подумаю о будущем... о людях в будущем, о жизни – мне делается как-то сладкогрустно... как будто в сердце у меня сияет осенний, бодрый день... знаешь – бывают такие дни осенью: в ясном небе – спокойное солнце, воздух – глубокий, прозрачный, вдали все так отчетливо... свежо, но не холодно, тепло, а не жарко...

Татьяна. Все это... сказки... Я, впрочем, допускаю... быть может, вы – ты, Нил, Шишкин – и все похожие на вас... быть может, вы, действительно, способны жить мечтами... Я – не могу.

Цветаева. Нет, подожди... Ведь не одни мечты...

Татьяна. Мне ничто, никогда не казалось достоверным... кроме того разве, что вот это – я, это – стена... Когда я говорю – да или – нет... я это говорю не по убеждению... а как-то так... я просто отвечаю, и – только. Право! Иногда скажешь – нет! и тотчас же подумаешь про себя – разве? а может быть, – да?

Цветаева. Тебе нравится это... Присмотриська к себе, – не находишь ли ты что-то приятное для себя в таком... раздвоении души? А может быть, – ты боишься верить... ведь вера – обязывает...

Татьяна. Не знаю... не знаю. Заставь меня поверить. Ведь вот – других вы

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru заставляете верить вам... (Тихо смеется.) А мне жалко людей, которые верят вам... ведь вы их обманываете! Ведь жизнь всегда была такая, как теперь... мутная, тесная... и всегда будет такая!

Цветаева (улыбаясь). Разве? А может быть, – нет?

Поля (как бы про себя). Нет!

Татьяна. Ты что сказала?

Поля. Я говорю – не будет!

Цветаева. Молодец, тихая птичка коноплянка!

Татьяна. Вот одна из несчастных... верующих. А спроси ты ее, – почему нет? Почему изменится жизнь? Спроси...

Поля (тихо подходя поближе). Ведь, видите, какое дело, – не все еще люди живут! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству их жить-то и некогда совсем... они только работают, куска хлеба ради... а вот, когда и они...

Шишкин (входит быстро). Добрый вечер! (Поле.) Здравствуйте, русоволосая дочь короля Дункана.

Поля. Что? Какого короля?

Шишкин. Ага-а! Поймал! Вижу теперь, что Гейне-то вы не читали, хотя книжка у вас находится более двух недель. Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

Татьяна (протягивая руку). Ей теперь не до книг... Она выходит замуж...

Шишкин. Но-о? За кого это? а?

Цветаева. За Нила...

Шишкин. А-а! В этом случае – еще могу поздравить... Но, вообще говоря, это не умная штука – жениться, выходить замуж и прочее в этом духе... Брак при современных условиях...

Татьяна. Ой, нет, не надо! Избавьте! Вы уже не однажды высказывались по этому поводу...

Шишкин. Когда так, – молчу! Кстати – мне и некогда. (Цветаевой.) Вы идете со мной? Прекрасно! Петра – нет?

Поля. Он наверху...

Шишкин. Мм... Нет, не пойду к нему! Я попрошу вас, Татьяна Васильевна... или вас, Поля... скажите ему, что я... опять того, знаете... то есть, что урок у Прохорова – свободен...

Цветаева. Опять? Ну, не везет вам!

Татьяна. Вы поругались?

Шишкин. Собственно говоря... не очень! Я – сдержанно...

Цветаева. Но – из-за чего? Ведь вы же сами хвалили Прохорова?..

Шишкин. Увы! Хвалил... черт побери! И, в сущности, он... порядочнее многих... неглуп... немножко вот – хвастун... болтлив и вообще (неожиданно и горячо) – порядочная скотина!

Татьяна. Едва ли теперь Петр станет доставать вам уроки...

Шишкин. Н-да, пожалуй, рассердится он...

Цветаева. Да что у вас вышло с Прохоровым?

Шишкин. Представьте себе, он – антисемит!

Татьяна. А вам какое дело до этого?

Шишкин. Ну, знаете... неприлично это! Недостойно интеллигентного человека! И вообще он – буржуй! Хотя бы такая история: его горничная ходила в воскресную школу. Чудесно! Он же сам прескучно доказывал мне пользу воскресных школ... о чем я его совсем не умолял! Он даже хвастался, что я-де один из инициаторов устройства школы. И вот недавно, в воскресенье, приходит он домой и – ужас! Дверь отворяет не горничная, а нянька! Где Саша? В школе. Ага! И – запретил горничной посещать школу! Это как назвать, по-вашему?

(Татьяна пожимает плечами молча.)

Цветаева. А такой он говорун...

Шишкин. Вообще говоря, Петр, точно на смех, достает мне уроки всё у каких-то шарлатанов.

Татьяна (сухо). Помнится, вы очень хвалили казначея...

Шишкин. Да... конечно... старикашка милый Но – нумизмат! Сует мне под нос разные медяшки и говорит о цезарях, диадохах и разных там фараонах с колесницами. Одолел, – сил моих нет! Ну, я ему и говори: «Послушайте, Викентий Васильевич! А по-моему, все это – ерунда! Любой бульжник древнее ваших медяков!» Он – обиделся. «Что же, говорит, я пятнадцать лет жизни на ерунду убил?» Я же – ответил утвердительно. При расчете он полтину мне не додал... очевидно, оставил ее для пополнения коллекции. Но это – пустяки... а вот с Прохоровым я... н-да... (Уныло.) Скверный у меня характер! (Торопливо.) Слушайте, Марья Никитишна, идемте, пора!

Цветаева. Я готова. До свидания, Таня! Завтра воскресенье... я приду к тебе с утра...

Татьяна. Спасибо. Мне... право, кажется, что я какое-то ползучее растение у вас под ногами... ни красы во мне, ни радости... а идти людям я мешаю, цепляясь за них...

Шишкин. Какие вредные мысли, фу-у!

Цветаева. Обидно слышать это, Таня...

Татьяна. Нет, погоди... ты знаешь? Я понимаю: поняла жестокую логику жизни: кто не может ни во что верить – тот не может жить... тот должен погибнуть... да!

Цветаева (улыбаясь). Разве? А может быть, нет?

Татьяна. Ты передразниваешь меня... ну, стоит ли? Смеяться надо мною... стоит ли?

Цветаева. Нет, Таня, нет, милая! Все это говорит твоя болезнь, усталость, а не ты... Ну, до свидания! И не считай нас жесткими и злыми...

Татьяна. Идите... до свидания!

Шишкин (Поле). Ну-с, когда же вы будете читать Гейне? Ах да, вы замуж... гм! Против этого можно бы коечто сказать... но – до свидания! (Уходит вслед за Цветаевой. Пауза.)

Поля. Наверно, скоро всенощная кончится... Сказать, чтоб подавали самовар?

Татьяна. Едва ли старики будут пить чай... Как хочешь, впрочем. (Пауза.) Раньше тишина тяготила меня, а теперь мне приятно, что у нас тихо.

Поля. Вам не пора ли принять лекарство?

Татьяна. Нет еще... Последние дни у нас было так суетно, крикливо. Какой шумный этот Шишкин...

Поля (подходя к ней). Хороший он...

Татьяна. Добрый... но глупый...

Поля. Славный он, смелый. Где что увидит несправедливое – сейчас вступается. Вот – горничную заметил. А кто замечает, как живут горничные и другие люди, служащие богатым? И если заметит кто, – разве вступится?

Татьяна (не глядя на Полю). Скажи мне, Поля... Ты не боишься... за Нила замуж идти?

Поля (спокойно, с удивлением). Чего же мне бояться? Нет, ничего, я не боюсь...

Татьяна. Чего?.. А я... боялась бы. Я говорю с тобой об этом потому, что... люблю... тебя! Ты не такая, как он. Ты – простая... он – много читал, он уж образованный. Ему, может быть, скучно с тобой... Ты думала об этом, Поля?

Поля. Нет. Я знаю, он меня любит...

Татьяна (с досадой). Как можно это знать...

(Тетерев вносит самовар.)

Поля. Вот спасибо вам! Пойду за молоком. (Уходит.)

Тетерев (он с похмелья, опухший). Иду мимо кухни, а Степанида взмолилась: «Батюшка! Внеси самовар! Я, говорит, тебе, когда понадобится, огурчика дам, рассольцу...» Соблазнился я, чревоугодник:

Татьяна. Вы уже ото всеобщей?

Тетерев. Нет, не ходил сегодня. Башка трещит. Вы – как? Лучше чувствуете себя?

Татьяна. Ничего, спасибо. Меня об этом спрашивали раз двадцать в день... Я чувствовала бы себя еще лучше, если б у нас было менее шумно. Меня немножко раздражает эта беготня... все куда-то стремятся, кричат. Отец – злится на Нила, мать – все вздыхает... А я лежу, наблюдаю и... не вижу смысла в том, что они... все эти... называют жизнью.

Тетерев. Нет, любопытно! Я человек посторонний, не причастный делам земли... живу из любопытства и нахожу, что здесь – довольно интересно.

Татьяна. Вы невзыскательны, я знаю. Но – что ж тут интересного?

Тетерев. А вот – люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда в театре музыканты настраивают скрипки и трубы. Ухо ловит множество отдельных верных нот, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорее услышать, – что именно будут играть музыканты? Кто из них солист? Какова пьеса? Вот и здесь тоже... настраиваются...

Татьяна. В театре... да. Там приходит дирижер, взмахивает палочкой, и музыканты скверно, бездушно играют какую-нибудь старую, избитую вещь. А здесь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

Тетерев. Кажется что-то фортиссимо...

Татьяна. Посмотрим. (Пауза. Тетерев раскуривает трубку.) Зачем вы трубку курите, а не папиросы?

Тетерев. Удобнее. Ведь я – бродяга, большую часть года провожу в дороге. Вот опять скоро уйду. Установится зима, и я – в путь.

Татьяна. Куда?

Тетерев. Не знаю... Да ведь это все равно...

Татьяна. Замерзнете где-нибудь... нетрезвый...

Тетерев. В дороге – никогда не пью... А и замерзну – что ж в этом? Лучше замерзнуть на ходу, чем сгнить, сидя на одном месте...

Татьяна. Это вы на меня намекаете?

Тетерев (испуганно вскакивая). Боже упаси! Что вы? Разве я... я не зверь!

Татьяна (с улыбкой). Да вы не беспокойтесь. Меня ведь это не обижает. У меня потеря болевой чувствительности.

(С горечью.) Все знают, что меня нельзя обидеть. Нил, Пелагея, Елена, Маша... Они ведут себя, как богачи, которым нет дела до того, что чувствует нищий... что думает нищий, когда видит, как они кушают редкие яства...

Тетерев (сморщив лицо, сквозь зубы). Зачем унижение? Надо уважать себя...

Татьяна. Ну, хорошо... оставим это! (Пауза.) Скажите мне что-нибудь... про себя! Вы никогда не говорите о себе... Почему?

Тетерев. Предмет большой, но неинтересный.

Татьяна. Нет, скажите! Почему вы... так странно живете? Вы кажетесь мне умным, даровитым... Что случилось с вами в жизни?..

Тетерев (скалит зубы). Что случилось? О, это длинная и скучная история... если ее рассказывать своими словами...

Я –

Солнца, счастья шел искать...

Наг и бос вернулся вспять,

И белье и упованья

Истаскал в своем скитанье.

Но это объяснение красиво слишком для меня... хотя оно и кратко. К нему добавить надо, что в России удобнее, спокойнее быть пьяницей, бродягой, чем трезвым, честным, дельным человеком. (Входят Петр и Нил.) Только люди безжалостно прямые и твердые, как мечи, – только они пробьют... А! Нил! Откуда?

Нил. Из депо. И после сражения, в котором одержал блестящую победу. Этот дубиноголовый начальник депо...

Петр. Наверное, тебя скоро прогонят со службы...

Нил. Другую найду...

Татьяна. Знаешь, Петр, Шишкин поругался с Прохоровым и, не решаясь сказать это тебе лично...

Петр (сердито, раздражаясь). Черт бы его побрал! Это... возмутительно! В какое идиотское положение он ставит меня перед Прохоровым? И, наконец, лишает возможности быть полезным другому товарищу...

Нил. Ты погоди сердиться! Узнал бы прежде – кто виноват?

Петр. Я это знаю!

Татьяна. Шишкину не понравилось, что Прохоров антисемит...

Нил (смеясь). Ах, милый петушок!

Петр. Ну, да! Тебе это нравится. Ты тоже совершенно лишен чувства уважения к чужим взглядам... дикие люди!

Нил. Постой! Ты сам-то разве склонен юдофоба уважать?

Петр. Я ни в каком случае не сочту себя вправе хватать человека за глотку!

Нил. А я – схвачу...

Тетерев (разглядывая спорящих поочередно). Хватай!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Петр. Кто дал... кто дал вам это право?

Нил. Прав – не дают, права – берут... Человек должен сам себе завоевать права, если не хочет быть раздавленным грудой обязанностей...

Петр. Позволь!..

Татьяна (тоскливо). Ну, закипает спор... бесконечный спор! Как вам не надоедает?..

Петр (сдерживаясь). Извини, я не стану больше! Но, право же, – ведь этот Шишкин ставит меня...

Татьяна. Я понимаю... он глупый!

Нил. Он славный парень! Не только не позволит наступить себе на ногу, – сам первый всякому наступит! Хорошо иметь в себе столько чувства человеческого достоинства...

Татьяна. Столько ребячества, хотел ты сказать?

Нил. Нет, я не ошибся. Но пусть – это ребячество – и все-таки хорошо!

Петр. Смешно...

Нил. Н-ну, когда единственный кусок хлеба отшвыривается прочь только потому, что его дает несимпатичный человек...

Петр. Значит, тот, кто швыряется хлебом, недостаточно голоден... Я знаю, – ты будешь возражать. Ты сам таков... ты тоже... школьник... Вот ты на каждом шагу стараешься показать отцу, что у тебя нет к нему ни капли уважения... зачем это?

Нил. А зачем это скрывать?

Тетерев. Дитя мое! Приличие требует, чтоб люди лгали...

Петр. Но какой смысл в этом? Какой?

Нил. Мы, брат, не пойдем друг друга... нечего и говорить. Все, что делает и говорит твой отец, – мне противно...

Петр. Мне тоже противно... может быть! Однако я сдерживаюсь. А ты постоянно раздражаешь его... и это раздражение оплачиваем мы – я, сестра...

Татьяна. Да будет вам! Ведь скучно же это!

(Нил, взглянув на нее, отходит к столу.)

Петр. Тебя беспокоит разговор?

Татьяна. Мне надоело! Одно и то же... всегда одно и то же!

(Входит Поля с кринкой молока в руке. Видя, что Нил мечтательно улыбается, она оглядывает публику и говорит.)

Поля. Смотрите, какой блаженный!

Тетерев. Ты что смеешься?

Нил. Я? Я вспоминаю, как отчитывал начальника депо... Интересная штука – жизнь!

Тетерев (густо). Аминь!

Петр (пожимая плечами). Удивляюсь! Слепыми, что ли, родятся оптимисты?

Нил. Оптимист я или что другое, – это неважно, – но жить – мне нравится! (Встает и ходит.) Большое это удовольствие – жить на земле!

Тетерев. Да, любопытно!

Петр. Вы оба – комики, если вы искренние люди!

Нил. А ты... уж я не знаю – как тебя назвать? Я знаю, – и это вообще ни для кого не тайна, – ты влюблен, тебя – любят. Ну, вот хотя бы по этому поводу – неужели тебе не хочется петь, плясать? Неужели и это не дает тебе радости? (Поля гордо смотрит на всех из-за самовара. Татьяна беспокойно ворочается, стараясь видеть лицо Нила. Тетерев, улыбаясь, выколачивает пепел из трубки.)

Петр. Ты забываешь кое-что. Во-первых – студентам жениться не позволено; во-вторых – мне придется выдержать баталию с родителями; в-третьих...

Нил. Батюшки! Да ведь это что же? Ну, тебе остается одно – беги! Беги в пустыню!..

(Поля улыбается.)

Татьяна. Ты балаганишь, Нил...

Нил. Нет, Петруха, нет! Жить, – даже и не будучи влюбленным, – славное занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождем и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя – нет пространства, все на земле закрыто тьмой, завалено снегом, – утомительно ездить в такую пору, трудно... опасно, если хочешь! – и все же в этом есть своя прелесть! Все-таки есть! В одном не вижу ничего приятного, – в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь – не вся за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле. Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!..

Петр. Не раз я слышал эти речи. Посмотрим, как тебе ответит жизнь на них!

Нил. Я заставлю ее ответить так, как захочу. Ты – не стражай меня! Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь – тяжела, что порою она омерзительно жестка, что разнузданная, грубая сила жмет и давит человека, я знаю это, – и это мне не нравится, возмущает меня! Я этого порядка – не хочу! Я знаю, что жизнь – дело серьезное, но неустроенное... что оно потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я – не богатырь, а просто – честный, здоровый человек, и я все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и эдак... тому – помешать, этому – помочь... вот в чем радость жизни!

Тетерев (усмехаясь). Вот смысл глубочайший науки! Вот смысл философии всей! А всякой другой философии – ан-нафема!

Елена (в двери). По какому поводу здесь кричат и махают руками?

Нил (бросаясь к ней). Барыня! Вы меня поймете! Я пел сейчас славу жизни! Ну, говорите: жизнь – удовольствие!

Поля (негромко). Жить – очень хорошо!

Елена. Кто против этого?

Нил (Поле). Эх, ты... тихая моя!

Елена. При мне – не любезничать!

Петр. Черт знает что такое! Точно пьяный...

(Татьяна, откинув голову на спинку кушетки, медленно поднимает руки и закрывает лицо свое.)

Елена. Постойте! Вы собрались пить чай? А я пришла звать вас к себе... Ну, и я останусь с вами, – у вас сегодня весело. (Тетереву.) Только вы, мудрый ворон, вы один нахохлились – чего ради?

Тетерев. Мне тоже весело. Только я люблю веселиться молча, а скучать – громко...

Нил. Как все большие, умные, угрюмые псы...

Елена. Я никогда не видела вас ни грустным, ни веселым, а только философствующим. Знаете, господа, – знаешь, Таня, – он обучает меня философии. Вчера прочитал целую лекцию о некотором законе достаточного основания... эх! я забыла, как этот удивительный закон выражается... в каких словах? В каких?

Тетерев (улыбаясь). Нет ничего без основания, почему оно есть...

Елена. Вы слышите? Вот я какие мудрые штуки знаю! Вы вот не знаете, что закон этот являет собой – являет, это самое настоящее философское слово! – являет собой... что-то вроде зуба, потому что у него четыре корня... верно?

Тетерев. Не смею спорить...

Елена. Ну, конечно! Посмели бы вы! Корень первый – а может, и не первый – закон достаточного основания бывания... бывание – это материя в формах... вот я – материя, принявшая – не без основания – форму женщины... но зато – без всякого уже основания – лишённая бытия. Бытие – вечно, а материя в формах – побывает на земле и – фьюить! Верно?

Тетерев. Ладно, сойдет...

Елена. Еще я знаю, что существует каузальная связь, априори и апостериори, но кто они такие, – забыла! И если я от всех этих премудростей не стану лысой, так буду умной! А самое интересное и премудрое во всей философии вот что: зачем вы, Терентий Хрисанфович, говорите мне о философии?

Тетерев. Потому, во-первых, что посмотреть мне на вас очень приятно...

Елена. Спасибо! Во-вторых, наверное неинтересно...

Тетерев. Во-вторых, потому, что, только философствуя, человек не лжет, ибо, философствуя, он просто – выдумывает...

Елена. Ничего не поняла! Да, Таня, как ты себя чувствуешь? (Не дожидаясь ответа.) Петр... Васильевич! Вы чем недовольны?

Петр. Собой.

Нил. И всем остальным?

Елена. Знаете, – мне ужасно хочется петь! Как жаль, что сегодня суббота и всенощная еще не отошла... (Входят старики.) А! вот идут богомольцы! Здравствуйте!

Бессемёнов (сухо). Наше вам почтение...

Акулина Ивановна (тоже недовольно). Здравствуйте, матушка! Только мы вас уж видели сегодня.

Елена. Ах, да! Я позабыла... Ну, что же... в церкви... жарко было?

Бессемёнов. Мы не затем туда ходили, чтобы климат измерять...

Елена (смущаясь). О, разумеется... я хотела спросить не о том... я хотела спросить... много было народа?

Акулина Ивановна. Не считали мы, матушка...

Поля (Бессемёнову). Чай пить – будете?

Бессемёнов. Сначала поужинаем... Мать, ты поди-ка, приготовь там. (Акулина Ивановна уходит, шмыгая носом. Все молчат. Татьяна встает и переходит к столу, поддерживаемая Еленой. Нил садится на место Татьяны. Петр шагает по комнате. Тетерев, сидя около пианино, следит за всеми, улыбаясь. Поля – у самовара. Бессемёнов сидит в углу, на сундуке.) Какой народ стал – вор, даже удивительно! Давеча, как шел я с матерью в церковь, – дощечку положил у ворот, через грязь, чтобы пройти. Назад идем, а дощечки уж нету... стащил какой-то жулик. Большой разврат пошел в жизни... (Пауза.) В старину жуликов меньше было... всё больше

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorki.umaxim.ru
разбойничали люди, потому – крупнее душой были все... стыдились из-за пустяков
совесть тревожить... (На улице, за окном, раздаётся пение и звуки гармоники.) Ишь...
поют. Суббота, а они поют... (Пение приближается, поют в два голоса.) Наверное –
мастеровые. Чай, пошашили, сходили в кабак, пропили заработок и дерут глотку...
(Пение под окнами. Нил, прислонив лицо к стеклу, смотрит на улицу.) Поживут
эдак-то год... много – два, и – готовы! Золоторотцами будут... жуликами...

Нил. Кажется, это Перчихин...

Акулина Ивановна (из двери). Отец, иди ужинать...

Бессемёнов (вставая). Перчихин... тоже вот... бесполезной жизни человек... (Уходит.)

Елена (проводив его взглядом). А у меня... удобнее чай пить...

Нил. Вы очень остроумно разговаривали со стариками.

Елена. Я... он меня смущает... Он не любит меня... и мне это как-то... неприятно... даже
обидно! За что меня не любить?

Петр. Он, в сущности, добрый старик... но у него большое самолюбие...

Нил. И он немножко жаден... немножко зол.

Поля. Ш-ш! Зачем говорить так о человеке за глаза? Нехорошо!

Нил. Нет, быть жадным нехорошо...

Татьяна (сухо). Я предлагаю оставить... этот предмет без обсуждения... Отец может
каждую минуту войти... Последние три дня он... не ругался... старается со всеми быть
ласковым...

Петр. И это ему стоит не дешево...

Татьяна. Надо ценить это... Он стар... он не виноват в том, что родился раньше нас...
и думает не так, как мы... (Раздражаясь.) Сколько жестокости в людях! Как все мы
грубы, безжалостны... Нас учат любить друг друга... нам говорят: будьте добрыми...
будьте кротки...

Нил (в тон ей). И садятся верхом на шею нам и едут на нас...

(Елена хохочет. Поля и Тетерев улыбаются. Петр что-то хочет сказать Нилу и идет
к нему. Татьяна укоризненно качает головой.)

Бессемёнов (входит, окидывает Елену недружелюбным взглядом). Пелагея! Там в
кухне – твой отец... Поди-ка да скажи ему... чтоб он... в другой раз пришел... когда
будет тверезый... да! Ты-де, папаша, иди домой... и все такое!

(Поля и Нил за нею – уходят)

Бессемёнов. Вот... поди и ты... Погляди-ка на будущего... мм... (Обрывается, садится за
стол.) Вы что... молчите? Я замечаю, что как я в дверь – вы все сожмете губы...

Татьяна. Мы... и без вас... не много говорим...

Бессемёнов (глядя исподлобья на Елену). А над чем смеялись?

Петр. Так это... пустяки! Нил...

Бессемёнов. Нил! Все от него идет... я так и знал...

Татьяна. Налить вам чаю?

Бессемёнов. Налей...

Елена. Дай, Таня, я налью...

Бессемёнов. Нет, зачем вам беспокоиться? Мне дочь нальет...

Петр. Я думаю, – ведь все равно, кто нальет? Таня нездорова...

Бессемёнов. Я тебя не спрашиваю, как ты думаешь на этот счет. Если тебе чужие люди ближе родных...

Петр. Отец! Ну, как тебе не стыдно?

Татьяна. Начинается! Петр, – будь благоразумен.

Елена (натянута улыбаясь). Ну, стоит ли...

(Дверь широко растворяется, и входит Перчихин. Он выпивши, но не сильно.)

Перчихин. Василь Васильев! Я сюда пришел... ты оттуда ушел... а я – сюда... за тобой...

Бессемёнов (не глядя на него). Пришел, так садись... Вот – чаю выпей... ну...

Перчихин. Н-не надо мне чаю! Кушай сам на здоровье... Я – для разговора пришел...

Бессемёнов. Какой там разговор? Всё пустяки.

Перчихин. Пустяки? Н-ну? (Смеется.) Чудак ты! (Нил входит и, сурово глядя на Бессемёнова, встает у шкафа.) Четыре дня собирался я к тебе придти... ну и пришел...

Бессемёнов. Ну и ладно...

Перчихин. Нет, не ладно! Василь Васильич! Умный ты человек! Богатый человек... ведь я к совести к твоей пришел!

Петр (подходя к Нилу, негромко.) Зачем ты его пустил сюда?

Нил. Оставь! Это тебя не касается...

Петр. Ты всегда делаешь... черт знает что...

Перчихин (заглушая Петра). Старый человек...да-авно я тебя знаю!

Бессемёнов (сердясь). Тебе чего надо?

Перчихин. Скажи мне, – за что ты меня наемни вон из дома выгнал? Думал я, думал, – не возьму, в толк! Скажи, брат! Я – без сердца на тебя пришел... я, брат, с любовью к тебе...

Бессемёнов. С дурной головой пришел ты...вот что!

Татьяна. Петр! Помоги мне... нет, позови Полю...

(Петр уходит.)

Перчихин. Вот – Поля! Дочь моя милая... птица моя чистая... Из-за нее ты меня выгнал? – верно? За то, что она у Татьяны жениха отбила?

Татьяна. О! глупость какая... какая пошлость!..

Бессемёнов (медленно поднимаясь с места). Гляди, Перчихин! Второй раз...

Елена (Нилу вполголоса). Уведите его! Они поругаются.

Нил. Не хочу...

Перчихин. Второй раз – не прогонишь, Василь Васильич! Не за что... Поля... я ее люблю... она у меня – хорошая! Ну, все же я не одобряю... я, брат, ее не одобряю, н-нет! Зачем чужой кусок взяла? Нехорошо...

Татьяна. Лена! Я... уйду к себе... (Елена помогает ей, поддерживая под руку. Проходя мимо Нила, Татьяна говорит ему негромко.) Как не стыдно! Уведите его...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бессемёнов (сдерживаясь). Перчихин! Ты... молчи! Сиди – молчи... а то ступай домой...

(Входит Поля. За нею Петр.)

Петр (Поле). Да успокойтесь... я вас прошу!..

Поля. Василий Васильевич! За что вы прошлый раз выгнали отца?

(Бессемёнов молча и сурово смотрит на нее и на всех поочередно.)

Перчихин (грозя пальцем). Шш! Дочка! Не говори... Ты – должна понять... Татьяна отравилась – почему? Ага-а? Василь Васильев, – видишь? Я, брат, по чистой правде... я всех вас рассужу... по совести... как надо! Я – очень просто...

Поля. Постой, отец...

Петр. Позвольте, Поля...

Нил. Ты бы молчал...

Бессемёнов. Ты, Палагея, вот что... ты – дерзкая...

Перчихин. Она? Нет, она... у меня...

Бессемёнов. Молчи ты! я что-то плохо разумею... чей это дом? Кто здесь хозяин? Кто судья?

Перчихин. Я! Я рассужу всё... всех, по порядку... Не тронь чужого – раз! Взяла, – отдай назад – два!

Петр (Перчихину). Послушай, – брось болтать! Пойдем ко мне...

Перчихин. Не люблю я тебя, Петр! Гордый ты человек... пустой ты! И ничего ты не знаешь... Что такое канализация? Ага! А мне рассказали, брат... (Петр тянет его за рукав.) Не тронь, постой...

Нил (Петру). Не трогай его... оставь!

Бессемёнов (Нилу). Ты что тут – собак травишь? а?

Нил. Нет, я хочу понять – в чем дело? В чем виноват Перчихин? За что его выгнали?.. При чем здесь Поля?

Бессемёнов. Ты меня допрашиваешь?

Нил. А если вас – так что ж? Вы – человек, – я тоже...

Бессемёнов (бешено). Нет, ты не человек... ты – яд! Ты – зверь!

Перчихин. Ш-ш! Тихо! Надо тихо, по совести...

Бессемёнов (Поле). А ты – ехидна! Ты – нищая!..

Нил (сквозь зубы). Вы не кричите!..

Бессемёнов. Что? Вон! Змееныш... я тебя вскормил от пота-крови...

Татьяна (из своей комнаты). Папаша! Папа!

Петр (Нилу). Ну? дождался? Эх, ты... стыдился бы!

Поля (негромко). Не... не смейте на меня кричать! Я не раба вам... не можете вы обижать всех... И – вы скажите – за что отца выгнали?

Нил (спокойно). Я тоже требую... здесь не сумасшедшие живут... надо отвечать за свои поступки...

Бессемёнов (тише, сдерживаясь). Уйди, Нил, от греха... уйди! Смотри... ты – выкормок

Нил. Не корите меня вашим хлебом! Я отработал все, что съел!

Бессемёнов. Ты... душу мне сожрал... разбойник – ты!..

Поля (берет Нила за руку). Идем отсюда!

Бессемёнов. Иди... ползи, змея! Ты все... из-за тебя... ты дочь ужалила... его теперь... проклятая... из-за тебя дочь моя...

Перчихин. Василь Васильич! Тихо! По совести!

Татьяна (кричит). Отец! Неправда! Петр – что же ты? (Является в дверях своей комнаты и, беспомощно протягивая руки, выходит на середину.) Петр, не нужно этого! О боже мой! Терентий Хрисанфович! Скажите им... скажите им... Нил! Поля! Ради бога – уйдите! Уходите! Зачем все это...

(Все бестолково суетятся. Тетерев, скаля зубы, медленно встает со стула. Бессемёнов отступает перед дочерью. Петр подхватывает сестру под руку и растерянно смотрит вокруг.)

Поля. Идем!

Нил. Хорошо! (Бессемёнову.) Ну, мы уходим... вот! Мне жаль, что все вышло так громко.

Бессемёнов. Ступай, ступай!.. Уводи ее...

Нил. Я уж не ворочусь...

Поля (громко, дрожащим голосом). Винить меня в таком... винить за Таню... разве можно? Тут разве я виновна? Бесстыдник вы...

Бессемёнов (бешено). Уйдешь ты?!

Нил. Тише!

Перчихин. Ребята, – не сердитесь! Надо – кротко...

Поля. Прощайте! Иди, отец!

Нил (Перчихину). Идем!

Перчихин. Не-ет, я с вами не хочу... мне не рука... я – сам по себе... Терентий! Я сам – один... Мое дело – чистое...

Тетерев. Идем ко мне...

Поля. Иди! Иди же, пока не гонят...

Перчихин. Нет... я не пойду... Терентий, – мне с ними не рука! Я понимаю...

Петр (Нилу). Да уходите вы... черт побери!..

Нил. Иду... прощай... какой однако ты...

Поля. Идем, идем...

(Уходят.)

Бессемёнов (кричит им вслед). Воротитесь! Поклонитесь...

Петр. Оставь, отец! Будет...

Татьяна. Папаша! Милый мой... не надо кричать...

Бессемёнов. Пойдите... Погодите...

Перчихин. Ну, вот... теперь ушли... И хорошо! Пускай их!..

Бессемёнов. Сказать бы мне им на прощанье: злодеи! Кормил, поил... (К Перчихину.) Ты, старый черт! Дурак! Пришел, забормотал... чего тебе надо? чего?

Петр. Папаша! Будет...

Перчихин. Василь Васильич! Не кричи... я тебя уважаю, чудак ты! Глупый я – верно! Но я понимаю... кто куда...

Бессемёнов (садится на диван). Я... потерял мысли. Не понимаю... Что вышло? Вдруг... как летом, в сушь, пожар... Одного – нет... говорит – не ворочусь... Ишь как просто! Ишь ты как... Нет... я этому поверить не могу...

Тетерев (Перчихину). Ну, что ты тут? Зачем ты?

Перчихин. Для порядка... я, брат, рассуждаю просто... Раз-два! Больше никаких! Она мне дочь? Очень хорошо... Значит, – должна она – (Вдруг замолчал.) Плохой я отец... и ничего она не должна... пусть ее живет, как хочет! А Таню мне жалко... Таня... мне жалко тебя... Мне, братцы, всех вас жалко! Эхма!.. Ведь ежели по совести сказать – все вы дураки!..

Бессемёнов. Молчи ты...

Петр. Таня! Елена Николаевна ушла?

Елена (из комнаты Татьяны). Я здесь... Лекарство приготавливаю...

Бессемёнов. Мысли у меня спутались... ничего не понимаю! Неужто Нил... так и уйдет?

Акулина Ивановна (входит, беспокойно). Что случилось? Нил с Пелагеей в кухне там... а я была в чулане...

Бессемёнов. Ушли они?

Акулина Ивановна. Нет... зовут Перчихина... Пелагея говорит, скажите, говорит, отцу... а губы у нее дрожат. Нил, все равно как пес, – рычит... что такое?..

Бессемёнов (вставая). А вот сейчас... вот я пойду...

Петр. Отец, – не надо! Не ходите...

Татьяна. Папаша! Пожалуйста... не надо...

Бессемёнов. Чего – не надо?

Акулина Ивановна. Да что такое?

Бессемёнов. Ты понимаешь... Нил уходит... совсем...

Петр. Ну, что же в том? Уходит и – прекрасно... Зачем он вам? Он женится... он хочет жить своей семьей...

Бессемёнов. А! Так разве... я-то, я – чужой ему?

Акулина Ивановна. Чего ты беспокоишься, отец? Бог с ним! Пускай уходит... У нас свои дети есть... Перчихин – ты чего же? Иди!

Перчихин. Мне с ними – не по дороге...

Бессемёнов. Нет... тут не то совсем... уходишь – уходи! Но – как? Как он ушел... Какими глазами глядел на меня?..

(Елена выходит из комнаты Татьяны.)

Тетерев (берет Перчихина под руку и ведет за собой к двери).

Перчихин. Эхма, божья дудка! Сурьезный ты...

(Уходят.)

Бессемёнов. Я знал, что он от нас уйдет... ну, только – разве так? А эта... эта... кричит! Поденщица, девчонка... пойду, поговорю им...

Акулина Ивановна. Э, полно-ка, отец! Они – чужие нам люди! Что их жалеть? Ушли и – ладно!

Елена (Петру негромко). Идемте ко мне...

Татьяна (Елене). И я... возьмите и меня!..

Елена. Идем... идемте...

Бессемёнов (услышал ее зов). Куда?

Елена. К себе... ко мне!

Бессемёнов. Кого зовете-с? Петра?

Елена. Да... и Таню...

Бессемёнов. Таня – ни при чем! А Петру ходить к вам... не надо!

Петр. Позволь, отец! Я... не мальчик! Я пойду или не пойду...

Бессемёнов. Не пойдешь!

Акулина Ивановна. Петя! Уступи отцу! Эй, уступи...

Елена (возмущенно). Позвольте, Василий Васильевич!

Бессемёнов. Нет, уж вы позвольте! Хотя вы люди и образованные... хотя вы потеряли совесть... и никого не уважаете:

Татьяна (истерически кричит). Папаша! Перестаньте...

Бессемёнов. Молчи! Когда ты не хозяйка своей судьбы – молчи... стой! Куда?

(Елена идет к двери.)

Петр (бросаясь за нею, хватая ее за руку). Позвольте! На минутку... нужно сразу... нужно объясниться...

Бессемёнов. Нужно меня выслушать. – Сделайте мне милость, – выслушайте! Дайте мне понять – что такое? (Входит Перчихин, сияющий и веселый, за ним Тетерев тоже с улыбкой на лице. Они останавливаются у двери, переглядываются. Перчихин подмигивает на Бессемёнова и махает рукой.) Все куда-то уходят... без всякого объяснения намерений... зря... обидно и беспутно! Куда ты можешь идти, Петр? Ты... что ты такое? Как ты хочешь жить? Что делать?

(Акулина Ивановна всхлипывает. Петр, Елена и Татьяна стоят все трое плотной группой перед Бессемёновым, при его словах: «Куда ты можешь идти» – Татьяна отходит в сторону к столу, где стоит мать. Перчихин знаками показывает что-то Тетереву, трясет головой, взмахивает руками, как бы шугая птиц.) Я имею право спрашивать... ты – молод, ты еще – глуп! Я – пятьдесят восемь лет растягивал жилы мои в трудах ради детей...

Петр. Я слышал это, отец! Я сотни раз...

Бессемёнов. Стой! Молчи!

Акулина Ивановна. Ах, Петя, Петя...

(Акулина Ивановна трясет головой.)

Бессемёнов. Молчи! Какие ты слова можешь сказать? На что укажешь? Нет ничего...

Петр. Отец! Ты мучаешь меня! Что тебе нужно? Что ты хочешь?

Акулина Ивановна (вдруг громко). Нет, стой! И у меня есть сердце... и я имею голос! Сыночек! Что делаешь? Что затеял? Кого спросил?

Татьяна. Это ужасно! Это какая-то тупая пила. (Матери.) Вы рвете душу... тело...

Акулина Ивановна. Это мать – пила? Мать?

Бессемёнов. Старуха, погоди! Вот он... дай ему сказать...

Елена (Петру). Ну, будет! я больше – не могу...я уйду...

Петр. Пойдите... ради бога! Сейчас все будет ясно...

Елена. Нет – это сумасшедший дом! Это...

Тетерев. Елена Николаевна, – уходите! Пошлите их всех к черту!

Бессемёнов. Вы, господин! Вы...

Татьяна. Да кончится ли это? Петр, уйди!

Петр (почти кричит). Отец... смотри! Мать... вот – это моя невеста!

(Пауза. Все смотрят на Петра. Потом Акулина Ивановна всплескивает руками и в ужасе смотрит на мужа, Бессемёнов – точно его оттолкнули – подается всем телом назад и наклоняет голову. Татьяна, тяжело вздохнув, медленно, с опущенными вдоль тела руками, идет к пианино.)

Тетерев (вполголоса). Ловко выбрал время...

Перчихин (выступая вперед). Ну, вот и всё! Вот оно... все разлетаются! Айда, ребяташки, лети из клетки, как птицы в благовещенье...

Елена (вырывая руку из руки Петра). Пустите! Я не могу...

Петр (бормочет). Теперь все ясно... Сразу...

Бессемёнов (кланяясь сыну). Н-ну, спасибо, сынок... за радостное известие...

Акулина Ивановна (с плачем). Погубил ты себя, Петенька! Да разве она... она пара...

Перчихин. Она? Петру? Да... что ты! Старуха! Да – чего он стоит?

Бессемёнов (Елене медленно). Спасибо и вам, барыня! Теперь, стало быть, – пропал он! Ему бы учиться... а теперь... ловко! Хоть я это и чувствовал... (Злобно.) Поздравляю вас с добычей! Петька! Нет тебе благословенья! А ты... ты... поймала? Украла? Кошка... парш...

Елена. Вы не смеете!..

Петр. Отец! Ты... безумный!

Елена. Нет, стойте! Да, это верно! Да, я сама взяла его у вас, сама! Я сама... я первая сама сказала ему... предложила жениться на мне! Вы слышите? Вы, филин? Слышите?... Это я вырвала его у вас! Мне – жалко его! Вы его замучили... вы ржавчина какая-то, не люди! Ваша любовь – это гибель для него! Вы думаете – о, я знаю! – вы думаете, – для себя я сделала это? Ну, думайте... ох! как я вас ненавижу!

Татьяна. Лена! Лена! Что ты?

Петр. Елена... идемте!

Елена. Знаете, я еще, может быть, – не обвенчаюсь с ним! Вы рады, да? О, это очень может быть! Вы – не пугайтесь прежде время! Я буду так, просто жить с ним... без венца... но вам – не дам его! Не дам! Вы – более его не станете мучить, нет! И он не придет к вам – никогда! Никогда! никогда!

Тетерев. Виват! Виват, женщина!

Акулина Ивановна. Ах, батюшки! Отец... что это! Отец...

Петр (толкая Елену к двери). Иди... Идите... уходите...

(Елена, уходя, увлекает Петра за собой.)

Бессемёнов (беспомощно оглядываясь). Вот как?... (Вдруг громко и быстро, одним резким звуком.) Полицию зови! (Топая ногами.) Долой с квартиры! Завтра же... ах ты!..

Татьяна. Папаша! Что вы?

Перчихин (удивленный, ничего не понимая). Василь Васильич! Голубь! Что ты это? Чего кричишь? Тебе бы радоваться надо...

Татьяна (подходя к отцу). Послушайте...

Бессемёнов. А, ты! Ты еще... осталась! Чего ты не уходишь? Уходи и ты... Не с кем? Некуда? Прозевала?

(Татьяна, отшатнувшись, отходит быстро к пианино. Акулина Ивановна, растерянная и жалкая, бросается к ней.)

Перчихин. Василь Васильич, – брось! Подумай! Учиться Петр теперь не будет... на что ему? (Бессемёнов тупо смотрит в лицо Перчихина и кивает головой.) Жить – есть на что ему. Ты денег накопил... жена – малина-баба... а ты – кричишь, шумишь! Чудак, опомнись!

(Тетерев хохочет.)

Акулина Ивановна (воет). Все покинули! Бросили!

Бессемёнов (оглядываясь). Молчи, мать! Воротятся... не смеют!.. Куда пойдут? (Тетереву.) Ты что тут скалишь зубы? Ты! Язва! Дьявол! Долой с квартиры! Завтра же – долой! Вас шайка целая...

Перчихин. Василь Васильич!..

Бессемёнов. Прочь, ты! Несчастный... бродяга...

Акулина Ивановна. Таня! Танечка! Милая моя! Хворающая ты, несчастная! Что будет?

Бессемёнов. Ты, дочка, все знала... ты знала все... молчала! Заговор против отца? (Вдруг как бы испугавшись.) Ты думаешь... не бросит он ее? бабенку эту? Распутницу... в жены! Мой сын... проклятые вы люди! Несчастные... беспутные!

Татьяна. Оставьте меня! Не дайте мне... возненавидеть...

Акулина Ивановна. Доченька! Неудачливая ты моя! Замучили! Всех нас замучили... за что?

Бессемёнов. А кто? Все Нил, разбойник... подлец! И сына он смутил... И дочь страдает! (Увидав Тетерева, стоящего у шкафа.) Ты, оборванец, что? Ты что тут? Вон с квартиры!

Перчихин. Василь Васильич! Его за что? Ах ты... с ума свихнулся, старик!

Тетерев (спокойно). Не кричи, старик! Всего, что на тебя идет, ты не разгонишь...

Бессемёнов (быстро). Ты... ты почему знаешь?

Тетерев. Он не уйдет далеко от тебя. Он это временно наверх поднялся, его туда втащили... Но он сойдет... умрешь ты, – он немножко перестроит этот хлев, переставит в нем мебель и будет жить, – как ты, – спокойно, разумно и уютно...

Перчихин (Бессемёнову). Видишь? Чудак! Горячка! Человек тебе добра желает... ласковые слова говорит для твоего покою... а ты – орешь! Терентий – он, брат, мудрый человек...

Тетерев. Он переставит мебель и – будет жить в сознании, что долг свой перед жизнью и людьми отлично выполнил. Он ведь такой же, как и ты...

Перчихин. Две капли воды!

Тетерев. Совсем такой... труслив и глуп...

Перчихин (Тетереву). Постой! Ты что?

Бессемёнов. Ты... говори, а не ругайся... как смеешь!

Тетерев. И жаден будет в свое время и так же, как ты, – самоуверен и жесток. (Перчихин удивленно глядит в лицо Тетерева, не понимая – утешает он старика или ругает его. На лице Бессемёнова – тоже недоумение, но речь

Тетерева интересна ему.) И даже несчастен будет он вот так же, как ты теперь... Жизнь идет, старик, кто не поспекает за ней, тот остается одиноким...

Перчихин. Чу? Слышишь? Стало быть, – все идет, как надо... а ты сердисься!

Бессемёнов. Постой, отвяжись!

Тетерев. И так же вот несчастного и жалкого сына твоего не пощадят, скажут ему правду в лицо, как я тебе говорю: «Чего ты ради жил? Что сделал доброго?» И сын твой, как ты теперь, не ответит...

Бессемёнов. Да... ты вот говоришь тут... ты всегда складно говоришь! А что в душе? Нет, я тебе не верю! И – все-таки – съезжай с квартиры! Будет... терпел я вас – довольно! И ты тоже... многое тут внушил... вредное мне...

Тетерев. Эх, кабы я! Но нет, не я... (Уходит.)

Бессемёнов (встряхая головой). Ну... будем терпеть... ладно! Будем ждать... всю жизнь терпели... еще будем терпеть! (Идет в свою комнату.)

Акулина Ивановна (бежит вслед за мужем). Отец! Милый ты мой! Несчастные мы! За что нас детки-то? За что казнили? (Уходит в свою комнату. Перчихин стоит посередине и недоумевающе моргает. Татьяна дикими глазами озирается вокруг, сидя на стуле у пианино. Из комнаты стариков доносится глухой говор.)

Перчихин. Таня! Тань... (Татьяна не смотрит на него, не отвечает.) Таня! Из-за чего они – которые разбежались, которые – плачут? А? (Смотрит на Татьяну, вздыхает.) Чудаки! (Смотрит на дверь в комнату стариков, идет по направлению в сени, качая головой.) Пойду и я к Терентью... Чудаки!

(Татьяна, медленно сгибаясь, облокачивается на клавиши. В комнате раздается нестройный, громкий звук многих струн и – замирает.)

Занавес

На дне
Посвящаю

Константину Петровичу Пятницкому

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Действующие лица

Михаил Иванов Костылев, 54 года, содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин, Актер – приблизительно одного возраста: лет под 40.

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб, Татарин – крючники.

Несколько босяков без имен и речей.

Акт первый

Подвал, похожий на пещеру. Потолок – тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет – от зрителя и, сверху вниз, – из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату – нары Бубнова. В левом углу – большая русская печь, в левой, каменной, стене – дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены – широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам – нары. На переднем плане у левой стены – обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем – перед наковальней – сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его – две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки – большой стол, две скамьи, табурет, все – некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня – хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него – изодранная картонка из-под шляпы – для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатин только что проснулся, лежит на нарах и – рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер.

Начало весны. Утро.

Барон. Дальше!

Квашня. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь уж – ни за сто печеных раков – под венец не пойду!

Бубнов (Сатину). Ты чего хрюкаешь?

Сатин рычит.

Квашня. Чтобы я, – говорю, – свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала – нет!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Да будь он хоть принц американский – не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой...

Барон (выхватив у Настя книжку, читает название). «Роковая любовь»... (Хохочет.)

Настя (протягивая руку). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня (Клещу). Козел ты рыжий! Туда же – врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон (ударяя книгой по голове Настю). Дура ты, Настька...

Настя (отнимает книгу). Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька – ты где?

Настя (не поднимая головы). А?... Уйди!

Анна (высовывая голову из-за полога). Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

Клещ. Заныла!

Анна. Каждый божий день! Дайте хоть умереть спокойно!..

Бубнов. Шум – смерти не помеха...

Квашня (подходя к Анне). И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

Анна. Оставь... отстань...

Квашня. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Барон. Квашня! На базар пора...

Квашня. Идем, сейчас! (Анне). Хочешь – пельмешков горяченьких дам?

Анна. Не надо... спасибо! Зачем мне есть?

Квашня. А ты – поешь. Горячее – мягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю... захочешь когда, и покушай! Идем, барин... (Клещу.) У, нечистый дух... (Уходит в кухню.)

Анна (кашляя). Господи...

Барон (тихонько толкает Настю в затылок). Брось... дуреха!

Настя (бормочет). Убирайся... я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

Сатин (приподнимаясь на нарах). Кто это бил меня вчера?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бубнов. А тебе не все равно?..

Сатин. Положим – так... А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл...

Бубнов. За это и били...

Сатин. М–мерзавцы...

Актер (высовывая голову с печи). Однажды тебя совсем убьют... до смерти...

Сатин. А ты – болван.

Актер. Почему?

Сатин. Потому что – дважды убить нельзя.

Актер (помолчав). Не понимаю.. почему – нельзя?

Клещ. А ты слезай с печи–то да убирай квартиру... чего нежишься?

Актер. Это дело не твое...

Клещ. А вот Василиса придет – она тебе покажет, чье дело...

Актер. К черту Василису! Сегодня баронова очередь убираться... Барон!

Барон (выходя из кухни). Мне некогда убираться... я на базар иду с квашней.

Актер. Это меня не касается... иди хоть на каторгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...

Барон. Ну, черт с тобой! Настенка подметет... Эй, ты, роковая любовь! Очнись!
(Отнимает книгу у Настя.)

Настя (вставая). Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще – барин...

Барон (отдавая книгу). Настя! Подмети пол за меня – ладно?

Настя (уходя в кухню). Очень нужно... как же!

Квашня (в двери из кухни – Барону). А ты – иди! Уберутся без тебя... Актер! тебя просят, – ты и сделай... не переломишься, чай!

Актер. Ну... всегда я... не понимаю...

Барон (выносит из кухни на коромысле корзины. В них – корчаги, покрытые тряпками). Сегодня что–то тяжело...

Сатин. Стоило тебе родиться бароном...

Квашня (Актеру). Ты смотри же, – подмети! (Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.)

Актер (слезая с печи). Мне вредно дышать пылью. (С гордостью). Мой организм отравлен алкоголем... (Задумывается, сидя на нарах.)

Сатин. Организм... органон...

Анна. Андрей Митрич...

Клещ. Что еще?

Анна. Там пельмени мне оставила Квашня... возьми, поешь.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Клещ (подходя к ней). А ты – не будешь?

Анна. Не хочу... На что мне есть? Ты – работник... тебе – надо...

Клещ. Боишься? Не бойся... может, еще...

Анна. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, скоро уж...

Клещ (отходя). Ничего... может – встанешь... бывает! (Уходит в кухню.)

Актер (громко, как бы вдруг проснувшись). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...

Сатин (улыбаясь). Органон...

Актер (настойчиво). Не органон, а ор-га-ни-зм...

Сатин. Сикамбр...

Актер (машет на него рукой). Э, вздор! Я говорю – серьезно... да. Если организм – отравлен... значит – мне вредно мести пол... дышать пылью...

Сатин. Макробиотика... ха!

Бубнов. Ты чего бормочешь?

Сатин. Слова... А то еще есть – транс-седентальный...

Бубнов. Это что?

Сатин. Не знаю... забыл...

Бубнов. А к чему говоришь?

Сатин. Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова... все наши слова – надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

Клещ (выходя из кухни). Ты с метлой играть скоро будешь?

Актер. Не твое дело (Ударяет себя в грудь рукой.) «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, – глухой шум, крики, свисток полицейского.

Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

Сатин. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был... (Усмехаясь.) Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Бубнов. Слышал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот – скорняк был... свое заведение имел... Руки у меня были такие желтые – от краски: меха подкрашивал я, – такие, брат, руки были желтые – по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто грязные... да!

Сатин. Ну и что же?

Бубнов. И больше ничего...

Сатин. Ты это к чему?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бубнов. Так... для соображения... Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай, все сотрется... все сотрется, да!

Сатин. А... кости у меня болят!

Актер (сидит, обняв руками колени). Образование – чепуха, главное – талант, я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

Сатин. Бубнов, дай пяточок!

Бубнов. У меня всего две копейки...

Актер. Я говорю – талант, вот что нужно герою. А талант – это вера в себя, в свою силу...

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошел к черту! Много вас тут...

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

Анна. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори...

Клещ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я – на полу... пусти меня на свое место, да и отвори... а я и без того простужен...

Бубнов (спокойно). Мне отворять не надо... твоя жена просит...

Клещ (угрюмо). Мало ли кто чего попросил бы...

Сатин. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Бубнов. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. (Встает.) Пойти, ниток купить... А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. (Уходит.)

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актер (тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне). Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актер. Хочешь – в сени выведу? Ну, вставай. (Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.) Ну-ну... твердо! Я – сам больной... отравлен алкоголем...

Костылев (в дверях). На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка...

Актер. А ты – посторонись... видишь – больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь... (Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла.)

Клещ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.

Скрипишь?

Клещ. Чего?

Костылев. Скрипишь, говорю?

Пауза.

А-а... того... что бишь я хотел спросить? (Быстро и негромко.) Жена не была здесь?

Клещ. Не видал...

Костылев (осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла) Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

Клещ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь...

Костылев. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи, знай, в свое удовольствие... А я на тебя полтинку накину, – маслица в лампаду куплю... и будет перед святой иконой жертва моя гореть... И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь... ну вот... Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства... никто тебя не любит, не уважает... работа твоя скрипучая, беспокойная для всех...

Клещ (кричит). Ты что меня... травить пришел?

Сатин громко рычит.

Костылев (вздрагнув). Эх ты, батюшка...

Актер (входит). Усадил бабу в сених, закутал...

Костылев. Экой ты добрый, брат! Хорошо это... это зачтется все тебе...

Актер. Когда?

Костылев. На том свете, братик... там все, всякое деяние наше усчитывают...

Актер. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

Костылев. Это как же я могу?

Актер. Скости половину долга...

Костылев. Хе-хе! Ты все шутишь, милачок, все играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта – она превыше всех благ. А долг твой мне – это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

Актер. Шельма ты, старец... (Уходит в кухню.)

Клещ встает и уходит в сени.

Костылев. (Сатину). Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

Сатин. Кто тебя – кроме черта – любит?..

Костылев (посмеиваясь). Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (Вдруг, быстро.) А... Васька – дома?

Сатин. Погляди...

Костылев (подходит к двери и стучит). Вася!

Актер появляется в двери из кухни. Он что-то жует.

Пепел. Кто это?

Костылев. Это я... я, Вася.

Пепел. Что надо?

Костылев (отодвигаясь). Отвори...

Сатин (не глядя на Костылева). Он отворит, а она – там...

Актер фыркает.

Костылев (беспокойно, негромко). А? Кто – там? Ты... что?

Сатин. Чего? Ты – мне говоришь?

Костылев. Ты что сказал?

Сатин. Это я так... про себя...

Костылев. Смотри, брат! Шути в меру... Да! (Сильно стучит в дверь.) Василий!..

Пепел (отворяя дверь). Ну? Чего беспокоишь?

Костылев (заглядывая в комнату). Я... видишь – ты...

Пепел. Деньги принес?

Костылев. Дело у меня к тебе...

Пепел. Деньги – принес?

Костылев. Какие? Погоди...

Пепел. Деньги, семь рублей, за часы – ну?

Костылев. Какие часы, Вася?.. Ах, ты...

Пепел. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей... три – получил, семь – подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей... а дела своего не знает...

Костылев. Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы – они...

Сатин. Краденые...

Костылев (строго). Я краденого не принимаю... как ты можешь...

Пепел (берет его за плечо). Ты – зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

Костылев. Да... мне – ничего... я уйду... если ты такой...

Пепел. Ступай, принеси деньги!

Костылев (уходит). Экие грубые люди! Ай-яй...

Актер. Комедия!

Сатин. Хорошо! Это я люблю...

Пепел. Чего он тут?

Сатин (смеясь). Не понимаешь? Жену ищет... И чего ты не пришибешь его, Василий?!

Пепел. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить...

Сатин. А ты – умненько. Потом – женись на Василесе... хозяином нашим будешь...

Пепел. Велика радость! Вы не токмо все мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете... (Садится на нары.) Старый черт... разбудил... А я – сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне – громаднейший лещ! Такой лещ, – только во сне эдакие и бывают... И вот я его вожу на удочке и боюсь, – леса оборвется! И приготовил сачок... вот, думаю, сейчас...

Сатин. Это не лещ, а Василиса была...

Актер. Василису он давно поймал...

Пепел (сердито). Подите вы к чертям... да и с ней вместе!

Клещ (входит из сеней). Холодище... собачий...

Актер. Ты что же Анну не привел? Замерзнет...

Клещ. Ее Наташка в кухню увела к себе...

Актер. Старик – выгонит.

Клещ (садясь работать). Ну... Наташка приведет...

Сатин. Василий. Дай пятак...

Актер (Сатину). Эх ты... пятак! Вася! Дай нам двугривенный...

Пепел. Надо скорее дать... пока рубля не просите... на!

Сатин. Гиблартартр! Нет на свете людей лучше воров!

Клещ (угрюмо). Им легко деньги достаются... Они – не работают...

Сатин. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна – я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд – удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность, жизнь – рабство! (Актеру.) Ты, Сарданапал! Идем...

Актер. Идем, Навухудоноссор! Напьюсь – как... сорок тысяч пьяниц...

Уходят.

Пепел (зевая). Что, как жена твоя?

Клещ. Видно, скоро уж...

Пауза.

Пепел. Смотрю я на тебя, – зря ты скрипишь.

Клещ. А что делать?

Пепел. Ничего...

Клещ. А как есть буду?

Пепел. Живут же люди...

Клещ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я – рабочий человек... мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь – я не вырвусь отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу... Вот, погоди... умрет жена... Я здесь полгода прожил... а все равно как шесть лет...

Пепел. Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести...

Пепел (равнодушно). А куда они – честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Бубнов (входит). У-у... озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я – не богатый...

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...

Бубнов. А он что – занять хотел?

Пепел. У него – своей много...

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил... да и то в долг...

Пепел (поучительно). Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал... а то – Барона...

Клещ. Не о чем мне с ними говорить...

Пепел. Они – поумнее тебя будут... хоть и пьяницы...

Бубнов. А кто пьян да умен – два угожья в нем...

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее... И это – верно...

Наташа входит. За нею – Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел (приглаживая усы). А-а, Наташа!

Бубнов (Луке). Был честной, да позапрошлой весной...

Наташа. Вот – новый постоялец...

Лука. Мне – все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха – не плоха: все – черненькие, все – прыгают... так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Наташа (указывая на дверь в кухню). Туда иди, бабушка...

Лука. Спасибо, девушка! Туда, так туда... Старика – где тепло, там и родина...

Пепел. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа...

Наташа. Поинтереснее вас... Андрей! Жена твоя в кухне у нас... ты, погодя, приди за ней.

Клещ. Ладно... приду...

Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго...

Клещ. Знаю...

Наташа. Знаешь... Мало знать, ты – понимай. Ведь умирать-то страшно...

Пепел. А я вот – не боюсь...

Наташа. Как же!.. Храбрость...

Бубнов (свистнув). А нитки-то гнилые...

Пепел. Право – не боюсь! Хоть сейчас – смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру – не охну! Даже – с радостью, потому что – от чистой руки...

Наташа (уходит). Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Бубнов (протяжно). А ниточки-то гнилые...

Наташа (у двери в сени). Не забудь, Андрей, про жену...

Клещ. Ладно...

Пепел. Славная девка!

Бубнов. Девица – ничего...

Пепел. Чего она со мной... так? Отвергает... Все равно ведь – пропадет здесь...

Бубнов. Через тебя пропадет...

Пепел. Зачем – через меня? Я ее – жалею...

Бубнов. Как волк овцу...

Пепел. Врешь ты! Я очень... жалею ее... Плохо ей тут жить... я вижу...

Клещ. Погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней...

Бубнов. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст... баба – лютая...

Пепел (ложится на нары). Подите вы к чертям оба... пророки!

Клещ. Увидишь... погоди!..

Лука (в кухне, напевает). Середь но-очи... пу-уть-дорогу не-е видать...

Клещ (уходя в сени). Ишь, воет... тоже...

Пепел. А скушно... чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь – все хорошо! И вдруг – точно озябнешь: сделается скушно...

Бубнов. Скушно? М-м...

Пепел. Ей-ей!

Лука (поет). Эх, и не вида-ать пути-и...

Пепел. Старик! Эй!

Лука (выглядывая из двери). Это я?

Пепел. Ты. Не пой.

Лука (выходит). Не любишь?

Пепел. Когда хорошо поют – люблю...

Лука. А я, значит, не хорошо?

Пепел. Стало быть...

Лука. Ишь ты! А я думал – хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя – хорошо я делаю! Хватить – а люди недовольны...

Пепел (смеясь). Вот! Верно...

Бубнов. Говоришь – скушно, а сам хохочешь.

Пепел. А тебе что? Ворон...

Лука. Это кому – скушно?

Пепел. Мне вот...

Барон входит.

Лука. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и – плачет! Право! Слезы текут... Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она – жалко! Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке... Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки...

Барон. Это – дура...

Пепел. Барон! Чай пил?

Барон. Пил... дальше!

Пепел. Хочешь – полбутылки поставлю?

Барон. Разумеется... дальше!

Пепел. Становись на четвереньки, лай собакой!

Барон. Дурак! Ты что – купец? Или – пьян?

Пепел. Ну, полай! Мне забавно будет... Ты барин... было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал... и все такое...

Барон. Ну, дальше!

Пепел. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой – ты и будешь... ведь будешь?

Барон. Ну, буду! Болван! какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе...

Бубнов. Верно!

Лука. И я скажу – хорошо!..

Бубнов. Что было – было, а остались – одни пустяки... Здесь господ нету... все слиняло, один голый человек остался...

Лука. Все, значит, равны... А ты, милый, бароном был?

Барон. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Лука (смеется). Графа видал я и князя видал... а барона – первый раз встречаю, да и то испорченного...

Пепел (хохочет). Барон! А ты меня сконфузил...

Барон. Пора быть умнее, Василий...

Лука. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, – житье ваше – о-ой!

Бубнов. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье...

Барон. Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью... кофе! – со сливками... да!

Лука. А всё – люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь... И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее... и хоть живут – всё хуже, а хотят – всё лучше... упрямые!

Барон. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Лука. Я-то?

Барон. Странник?

Лука. Все мы на земле странники... Говорят, – слышал я, – что и земля-то наша в небе странница.

Барон (строго). Это так, ну, а – паспорт имеешь?

Лука (не сразу). А ты кто, – сыщик?

Пепел. (радостно). Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Бубнов. Н-да, получил барин...

Барон (сконфуженный). Ну, чего там? Я ведь... шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет...

Бубнов. Врешь!

Барон. То есть... я имею бумаги... но – они никуда не годятся...

Лука. Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся.

Пепел. Барон! Идем в трактир...

Барон. Готов! Ну, прощай, старик... Шельма ты!

Лука. Всяко бывает, милый...

Пепел (у двери в сени). Ну, идем, что ли! (Уходит.)

Барон быстро идет за ним.

Лука. В самом деле, человек-то бароном был?

Бубнов. Кто его знает? Барин, это верно... Он и теперь – нет-нет, да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Лука. Оно, пожалуй, барство-то – как оспа... и выздоровеет человек, а знаки-то остаются...

Бубнов. Он ничего все-таки... Только так иногда брыкнется... вроде как насчет твоего паспорта...

Алешка (входит выпивши, с гармонией в руках. Свистит). Эй, жители!

Бубнов. Чего орешь?

Алешка. Извините... простите! Я человек вежливый...

Бубнов. Опять загулял?

Алешка. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло... ни-ни! Я – человек с характером... А хозяин на меня фыркает... А что такое – хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно... Пьяница он, хозяин-то... А я такой человек, что... ничего не желаю! Ничего не хочу и – шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я – ничего не хочу.

Настя выходит из кухни.

Давай мне миллион – н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой... пьяница, – не желаю! Не хочу!

Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.

Лука (добродушно). Эх, парень, запутался ты...

Бубнов. Дурость человеческая...

Алешка (ложится на пол). На, ешь меня! А я – ничего не хочу! Я – отчаянный человек! Объясните мне – кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи – морду побью! А я – пойду... пойду лягу середь улицы – дави меня! Я – ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж... так ломается...

Алешка (увидав ее, встает на колени). Барышня! Мамзель! Парле франсе... преискурант! Загулял я...

Настя (громко шепчет). Василиса!

Василиса (быстро отворяя дверь, Алешке). Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте... пожалуйста...

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь... а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна... хошь, я тебе... похоронный марш сыграю?

Василиса (толкает его в плечо). Вон!

Алешка (подвигаясь к двери). Постой... так нельзя! Похоронный марш... недавно выучил! Свежая музыка... погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу – нельзя... я всю улицу натравлю на тебя... язычник ты проклятый... молод ты лаять про меня...

Алешка (выбегая). Ну, я уйду...

Василиса (Бубнову). Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе...

Василиса. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь – не забудь! Сколько должен мне?

Бубнов (спокойно). Не считал...

Василиса. Смотри – я посчитаю!

Алешка (отворив дверь, кричит). Василиса Карповна! А я тебя не боюсь... н-не боюсь! (Прячется.)

Лука смеется.

Василиса. Ты кто такой?..

Лука. Проходящий... странствующий...

Василиса. Ночуешь или жить?

Лука. Погляжу там...

Василиса. Пачпорт!

Лука. Можно...

Василиса. Давай!

Лука. Я тебе принесу... на квартиру тебе приволоку его...

Василиса. Прохожий... тоже! Говорил бы – проходимец... всё ближе к правде-то...

Лука (вздыхнув). Ах, и неласкова ты, мать...

Алешка (выглядывая из кухни, шепчет). Ушла? а?

Василиса (оборачивается к нему). Ты еще здесь?

Алешка, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.

Бубнов (Василисе). Нет его...

Василиса. Кого?

Бубнов. Васьки...

Василиса. Я тебя спрашивала про него?

Бубнов. Вижу я... заглядываешь ты везде...

Василиса. Я за порядком гляжу – понял? Это почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз приказывала, чтобы чисто было?

Бубнов. Актеру мести...

Василиса. Мне дела нет – кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда... всех вас – вон!

Бубнов (спокойно). А чем жить будешь?

Василиса. Чтобы соринки не было! (Идет в кухню. Насте.) Ты чего тут торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью... видела? Была она тут?

Настя. Не знаю... не видела...

Василиса. Бубнов! Сестра была здесь?

Бубнов. А... вот его привела она...

Василиса. Этот... дома был?

Бубнов. Василий? Был... С Клещом она тут говорила, Наталья-то...

Василиса. Я тебя не спрашиваю – с кем! Грязь везде... грязища! Эх, вы... свиньи! Чтобы было чисто... слышите! (Быстро уходит.)

Бубнов. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Лука. Сурьезная бабочка...

Настя. Озвереешь в такой жизни... Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее...

Бубнов. Ну, она не очень крепко привязана...

Лука. Всегда она так... разрывается?

Бубнов. Всегда... К любовнику, видишь, пришла, а его нет...

Лука. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается... и всякими страхами друг дружку страшает, а все порядка нет в жизни... и чистоты нет...

Бубнов. Все хотят порядка, да разума нехватка. Однако же надо подмести... Настя!.. Ты бы занялась...

Настя. Ну да, как же! Горничная я вам тут... (Помолчав.) Напьюсь вот я сегодня... так напьюсь!

Бубнов. И то – дело...

Лука. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь – напьюсь!

Настя (вызывающе). А напьюсь – опять плакать буду... вот и все!

Бубнов. Не много...

Лука. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит...

Настя молчит, качая головой.

Так... Эхе-хе... господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Бубнов. За дверью, в сенях...

Лука идет в сени.

Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет... а Наташу взять себе... Уйду я отсюда... на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне... Лишняя я здесь...

Бубнов (спокойно). Ты везде лишняя... да и все люди на земле – лишние...

Настя качает головой. Встает, тихо уходит в сени. Медведев входит. За ним – Лука с метлой.

Медведев. Как будто я тебя не знаю...

Лука. А остальных людей – всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать... а тебя вот – не знаю...

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько и опричь его... (Уходит в кухню.)

Медведев (подходя к Бубнову). Правильно, участок у меня невелик... хоть хуже всякого большого... Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез... Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще – движение... могут раздавить колесами и прочее... Буйный парнишка... Ну, сейчас я его и... представил. Очень любит беспорядок...

Бубнов. Вечером в шашки играть придешь?

Медведев. Приду. М-да... А что... Васька?

Бубнов. Ничего... все так же...

Медведев. Значит... живет?

Бубнов. Что ему не жить? Ему можно жить...

Медведев (сомневаясь). Можно?

Лука выходит в сени с ведром в руке.

М-да... тут – разговор идет... насчет Васьки... ты не слыхал?

Бубнов. Я разные разговоры слышу...

Медведев. Насчет Василисы, будто... не замечал?

Бубнов. Чего?

Медведев. Так... вообще... Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают... (Строго.)
Врать нельзя, брат...

Бубнов. Зачем мне врать!

Медведев. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой... дескать... а мне
что? Я ей не отец, я – дядя... Зачем надо мной смеяться?..

Входит Квашня.

Какой народ стал... надо всем смеется... А-а! Ты... пришла...

Квашня. Разлюбезный мой гарнизон! Бубнов! Он опять на базаре приставал ко мне,
чтобы венчаться...

Бубнов. Валяй... чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий...

Медведев. Я-то? Хо-хо!

Квашня. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за большое место не тронь! Это,
миленький, со мной было... Замуж бабе выйти – все равно как зимой в прорубь
прыгнуть: один раз сделала – на всю жизнь памятно...

Медведев. Ты – погоди... мужья – они разные бывают.

Квашня. Да я-то все одинакова! Как издох мой милый муженек, – ни дна бы ему ни
покрышки, – так я целый день от радости одна просидела: сижу и все не верю
счастью своему...

Медведев. Ежели тебя муж бил... зря – надо было в полицию жаловаться...

Квашня. Я богу жаловалась восемь лет, – не помогал!

Медведев. Теперь запрещено жен бить... теперь во всем – строгость и закон-порядок!
Никого нельзя зря бить... бьют – для порядку...

Лука (вводит Анну). Ну, вот и доползли... эх ты! И разве можно в таком слабом
составе одной ходить? Где твое место?

Анна (указывая). Спасибо, дедушка...

Квашня. Вот она – замужняя... глядите!

Лука. Бабочка совсем слабого состава... Идет по сеням, цепляется за стенки и –
стонает... Пошто вы ее одну пущаете?

Квашня. Не доглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла...

Лука. Ты вот – смеешься... а разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть
– а всегда своей цены стоит...

Медведев. Надзор нужен! Вдруг – умрет? Канитель будет из этого... Следить надо!

Лука. Верно, господин ундер...

Медведев. М-да... хоть я... еще не совсем ундер...

Лука. Н-ну? А видимость – самая геройская!

В сенях шум и топот. Доносятся глухие крики.

Бубнов. Похоже...

Квашня. Пойти поглядеть...

Медведев. И мне надо идти... Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы... ведь устаешь драться... Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет... стали бы меньше драться, потому побои-то помнили бы дольше...

Бубнов (слезая с нар). Ты начальству поговори насчет этого...

Костылев (распахивая дверь, кричит). Абрам! Иди. Василиса Наташку... убивает... иди!

Квашня, Медведев, Бубнов бросаются в сени. Лука, качая головой, смотрит вслед им.

Анна. О господи... Наташенька бедная!

Лука. Кто дерется там?

Анна. Хозяйки... сестры...

Лука (подходя к Анне). Чего делят?

Анна. Так они... сытые обе... здоровые...

Лука. Тебя как звать-то?

Анна. Анной... Гляжу я на тебя... на отца ты похож моего... на батюшку... такой же ласковый... мягкий...

Лука. Мяли много, оттого и мягок... (Смеется дребезжащим смехом.)

Занавес

Акт второй
Та же обстановка.

Вечер. На нарах около печи Сатин, Барон, Кривой Зоб и Татарин играют в карты. Клещ и Актер наблюдают за игрой. Бубнов на своих нарах играет в шашки с Медведевым. Лука сидит на табурете у постели Анны. Ночлежка освещена двумя лампами, одна висит на стене около играющих в карты, другая – на нарах Бубнова.

Татарин. Еще раз играю, – больше не играю...

Бубнов. Зоб! Пой! (Запевает.) Солнце всходит и заходит...

Кривой Зоб (подхватывает голос). А в тюрьме моей темно...

Татарин (Сатину). Мешай карта! Хорошо мешай! Знаем мы, какой-такой ты...

Бубнов и Кривой Зоб (вместе). Дни и ночи часовые – э-эх! Стерегут мое окно...

Анна. Побои... обиды... ничего кроме – не видела я... ничего не видела!

Лука. Эх, бабочка! Не тоскуй!

Медведев. Куда ходишь? Гляди!..

Бубнов. А-а! Так, так, так...

Татарин (грозя Сатину кулаком). Зачем карта прятать хочешь? Я вижу... э, ты!

Кривой Зоб. Брось, Асан! Все равно – они нас объегорят... Бубнов, заводи!

Анна. Не помню – когда я сыта была... Над каждым куском хлеба тряслась... всю жизнь мою дрожала... Мучилась... как бы больше другого не съесть... всю жизнь в отрепьях ходила... всю мою несчастную жизнь... За что?

Лука. Эх ты, детынька! Устала? Ничего!

Актер (Кривому Зобу). Валетом ходи... валетом, черт!

Барон. А у нас – король.

Клещ. Они всегда побьют.

Сатин. Такая у нас привычка...

Медведев. Дамка!

Бубнов. И у меня... н-ну...

Анна. Помираю, вот...

Клещ. Ишь, ишь как! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

Актер. Он без тебя не понимает?

Барон. Гляди, Андрюшка, как бы я тебя не швырнул ко всем чертям!

Татарин. Сдавай еще раз! Кувшин ходил за вода, разбивал себя... и я тоже!

Клещ, качая головой, отходит к Бубнову.

Анна. Все думаю я: господи! Неужто и на том свете мука мне назначена? Неужто и там?

Лука. Ничего не будет! Лежи знай! Ничего! Отдохнешь там!.. Потерпи еще! Все, милая, терпят... всяк по-своему жизнь терпит... (Встает и уходит в кухню быстрыми шагами.)

Бубнов (запевает). Как хотите, стерегите...

Кривой Зоб. я и так не убегу...

(В два голоса.)

Мне и хочется на волю... эх!

Цепь порвать я не могу...

Татарин (кричит). А! Карта рукав совал!

Барон (конфузясь). Ну... что же мне – в нос твой сунуть?

Актер (убедительно). Князь! Ты ошибся... никто, никогда...

Татарин. я видел! жулик! Не буду играть!

Сатин (собирая карты). Ты, Асан, отвяжись... Что мы – жулики, тебе известно. Стало быть, зачем играл?

Барон. Проиграл два другривенных, а шум делаешь на трешницу... еще князь!

Татарин (горячо). Надо играть честно!

Сатин. Это зачем же?

Татарин. Как зачем?

Сатин. А так... Зачем?

Татарин. Ты не знаешь?

Сатин. Не знаю. А ты – знаешь?

Татарин плюет, озлобленный. Все хохочут над ним.

Кривой Зоб (благодушно). Чудак ты, Асан! Ты – пойми! Коли им честно жить начать, они в три дня с голоду издохнут...

Татарин. А мне какое дело! Надо честно жить!

Кривой Зоб. Заладил! Идем чай пить лучше... Бубен! И-эх вы, цепи, мои цепи.

Бубнов. Да вы железны сторожа...

Кривой Зоб. Идем, Асанка! (Уходит, напевая.) Не порвать мне, не разбить вас...

Татарин грозит Барону кулаком и выходит вслед за товарищем.

Сатин (Барону, смеясь). Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете...

Барон (разводя руками). Черт знает, как она...

Актер. Таланта нет... нет веры в себя... а без этого... никогда, ничего...

Медведев. У меня одна дамка... а у тебя две... н-да!

Бубнов. И одна – не бедна, коли умна... Ходи!

Клещ. Проиграли, вы Абрам Иваныч!

Медведев. Это не твое дело... понял? И молчи...

Сатин. Выигрыш – пятьдесят три копейки...

Актер. Три копейки мне... А впрочем, зачем мне нужно три копейки?

Лука (выходя из кухни). Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдете?

Барон. Идем с нами!

Сатин. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Лука. Не лучше трезвого-то...

Актер. Идем, старик... я тебе продекламирую куплеты...

Лука. Чего это?

Актер. Стихи – понимаешь?

Лука. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

Актер. Это – смешно... А иногда – грустно...

Сатин. Ну, куплетист, идешь? (Уходит с Бароном.)

Актер. Иду... я догону! Вот, например, старик, из одного стихотворения... начало я забыл... забыл! (Потирает лоб.)

Бубнов. Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

Медведев. Не туда я пошел... пострели ее!

Актер. Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память... А теперь вот... кончено, брат! Все кончено для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом... гром аплодисментов! Ты... не знаешь, что такое аплодисменты... это, брат, как... водка!.. Бывало, выйду, встану вот так...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Становится в позу.) Встану... и... (Молчит.) Ничего не помню... ни слова... не помню!
Любимое стихотворение... плохо это, старик?

Лука. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом – вся душа...

Актер. Пропил я душу, старик... я, брат, погиб... А почему – погиб? Веры у меня не было... Кончен я...

Лука. Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат... такая уж лечебница устроена для пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... Признали, видишь, что пьяница – тоже человек... и даже – рады, когда он лечиться желает! Ну-ка вот, валяй! Иди...

Актер (задумчиво). Куда? Где это?

Лука. А это... в одном городе... как его? Название у него эдакое... Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. возьми себя в руки и – терпи... А потом – вылечишься... и начнешь жить снова... хорошо, брат, снова-то! Ну, решай... в два приема...

Актер (улыбаясь). Снова... сначала... Это – хорошо... Н-да... Снова? (Смеется.) Ну... да! Я могу?! Ведь могу, а?

Лука. А чего? Человек – все может... лишь бы захотел...

Актер (вдруг, как бы проснувшись). Ты – чудак! Прощай пока! (Свистит.) Старичок... прощай... (Уходит.)

Анна. Дедушка!

Лука. Что, матушка?

Анна. Поговори со мной...

Лука (подходя к ней). Давай, побеседуем...

Клещ оглядывается, молча подходит к жене, смотрит на нее и делает какие-то жесты руками, как бы желая что-то сказать.

что, браток?

Клещ (негромко). Ничего... (Медленно идет к двери в сени, несколько секунд стоит перед ней и – уходит.)

Лука (проводив его взглядом). Тяжело мужику-то твоему...

Анна. Мне уж не до него...

Лука. Бил он тебя?

Анна. Еще бы... От него, чай, и зачихала...

Бубнов. У жены моей... любовник был; ловко, бывало, в шашки играл, шельма...

Медведев. Мм-м...

Анна. Дедушка! Говори со мной, милый... Тошно мне...

Лука. Это ничего! Это – перед смертью... голубка. Ничего, милая! Ты – надейся... Вот, значит, помрешь, и будет тебе покойно... ничего больше не надо будет, и бояться – нечего! Тишина, покой... лежи себе! Смерть – она все успокаивает... она для нас ласковая... Помрешь – отдохнешь, говорится... верно это, милая! Потому – где здесь отдохнуть человеку?

Пепел входит. Он немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарах и сидит молча, неподвижно.

Анна. А как там – тоже мука?

Лука. Ничего не будет! Ничего! Ты – верь! Спокой и – больше ничего! Призовут тебя к господу и скажут: господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна...

Медведев (строго). А ты почему знаешь, что там скажут? Эй, ты...

Пепел при звуке голоса Медведева поднимает голову и прислушивается.

Лука. Стало быть, знаю, господин ундер...

Медведев (примирительно). М... да! Ну... твое дело... Хоша... я еще не совсем... ундер...

Бубнов. Двух беру...

Медведев. Ах ты... чтоб тебе!..

Лука. А господь – взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится... Знаю я, жила она – очень трудно... очень устала... Дайте покой Анне...

Анна (задыхаясь). Дедушка... милый ты... кабы так! Кабы... покой бы... не чувствовать бы ничего...

Лука. Не будешь! Ничего не будет! Ты – верь! Ты – с радостью помирай, без тревоги... Смерть, я те говорю, она нам – как мать малым детям...

Анна. А... может... может, выздоровлю я?

Лука (усмехаясь). На что? На муку опять?

Анна. Ну... еще немножко... пожить бы... немножко! Коли там муки не будет... здесь можно потерпеть... можно!

Лука. Ничего там не будет!.. Просто...

Пепел (вставая). Верно... а может, и – не верно!

Анна (пугливо). Господи...

Лука. А, красавец...

Медведев. Кто орет?

Пепел (подходя к нему). Я! А что?

Медведев. Зря орешь, вот что! Человек должен вести себя смирно...

Пепел. Э... дубина!.. А еще – дядя... х-хо!

Лука (Пеплу, негромко). Слышь, – не кричи! Тут – женщина помирает... уж губы у нее землей обметало... не мешай!

Пепел. Тебе, дед, изволь, – уважу! Ты, брат, молодец! Врешь ты хорошо... сказки говоришь приятно! Ври, ничего – мало, брат, приятного на свете!

Бубнов. Вправду – помирает баба-то?

Лука. Кажись, не шутит...

Бубнов. Кашлять, значит, перестанет... Кашляла она очень беспокойно... Двух беру!

Медведев. Ах, пострели тебя в сердце!

Пепел. Абрам!

Медведев. Я тебе – не Абрам...

Пепел. Абрашка! Наташа – хворает?

Медведев. А тебе какое дело?

Пепел. Нет, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

Медведев. И это дело не твое! Это – семейное дело... А ты – кто таков?

Пепел. Кто бы я ни был, а... захочу – и не видать вам больше Наташки!

Медведев (бросая игру). Ты – что говоришь? Ты – про кого это? Племянница моя чтобы... ах, вор!

Пепел. Вор, а тобой не пойман...

Медведев. погоди! Я – поймаю... я – скоро...

Пепел. А поймаешь, – на горе всему вашему гнезду. Ты думаешь – я молчать буду перед следователем? Жди от волка толка! Спросят: кто меня на воровство подбил и место указал? Мишка Костылев с женой! Кто краденое принял? Мишка Костылев с женой!

Медведев. Врешь! Не поверят тебе!

Пепел. Поверят, потому – правда! И тебя еще запутаю... ха! Погублю всех вас, черти, – увидишь!

Медведев (теряясь). Врешь! И... врешь! И... что я тебе худого сделал? Пес ты бешеный...

Пепел. А что ты мне хорошего сделал?

Лука. Та-ак!

Медведев (Луке). Ты... чего каркаешь? Твое тут – какое дело? Тут – семейное дело!

Бубнов (Луке). Отстань! Не для нас с тобой петли вяжут.

Лука (смирненно). Я ведь – ничего! Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил...

Медведев (не поняв). То-то! Мы тут... все друг друга знаем... а ты – кто такой? (Сердито фыркая, быстро уходит.)

Лука. Рассердился кавалер... Охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я... путанные дела!

Пепел. Василисе жаловаться побежал...

Бубнов. Дуришь ты, Василий. Чего-то храбрости у тебя много завелось... гляди, храбрость у места, когда в лес по грибы идешь... а здесь она – ни к чему... Они тебе живо голову свернут...

Пепел. Н-ну, нет! нас, ярославских, голыми руками не сразу возьмешь... Ежели война – будем воевать...

Лука. А в самом деле, отойти бы тебе, парень, прочь с этого места...

Пепел. Куда? Ну-ка, выговори...

Лука. Иди... в Сибирь!

Пепел. Эге! Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казенный счет...

Лука. А ты слушай – иди-ка! Там ты себе можешь путь найти... Там таких – надобно!

Пепел. Мой путь – обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал... Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын...

Лука. А хорошая сторона – Сибирь! Золотая сторона! Кто в силе да в разуме, тому

Пепел. Старик! Зачем ты все врешь?

Лука. Ась?

Пепел. Оглох! Зачем врешь, говорю?

Лука. Это в чем же вру-то я?

Пепел. Во всем... Там у тебя хорошо, здесь хорошо... ведь – врешь! На что?

Лука. А ты мне – поверь, да поди сам погляди... Спасибо скажешь... Чего ты тут трешься? И... чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя...

Пепел. А мне все едино! Обух, так обух...

Лука. Да чудак! На что самому себя убивать?

Бубнов. И чего вы оба мелете? Не пойму... какой тебе, Васька, правды надо? И зачем? Знаешь ты правду про себя... да и все ее знают...

Пепел. погоди, не каркай! Пусть он мне скажет... Слушай, старик: бог есть?

Лука молчит, улыбаясь.

Бубнов. Люди все живут... как щепки по реке плывут... строят дом... а щепки – прочь...

Пепел. Ну? Есть? Говори...

Лука (негромко). Коли веришь, – есть; не веришь, – нет... Во что веришь, то и есть...

Пепел молча, удивленно и упорно смотрит на старика.

Бубнов. Пойду чаю попью... идемте в трактир? Эй!..

Лука (Пеплу). Чего глядишь?

Пепел. Так... погоди!.. Значит...

Бубнов. Ну, я один... (Идет к двери и встречается с Василисой).

Пепел. Стало быть... ты...

Василиса (Бубнову). Настасья – дома?

Бубнов. Нет... (Уходит.)

Пепел. А... пришла...

Василиса (подходя к Анне). Жива еще?

Лука. Не тревожь...

Василиса. А ты... чего тут торчишь?

Лука. Я могу уйти... коли надо...

Василиса (направляясь к двери в комнату Пепла). Василий! У меня к тебе дело есть...

Лука подходит к двери в сени, отворяет ее и громко хлопает ею. Затем – осторожно влезает на нары и – на печь.

(Из комнаты Пепла.) Вася... поди сюда!

Василиса. А... что же? На что гневаешься?

Пепел. Скушно мне... надоела мне вся эта канитель...

Василиса. И я... надоела?

Пепел. И ты...

Василиса крепко стягивает платок на плечах, прижимая руки ко груди. Идет к постели Анны, осторожно смотрит за полог и возвращается к Пеплу.

Ну... говори...

Василиса. Что же говорить? Насильно мил не будешь... и не в моем это характере милости просить... Спасибо тебе за правду...

Пепел. Какую правду?

Василиса. А что надоела я тебе... али это не правда?

Пепел молча смотрит на нее.

(Подвигаясь к нему.) Что глядишь? Не узнаешь?

Пепел (вздыхая). Красивая ты, Васка...

Женщина кладет ему руку на шею, но он стряхивает руку ее движением плеча.

...а никогда не лежало у меня сердце к тебе... И жил я с тобой, и всё... а никогда ты не нравилась мне...

Василиса (тихо). Та-ак... Н-ну...

Пепел. Ну, не о чем нам говорить! Не о чем... иди от меня...

Василиса. Другая приглянулась?

Пепел. Не твое дело... И приглянулась – в свахи тебя не позову...

Василиса (значительно). А напрасно... Может, я бы и сосватала...

Пепел (подозрительно). Кого это?

Василиса. Ты знаешь... что притворяться? Василий... я – человек прямой... (Тише.) Скрывать не буду... ты меня обидел... Ни за что, ни про что – как плетью хлестнул... Говорил – любишь... и вдруг...

Пепел. Вовсе не вдруг... я давно... души в тебе нет баба... В женщине – душа должна быть... Мы – звери... нам надо... надо нас – приучать... а ты – к чему меня приучила?..

Василиса. Что было – того нет... Я знаю – человек сам в себе не волен... Не любишь больше... ладно! Так тому и быть...

Пепел. Ну, значит, и – шабаш! Разошлись смирно, без скандала... и хорошо!

Василиса. Нет, погоди! Все-таки... когда я с тобой жила... я все дождалась, что ты мне поможешь из омута этого выбраться... освободишь меня от мужа, от дяди... от всей этой жизни... И, может, я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила в тебе... Понимаешь? Ждала я, что вытацишь ты меня...

Пепел. Ты – не гвоздь, я – не клещи... Я сам думал, что ты, как умная... ведь ты умная... ты – ловкая!

Василиса (близко наклоняясь к нему). Вася! давай... поможем друг другу...

Пепел. Как это?

Василиса (тихо, сильно). Сестра... тебе нравится, я знаю...

Пепел. За то ты и бьешь ее зверски! Смотри, Васка! Ее – не тронь...

Василиса. погоди! Не горячись! Можно все сделать тихо, по-хорошему... Хочешь – женись на ней? И я тебе еще денег дам... целковых... триста! Больше соберу – больше дам...

Пепел (отодвигаясь). Постой... как это? За что?

Василиса. Освободи меня... от мужа! Сними с меня петлю эту...

Пепел (тихо свистит). Вон что-о! Ого-го! Это – ты ловко придумала... мужа, значит, в гроб, любовника – на каторгу, а сама...

Василиса. Вася! Зачем – каторга? Ты – не сам... через товарищей! Да если и сам, кто узнает? Наталья – подумай! Деньги будут... уедешь куда-нибудь... меня навек освободишь... и что сестры около меня не будет – это хорошо для нее. Видеть мне ее – трудно... злоблюсь я на нее за тебя... и сдержаться не могу... мучаю девку, бью ее... так – бью... что сама плачу от жалости к ней... А – бью. И – буду бить!

Пепел. Зверь! Хвастаешься зверством своим?

Василиса. Не хвастаюсь – правду говорю. Подумай, Вася... Ты два раза из-за мужа моего в тюрьме сидел... из-за его жадности... Он в меня, как клоп, впился... четыре года сосет! А какой он мне муж? Наташку теснит, измывается над ней, нищая, говорит! И для всех он – яд...

Пепел. Хитро ты плетешь...

Василиса. В речах моих – все ясно... Только глупый не поймет, чего я хочу...

Костылев осторожно входит и крадется вперед.

Пепел (Василисе). Ну... иди!

Василиса. Подумай! (Видит мужа.) Ты – что? За мной?

Пепел вскакивает и дико смотрит на Костылева.

Костылев. Это я... я! А вы тут... одни? А-а... Вы – разговаривали? (Вдруг топает ногами и громко визжит.) Васка... поганая! Нищая... шкура! (Пугается своего крика, встреченного молчанием и неподвижностью.) Прости, господи... опять ты меня, Василиса, во грех ввела... Я тебя ищу везде... (Взвизгивая.) Спать пора! Масла в лампы забыла налить... у, ты! Нищая... свинья... (Дрожщими руками машет на нее.)

Василиса медленно идет к двери в сени, оглядываясь на Пепла.

Пепел (Костылеву). Ты! Уйди... пошел!..

Костылев (кричит). Я – хозяин! Сам пошел, да! Вор...

Пепел (глухо). Уйди, Мишка...

Костылев. Не смей! Я тут... я тебя...

Пепел хватается его за шиворот и встряхивает. На печи раздается громкая возня и воющее позевыванье. Пепел выпускает Костылева, старик с криком бежит в сени.

Пепел (вспрыгнув на нары). Кто это... кто на печи?

Лука (высовывая голову). Ась?

Пепел. Ты?!

Лука (спокойно). Я... я самый... о, господи Иисусе Христе!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Пепел (затворяет дверь в сени, ищет запора и не находит). А, черти... Старик, слезай!

Лука. Сейча-ас... лезу...

Пепел (грубо). Ты зачем на печь залез?

Лука. А куда надо было?

Пепел. Ведь... ты в сени ушел?

Лука. В сенях, браточек, мне, старику, холодно...

Пепел. Ты... слышал?

Лука. А – слышал! Как не слышать? Али я – глухой? Ах, парень, счастье тебе идет... Вот идет счастье!

Пепел (подозрительно). Какое счастье? В чем?

Лука. А вот в том, что я на печь залез.

Пепел. А... зачем ты там возиться начал?

Лука. Затем, значит, что – жарко мне стало... на твое сиротское счастье... И – опять же – смекнул я, как бы, мол, парень-то не ошибся... не придушил бы старичка-то...

Пепел. Да-а... я это мог... ненавижу...

Лука. Что мудреного? Ничего нет трудного... Часто эдак-то ошибаются...

Пепел (улыбаясь). Ты – что? Сам, что ли, ошибся однажды?

Лука. Парень! Слушай-ка, что я тебе скажу: бабу эту – прочь надо! Ты ее – ни-ни! – до себя не допускай... Мужа – она и сама со света сживет, да еще половчее тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай... Гляди – какой я? Лысый... А отчего? От этих вот самых разных баб... Я их, баб-то, может, больше знал, чем волос на голове было... А эта Василиса – она... хуже черемиса!

Пепел. Не понимаю я... спасибо тебе сказать, или ты... тоже...

Лука. Ты – не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери ее под руку, да отсюда – шагом марш! – уходи! Прочь уходи...

Пепел (угрюмо). Не поймешь людей! Которые – добрые, которые – злые?... Ничего не понятно...

Лука. Чего там понимать? Всяко живет человек... как сердце налажено, так и живет... сегодня – добрый, завтра – злой... А коли девка эта за душу тебя задела всурьез... уйди с ней отсюда, и кончено... А то – один иди... Ты – молодой, успеешь бабой обзавестись...

Пепел (берет его за плечо). Нет, ты скажи – зачем ты все это...

Лука. Погоди-ка, пусти... Погляжу я на Анну... чего-то она хрипела больно... (Идет к постели Анны, открывает полог, смотрит, трогает рукой.)

Пепел задумчиво и растерянно следит за ним.

Исусе Христе, многомилостивый! Дух новопреставленной рабы твоей Анны с миром прими...

Пепел (тихо). Умерла?... (Не подходя, вытягивается и смотрит на кровать.)

Лука (тихо). Отмаялась!.. А где мужик-то ее?

Пепел. В трактире, наверно...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лука. Надо сказать...

Пепел (вздрагивая). Не люблю покойников...

Лука (идет к двери). За что их любить?.. Любить – живых надо... живых...

Пепел. И я с тобой...

Лука. Боишься?

Пепел. Не люблю...

Торопливо выходят. Пустота и тишина. За дверью в сени слышен глухой шум, неровный, непонятный. Потом – входит Актер.

Актер (останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит). Старик, эй! Ты где? Я – вспомнил... слушай. (Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает.)

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет, –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!
Наташа является сзади Актера в двери.

Старик!..

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь...
Наташа (смеется). Чучело! Нализался...

Актер (оборачиваясь к ней). А-а, это ты? А – где старичок... милый старикашка?
Здесь, по-видимому, – никого нет... Наташа, прощай! Прощай... да!

Наташа (входя). Не здоровался, а прощаешься...

Актер (загораживает ей дорогу). Я – уезжаю, ухожу... Настанет весна – и меня больше нет...

Наташа. Пусти-ка... куда это ты?

Актер. Искать город... лечиться... Ты – тоже уходи... Офелия... иди в монастырь...
Понимаешь – есть лечебница для организмов... для пьяниц... Превосходная лечебница...
Мрамор... мраморный пол! Свет... чистота, пища... всё – даром! И мраморный пол, да! Я
ее найду, вылечусь и... снова буду... Я на пути к возрождению... как сказал... король...
Лир! Наташа... по сцене мое имя Сверчков-Заволжский... никто этого не знает, никто!
Нет у меня здесь имени... Понимаешь ли ты, как это обидно – потерять имя? Даже
собаки имеют клички...

Наташа осторожно обходит Актера, останавливается у кровати Анны, смотрит.

Без имени – нет человека...

Наташа. Гляди... голубчик... померла ведь...

Актер (качая головой). Не может быть...

Наташа (отступая). Ей-богу... смотри...

Бубнов (в двери). Чего смотреть?

Наташа. Анна-то... померла!

Бубнов. Кашлять перестала, значит. (Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место.) Надо Клещу сказать... это – его дело...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Актер. Я иду... скажу... потеряла имя!.. (Уходит.)

Наташа (посреди комнаты). Вот и я... когда-нибудь так же... в подвале... забитая...

Бубнов (расстилая на своих нарах какое-то тряпье). Чего? Ты чего бормочешь?

Наташа. Так... про себя...

Бубнов. Ваську ждешь? Гляди – сломит тебе голову Васька...

Наташа. А не все равно – кто сломит? Уж пускай лучше он...

Бубнов (ложится). Ну, твое дело...

Наташа. Ведь вот... хорошо, что она умерла... а жалко... Господи!.. Зачем жил человек?

Бубнов. Все так: родятся, проживут, умирают. И я помру... и ты... Чего жалеть?

Входят. Лука, Татарин, Кривой Зоб и Клещ. Клещ идет сзади всех, медленно, съехившись.

Наташа. Ш-ш! Анна...

Кривой Зоб. Слышали... царство небесное, коли померла...

Татарин (Клещу). Надо вон тащить! Сени надо тащить! Здесь – мертвый – нельзя, здесь – живой спать будет...

Клещ (негромко). Вытащим...

Все подходят к постели. Клещ смотрит на жену через плечи других.

Кривой Зоб (Татарину). Ты думаешь – дух пойдет? От нее духа не будет... она вся еще живая высохла...

Наташа. Господи! Хоть бы пожалели... хоть бы кто слово сказал какое-нибудь! Эх вы...

Лука. Ты, девушка, не обижайся... ничего! Где им... куда нам – мертвых жалеть? Э, милая! Живых – не жалеем... сами себя пожалеть-то не можем... где тут!

Бубнов (зевая). И опять же – смерть слова не боится!.. Болезнь – боится слова, а смерть – нет!

Татарин (отходя). Полицию надо...

Кривой Зоб. Полицию – это обязательно! Клещ! Полиции заявил?

Клещ. Нет... Хоронить надо... а у меня сорок копеек всего...

Кривой Зоб. Ну, на такой случай – займи... а то мы соберем... кто пятак, кто – сколько может... А полиции заяви... скорее! А то она подумает – убил ты бабу... или что... (Идет к нарам и собирается лечь рядом с Татаринком.)

Наташа (отходя к нарам Бубнова). Вот... будет она мне сниться теперь... мне всегда покойники снятся... Боюсь идти одна... в сенях – темно...

Лука (следуя за ней). Ты – живых опасайся... вот что я скажу...

Наташа. Проводи меня, дедушка...

Лука. Идем... идем, провожу!

Уходят. Пауза.

Кривой Зоб. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна, друг... тепло нам жить будет! Теперь уж в деревнях мужики сохи, бороны чинят... пахать налаживаются... н-да! А мы... Асан!.. Дрыхнет уж, Магомет окаянный...

Клещ (стоит посредине ночлежки и тупо смотрит пред собой). Чего же мне теперь делать?

Кривой Зоб. Ложись да спи... только и всего...

Клещ (тихо). А... она... как же?

Никто не отвечает ему. Сатин и Актер входят.

Актер (кричит). Старик! Сюда, мой верный Кент...

Сатин. Миклуха–Маклай идет... х-хо!

Актер. Кончено и решено! Старик, где город... где ты?

Сатин. фата–моргана! Наврал тебе старик... Ничего нет! Нет городов, нет людей... ничего нет!

Актер. Врешь!

Татарин (вскакивая). Где хозяин? Хозяину иду! Нельзя спать – нельзя деньги брать... Мертвые... пьяные... (Быстро уходит.)

Сатин свистит вслед ему.

Бубнов (сонным голосом). Ложись, ребята, не шуми... ночью – спать надо!

Актер. Да... здесь – ага! Мертвец... «Наши сети притащили мертвеца»... стихотворение... Б–беранжера!

Сатин (кричит). Мертвецы – не слышат! Мертвецы не чувствуют... Кричи... реви... мертвецы не слышат!..

В двери является Лука.

Занавес

Акт третий

«Пустырь» – засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его – высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него – кусты бузины. Направо – темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки: сарая или конюшни. А налево – серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на середину пустыря. Между ею и красной стеной – узкий проход. В серой стене два окна: одно – в уровень с землей, другое – аршина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиной аршина в четыре. Направо у стены – куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом Наташа и Настя. На дровнях – Лука и Барон. Клещ лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли – рожа Бубнова.

Настя (закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает). Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и – белый как мел, а в руках у него леворверт...

Наташа (грызет семечки). Ишь! Видно, правду говорят, что студенты – отчаянные...

Настя. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь...»

Бубнов. Хо-хо! Драгоценная?

Барон. погоди! Не любо – не слушай, а врать не мешай... дальше!

Настя. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишиться себя жизни...» А леворверт у него – огромный и заряжен десятью пулями... «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! – решил я бесповоротно... жить без тебя – никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой... Рауль...»

Бубнов (удивленный). Чего-о? Как? Краул?

Барон (хохочет). Настька! Да ведь... ведь прошлый раз – Гастон был!

Настя (вскакивая). Молчите... несчастные! Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня – была она... настоящая! (Барону.) Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь – лежа кофей пил...

Лука. А вы – погоди-ите! Вы – не мешайте! Уважьте человеку... не в слове – дело, а – почему слово говорится? – вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Бубнов. Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

Барон. Ну – дальше!

Наташа. Не слушай их... что они? Они – из зависти это... про себя им сказать нечего...

Настя (снова садится). Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не верят... коли смеются... (Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.) И вот – отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни... как нужна она дорогим твоим родителям, для которых ты – вся их радость... Брось меня! Пусть лучше я пропаду... от тоски по тебе, жизнь моя... я – одна... я – таковская! Пускай уж я... погибаю, – все равно! Я – никуда не гоюсь... и нет мне ничего... нет ничего...» (Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.)

Наташа (отвертываясь в сторону, негромко). Не плачь... не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

Бубнов (хохочет). Ах... чертова кукла! а?

Барон (тоже смеется). Дедка! Ты думаешь – это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»... Все это – ерунда! Брось ее!..

Наташа. А тебе что? Ты! Молчи уж... коли бог убил...

Настя (яростно). Пропадающая душа! Пустой человек! Где у тебя – душа?

Лука (берет Настю за руку). Уйдем, милая! ничего... не сердись! Я – знаю... Я – верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит – была она! Была! А на него – не сердись, на сожителя-то... Он... может, и впрямь из зависти смеется... у него, может, вовсе не было настоящего-то... ничего не было! Пойдем-ка!..

Настя (крепко прижимая руки ко груди). Дедушка! Ей-богу... было это! Все было!.. Студент он... француз был... Гастошей звали... с черной бородкой... в лаковых сапогах ходил... разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил... так любил!

Лука. Я – знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-яй-ай! Ну – и ты его тоже – любила?

Уходят за угол.

Барон. Ну и глупа же эта девица... добрая, но... глупа – нестерпимо!

Бубнов. И чего это... человек врать так любит? Всегда – как перед следователем

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
стоит... право!

Наташа. Видно, вранье-то... приятнее правды... Я – тоже...

Барон. Что – тоже? Дальше?!

Наташа. Выдумываю... Выдумываю и – жду...

Барон. Чего?

Наташа (смущенно улыбаясь). Так... Вот, думаю, завтра... приедет кто-то... кто-нибудь... особенный... Или – случится что-нибудь... тоже – небывалое... Подолгу жду... всегда – жду... А так... на самом деле – чего можно ждать?

Пауза.

Барон (с усмешкой). Нечего ждать... Я – ничего не жду! Все уже... было! Прошло... кончено!.. Дальше!

Наташа. А то... вообразу себе, что завтра я... скоростижно помру... И станет от этого – жутко... Летом хорошо вообразать про смерть... грозы бывают летом... всегда может грозой убить...

Барон. Нехорошо тебе жить... эта сестра твоя... дьявольский характер!

Наташа. А кому – хорошо жить? Всем плохо... я вижу...

Клещ (до этой поры неподвижный и безучастный – вдруг вскакивает). Всем? Врешь! Не всем! Кабы – всем... пускай! Тогда – не обидно... да!

Бубнов. Что тебя – черт боднул? Ишь ты... взвыл как!

Клещ снова ложится на свое место и ворчит.

Барон. А... надо мне к Настёнке мириться идти... не помирисься – на выпивку не даст...

Бубнов. Мм... Любят врать люди... Ну, Настька... дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать... вот и душу хочет подкрасить... румянец на душу наводит... А... другие – зачем? Вот – Лука, примерно... много он врет... и без всякой пользы для себя... Старик уж... Зачем бы ему?

Барон (усмехаясь, отходит). У всех людей – души серенькие... все подрумяниться желают...

Лука (выходит из-за угла). Ты, барин, зачем девку тревожишь? Ты бы не мешал ей... пускай плачет-забавляется... Она ведь для своего удовольствия слезы льет... чем тебе это вредно?

Барон. Глупо, старик! Надоела она... Сегодня – Рауль, завтра – Гастон... а всегда одно и то же! Впрочем – я иду мириться с ней... (Уходит.)

Лука. Поди-ка, вот... приласкай! Человека приласкать – никогда не вредно...

Наташа. Добрый ты, дедушка... Отчего ты – такой добрый?

Лука. Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли так... да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел... Я те скажу – вовремя человека пожалеть... хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче... у инженера одного под Томском-городом... Ну, ладно! В лесу дача стояла, место – глухое... а зима была, и – один я, на даче-то... Славно-хорошо! Только раз – слышу – лезут!

Наташа. Воры?

Лука. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел... Гляжу – двое... открывают

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
окно – и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором... Я их упреждаю – отстаньте, мол! А то сейчас – стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они – на коленки пали: дескать, – пусти! Ну, а я уж того... осердился... за топор-то, знаешь! Говорю – я вас, лешие, прогонял, не шли... а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один – ложись, а другой – пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они... и говорят мне – дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая (смеется)... вот те и с топором! Да... Хорошие мужики оба... Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они – надоело, говорят... просишь-просишь, а никто не дает... обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили. Один, – Степаном звать, – возьмет, бывало, ружьишко и закатится в лес. А другой – Яков был, все хворал, кашлял все... Втроем, значит, мы дачу-то и стерегли. Пришла весна – прощай, говорят, дедушка! И ушли... В Россию побрели...

Наташа. Они – беглые? Каторжане?

Лука. Действительно – так, – беглые... с поселенья ушли... Хорошие мужики!.. Не пожалей я их – они бы, может, убили меня... али еще что... А потом – суд, да тюрьма, да Сибирь... что толку? Тюрьма – добру не научит, и Сибирь не научит... а человек – научит... да! Человек – может добру научить... очень просто!

Пауза.

Бубнов. Мм-да!.. А я вот... не умею врать! Зачем? По-моему – вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?

Клещ (вдруг снова вскакивает, как оboжженный, и кричит). Какая – правда? Где – правда? (Треплет руками лохмотья на себе.) Вот – правда! Работы нет... силы нет! Вот – правда! Пристанница... пристанища нету! Издыхать надо... вот она, правда! Дьявол! На... на что мне она – правда? Дай вздохнуть... вздохнуть дай! Чем я виноват?.. За что мне – правду? Жить – дьявол – жить нельзя... вот она – правда!..

Бубнов. Вот так... забрало!..

Лука. Господи Иисусе... слышь-ка, милый! Ты...

Клещ (дрожит от возбуждения). Говорите тут – пра-авда! Ты, старик, утешаешь всех... Я тебе скажу... ненавижу я всех! И эту правду... будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она – проклята! (Бежит за угол, оглядываясь.)

Лука. Ай-яй-ай! Как встревожился человек... И куда побежал?

Наташа. Все равно как рехнулся...

Бубнов. Здорово пущено! Как в театре разыграл... Бывает это, частенько... Не привык еще к жизни-то...

Пепел (медленно выходит из-за угла). Мир честной компании! Что, Лука, старец лукавый, всё истории рассказываешь?

Лука. Видел бы ты... как тут человек кричал!

Пепел. Это Клещ, что ли? Чего он? Бежит как ошпаренный...

Лука. Побежишь, если этак... к сердцу подступит...

Пепел (садится). Не люблю его... больно он зол да горд. (Передразнивая Клеща.) «Я – рабочий человек». И – все его ниже будто... Работай, коли нравится... чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить... тогда лошадь лучше всякого человека... возит и – молчит! Наташа! Твои – дома?

Наташа. На кладбище ушли... потом – ко всенощной хотели...

Пепел. То-то, я гляжу, свободна ты... редкость!

Лука (задумчиво, Бубнову). Вот... ты говоришь – правда... Она, правда-то, – не всегда по недугу человеку... не всегда правдой душу вылечишь... Был, примерно, такой

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил...

Бубнов. Во что-о?

Лука. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля... в той, дескать, земле – особые люди населяют... хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке – завсяко-просто – помогают... и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти... праведную эту землю искать. Был он – бедный, жил – плохо... и, когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, – духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько – пожду... а потом – брошу всю эту жизнь и – уйду в праведную землю...» Одна у него радость была – земля эта...

Пепел. Ну? Пошел?

Бубнов. Куда? Хо-хо!

Лука. И вот в это место – в Сибири дело-то было – прислали ссыльного, ученого... с книгами, с планами он, ученый-то, и со всякими штуками... Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-глядел – нет нигде праведной земли! Всё верно, все земли показаны, а праведной – нет!..

Пепел (негромко). Ну? Нету?

Бубнов хохочет.

Наташа. Погоди ты... ну, дедушка?

Лука. Человек – не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои – ни к чему, если праведной земли нет... Ученый – в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился – как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил – есть! а по планам выходит – нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты... сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый...» Да в ухо ему – раз! Да еще!.. (Помолчав.) А после того пошел домой – и удавился!..

Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.

Пепел (негромко). Ч-черт те возьми... история – невеселая...

Наташа. Не стерпел обмана...

Бубнов (угрюмо). Всё – сказки...

Пепел. Н-да... вот те и праведная земля... не оказалось, значит...

Наташа. Жалко... человека-то...

Бубнов. Всё – выдумки... тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда же! Хо-хо-хо!
(Исчезает из окна.)

Лука (кивая головой на окно Бубнова). Смеется! Эхе-хе...

Пауза.

Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро от вас...

Пепел. Куда теперь?

Лука. В хохлы... Слышал я – открыли там новую веру... поглядеть надо... да!.. Всё ищут люди, всё хотят – как лучше... Дай им, господи, терпенья!

Пепел. Как думаешь... найдут?

Лука. Люди-то? Они – найдут! Кто ищет – найдет... Кто крепко хочет – найдет!

Наташа. Кабы нашли что-нибудь... придумали бы получше что...

Лука. Они – придумают! Помогать только надо им, девонька... уважать надо...

Наташа. Как я помогу? Я сама... без помощи...

Пепел (решительно). Опять я... снова я буду говорить с тобой... Наташа... Вот – при нем... он – все знает... Иди... со мной!

Наташа. Куда? По тюрьмам?

Пепел. Я сказал – брошу воровство! Ей-богу – брошу! Коли сказал – сделаю! Я – грамотный... буду работать... Вот он говорит – в Сибирь-то по своей воле надо идти... Едем туда, ну?... Ты думаешь – моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю... вижу!.. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут... только это мне не помогает! Это... не то! Я – не каюсь... в совесть я не верю... Но – я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать...

Лука. Верно, милый! Дай тебе господи... помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя...

Пепел. Я – сызмалетства – вор... все, всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну – нате! Вот – я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то... оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня... Назови ты... Наташа, ну?

Наташа (грустно). Не верю я как-то... никаким словам... И беспокойно мне сегодня... сердце щемит... будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василий, разговор этот сегодня завел...

Пепел. Когда же? Я не первый раз говорю...

Наташа. И что же я с тобой пойду? Ведь... любить тебя... не очень я люблю... Иной раз – нравишься ты мне... а когда – глядеть на тебя тошно... Видно – не люблю я тебя... когда любят – плохого в любимом не видят... а я – вижу...

Пепел. Полюбишь – не бойся! Я тебя приучу к себе... ты только согласишься! Больше года я смотрел на тебя... вижу, ты девица строгая... хорошая... надежный человек... очень любил тебя!..

Василиса, нарядная, является в окне и, стоя у косяка, слушает.

Наташа. Так. Меня – любил, а сестру мою...

Пепел (смущенно). Ну, что она? Мало ли... эдаких-то...

Лука. Ты... ничего, девушка! Хлеба нету, – лебеду едят... если хлебушка-то нету...

Пепел (угрюмо). Ты... пожалей меня! Несладко живу... волчья жизнь – мало радует... Как в трясине тону... за что ни схватишься... все – гнилое... все – не держит... Сестра твоя... я думал, она... не то... Ежели бы она... не жадная до денег была – я бы ее ради... на все пошел!.. Лишь бы она – вся моя была... Ну, ей другого надо... ей – денег надо... и воли надо... а воля ей – чтобы развратничать. Она – помочь мне не может... А ты – как молодая елочка – и колешься, а сдержишь...

Лука. И я скажу – иди за него, девонька, иди! Он – парень ничего, хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе – поверит... Ты только поговаривай ему: «Вася, мол, ты – хороший человек... не забывай!» Ты подумай, милая, куда тебе идти кроме-то? Сестра у тебя – зверь злой... про мужа про ее – и сказать нечего: хуже всяких слов старик... и вся эта здешняя жизнь... Куда тебе идти? А парень – крепкий...

Наташа. Идти некуда... я знаю... думала... Только вот... не верю я никому... А идти мне – некуда...

Пепел. Одна дорога... ну, на эту дорогу я не допущу... Лучше убью...

Наташа (улыбаясь). Вот... еще не жена я тебе, а уж хочешь убить.

Пепел (обнимает ее). Брось, Наташа! Все равно!..

Наташа (прижимаясь к нему). Ну... одно я тебе скажу, Василий... вот как перед богом говорю! – как только ты меня первый раз ударишь... или иначе обидишь... я – себя не пожалею... или сама удавлюсь, или...

Пепел. Пускай у меня рука отсохнет, коли я тебя трону!..

Лука. Ничего, не сомневайся, милая! Ты ему нужнее, чем он – тебе...

Василиса (из окна). Вот и сосватались! Совет да любовь!

Наташа. Пришли!.. ох, господи! Видели... эх, Василий!

Пепел. Чего ты испугалась? Теперь никто не смеет тронуть тебя!

Василиса. Не бойся, Наталья! Он тебя бить не станет... Он ни бить, ни любить не может... я знаю!

Лука (негромко). Ах, баба... гадюка ядовитая...

Василиса. Он больше на словах удал...

Костылев (выходит). Наташка! Ты что тут делаешь, дармоедка? Сплетни плетешь? На родных жалуешься? А самовар не готов? На стол не собрано?

Наташа (уходя). Да ведь вы в церковь идти хотели...

Костылев. Не твое дело, чего мы хотели! Ты должна свое дело делать... что тебе приказано!

Пепел. Цыц, ты! Она тебе больше не слуга... Наталья, не ходи... не делай ничего!..

Наташа. Ты – не командуй... рано еще! (Уходит.)

Пепел (Костылеву). Будет вам! Поиздевались над человеком... достаточно! Теперь она – моя!

Костылев. Тво-оя? Когда купил? Сколько дал?

Василиса хохочет.

Лука. Вася! Ты – уйди...

Пепел. Смотрите вы... веселые! Не заплакать бы вам!

Василиса. Ой, страшно! Ой, боюсь!

Лука. Василий – уйди! Видишь – подстрекает она тебя... подзадоривает – понимаешь?

Пепел. Да... ага! Врет... врешь! Не быть тому, чего тебе хочется!

Василиса. И того не будет, чего я не захочу, Вася!

Пепел (грозит ей кулаком). Поглядим!.. (Уходит.)

Василиса (исчезая из окна). Устрою я тебе свадьбу!

Костылев (подходит к Луке). Что, старичок?

Лука. Ничего, старичок!..

Костылев. Так... Уходишь, говорят?

Лука. Пора...

Костылев. Куда?

Лука. Куда глаза поведут...

Костылев. Бродяжить, значит... Неудобство, видно, имеешь на одном-то месте жить?

Лука. Под лежач камень – сказано – и вода не течет...

Костылев. То – камень. А человек должен на одном месте жить... Нельзя, чтобы люди вроде тараканов жили... Куда кто хочет – туда и ползет... Человек должен определять себя к месту... а не путаться зря на земле...

Лука. А если которому – везде место?

Костылев. Стало быть, он – бродяга... бесполезный человек... Нужно, чтоб от человека польза была... чтобы он работал...

Лука. Ишь ты!

Костылев. Да. А как же?... Что такое... странник? Станный человек... непохожий на других... Ежели он – настояще странен... что-нибудь знает... что-нибудь узнал эдакое... не нужное никому... может, он и правду узнал там... ну, не всякая правда нужна... да! Он – про себя ее храни... и – молчи! Ежели он настояще-то... странен... он – молчит! А то – так говорит, что никому не понятно... И он – ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит... Как люди живут – не его дело... Он должен преследовать праведную жизнь... должен жить в лесах... в тущобах... невидимо! И никому не мешать, никого не осуждать... а за всех – молиться... за все мирские грехи... за мои, за твои... за все! Он для того и суеты мирской бежит... чтобы молиться. Вот как...

Пауза.

А ты... какой ты странник?... Пачпорта не имеешь... Хороший человек должен иметь пачпорт... Все хорошие люди пачпорта имеют... да!..

Лука. Есть – люди, а есть – иные – и человеки...

Костылев. Ты... не мудри! Загадок не загадывай... Я тебя не глупее... Что такое – люди и человеки?

Лука. Где тут загадка? Я говорю – есть земля, неудобная для посева... и есть урожайная земля... что ни посеешь на ней – родит... Так-то вот...

Костылев. Ну? Это к чему же?

Лука. Вот ты, примерно... Ежели тебе сам господь бог скажет: «Михаиле! Будь человеком!..» Все равно – никакого толку не будет... как ты есть – так и останешься...

Костылев. А... а – ты знаешь? – у жены моей дядя – полицейский? И если я...

Василиса (входит). Михаила Иваныч, иди чай пить.

Костылев (Луке). Ты... вот что: пошел-ка вон! долой с квартиры!..

Василиса. Да, убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен... Да и кто знает?... может, ты беглый какой...

Костылев. Сегодня же чтобы духа твоего не было! А то я... смотри!

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю... Беглого, мол, изловил... Награду дядя получить может... копейки три...

Бубнов (в окне). Чем тут торгуют? За что – три копейки?

Лука. Меня вот грозятся продать...

Василиса (мужу). Идем...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик... Они и за копейку продадут...

Костылев (Бубнову). Ты... вытаращился, ровно домовой из-под печки! (Идет с женой.)

Василиса. Сколько на свете темных людей... и жуликов разных!..

Лука. Приятного вам аппетиту!..

Василиса (оборачиваясь). Попридержи язык... гриб поганый! (Уходит с мужем за угол.)

Лука. Сегодня в ночь – уйду...

Бубнов. Это – лучше. Вовремя уйти всегда лучше...

Лука. Верно говоришь...

Бубнов. Я – знаю! Я, может, от каторги спасся тем, что вовремя ушел.

Лука. Ну?

Бубнов. Правда. Было так: жена у меня с мастером связалась... Мастер, положим, хороший... очень он ловко собак в енотов перекрашивал... кошек тоже – в кенгурий мех... выхухоль... и всяко. Ловкач. Так вот – связалась с ним жена... И так они крепко друг за друга взялись, что – того и гляди – либо отравят меня, либо еще как со света сживут. Я было – жену бить... а мастер – меня... Очень злобно дрался! Раз – половину бороды выдрал у меня и ребро сломал. Ну и я тоже обозлился... однажды жену по башке железным аршином ткнул... и вообще – большая война началась! Однако вижу – ничего эдак не выйдет... одолевают они меня! И задумал я тут – укокошить жену... крепко задумал! Но вовремя спохватился – ушел...

Лука. Эдак-то лучше! Пускай их там из собак енотов делают!..

Бубнов. Только... мастерская-то на жену была... и остался я – как видишь! Хоть, по правде говоря, пропилил бы я мастерскую... Запой у меня, видишь ли...

Лука. Запой? А-а!

Бубнов. Злющий запой! Как начну я заливать – весь пропьюсь, одна кожа остается... И еще – ленив я. Страсть как работать не люблю!..

Сатин и Актер входят, споря.

Сатин. Чепуха! Никуда ты не пойдешь... все это чертовщина! Старик! Чего ты надул в уши этому огарку?

Актер. Врешь! Дед! Скажи ему, что он – врет! Я – иду! Я сегодня – работал, мел улицу... а водки – не пил! Каково? Вот они – два пятиалтынных, а я – трезв!

Сатин. Нелепо, и всё тут! Дай, я пропью... а то – проиграю...

Актер. Пошел прочь! Это – на дорожку!

Лука (Сатину). А ты – почто его с толку сбиваешь?

Сатин. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, – что сбудется в жизни со мною?» Продулся, брат, я – вдребезги! Еще не все пропало, дед, – есть на свете шулера поумнее меня!

Лука. Веселый ты, Костянтин... приятный!

Бубнов. Актер! Поди-ка сюда!

Актер идет к окну и садится пред ним на корточки. Вполголоса разговаривают.

Сатин. Я, брат, молодой – занятен был! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень... плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей... славно!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лука. Как же это ты свихнулся со стези своей, а?

Сатин. Какой ты любопытный, старикашка! Все бы тебе знать... а – зачем?

Лука. Понять хочется дела-то человеческие... а на тебя гляжу – не понимаю! Эдакий ты бравый... Костянтин... неглупый... и вдруг...

Сатин. Тюрьма, дед! Я четыре года семь месяцев в тюрьме отсидел... а после тюрьмы – нет ходу!

Лука. Ого-го! За что сидел-то?

Сатин. За подлеца... убил подлеца в запальчивости и раздражении... В тюрьме я и в карты играть научился...

Лука. А убил – из-за бабы?

Сатин. Из-за родной сестры... Однако – ты отвяжись! Я не люблю, когда меня спрашивают... И... все это было давно... Сестра – умерла... уже девять лет... прошло... Славная, брат, была человечинка сестра у меня!..

Лука. Легко ты жизнь переносишь! А вот давеча тут... слесарь – так взвыл... а-а-яй!

Сатин. Клещ?

Лука. Он. «Работы, кричит, нету... ничего нету!»

Сатин. Привыкнет... Чем бы мне заняться?

Лука (тихо). Гляди! Идет...

Клещ идет – медленно, низко опустив голову.

Сатин. Эй, вдовец! Чего нюхалку повесил? Что хочешь выдумать?

Клещ. Думаю... чего делать буду? Инструмента – нет... всё – похороны съели!

Сатин. Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто – обременяй землю!..

Клещ. Ладно... говори... Я – стыд имею пред людьми...

Сатин. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется... Подумай – ты не станешь работать, я – не стану... еще сотни... тысячи, все! – понимаешь? все бросают работать! Никто ничего не хочет делать – что тогда будет?

Клещ. С голоду подохнут все...

Лука (Сатину). Тебе бы с такими речами к бегунам идти... Есть такие люди, бегуны называются...

Сатин. Я знаю... они – не дураки, дедка!

Из окна Костылевых доносится крик Наташи: «За что? Постой... за что-о?»

Лука (беспокойно). Наташа? Она кричит? а? Ах ты...

В квартире Костылевых – шум, возня, звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева: «А-а... еретица... шкуреха...»

Василиса. Стой... погоди... Я ее... вот... вот...

Наташа. Бьют! Убивают...

Сатин (кричит в окно). Эй, вы там!

Лука (суется). Василья бы... позвать бы Васю-то... ах, господи! Братцы... ребята...

Актер (убегая). Вот я... сейчас его...

Бубнов. Ну и часто они ее бить стали...

Сатин. Идем, старик... свидетелями будем!

Лука (идет вслед за Сатиным). Какой я свидетель! Куда уж... Василья-то бы скорее... Э-эхма!..

Наташа. Сестра... сестрица... Ва-а-а...

Бубнов. Рот заткнули... пойду взгляну...

Шум в квартире Костылевых стихает, удаляясь, должно быть, в сени из комнаты. Слышен крик старика: «Стой!» Громко хлопает дверь, и этот звук, как топором, обрубает весь шум. На сцене – тихо. Вечерний сумрак.

Клещ (безучастно сидит на дровнях, крепко потирает руки. Потом начинает что-то бормотать, сначала – невнятно, далее:) Как же?.. Надо жить... (Громко.) Пристанище надо... ну? Нет пристанища... ничего нет! Один человек... один, весь тут... Помощи нет... (Медленно, согнувшись, уходит.)

Несколько секунд зловещей тишины. Потом – где-то в проходе рождается смутный шум, хаос звуков. Он растет, приближается. Слышны отдельные голоса.

Василиса. Я ей – сестра! Пусти...

Костылев. Какое ты имеешь право?

Василиса. Каторжник...

Сатин. Ваську зови!.. скорее... Зоб – бей его!

Полицейский свисток.

Татарин (выбегает. Правая рука у него на перевязи). Какой-токой закон есть – днем убивать?

Кривой Зоб (за ним Медведев). Эх, и дал я ему разочек!

Медведев. Ты – как можешь драться?

Татарин. А ты? Твоя какая обязанность?

Медведев (гонится за крючником). Стой! Отдай свисток...

Костылев (выбегает). Абрам! Хватай... бери его! Убил...

Из-за угла выходят Квашня и Настя – они ведут под руки Наташу, растрепанную. Сатин пятится задом, отталкивая Василису, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нее прыгает как бесноватый Алешка, свистит ей в уши, кричит, воет. Потом еще несколько оборванных фигур мужчин и женщин.

Сатин (Василисе). Куда? Сова, проклятая...

Василиса. Прочь, каторжник! Жизни решусь, а – растерзаю...

Квашня (отводя Наташу). А ты, Карповна, полно... постыдись! Что зверствуешь?

Медведев (хватает Сатина). Ага... попал!

Сатин. Зоб! Лупи их!.. Васька... Васька!

Все сталкиваются в кучу около прохода, у красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.

Пепел (выскочив из проулка, он молча сильными движениями расталкивает всех). Где – Наталья? Ты...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Костылев (скрываясь за углом). Абрам! Хватай Ваську... братцы – помогите Ваську
взять! Вора... грабителя...

Пепел. А ты... блудня старая! (Сильно размахнувшись, бьет старика.)

Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела.
Пепел бросается к Наташе.

Василиса. Бейте Ваську! Голубчики... бейте вора!

Медведев (кричит Сатину). Не можешь... тут – дело семейное! Они – родные... а ты
кто?

Пепел. Как... чем она тебя? Ножом?

Квашня. Гляди-ко, звери какие! Кипятком ноги девке сварили...

Настя. Самовар опрокинули...

Татарин. Может – нечаянно... надо – верно знать... нельзя зря говорить...

Наташа (почти в обмороке). Василий... возьми меня... схорони меня...

Василиса. Батюшки! Глядите-ка... смотрите-ка... помер! Убили...

Все толпятся у прохода, около Костылева. Из толпы выходит Бубнов, идет к
Василию.

Бубнов (негромко). Васька! Старик-то... того... готов!

Пепел (смотрит на него, как бы не понимая). Иди-зови... в больницу надо... ну, я
рассчитаюсь с ними!

Бубнов. Я говорю – старика-то кто-то уложил...

Шум на сцене гаснет, как огонь костра, заливаемый водой. Раздаются отдельные
возгласы вполголоса «Неужто?», «Вот те раз!», «Ну-у?», «Уйдем-ка, брат!», «Ах,
черт!», «Теперь – держись!», «Айда прочь, покуда полиции нет!» Толпа становится
меньше. Уходят Бубнов, Татарин. Настя и Квашня бросаются к труп Костылева.

Василиса (поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом). Убили! Мужа моего...
вот кто убил! Васька убил! Я – видела! Голубчики – я видела! Что – Вася?
Полиция!

Пепел (отходит от Наташи). Пусти... прочь! (Смотрит на старика. Василисе.) Ну?
рада? (Трогает труп ногой.) Околел... старый пес! По-твоему вышло... А... не
прихлопнуть ли и тебя? (Бросается на нее.)

Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его. Василиса скрывается в проулке.

Сатин. Опомнись!

Кривой Зоб. Тпруу! Куда скачешь?

Василиса (появляясь). Что, Вася, мил друг? От судьбы – не уйдешь... Полиция!
Абрам... свисти!

Медведев. Свисток сорвали, дьяволы...

Алешка. Вот он! (Свистит.)

Медведев бежит за ним.

Сатин (отводя Пепла к Наташе). Васька – не трусь! Убийство в драке... пустяки! Это
– недорого стоит...

Василиса. Держите Ваську! Он убил... я видела!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Сатин. Я тоже раза три ударил старика... Много ли ему надо! Зови меня в свидетели, Васька...

Пепел. Мне... оправдываться не надо... Мне – Василису надо подвести... я же ее подведу! Она этого хотела... Она меня подговаривала мужа убить... подговаривала!..

Наташа (вдруг громко). А-а... я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они – заодно! Сестра моя и – он... они заодно! Они все это подстроили! Так, Василий?.. Ты... для того со мной давеча говорил... чтобы она все слышала? Люди добрые! Она – его любовница... вы – знаете... это – все знают... они – заодно! Она... это она его подговорила мужа убить... муж им мешал... и я – мешала... Вот – изувечили меня...

Пепел. Наталья! Что ты... что ты?!

Сатин. Вот так... черт!

Василиса. Врешь! Врет она... я... Он, Васька, убил!

Наташа. Они – заодно! Будь вы прокляты! Вы оба...

Сатин. Н-ну, игра!.. Держись, Василий! Утопят они тебя!..

Кривой Зоб. Понять невозможно!.. Ах ты... дела!

Пепел. Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто веришь, что я... с ней...

Сатин. Ей-богу, Наташа, ты... сообрази!

Василиса (в проулке). Убили мужа моего... ваше благородие... Васька Пепел, вор... он убил... господин пристав! Я – видела... все видели...

Наташа (мечется почти в беспамятстве). Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиция – слушай... Вот эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вот он, проклятый! – они убили! Берите их... судите... Возьмите и меня... в тюрьму меня! Христа ради... в тюрьму меня!..

Занавес

Акт четвертый

Обстановка первого акта. Но комнаты Пепла – нет, переборки сломаны. И на месте, где сидел Клещ, – нет наковальни. В углу, где была комната Пепла, лежит Татарин, возится и стонет изредка. За столом сидит Клещ; он чинит гармонию, порою пробуя лады. На другом конце стола – Сатин, Барон и Настя. Пред ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть черного хлеба. На печи возится и кашляет Актер. Ночь. Сцена освещена лампой, стоящей посреди стола. На дворе – ветер.

Клещ. Д-да... он во время суматохи этой и пропал...

Барон. Исчез от полиции... яко дым от лица огня...

Сатин. Тако исчезают грешники от лица праведных!

Настя. Хороший был старичок!.. А вы... не люди... вы – ржавчина!

Барон (пьет). За ваше здоровье, леди!

Сатин. Любопытный старикан... да! Вот Настёнка – влюбилась в него...

Настя. И влюбилась... и полюбила! Верно! Он – все видел... все понимал...

Сатин (смеясь). И вообще... для многих был... как мякиш для беззубых...

Барон (смеясь). Как пластырь для нарывов...

Клещ. Он... жалостливый был... У вас вот... жалости

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Сатин. Какая польза тебе, если я тебя пожалею?..

Клещ. Ты – можешь... не то, что пожалеть можешь... ты умеешь не обижать...

Татарин (садится на нарах и качает свою больную руку, как ребенка). Старик хорош был... закон душе имел! Кто закон душа имеет – хорош! Кто закон терял – пропал!..

Барон. Какой закон, князь?

Татарин. Такой... Разный... Знаешь какой...

Барон. Дальше!

Татарин. Не обижай человека – вот закон!

Сатин. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»...

Барон. И еще – «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»...

Татарин. Коран называет... ваш Коран должна быть закон... Душа – должен быть Коран... да!

Клещ (пробуя гармонию). Шипит, дьявол!.. А князь верно говорит... надо жить – по закону... по Евангелию...

Сатин. Живи...

Барон. Попробуй...

Татарин. Магомет дал Коран, сказал: «Вот – закон! Делай, как написано тут!» Потом придет время – Коран будет мало... время даст свой закон, новый... Всякое время дает свой закон...

Сатин. Ну да... пришло время и дало «Уложение о наказаниях»... Крепкий закон... не скоро износишь!

Настя (ударяет стаканом по столу). И чего... зачем я живу здесь... с вами? Уйду... пойду куда-нибудь... на край света!

Барон. Без башмаков, леди?

Настя. Голая! На четвереньках поползу!

Барон. Это будет картинно, леди... если на четвереньках...

Настя. Да, и поползу! Только бы мне не видеть твоей рожи... Ах, опротивело мне все! Вся жизнь... все люди!..

Сатин. Пойдешь – так захвати с собой Актера... Он туда же собирается... ему известно стало, что всего в полуверсте от края света стоит лечебница для органонов...

Актер (высовываясь с печи). Орга-ни-змо-в, дурак!

Сатин. Для органонов, отравленных алкоголем...

Актер. Да! Он – уйдет! Он уйдет... увидите!

Барон. Кто – он, сэр?

Актер. Я!

Барон. Мерсі, служитель богини... как ее? Богиня драм, трагедии... как ее звали?

Актер. Муза, болван! Не богиня, а – муза!

Сатин. Лахеза... Гера... Афродита... Атропа... черт их разберет! Это все старик... навинтил Актера... понимаешь, Барон?

Актер. Невежды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди без сердца! Вы увидите – он уйдет!
«Обжирайтесь, мрачные умы»... стихотворение Беранжера... да! Он – найдет себе место...
где нет... нет...

Барон. Ничего нет, сэр?

Актер. Да! Ничего! «Яма эта... будет мне могилой... умираю, немощный и хилый!» Зачем
вы живете? Зачем?

Барон. Ты! Кин, или гений и беспутство! Не ори!

Актер. Врешь! Буду орать!

Настя (поднимая голову со стола, взмахивает руками). Кричи! Пусть слушают!

Барон. Какой смысл, леди?

Сатин. Оставь их. Барон! К черту!.. Пускай кричат... разбивают себе головы...
пускай! Смысл тут есть!.. Не мешай человеку, как говорил старик... Да, это он,
старая дрожжа, проквасил нам сожителей...

Клещ. Поманил их куда-то... а сам – дорогу не сказал...

Барон. Старик – шарлатан...

Настя. Врешь! Ты сам – шарлатан!

Барон. Цыц, леди!

Клещ. Правды он... не любил, старик-то... Очень против правды восставал... так и надо!
Верно – какая тут правда? И без нее – дышать нечем... Вон князь... руку-то раздавил
на работе... отпилить напрочь руку-то придется, слышь... вот те и правда!

Сатин (ударяя кулаком по столу). Молчать! Вы – все – скоты! Дубье... молчать о
старике! (Спокойнее.) Ты, Барон, – всех хуже!.. Ты – ничего не понимаешь... и –
врешь! Старик – не шарлатан! Что такое – правда? Человек – вот правда! Он это
понимал... вы – нет! Вы – тупы, как кирпичи... Я – понимаю старика... да! Он врал... но
– это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из
жалости к ближнему... я – знаю! я – читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе
лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... Ложь оправдывает ту тяжесть,
которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода... Я – знаю ложь!
Кто слаб душой... и кто живет чужими соками – тем ложь нужна... одних она
поддерживает, другие – прикрываются ею... А кто – сам себе хозяин... кто независим и
не жрет чужого – зачем тому ложь? Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог
свободного человека!

Барон. Bravo! Прекрасно сказано! Я – согласен! Ты говоришь... как порядочный
человек!

Сатин. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди...
говорят, как шулера? Да... я много позабыл, но – еще кое-что знаю! Старик? Он –
умница!.. Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...
Выпьем, за его здоровье! Наливай...

Настя наливает стакан пива и дает Сатину.

(Усмехаясь.) Старик живет из себя... он на все смотрит своими глазами. Однажды я
спросил его: «Дед! зачем живут люди?..» (Стараясь говорить голосом Луки и
подражая его манерам.) «А – для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем,
живут столяры и всё – хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр,
какого подобного и не видала земля, – всех превысил, и нет ему во столярах
равного. Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет
вперед двигает... Так же и все другие... слесаря, там... сапожники и прочие рабочие
люди... и все крестьяне... и даже господа – для лучшего живут! Всяк думает, что для
себя проживает, а выходит, что для лучшего! По сту лет... а может, и больше – для
лучшего человека живут!»

Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестает работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьет пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.

«Все, милочок, все, как есть, для лучшего живут! Потому-то всякого человека и уважать надо... неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может... может, он родился-то на счастье нам... для большой нам пользы?... Особенно же деток надо уважать... ребятишек! Ребятишкам – простор надобен! Деткам-то жить не мешайте... Деток уважьте!» (Смеется тихо.)

Пауза.

Барон (задумчиво). Мм-да... для лучшего? Это... напоминает наше семейство... Старая фамилия... времен Екатерины дворяне... вояки!.. выходцы из Франции... Служили, поднимались всё выше... При Николае Первом дед мой, Густав Дебиль... занимал высокий пост... Богатство... сотни крепостных... лошади... повара...

Настя. Врешь! Не было этого!

Барон (вскакивая). Что-о? Н-ну... дальше?!

Настя. Не было этого!

Барон (кричит). Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты... кареты с гербами!

Клещ берет гармонию, встает и отходит в сторону, откуда наблюдает за сценой.

Настя. Не было!

Барон. Цыц! Я говорю... десятки лакеев!..

Настя (с наслаждением). Н-не было!

Барон. Убью!

Настя (приготовляясь бежать). Не было карет!

Сатин. Брось, Настёнка! Не зли его...

Барон. Подожди... ты, дрянь! Дед мой...

Настя. Не было деда! Ничего не было!

Сатин хохочет.

Барон (усталый от гнева, садится на скамью). Сатин, скажи ей... шлюхе... Ты – тоже смеешься? Ты... тоже – не веришь? (Кричит с отчаяньем, ударяя кулаками по столу.) Было, черт вас возьми!

Настя (торжествуя). А-а, взвыл? Понял, каково человеку, когда ему не верят?

Клещ (возвращаясь к столу). Я думал – драка будет...

Татарин. А-ах, глупы люди! Очень плохо!

Барон. Я... не могу позволить издеваться надо мной! У меня – доказательства есть... документы, дьявол!

Сатин. Брось их! И забудь о каретах дедушки... в карете прошлого – никуда не уедешь...

Барон. Как она смеет, однако!

Настя. Ска-ажите! Как смею!..

Сатин. Видишь – смеет! Чем она хуже тебя? Хотя у нее в прошлом, уж наверное, не было не только карет и – дедушки, а даже отца с матерью...

Барон (успокаиваясь). Черт тебя возьми... ты... умеешь рассуждать спокойно... А у меня... кажется, нет характера...

Сатин. Заведи. Вещь – полезная...

Пауза.

Настя! Ты ходишь в больницу?

Настя. Зачем?

Сатин. К Наташе?

Настя. Хватился! Она – давно вышла... вышла и – пропала! Нигде ее нет...

Сатин. Значит – вся вышла...

Клещ. Интересно – кто кого крепче всадит? Васька – Василису, или она его?

Настя. Василиса – вывернется! Она – хитрая. А Ваську – в каторгу пошлют...

Сатин. За убийство в драке – только тюрьма...

Настя. Жаль. В каторгу – лучше бы... всех бы вас... в каторгу... смести бы вас, как сор... куда-нибудь в яму!

Сатин (удивленно). Что ты? Сбесилась?

Барон. Вот я ей в ухо дам... за дерзости!

Настя. Попробуй! Тронь!

Барон. Я – попробую!

Сатин. Брось! Не тронь... не обижай человека! У меня из головы вон не идет... этот старик! (Хохочет.) Не обижай человека!.. А если меня однажды обидели и – на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому...

Барон (Насте). Ты должна понимать, что я – не чета тебе! Ты... мразь!

Настя. Ах ты, несчастный! Ведь ты... ты мной живешь, как червь – яблоком!

Дружный взрыв хохота мужчин.

Клещ. Ах... дура! Яблочко!

Барон. Нельзя... сердиться... вот идиотка!

Настя. Смеетесь? Врете! Вам – не смешно!

Актер (мрачно). Катай их!

Настя. Кабы я... могла! я бы вас (берет со стола чашку и бросает на пол) – вот как!

Татарин. Зачем посуда бить? Э-э... болванка!..

Барон (вставая). Нет, я ее сейчас... научу манерам!

Настя (убегая). Черт вас возьми!

Сатин (вслед ей). Эй! Полно! Кого ты пугаешь? В чем дело, наконец?

Настя. Волки! (Убегает.) Чтоб вам издохнуть! Волки!

Актер (мрачно). Аминь!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Татарин. У-у! Злой баба – русский баба! Дерзкий... вольна! Татарка – нет! Татарка – закон знает!

Клещ. Трепку ей надо дать...

Барон. М-мерзавка!

Клещ (пробуя гармонию). Готова! А хозяйина ее – все нет... Горит парнишка...

Сатин. Теперь – выпей!

Клещ. Спасибо! Да и на боковую пора...

Сатин. Привыкаешь к нам?

Клещ (выпив, отходит в угол к нарам). Ничего... Везде – люди... Сначала – не видишь этого... потом – поглядишь, окажется, все люди... ничего!

Татарин расстиляет что-то на нарах, становится на колени и – молится.

Барон (указывая Сатину на Татарина). Гляди!

Сатин. Оставь! Он – хороший парень... не мешай! (Хохочет.) Я сегодня – добрый... черт знает почему!..

Барон. Ты всегда добрый, когда выпьешь... И умный...

Сатин. Когда я пьян... мне все нравится. Н-да... Он – молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек – свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за все платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.) Понимаешь? Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! (Встает.) Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я – арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорят мне – «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хохочет.) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!..

Барон (качая головой). Ты – рассуждаешь... Это – хорошо... это, должно быть, греет сердце... У меня – нет этого... я – не умею! (Оглядывается и – тихо, осторожно.) Я, брат, боюсь... иногда. Понимаешь? Трушу... Потому – что же дальше?

Сатин (уходит). Пустяки! Кого бояться человеку?

Барон. Знаешь... с той поры, как я помню себя... у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я. Мне... как-то неловко... мне кажется, что я всю жизнь только переодевался... а зачем? Не понимаю! Учился – носил мундир дворянского института... а чему учился? Не помню... Женился – одел фрак, потом – халат... а жену взял скверную и – зачем? Не понимаю... Прожил все, что было, – носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки... а как разорился? Не заметил... Служил в казенной палате... мундир, фуражка с кокардой... растратил казенные деньги, – надели на меня арестантский халат... потом – одел вот это... И всё... как во сне... а? Это... смешно?

Сатин. Не очень... Скорее – глупо...

Барон. Да... и я думаю, что глупо... А... ведь зачем-нибудь я родился... а?

Сатин (смеясь). Вероятно... Человек рождается для лучшего! (Кивая головой.) Так... хорошо!

Барон. Эта... Настька!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Все-таки... она...

Пауза.

Актер. Татарин!

Пауза.

Князь!

Татарин поворачивает голову.

За меня... помолись...

Татарин. Чего?

Актер (тише). Помолись... за меня!..

Татарин (помолчав). Сам молись...

Актер (быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и – почти бежит – в сени). Ушел!

Сатин. Эй ты, сикамбр! Куда? (Свистит.)

Входят – Медведев в женской ватной кофте и Бубнов; оба – выпивши, но не очень. В одной руке Бубнова – связка кренделей, в другой – несколько штук воблы, под мышкой – бутылка водки, в кармане пиджака – другая.

Медведев. Верблюд – он вроде... осла! Только без ушей...

Бубнов. Брось! Ты сам – вроде осла.

Медведев. Ушей вовсе нет у верблюда... он – ноздрей слышит...

Бубнов (Сатину). Друг! Я тебя искал по всем трактирам-кабакам! Возьми бутылку, у меня все руки заняты!

Сатин. А ты – положи крендели на стол – одна рука освободится...

Бубнов. Верно. Ах ты... Бутарь, гляди! Вот он, а? Умница!

Медведев. Жулики – все умные... я знаю! Им без ума – невозможно. Хороший человек, он – и глупый хорош, а плохой – обязательно должен иметь ум. Но насчет верблюда ты – неверно... он – животная ездовая... рогов у него нет... и зубов нет...

Бубнов. Где – народ? Отчего здесь людей нет? Эй, вылезай... я – угощаю! Кто в углу?

Сатин. Скоро ты пропьешься? Чучело!

Бубнов. Я – скоро! В этот раз капитал я накопил – коротенький... Зоб! Где Зоб?

Клещ (подходя к столу). Нет его...

Бубнов. У-у-ррр! Барбос! Бррю, бррю, бррю! Индюк! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, нос не вешай... Я – всех угощаю! Я, брат, угощать люблю! Кабы я был богатый... я бы... бесплатный трактир устроил! Ей-богу! С музыкой и чтобы хор певцов... Приходи, пей, ешь, слушай песни... отводи душу! Бедняк-человек... айда ко мне в бесплатный трактир! Сатин! Я бы... тебя бы... бери половину всех моих капиталов! Вот как!

Сатин. Ты мне сейчас отдай все...

Бубнов. Весь капитал? Сейчас? На! Вот – рубль... вот еще... двугривенный... пятаки... семишники... все!

Сатин. Ну и ладно! У меня – целее будет... Сыграю я на них...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Медведев. Я – свидетель... отданы деньги на сохранение... числом – сколько?

Бубнов. Ты? Ты – верблюд... Нам свидетелей не надо...

Алешка (входит босый). Братцы! Я ноги промочил!

Бубнов. Иди – промочи горло... Только и всего! Милый ты... поешь ты и играешь, очень это хорошо! А – пьешь – напрасно! Это, брат, вредно... пить – вредно!..

Алешка. По тебе вижу! Ты – только пьяный и похож на человека... Клещ! Гармошку – починил? (Поет, приплясывая.)

Эх, кабы мое рыло
Не красиво было –
Так меня бы кума моя
Вовсе не любила!
Озяб я, братцы! Х-холод-но!

Медведев. Мм... а если спросить – кто такая кума?

Бубнов. Отстань! Ты, брат, теперь – тю-тю! Ты уж не бутושник... кончено! И не бутושник, и не дядя...

Алешка. А просто – теткин муж!

Бубнов. Одна твоя племянница – в тюрьме, другая – помирает...

Медведев (гордо). Врешь! Она – не помирает, она у меня без вести пропала!

Сатин хохочет.

Бубнов. Все равно, брат! Человек без племянниц – не дядя!

Алешка. Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщик!

У кумы – есть деньги,
У меня – ни гроша!
Зато я веселый мальчик,
Зато я – хороший!
Холодно!

Входит Кривой Зоб; потом – до конца акта – еще несколько фигур мужчин и женщин. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.

Кривой Зоб. Бубнов! Ты чего сбежал?

Бубнов. Иди сюда! Садись... запоем мы, брат! Любимую мою... а?

Татарин. Ночь – спать надо! Песня петь днем надо!

Сатин. Ну, ничего, князь! Ты – иди сюда!

Татарин. Как – ничего? Шум будет... когда песня поют, шум бывает...

Бубнов (идя к нему). Князь! Что – рука? Отрезали тебе руку?

Татарин. Зачем? Погодим... может – не надо резать... Рука – не железный, резать – недолго...

Кривой Зоб. Яман твое дело, Асанка! Без руки ты – никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине ценится... Нет руки – и человека нет! Табак твое дело!.. Иди водку пить... больше никаких!

Квашня (входит). Ах, жители вы мои милые! На дворе-то, на дворе-то! Холод, слякоть... Бутושник мой здесь? Бутарь!

Медведев. Я!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Квашня. Опять мою кофту таскаешь? И как будто ты... немножко того, а? Ты что же это?

Медведев. По случаю именин... Бубнов... и – холодно... слякоть!

Квашня. Ты гляди у меня... слякоть! Не балуй... Иди-ка спать...

Медведев (уходит в кухню). Спать – я могу... я хочу... пора!

Сатин. Ты чего... больно строга с ним?

Квашня. Нельзя, дружок, иначе... Подобного мужчину надо в строгости держать. Я его в сожители взяла, – думала, польза мне от него будет... как он – человек военный, а вы – люди буйные... мое же дело – бабье... А он – пить! Это мне ни к чему!

Сатин. Плохо ты выбрала помощника...

Квашня. Нет – лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вон какой! А и станешь жить со мной – не больше недели сроку... проиграешь меня в карты со всей моей требухой!

Сатин (хохочет). Это верно, хозяйка! Проиграю...

Квашня. То-то! Алешка!

Алешка. Вот он – я!

Квашня. Ты – что про меня болтаешь?

Алешка. Я? Всё! Всё, по совести. Вот, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости – десять пудов, а мозгу – золотника нету!

Квашня. Ну, это ты врешь! Мозг у меня даже очень есть... Нет, ты зачем говоришь, что я buttoшника моего бью?

Алешка. Я думал, ты его била, когда за волосы таскала...

Квашня. (смеясь). Дурак! А ты – будто не видишь. Зачем сор из избы выносить?... И, опять же, обидно ему... Он от твоего разговору пить начал...

Алешка. Стало быть, правду говорят, что и курица пьет!

Сатин, Клещ – хохочут.

Квашня. У, зубоскал! И что ты за человек, Алешка?

Алешка. Самый первый сорт человек! На все руки! Куда глаз мой глянет, туда меня и тянет!

Бубнов (около нар Татарина). Идем! Все равно – спать не дадим! Петь будем... всю ночь! Зоб!

Кривой Зоб. Петь? Можно...

Алешка. А я – подыграю!

Сатин. Послушаем!

Татарин (улыбаясь). Ну, шайтан Бубна... подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть пришел – помирать будим!

Бубнов. Наливай ему, Сатин! Зоб, садись! Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я – выпил и – рад! Зоб!.. Затягивай... любимую! Запою... заплачу!..

Кривой Зоб (запевает). Со-олнце всходит и захо-оди-ит...

Бубнов (подхватывая). А-а в тюрьме моей темно-о!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Дверь быстро отворяется.

Барон (стоя на пороге, кричит). Эй... вы! Иди... идите сюда! На пустыре... там... Актер...
удавился!

Молчание. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется Настя и медленно,
широко раскрыв глаза, идет к столу.

Сатин (негромко). Эх... испортил песню... дур-рак!

Занавес

Дачники
(сцены)

Действующие лица

Басов, Сергей Васильевич, адвокат, под 40 лет.

Варвара Михайловна, его жена, 27 лет.

Калерия, сестра Басова, 29 лет.

Влас, брат жены Басова, 25 лет.

Суслов, Петр Иванович, инженер, 42 года.

Юлия Филипповна, его жена, 30 лет.

Дудаков, Кирилл Акимович, доктор, 40 лет.

Ольга Алексеевна, его жена, 35 лет.

Шалимов, Яков Петрович, литератор, лет 40.

Рюмин, Павел Сергеевич, 32 года.

Марья Львовна, врач, 37 лет.

Соня, дочь ее, 18 лет.

Двоеточие, Семен Семенович, дядя Суслова, 55 лет.

Замыслов, Николай Петрович, помощник Басова, 28 лет.

Зимин, студент, 23 года.

Пустобайка, дачный сторож, 50 лет.

Кропилкин, сторож.

Саша, горничная Басовых.

Женщина с подвязанной щекой

Господин Семенов

Дама в желтом платье любители

Молодой человек в клетчатом костюме драматического

Барышня в голубом искусства.

Барышня в розовом

Юнкер

Господин в цилиндре

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Действие первое

Дача Басовых. Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу; в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом. Вечер. Басов сидит за столом в кабинете, перед ним рабочая лампа под зеленым абажуром. Он пишет, сидя боком к двери, поворачивает голову, присматривается к чему-то в полутьме большой комнаты и порой тихо напевает. Варвара Михайловна бесшумно выходит из своей комнаты, зажигает спичку, держит ее перед лицом, осматривается. Огонь гаснет. В темноте, тихо подвигаясь к окну, она задевает стул.

Басов. Это кто?

Варвара Михайловна. Я.

Басов. А...

Варвара Михайловна. Ты взял свечу?

Басов. Нет.

Варвара Михайловна. Позвони Сашу.

Басов. Влас приехал?

Варвара Михайловна (у двери на террасу). Не знаю...

Басов. Глупая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели... пол скрипит... (Напевает что-то веселое.) Варя, ты ушла?

Варвара Михайловна. Я здесь...

Басов (собирает бумаги, укладывает их). У тебя в комнате дует?

Варвара Михайловна. Дует...

Басов. Вот видишь!

(Саша входит.)

Варвара Михайловна. Дайте огня, Саша.

Басов. Саша, Влас Михайлович приехал?

Саша. Нет еще.

(Саша выходит, возвращается с лампой, ставит ее на стол около кресла. Вытирает пепельницу, на обеденном столе поправляет скатерть. Варвара Михайловна спускает штору, берет с полки книгу, садится в кресло.)

Басов (добродушно). Он стал неаккуратен, этот Влас... и ленив... Последнее время он вообще ведет себя... нелепо как-то. Это – факт.

Варвара Михайловна. Ты хочешь чаю?

Басов. Нет, я уйду к Сусловым.

Варвара Михайловна. Саша, сходите к Ольге Алексеевне... узнайте, не придет ли она пить чай ко мне...

(Саша уходит.)

Басов (запирая бумаги в столе). Ну, вот и кончено! (Выходит из кабинета, расправляя спину.) Ты, Варя, сказала бы ему, разумеется, в мягкой форме...

Басов. Ну, чтоб он более... внимательно относился к своим обязанностям... а?

Варвара Михайловна. Я скажу. Только, мне кажется, ты напрасно говоришь о нем... в этом тоне при Саше...

Басов (осматривает комнату). Это – пустяки! От прислуги все равно ничего не скроешь... Как у нас пусто! Надо бы, Варя, прикрыть чем-нибудь эти голые стены... Какие-нибудь рамки... картинки... а то, посмотри, как неуютно!.. Ну, я пойду. Дай мне лапку... Какая ты холодная со мной, неразговорчивая... отчего, а? И лицо у тебя такое скучное, отчего? Скажи!

Варвара Михайловна. Ты очень торопишься к Суслову?

Басов. Да, надо идти. Давно я с ним не играл в шахматы... и давно не целовал твою лапку... почему? Вот странно!

Варвара Михайловна (скрывая улыбку). Так мы отложим беседу о моем настроении до поры... когда у тебя будет более свободное время... Ведь это не важно?

Басов (успокоительно). Ну, конечно! Ведь это я так... что может быть? Ты милая женщина... умная, искренняя... и прочее. Если бы ты имела что-нибудь против меня – ты сказала бы... А отчего у тебя так блестят глазки?.. Нездоровится?

Варвара Михайловна. Нет, я здорова.

Басов. Знаешь... надо бы тебе чем-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вот все читаешь... очень много читаешь!.. А ведь всякое излишество вредно, это – факт!

Варвара Михайловна. Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Сулова...

Басов (смеясь). Это ты зло сказала! Но, знаешь, все эти модные, пряные книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое... И сочиняют их какие-то нервно-растерзанные господа. (Зевают.) Вот скоро явится к нам «всамделишный», как дети говорят, писатель: Интересно, каков он стал... вероятно, зазнался немножко... Все эти публичные люди болезненно честолюбивы... вообще, ненормальный народ! Вот и Калерия ненормальна, хотя – какая она писательница, строго говоря? Она будет рада видеть Шалимова. Вот бы ей выйти замуж за него, право! Стара она... Н-да! старовата... и ноет всегда, точно у нее хронически зубы болят... и не очень похожа на красавицу...

Варвара Михайловна. Как ты много говоришь лишнего, Сергей!

Басов. Разве? Ну, ничего, ведь мы с тобой одни... Да, люблю я поболтать. (За портьерой слышен сухой кашель.) Кто это?

Сулов (за портьерой). Я.

Басов (идет к нему навстречу). А я собирался к тебе!

Сулов (молча здоровается с Варварой Михайловной). Идем. Я пришел за тобой... Ты в городе сегодня не был?

Басов. Нет. А что?

Сулов (криво усмехаясь). Говорят, твой помощник выиграл в клубе две тысячи рублей...

Басов. Ого!

Сулов. У какого-то сильно пьяного купца...

Варвара Михайловна. Как вы всегда говорите...

Сулов. Как?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Варвара Михайловна. Да вот... выиграл деньги – и под- черкиваете – у пьяного.

Суслов (усмехаясь). Я не подчеркиваю.

Басов. Что ж тут особенного? Вот если бы он сказал, что Замыслов напоил купца и обыграл его – это, действительно, скверный жанр!.. Идем, Петр... Варя, когда придет Влас... ага! вот он... явился!

Влас (входит, в руках его старый портфель). Вы скучали без меня, мой патрон? Приятно знать это! (Суслову, дурачливо, как бы с угрозой.) Вас ищет какой-то человек, очевидно, только что приехавший. Он ходит по дачам пешком и очень громко спрашивает у всех – где вы живете... (Идет к сестре.) Здравствуй, Варя.

Варвара Михайловна. Здравствуй.

Суслов. Черт возьми! Вероятно, это мой дядя...

Басов. Значит, неудобно идти к тебе?

Суслов. Ну, вот еще! Ты думаешь, мне будет приятно с дядей, которого я почти не знаю? Я не видал его лет десять.

Басов (Власу). Пожалуйста ко мне... (Уводит Власа в кабинет.)

Суслов (закуривая). Вы не хотите пойти к нам, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. Нет... Ваш дядя – бедный?

Суслов. Богатый. Очень. Вы думаете, я только бедных родственников не люблю?

Варвара Михайловна. Не знаю...

Суслов (желчно покашливая). А этот ваш Замыслов в один подлый день скомпрометирует Сергея, вы увидите! Он – прохвост! Не согласны?

Варвара Михайловна (спокойно). Я не хочу говорить с вами о нем.

Суслов. Ну, что ж... Быть по сему. (Помолчав.) А вот вы – немножко рисуетесь вашей прямой... Смотрите, роль прямого человека – трудная роль... чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума... Вы не обижаетесь?

Варвара Михайловна. Нет.

Суслов. И не хотите спорить? Или вы в душе согласны с моими словами?

Варвара Михайловна (просто). Я не умею спорить... не умею говорить...

Суслов (угрюмо). Не обижайтесь на меня. Мне трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой.

Саша (входит). Ольга Алексеевна сказали, что они сейчас придут. Готовить чай?

Варвара Михайловна. Да, пожалуйста.

Саша. Николай Петрович идут к нам.

(Уходит.)

Суслов (подходя к двери кабинета). Сергей, ты скоро?.. Я ухожу...

Басов. Сейчас, сию минуту!

Замыслов (входит). Мой привет, патронесса! Здравствуйте, Петр Иванович.

Суслов (покашливая). Мое почтение. Каким вы... мотыльком.

Замыслов. Легкий человек! Легко на сердце и в кармане, и в голове легко!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Суслов (грубовато, с иронией). По поводу головы и сердца не буду спорить, а вот о кармане – говорят, вы обыграли кого-то в клубе...

Замыслов (мягко). Обо мне следует сказать: выиграл. Обыграл – это говорят о шулере.

Варвара Михайловна. Про вас всегда слышишь что-нибудь сенсационное. Говорят, это участь недюжинных людей.

Замыслов. По крайней мере сам я, слушая сплетни обо мне, постепенно убеждаюсь в своей недюжинности... А выиграл я, к сожалению, немного – сорок два рубля...

(Суслов, сухо кашляя, отходит налево и смотрит в окно.)

Басов (выходя). Только! Я уж мечтал о шампанском... Ну-с, вы имеете что-нибудь сообщить мне? Я тороплюсь...

Замыслов. Вы уходите? Так я после, это не спешно. Варвара Михайловна, как жаль, что вы не были на спектакле! Юлия Филипповна восхитительно играла... чудесно!..

Варвара Михайловна. Мне вообще нравится, как она играет.

Замыслов (с увлечением). Она – талант! Отрежьте мне голову, если я ошибаюсь!

Суслов (усмехаясь). А вдруг придется отрезать? Совсем без головы неудобно... Ну, идем, Сергей!.. До свиданья, Варвара Михайловна. Честь имею... (Кланяется Замыслову.)

Басов (заглядывая в кабинет, где Влас разбирает бумаги). Так завтра к девяти утра вы все это перепишите, – могу надеяться?

Влас. Надейтесь... И да посетит вас бессонница, уважаемый патрон...

(Суслов и Басов уходят.)

Замыслов. И я пойду... Вашу ручку, патронесса.

Варвара Михайловна. Оставайтесь пить чай!

Замыслов. Если позволите, я приду потом. А сейчас – не могу! (Быстро уходит.)

Влас (являясь из кабинета). Варя! В этом доме будут пить чай?

Варвара Михайловна. Позови Сашу. (Кладет ему руки на плечи.) Отчего ты такой измученный?

Влас (трется щекой об ее руку). Устал. С десяти до трех сидел в суде... С трех до семи бегал по городу... Шурочка!.. И не успел пообедать.

Варвара Михайловна. Письмоводитель... Это – ниже тебя, Влас!

Влас (дурачливо). Нужно стараться достигать высот и так далее... я знаю. Но, Варя! – примеры любя, беру трубочиста на крыше: конечно, залез он всех выше... а разве он выше себя?

Варвара Михайловна. Не дури! Почему ты не хочешь поискать другого труда... более полезного, более значительного?..

Влас (комически возмущаясь). Сударыня! Я принимаю хотя и косвенное, но напряженное участие в защите и охране священного института собственности а вы называете это бесполезным трудом! Какой разврат мысли!

Варвара Михайловна. Ты не хочешь говорить серьезно?..

(Саша входит.)

Влас (Саше). Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить.

Влас. И котлет и всего прочего, им подобного...Жду!

(Саша уходит.)

Влас (обнимает сестру за талию и ходит с нею по комнате). Ну, ты что?

Варвара Михайловна. Мне почему-то грустно, Власик! Знаешь... иногда, вдруг как-то... ни о чем не думая, всем существом почувствуешь себя точно в плену... Все кажется чужим... скрытно враждебным тебе... все такое не нужное никому... И все как-то несерьезно живут... Вот и ты... балагуришь... шутишь...

Влас (комически становясь перед нею в позу).

Не укоряй меня, мой друг,

За то, что часто я шучу:

Веселой шуткой мой недуг

Перед тобой я скрыть хочу...

Стихи собственной фабрикации и гораздо лучше стихов Калерии... Но я не буду читать их до конца: они аршин пять длиной... Дорогая сестра моя! Ты хочешь, чтобы я был серьезен? Так, вероятно, кривой хочет видеть всех ближних своих одноглазыми.

(Входит Саша с чайной посудой и ловко суетится около стола. Слышна трещотка ночного сторожа.)

Варвара Михайловна. Брось, Влас! Не надо болтать.

Влас. Хорошо – сказал он – и грустно замолчал. Н-да! Ты не великодушна, сестренка! Целый день я молчу, переписывая копии разных ябед и кляуз... естественно, что вечером мне хочется говорить... Варвара Михайловна. А мне вот хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело... Ты понимаешь меня?..

Влас (задумчиво). Да... понимаю... Но – никуда ты не уйдешь, Варя!

Варвара Михайловна. А может быть, уйду. (Пауза. Саша вносит самовар.) Вероятно, завтра приедет Шалимов...

Влас (зевая). Не люблю я его последних писаний – пусто, скучно, вяло.

Варвара Михайловна. Я видела его однажды на вечере... я была гимназисткой тогда... Помню, он вышел на эстраду, такой крепкий, твердый... непокорные, густые волосы, лицо – открытое, смелое... лицо человека, который знает, что он любит и что ненавидит... знает свою силу... Я смотрела на него и дрожала от радости, что есть такие люди... Хорошо было! да! Помню, как энергично он встряхивал головой, его буйные волосы темным вихрем падали на лоб... и вдохновенные глаза его помню... Прошло шесть-семь – нет, уже восемь лет...

Влас. Ты мечтаешь о нем, как институтка о новом учителе. Берегись, сестра моя! Писатели, как я слышал, большие мастера по части совращения женщин...

Варвара Михайловна. Это нехорошо, Влас, это – пошло!

Влас (просто, искренно). Ну, не сердись, Варя!

Варвара Михайловна. Ты пойми... я жду его... как весну! Мне нехорошо жить...

Влас. Я понимаю, понимаю. Мне самому нехорошо... совестно как-то жить... неловко... и не понимаешь, что же будет дальше?..

Варвара Михайловна. О да, Влас, да! Но зачем ты...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Влас. Паясничаю?.. Я не люблю, когда другие видят, что мне нехорошо...

Калерия (входит). Какая чудесная ночь! А вы сидите тут – и у вас пахнет угаром.

Влас (встряхиваясь). Мое почтение, Абстракция Васильевна!

Калерия. В лесу так тихо, задумчиво... славно! Луна – ласковая, тени густые и теплые... День никогда не может быть красивее ночи...

Влас (в тон ей). О да! Старушки всегда веселее, чем девушки, и раки летают быстрее, чем ласточки...

Калерия (сядась за стол). Вы ничего не понимаете! Варя, налей мне чаю... Никто не был у нас?

Влас (поучительно-дурачливо). Никто – не может быть или не быть... ибо никто – не существует.

Калерия. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

(Влас молча кланяется ей и уходит в кабинет, перебирает там бумаги на столе. За окном вдали слышна трещотка ночного сторожа и тихий свист.)

Варвара Михайловна. К тебе приходила Юлия Филипповна...

Калерия. Ко мне? Ах, да... по поводу спектакля...

Варвара Михайловна. Ты была в лесу?

Калерия. Да. Я встретила Рюмина... он много говорил о тебе...

Варвара Михайловна. Что же он говорил?

Калерия. Ты знаешь...

(Пауза. Влас напевает что-то, гнусаво, негромко.)

Варвара Михайловна (вздыхая). Это очень печально.

Калерия. Для него?

Варвара Михайловна. Однажды он сказал мне, что любовь к женщине трагическая обязанность мужчины...

Калерия. Ты раньше относилась к нему иначе.

Варвара Михайловна. Ты ставишь это мне в вину? Да?

Калерия. О нет, Варя, нет!

Варвара Михайловна. Сначала я старалась рассеять его печальное настроение...и, правда, много уделяла ему внимания... Потом я увидела, к чему это ведет... тогда он уехал.

Калерия. Ты объяснилась с ним?

Варвара Михайловна. Ни словом! Ни я, ни он...

(Пауза.)

Калерия. Его любовь должна быть теплой и бессильной... вся – в красивых словах... и без радости. А любовь без радости – для женщины обидна. Тебе не кажется, что он горбатый?

Варвара Михайловна (удивленно). Не замечала... разве? Ты ошибаешься!..

Калерия. В нем, в его душе есть что-то не-стройное... А когда я это замечаю в человеке, мне начинает казаться, что он и физически урод.

Влас (выходит из кабинета, грустно, потрясая пачкой бумаги). Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса, что при всем горячем желании моем – не могу я исполнить к сроку, назначенному патроном, возложенную на меня неприятную обязанность!..

Варвара Михайловна. Я помогу тебе потом. Пей чай.

Влас. Сестра моя! Воистину ты – сестра моя! Гордись этим! Абстракция Васильевна, учитесь любить ближнего, пока жива сестра моя и я сам!..

Калерия. А знаете, – вы горбатый!

Влас. С какой точки зрения?

Калерия. У вас горбатая душа.

Влас. Это, надеюсь, не портит моей фигуры?

Калерия. Грубость – такое же уродство, как горб... Глупые люди похожи на хромых...

Влас (в тон ей). Хромые – на ваши афоризмы...

Калерия. Люди пошлые кажутся мне рябыми, и почти всегда они блондины...

Влас. Все брюнеты рано женятся, а метафизики – слепы и глухи... очень жаль, что они владеют языком!

Калерия. Это неостроумно! И вы, наверное, даже не знаете метафизики.

Влас. Знаю. Табак и метафизика суть предметы наслаждения для любителей. Я не курю и о вреде табака ничего не знаю, но метафизиков читал, это вызывает тошноту и головокружение...

Калерия. Слабые головы кружатся и от запаха цветов!

Варвара Михайловна. Вы кончите ссорой!

Влас. Я буду есть – это полезнее.

Калерия. Я поиграю – это лучше. Как душно здесь, Варя!

Варвара Михайловна. Я открою дверь на террасу... Ольга идет...

(Пауза. Влас пьет чай. Калерия садится за рояль. За окном тихий свист сторожа, и, в ответ ему, издали доносится еще более тихий свист. Калерия тихонько касается клавиш среднего регистра. Ольга Алексеевна входит, быстро откинув портьеру, точно влетает большая, испуганная птица, сбрасывает с головы серую шаль.)

Ольга Алексеевна. Вот и я... едва вырвалась! (Целует Варвару Михайловну.) Добрый вечер, Калерия Васильевна! О, играйте, играйте! Ведь можно и без рукопожатий, да? Здравствуйте, Влас.

Влас. Добрый вечер, мамаша!

Варвара Михайловна. Ну, садись... Налить чаю? Почему я так долго не шла?

Ольга Алексеевна (нервно). Подожди! Там, на воле – жутко... и кажется, что в лесу притаился кто-то... недобрый... Свистят сторожа, и свист такой... насмешливо-печальный... Зачем они свистят?

Влас. Н-да! Подозрительно! Не нас ли это они освистывают?

Ольга Алексеевна. Мне хотелось поскорее придти к тебе... а Надя раскапризничалась, должно быть, тоже нездоровится ей... Ведь Волька нездоров, ты знаешь? Да, жар у него... потом нужно было выкупать Соню... Миша убежал в лес еще после обеда, а вернулся только сейчас, весь оборванный, грязный и, конечно, голодный... А тут

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru приехал муж из города и чем-то раздражен... молчит, нахмурился... Я совершенно завертелась, право... Эта новая горничная – чистое наказание! Стала мыть пузырьки для молока кипятком, и они полопались!

Варвара Михайловна (улыбаясь). Бедная ты моя... славная моя! Устаешь ты...

Влас. О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом – оттого-то у тебя все перепекается или недопечено... какие мудрые слова!

Калерия. Только звучат скверно: перепе – фи!

Влас. Прошу извинить – русский язык сочинил не я!

Ольга Алексеевна (немного обиженная). Вам, конечно, смешно слушать все это... вам скучно... я понимаю! Но что же! У кого что болит, тот о том и говорит... Дети... когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит... дети, дети! Трудно с ними, Варя, так трудно, если бы ты знала!

Варвара Михайловна. Ты прости меня, – мне все кажется, что ты преувеличиваешь...

Ольга Алексеевна (возбужденно). Нет, не говори! Ты не можешь судить... Не можешь! Ты не знаешь, какое это тяжелое, гнетущее чувство ответственность перед детьми! Ведь они будут спрашивать меня, как надо жить... А что я скажу?

Влас. Да вы чего же раньше времени беспокоитесь? Может, они не спросят? Может быть, сами догадаются, как именно надо жить...

Ольга Алексеевна. Вы же не знаете! Они уже спрашивают, спрашивают! И это страшные вопросы, на которые нет ответов ни у меня, ни у вас, ни у кого нет! Как мучительно трудно быть женщиной!..

Влас (негромко, но серьезно). Нужно быть человеком...

(Идет в кабинет и садится там за стол. Пишет.)

Варвара Михайловна. Перестань, Влас! (Встает и медленно отходит от стола к двери на террасу.)

Калерия (мечтательно). Но заря своей улыбкой погасила звезды в небе. (Тоже встает из-за рояля, стоит в двери на террасу рядом с Варварой Михайловной.)

Ольга Алексеевна. Я, кажется, на всех нагнала тоску? Точно сова ночью... о боже мой! Ну, хорошо, не буду об этом... Зачем же ты ушла, Варя? иди ко мне... а то я подумаю, что тебе тяжело со мной.

Варвара Михайловна (быстро подходит). Какой вздор, Ольга! Мне просто стало невыносимо жалко...

Ольга Алексеевна. Не надо... Знаешь, я сама иногда чувствую себя противной... и жалкой... мне кажется, что душа моя вся сморщилась и стала похожа на старую маленькую собачку... бывают такие комнатные собачки... они злые, никого не любят и всегда хотят незаметно укусить...

Калерия. Восходит солнце и заходит, – а в сердцах людей всегда сумерки.

Ольга Алексеевна. Вы что?

Калерия. Я?.. Это... так я, сама с собой беседую.

Влас (в кабинете гнусаво поет на голос «Вечная память»). Семейное счастье... семейное счастье...

Варвара Михайловна. Влас, прошу тебя, молчи!

Влас. Молчу...

Ольга Алексеевна. Это я его настроила...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Калерия. Из леса вышли люди. Смотрите, как это красиво! И как смешно размахивает
руками Павел Сергеевич...

Варвара Михайловна. Кто с ним еще?

Калерия. Марья Львовна... Юлия Филипповна... Соня, Зимин... и Замыслов.

Ольга Алексеевна (кутается в шаль). А я такая замухрышка! Эта франтиха Суслова
посмеется надо мной... Вот не люблю ее!

Варвара Михайловна. Влас, позвони Сашу.

Влас. Вы, патронесса, отрываете меня от моих прямых обязанностей – так и знайте!

Ольга Алексеевна. Эта великолепная барыня... совсем не занимается детьми, и –
странно: они у нее всегда здоровы.

Марья Львовна (входит в дверь с террасы). Ваш муж сказал, что вам нездоровится,
– правда? Что с вами, а?

Варвара Михайловна. Я рада, что вы зашли, но я здорова...

(На террасе шум, смех.)

Марья Львовна. Лицо немножко нервное... (Ольге Алексеевне.) И вы здесь? Я не
видала вас так давно...

Ольга Алексеевна. Как будто вам приятно видеть меня... всегда такую кислую...

Марья Львовна. А если мне нравится кислое? Как ваши детки?

Юлия Филипповна (входит с террасы). Вот сколько я привела вам гостей! Но вы не
сердитесь – мы скоро уйдем. Здравствуйте, Ольга Алексеевна... А почему же не
входят мужчины? Варвара Михайловна, там Павел Сергеевич и Замыслов. Я позову их,
можно?

Варвара Михайловна. Конечно!

Юлия Филипповна. Идемте, Калерия Васильевна.

Марья Львовна (Власу). Вы похудели, отчего?

Влас. Не могу знать!

Саша (входя в комнату). Подогреть самовар?

Варвара Михайловна. Пожалуйста... и поскорее.

Вместе.

Марья Львовна (Власу). А зачем вы гримасничаете?

Ольга Алексеевна. Он всегда...

Влас. Такая специальность у меня!

Марья Львовна. Все стараетесь быть остроумным? Да? И все неудачно?... Дорогая моя
Варвара Михайловна, Павел Сергеевич ваш окончательно погружается в протрацию...

Варвара Михайловна. Почему же мой?

(Входит Рюмин. Потом Юлия Филипповна и Калерия. Влас, нахмурившись, идет в
кабинет и затворяет за собою дверь. Ольга Алексеевна отводит Марью Львовну
налево и что-то неслышно говорит ей, указывая на грудь.)

Рюмин. Вы извините за такое позднее вторжение...

Варвара Михайловна. Я рада гостям...

Юлия Филипповна. Дачная жизнь хороша именно своей бесцеремонностью.. Но если бы вы слышали, как они спорили, он и Марья Львовна!

Рюмин. Я не умею говорить спокойно о том.. что так важно, необходимо выяснить..

(Саша вносит самовар. Варвара Михайловна – у стола – тихо отдает ей какие-то приказания, готовит посуду для чая. Рюмин, стоя у рояля, смотрит на нее задумчиво и упорно.)

Юлия Филипповна. Вы очень нервны, это мешает вам быть убедительным! (Варваре Михайловне.) Ваш муж сидит с моим орудием самоубийства, пьют коньяк, и у меня такое предчувствие, что они изрядно напьются. К мужу неожиданно приехал дядя – какой-то мясоторговец или маслодел, вообще фабрикант, хохочет, шумит, седой и кудрявый... забавный! А где же Николай Петрович? Благоразумный рыцарь мой?..

Замыслов (с террасы). Я здесь, Инезилья, стою под окном...

Юлия Филипповна. Идите сюда. Что вы там говорили?

Замыслов (входя). Развращал молодежь.. Соня и Зимин убеждали меня, что жизнь дана человеку для ежедневного упражнения в разрешении разных социальных, моральных и иных задач, а я доказывал им, что жизнь искусство! Вы понимаете, жизнь – искусство смотреть на все своими глазами, слышать своими ушами...

Юлия Филипповна. Это – вздор!

Замыслов. Я его сейчас только выдумал, но чувствую, что это останется моим твердым убеждением! Жизнь – искусство находить во всем красоту и радость, даже искусство есть и пить... Они ругаются, как вандалы.

Юлия Филипповна. Калерия Васильевна.. Прекратите болтовню!

Замыслов. Калерия Васильевна! Я знаю, вы любите все красивое – почему вы не любите меня? Это ужасное противоречие.

Калерия (улыбаясь). Вы такой.. шумный, пестрый...

Замыслов. Гм... но теперь не в этом дело... Мы – я и эта прекрасная дама...

Юлия Филипповна. Перестаньте же! Мы пришли...

Замыслов (кланяясь). К вам!

Юлия Филипповна. Чтобы просить...

Замыслов (кланяясь еще ниже). Вас!

Юлия Филипповна. Я не могу! Пойдемте в вашу милую, чистую комнатку... я так люблю ее...

Замыслов. Пойдемте! Здесь все мешает нам.

Калерия (смеясь). Идемте!

(Идут ко входу в коридор.)

Юлия Филипповна. Постойте! Вы представьте: фамилия дяди мужа Двоеточие!

Замыслов (дважды тычет пальцем в воздух). Понимаете? Двоеточие!

(Смеясь, скрываются за портьерой.)

Ольга Алексеевна. Какая она всегда веселая, а ведь я знаю, – живется ей не очень... сладко... С мужем она...

Варвара Михайловна (сухо). Это не наше дело, Оля, мне кажется...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ольга Алексеевна. Разве я говорю что-нибудь дурное?

Рюмин. Как теперь стали часты семейные драмы...

Соня (выглядывая в дверь). Мамашка! Я ухожу гулять...

Марья Львовна. Еще гулять?

Соня. Еще! Тут так много женщин, а с ними всегда невыносимо скучно...

Марья Львовна (шутя). Ты – осторожнее... Твоя мать – тоже женщина...

Соня (вбегая). Мамочка! Неужели? давно?

Ольга Алексеевна. Что она болтает!

Варвара Михайловна. И хоть бы поздоровалась!

Марья Львовна. Сонька! Ты неприлична!

Соня (Варваре Михайловне). Да ведь мы видели сегодня друг друга? Но я с наслаждением поцелую вас... я добра и великодушна, если это мне доставляет удовольствие... или по крайней мере ничего не стоит...

Марья Львовна. Сонька! Перестань болтать и убирайся.

Соня. Нет, какова моя мамашка! Вдруг назвала себя женщиной! Я с ней знакома восемнадцать лет и первый раз слышу это! Это знаменательно!

Зимин (просовывая голову из-за портьеры). Да вы идете или нет?

Соня. Рекомендую – мой раб!

Варвара Михайловна. Вы что же не входите?.. Пожалуйста.

Соня. Он невозможен в приличном обществе.

Зимин. Она оторвала мне рукав у тужурки – вот и все!..

Соня. И только! Этого ему мало, он недоволен мной... Мамашка, я за тобой зайду, хорошо? А теперь иду слушать, как Макс будет говорить мне о вечной любви...

Зимин. Как же... Дождитесь!

Соня. Посмотрим, юноша! До свиданья. Луна еще есть?

Зимин. И я не юноша... В Спарте... Позвольте, Соня, зачем же толкать человека, который...

Соня. Еще не человек... вперед – Спарта!

(Их голоса и смех долго звучат где-то около дома.)

Рюмин. Славная дочь у вас, Марья Львовна.

Ольга Алексеевна. Когда-то и я была похожа на нее...

Варвара Михайловна. Мне нравится, как вы относитесь друг к другу... славно! Садитесь чай пить, господа!

Марья Львовна. Да, мы друзья

Ольга Алексеевна. Друзья... как это достигается?

Марья Львовна. Что?

Ольга Алексеевна. Дружба детей.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Марья Львовна. Да очень просто: нужно быть искренней с детьми, не скрывать от них правды... не обманывать их.

Рюмин (усмехаясь). Ну, это, знаете, рискованно! Правда груба и холодна, и в ней всегда скрыт тонкий яд скептицизма... Вы сразу можете отравить ребенка, открыв перед ним всегда страшное лицо правды.

Марья Львовна. А вы предпочитаете отравлять его постепенно?... Чтобы и самому не заметить, как вы изуродуете человека?

Рюмин (горячо и нервно). Позвольте! Я этого не говорил! Я только против этих... обнажений... этих неумных, ненужных попыток сорвать с жизни красивые одежды поэзии, которая скрывает ее грубые, часто уродливые формы... Нужно украшать жизнь! Нужно приготовить для нее новые одежды, прежде чем сбросить старые...

Марья Львовна. О чем вы говорите? – не понимаю!..

Рюмин. О праве человека желать обмана!.. Вы часто говорите – жизнь! Что такое – жизнь? Когда вы говорите о ней, она встает предо мной, как огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв ему, жертв людьми! Она изо дня в день пожирает мозг и мускулы человека, жадно пьет его кровь. (Все время Варвара Михайловна внимательно слушает Рюмина, и постепенно на лице ее появляется выражение недоумевающее. Она делает движение, как бы желая остановить Рюмина.) Зачем это? Я не вижу в этом смысла, но я знаю, что чем более живет человек, тем более он видит вокруг себя грязи, пошлости, грубого и гадкого... и все более жаждет красивого, яркого, чистого!.. Он не может уничтожить противоречий жизни, у него нет сил изгнать из нее зло и грязь, – так не отнимайте же у него права не видеть того, что убивает душу! Признайте за ним право отвернуться в сторону от явлений, оскорбляющих его! Человек хочет забвения, отдыха... мира хочет человек!

(Встречая взгляд Варвары Михайловны, он вздрагивает и останавливается.)

Марья Львовна (спокойно). Он обанкротился, ваш человек? Очень жаль... Только этим и объясняете вы его право отдыхать в мире? Нелестно.

Рюмин (Варваре Михайловне). Простите, что я... так раскричался! Вам, я вижу, неприятно...

Варвара Михайловна. Не потому, что вы так нервны...

Рюмин. А почему же? Почему?

Варвара Михайловна (медленно, очень спокойно). Я помню, года два тому назад, вы говорили совсем другое... и так же искренно... так же горячо...

Рюмин (взволнованно). Растет человек, и растет мысль его!

Марья Львовна. Она мечется, как испуганная летучая мышь, эта маленькая, темная мысль!..

Рюмин (все так же волнуясь). Она поднимается спиралью, но она поднимается все выше! Вы, Марья Львовна, подозреваете меня в неискренности, да?..

Марья Львовна. Я? нет! Я вижу: вы искренно... кричите... и, хотя для меня истерика не аргумент, я все же понимаю – вас что-то сильно испугало... вы хотели бы спрятаться от жизни... И я знаю: не один вы хотите этого, людей испуганных не мало...

Рюмин. Да, их много, потому что люди все тоньше и острее чувствуют, как ужасна жизнь! В ней все строго предопределено... и только бытие человека случайно, бессмысленно... бесцельно!..

Марья Львовна (спокойно). А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, – вот ваша жизнь и получит смысл...

Ольга Алексеевна. Боже мой! Когда при мне говорят что-нибудь строгое, обвиняющее... я вся съеживаюсь... точно это про меня говорят, меня осуждают! Как

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
мало в жизни ласкового! Мне пора домой! У тебя хорошо, Варя... всегда что-нибудь
услышишь, вздрогнешь лучшей частью души... Поздно уже, надо идти домой...

Варвара Михайловна. Сиди, голубчик! Чего ты так?.. вдруг? Если будет нужно,
пришлют за тобой.

Ольга Алексеевна. Да, пришлют... Ну, хорошо, я посижу. (Идет и садится на диван с
ногами, сжимаясь в комок.

Рюмин нервно барабанит пальцами по стеклу, стоя у двери на террасу.)

Варвара Михайловна (задумчиво). Странно мы живем! Говорим, говорим – и только!
Мы накопили множество мнений... мы с такой... нехорошей быстротой принимаем их и
отвергаем... А вот желаний, ясных, сильных желаний нет у нас... нет!

Рюмин. Это по моему адресу? да?

Варвара Михайловна. Я говорю о всех. Неискренно, некрасиво, скучно мы живем...

Юлия Филипповна (быстро входит, за нею Калерия). Господа! Помогите мне...

Калерия. Право, это лишнее!

Юлия Филипповна. Она написала новые стихи и дала мне слово прочитать их на нашем
вечере в пользу детской колонии... Я прошу прочитать сейчас, здесь! Господа,
просите!

Рюмин. Прочитайте! Люблю я ваши ласковые стихи...

Марья Львовна. Послушала бы и я. В спорах – грубеешь. Прочитайте, милая.

Варвара Михайловна. Что-нибудь новое, Калерия?

Калерия. Да. Проза. Скучно.

Юлия Филипповна. Ну, дорогая моя, прочитайте! Что вам стоит? Пойдемте за ними!
(Уходит, увлекая Калерию.)

Марья Львовна. А где же... Влас Михайлович?

Варвара Михайловна. Он в кабинете. У него много работы.

Марья Львовна. Я с ним немножко резко обошлась... Досадно видеть его только
шутником, право!

Варвара Михайловна. Да, обидно это. Знаете, если бы вы немножко мягче с ним!..
Он – славный... Его многие учили, но никто не ласкал.

Марья Львовна (улыбаясь). Как всех... как всех нас... И оттого все мы грубы, резки...

Варвара Михайловна. Он жил с отцом, всегда пьяным... Тот его бил...

Марья Львовна. Пойду к нему. (Идет к двери в кабинет, стучит и входит.)

Рюмин (Варваре Михайловне). Вы всё ближе сходите с Марьей Львовной, да?

Варвара Михайловна. Она мне нравится...

Ольга Алексеевна (негромко). Как она строго говорит обо всем... как строго.

Рюмин. Марья Львовна в высокой степени обладает жестокостью верующих... слепой и
холодной жестокостью... Как это может нравиться?..

Дудаков (входит из коридора). Мое почтение, извините... Ольга, ты здесь? Скоро
домой?

Ольга Алексеевна. Хоть сейчас. Ты гулял?

Дудаков. Чай? Нет. На ночь не пью.. Павел Сергеевич, мне бы вас надо.. можно к вам завтра?

Рюмин. Пожалуйста.

Дудаков. Это насчет колонии малолетних преступников. Они опять там накуролесили.. черт их дери! Бьют их там.. черт побери! Вчера в газетах ругали нас с вами..

Рюмин. Я, действительно, давно не был в колонии.. Как-то все некогда..

Дудаков. Д-да.. И вообще.. некогда всем..хлопот у всех много, а дела – нет.. почему? Я вот.. устаю очень. Шлялся сейчас по лесу – и это успокаивает.. несколько.. а то – нервы у меня взвинчены..

Варвара Михайловна. У вас лицо осунулось.

Дудаков. Возможно. И сегодня неприятность.. Этот осел, голова, упрекает: неэкономно! Больные много едят, и огромное количество хины.. Болван! Во-первых, это не его дело.. А потом, осуши улицы нижней части города, и я не трону твоей хины.. Ведь не пожараю я эту хину сам? Терпеть не могу хины.. и нахалов..

Ольга Алексеевна. Стоит ли, Кирилл, раздражаться из-за таких мелочей? Право, пора привыкнуть.

Дудаков. А если вся жизнь слагается из мелочей? И что значит привыкнуть?.. К чему? К тому, что каждый идиот суется в твое дело и мешает тебе жить?.. Ты видишь: вот.. я и привыкаю. Голова говорит – нужно экономить.. ну, я и буду экономить! То есть это не нужно и это вредно для дела, но я буду.. У меня нет частной практики, и я не могу бросить это дурацкое место..

Ольга Алексеевна (укоризненно). Потому что большая семья? Да, Кирилл? Я это не однажды слышала от тебя.. и здесь ты мог бы не говорить об этом.. Бестактный, грубый человек! (Накинув шаль на голову, быстро идет к комнате Варвары Михайловны.)

Варвара Михайловна. Ольга! Что ты?! Ольга Алексеевна (почти рыдая). Ах,пусти,пусти меня!.. Я это знаю! Я слышала..

(Они обе скрываются в комнате Варвары Михайловны.)

Дудаков (растерянно). Вот! И.. совершенно не имел в виду.. Павел Сергеевич, вы меня извините.. Это совершенно случайно.. Я так.. смущен.. (Быстро уходит,столкнувшись в дверях с Калерией, Юлией Филипповной и Замысловым.)

Юлия Филипповна. Доктор чуть не опрокинул нас! Что с ним?

Рюмин. Нервы.. (Варвара Михайловна входит.) Ольга Алексеевна ушла?

Варвара Михайловна. Ушла.. да..

Юлия Филипповна. Не доверяю я этому доктору.. Он такой.. нездоровый, заикается, рассеянный.. Засовывает в футляр очков чайные ложки и мешает в стакане своим молоточком.. Он может напутать в рецепте и дать чего-нибудь вредного.

Рюмин. Мне кажется, он кончит тем, что пустит себе пулю в лоб.

Варвара Михайловна. Вы говорите это так спокойно..

Рюмин. Самоубийства часты среди докторов.

Варвара Михайловна. Слова волнуют нас больше, чем люди.. Вы не находите?

Рюмин (вздрагнув). О, Варвара Михайловна!

(Калерия садится за рояль. Замыслов около нее.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Замыслов. Вам удобно?

Калерия. Спасибо...

Замыслов. Господа, внимание!

(Входят Марья Львовна и Влас, очень оживленные.)

Влас. Ото! Будут читать стихи, да?

Калерия (с досадой). Если вы хотите слушать, вам придется перестать шуметь...

Влас. Умри, все живое!

Марья Львовна. Молчим... Молчим...

Калерия. Очень рада. Это стихотворение в прозе. Со временем к нему напишут музыку.

Юлия Филипповна. Мелодекламация! Как это хорошо! Люблю! Люблю все оригинальное... Меня, точно ребенка, радуют даже такие вещи, как открытые письма с картинками, автомобили...

Влас (в тон ей). Землетрясения, граммофоны, инфлюэнция...

Калерия (громко и сухо). Вы мне позволите начать? (Все быстро усаживаются. Калерия тихо перебирает клавиши.) Это называется «Эдельвейс». «Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие – мудрое молчание гордых высот. Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин. У подножия гор, там, на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин человек. В темных ямах земли стон и смех, крики ярости, шепот любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд – не смущают тяжелые вздохи людей. Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие мудрое молчание гордых высот. Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей, – у подножия льдов, в царстве вечно немой тишины, одиноко растет грустный горный цветок – эдельвейс... А над ним, в бесконечной пустыне небес, молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и трепетно звезды горят... И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем – одинокий цветок эдельвейс».

(Пауза. Все, задумавшись, молчат. Далеко звучат трещотка сторожа и тихий свист. Калерия, широко открыв глаза, смотрит прямо перед собой.)

Юлия Филипповна (негромко). Как это хорошо! Грустно... чисто...

Замыслов. Слушайте! Это надо читать в костюме – белом... широком... и пушистом, как эдельвейс! Вы понимаете? Это будет безумно красиво! Великолепно!

Влас (подходя к роялю). И мне нравится, право! (Сконфуженно смеется.) Нравится! Хорошо!.. Точно – клюквенный морс в жаркий день!

Калерия. Уйдите!

Влас. Да я ведь искренно, вы не сердитесь!

Саша (входит). Господин Шалимов приехали.

(Общее движение. Варвара Михайловна идет к дверям и останавливается при виде входящего Шалимова. Он лысый.)

Шалимов. Я имею удовольствие видеть...

Варвара Михайловна (тихо, не сразу). Пожалуйста... прошу вас... Сергей сейчас придет...

Действие второе

Поляна перед террасой дачи Басова, окруженная густым кольцом сосен, елей и берез. На первом плане с левой стороны две сосны, под ними круглый стол, три стула. За ними невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы группа деревьев, в ней широкая скамья со спинкой. За нею дорога в лес. Дальше, в глубине правой стороны, небольшая открытая сцена раковиной, от нее – справа налево – дорога на дачу Сулова. Перед сценой несколько скамей. Вечер, заходит солнце. У Басовых Калерия играет на рояле. Пустобайка медленно и тяжело двигается по поляне, расставляя скамьи. Кропилкин с ружьем за плечами стоит около елей.

Кропилкин. А ту дачу – кто ныне снял?

Пустобайка (угрюмо, густым голосом). Инженер Сулов.

Кропилкин. Всё новые?

Пустобайка. Чего?

Кропилкин. Всё новые, мол. Не те, что в прошлом году жили...

Пустобайка (вынимая трубку). Всё одно. Такие же.

Кропилкин (вздыхает). Оно конечно... все – господа... эхе-хе!..

Пустобайка. Дачники – все одинаковые. За пять годов я их видал – без счету. Они для меня – вроде как в ненастье пузыри на луже... вскочит и лопнет... вскочит и лопнет... Так-то...

(Из-за угла дачи Басова, шумя и смеясь, проходит по дороге в лес группа молодежи с мандолинами, балалайками и гитарами.)

Кропилкин. Ишь ты... музыка! Тоже, видно, представлять собираются?..

Пустобайка. И будут... чего им! Народ – сытый...

Кропилкин. Вот никогда я не видал, как господа представляют... чай, смешно? Ты видал?

Пустобайка. Я – видал. Я, брат, все видал...

(Справа доносится гулкий хохот Двоеточия.)

Кропилкин. Ну? Как же они?

Пустобайка. Очень просто: нарядятся не в свою одежду и говорят... разные слова, кому какое приятно... Кричат, суетятся, будто что-то делают... будто сердятся... Ну, обманывают друг дружку. Один представляется – я, дескать, честный, другой – а я умный... или там – я-де несчастный... Кому что кажется подходящим... он то и представляет...

(Кто-то на левой стороне свистит собаку и кричит: «Баян! Баян!» Пустобайка колотит по скамье обухом топора.)

Кропилкин. Ах ты... сделай милость! Н-да... И песни поют?

Пустобайка. Песен они мало поют... Инженерова жена верещит когда... ну, голос у ней – жидкий.

Кропилкин. Идут господа...

Пустобайка. Ну, и пускай идут...

(Двоеточие выходит с правой стороны около сцены, за ним Сулов.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Двоеточие (добродушно). Ты надо мной не смейся... куда тебе! Тебе, понимаешь, едва сорок минуло, а ты – лысый, а мне под шестьдесят – однако я кудрявый, хоть и седой – что? Хо-хо!

(Пустобайка все время лениво и неуклюже возится около сцены со скамьями.
Кропилкин осторожно отходит за сцену.)

Суслов. Ваше счастье... Продолжайте, я слушаю...

Двоеточие. Давай сядем. Так вот – явились, значит, немцы... У меня заводило старый, машины – дрянь, а они, понимаешь, всё новенькое поставили, – ну, товар у них лучше моего и дешевле... Вижу – дело мое швах, подумал – лучше немца не сделаешь... Ну, и решил – продам всю музыку немцам. (Задумчиво молчит.)

Суслов. Всё продали?

Двоеточие. Дом в городе оставил... большой дом, старый... А дела теперь у меня нет, только одно осталось – деньги считать... хо-хо! хо-хо! Такой старый дурак, если говорить правду... Продал, знаешь, и сразу почувствовал себя сиротой... Стало мне скучно, и не знаю я теперь, куда мне себя девать? Понимаешь: вот – руки у меня... Раньше я их не замечал... а теперь вижу – болтаются ненужные предметы... (Смеется. Пауза. Варвара Михайловна выходит на террасу и, заложив руки за спину, медленно, задумавшись, ходит.) Вон Басова жена вышла. Экая женщина... магнит! Кабы я годков на десять моложе был...

Суслов. Ведь вы... кажется... женаты?

Двоеточие. Был. И неоднократно... Но – которые жены мои померли, которые сбежали от меня... И дети были... две девочки... обе умерли... Мальчонка тоже... утонул, знаешь... Насчет женщин я очень счастлив был... всё у вас, в России, добывал их... очень легко у вас жен отбивать! Плохие вы мужья... Приеду, бывало, посмотрю туда-сюда – вижу, понимаешь, женщина, достойная всякого внимания, а муж у нее – какое-то ничтожество в шляпе... Ну, сейчас ее и приберешь к рукам... хо-хо! (Влас выходит на террасу из комнат, стоит и смотрит на сестру.) Да, все это было... а теперь – ничего вот нет... ничего и никого... понимаешь...

Суслов. Как же вы... думаете жить?

Двоеточие. Не знаю. Посоветуй! А чепуха, брат, эта твоя ботвинья... и поросенок тоже... есть поросенка летом – это называется анахронизм...

Влас. Ну, что, Варя?

Варвара Михайловна. Ничего... так... жалкий человек я... да?

Влас (обнимает ее за талию). Хочется сказать тебе что-то ласковое... да не знаю, как это говорится... не знаю...

Варвара Михайловна. Оставь меня, милый...

Двоеточие. Вон к нам господин Чернов идет...

Суслов. Шут гороховый...

Двоеточие. Бойкий паренек, а бездельник, видимо...

Влас (подходя). Кого это вы?

Двоеточие. А вот племянника, хо-хо! Да и вы тоже, видать, не очень деловиты, а?

Влас. Насколько я успел узнать вас, почтеннейший Семен Семенович, под словом дело вы подразумеваете выжимание соков из ближних ваших? В этом смысле я еще не деловит... увы!

Двоеточие. Хо-хо! Вы не горюйте! В юности, понимаете, это трудненько: совесть еще не окрепла, и в голове кирель розовый вместо мозгов. А созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее, хо-хо! На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему.

Влас. Вы, несомненно, человек опытный в такой езде... верю вам! (Кланяется и уходит.)

Двоеточие. Хо-хо! Отбрил и доволен! Миляга: чай, поди-ка, героем себя чувствует... Ну, ничего, пускай потешится молодая душа. (Опустив голову, сидит молча.)

Калерия (выходит на террасу). Ты все еще не можешь помириться?

Варвара Михайловна (негромко). Нет, не могу...

Калерия. Кого ты будешь ждать теперь?

Варвара Михайловна (задумчиво). Не знаю... не знаю.

(Калерия, пожимая плечами, сходит с террасы, идет налево, скрывается за углом дачи.)

Двоеточие. Н-да! Ну, так что же, Петруха... Как же я буду жить-то?

Суслов. Это не решается сразу... надо подумать...

Двоеточие. Не решается? Хо-хо! Эх ты... Что?

Суслов. Ничего... Я ничего не говорю.

Двоеточие. Ничего и не скажешь, видно.

(Справа из лесу идут Басов и Шалимов, раскланиваясь, проходят под сосну, садятся у стола, у Басова на шее полотенце.) Вот – и писатель с адвокатом идут... Гуляете?

Басов. Купались.

Двоеточие. Холодно?

Басов. В меру.

Двоеточие. Пойти и мне поплавать. Пойдем, Петр, может, я утону, наследство скорее получишь, а?

Суслов. Нет, я не могу. Мне вот с ними нужно поговорить.

Двоеточие. А я пойду. (Встает и уходит направо в лес. Суслов смотрит вслед ему и, усмехаясь, идет к Басову.)

Басов. Варя, скажи, чтобы нам бутылочку пива дали... нет, лучше три бутылочки... Ну, что, как твой дядя?

(Варвара Михайловна уходит в комнаты.)

Суслов. Надоедает понемногу...

Басов. Да... эти старики не забавны...

Суслов. Он, должно быть, хочет жить со мной...

Басов. Дядя-то? Мм-да... Ну, а ты как?

Суслов. Да... черт знает! Вероятно, будет так, как он хочет.

(Саша приносит пиво.)

Басов. Ты что, Яков, молчишь?

Шалимов. Раскис немного... Забыл я, как зовут эту воинственную даму?

Басов. Марья Львовна... Эх, Петр, какая, брат, сегодня у нас за обедом разыгралась словесная война!

Суслов. Конечно, Марья Львовна...

Шалимов. Свирепая женщина, скажу вам...

(Варвара Михайловна снова выходит на террасу.)

Суслов. Не люблю я ее.

Шалимов. Я человек мягкий, но, скажу вам по правде, едва не наговорил ей дерзостей.

Басов (смеясь). А она тебе наговорила.

Шалимов (Суслову). Вы поставьте себя на мое место: человек что-то там пишет, волнуется... наконец, устает, скажу вам просто. Приезжает к приятелю отдохнуть, пожить нараспашку, собраться с мыслями... и вдруг – является дама и начинает исповедовать: как веруете, на что надеетесь, почему не пишете о том-то и зачем молчите об этом? Потом она говорит, что это у вас неясно, это неверно, это некрасиво... Ах, да напишите вы, матушка, сами так, чтобы оно было и ясно, и верно, и красиво! Напишите гениально, только дайте мне отдохнуть!.. ф-фу!

Басов. Это надо терпеть, мой друг. Проезжая по Волге, обязательно едят стерляжью уху, а при виде писателя – всякий хочет показать себя умницей; это надо терпеть.

Шалимов. Неделикатно это... неумно! Она часто бывает у тебя?

Басов. Нет... то есть да, частенько! Но я ведь тоже не очень ее жалую... Она такая прямолинейная, как палка... Это жена с ней в дружбе... и она очень портит мне жену. (Оглядывается на террасу и видит Варвару Михайловну). Варя... ты здесь?

Варвара Михайловна. Как видишь.

(Замыслов и Юлия Филипповна быстро идут по дороге от дачи)

Суслова. Смеются. Шалимов, усмехаясь, смотрит на смущенного Басова.)

Замыслов. Варвара Михайловна! Мы устраиваем пикник... Едем в лодках...

Юлия Филипповна. Дорогая моя, здравствуйте!

Варвара Михайловна. Идемте в комнаты.

(Скрываются в комнатах. Суслов встал и медленно идет за ними.)

Замыслов. А Калерия Васильевна дома?

Шалимов (смеясь). Ты, кажется, побаиваешься жены, Сергей?

Басов (вздыхает). Ну, пустяки. Она у меня... хороший человек!

Шалимов (усмехаясь). Почему же ты так грустно сказал это?

Басов (вполголоса, кивая головой на Суслова). Ревнует... к моему помощнику... Понимаешь? А жена у него, – ты обрати внимание, интереснейшая женщина!

(В глубине поляны проходят Соня и Зимин.)

Шалимов. Да? Посмотрим... Хотя эта Марья Львовна сильно отбивает охоту знакомиться со здешними женщинами, скажу тебе!

Басов. Эта, брат, совсем в другом стиле. Эта – о! Ты увидишь... (Пауза.) А давно ты ничего не печатал, Яков. Пишешь что-нибудь большое?

Шалимов (ворчливо). Ничего я не пишу... скажу прямо... Да! И какого тут черта напишешь, когда совершенно ничего понять нельзя? Люди какие-то запутанные, скользкие, неуловимые...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Басов. А ты так и пиши – ничего, мол, не понимаю! Главное, брат, в писателе искренность.

Шалимов. Спасибо за совет!.. Искренность... не в этом дело, друг мой! Искренно-то я, может быть, одно мог бы сделать: бросить перо и, как Диоклетиан, капусту садить... (Нищие тихо поют за углом дачи Басова: «Благодетели и кормильцы, милостыньку Христа ради, для праздничка Христова, поминаючи родителей»). Из-за сцены появляется Пустобайка – идет гнать нищих.) Но – надо кушать, значит, надо писать. А для кого? Не понимаю... Нужно ясно представить себе читателя, какой он? Кто он? Лет пять назад я был уверен, что знаю читателя... и знаю, чего он хочет от меня... И вдруг, незаметно для себя, потерял я его... Потерял, да. В этом драма, пойми! Теперь вот, говорят, родился новый читатель... Кто он?

Басов. Я тебя не понимаю... Что это значит – потерять читателя? А я... а все мы – интеллигенция страны – разве мы не читатели? Не понимаю... Как же нас можно потерять? а?

Шалимов (задумчиво). Конечно... интеллигенция – я не говорю о ней... да... А вот есть еще... этот... новый читатель.

Басов (трясет головой). Ну? Не понимаю.

Шалимов. И я не понимаю... но чувствую. Иду по улице и вижу каких-то людей... У них совершенно особенные физиономии... и глаза... Смотрю я на них и чувствую: не будут они меня читать... не интересно им это... А зимой читал я на одном вечере и тоже... вижу – смотрит на меня множество глаз, внимательно, с любопытством смотрят, но это чужие мне люди, не любят они меня. Не нужен я им... как латинский язык... Стар я для них... и все мои мысли – стары... И я не понимаю; кто они? Кого они любят? Чего им надо?

Басов. Н-да... это любопытно! Только, я думаю – нервы это, а? Вот поживешь здесь, отдохнешь, успокоишься, и читатель найдется... Главное в жизни спокойное, внимательное отношение ко всему... вот как я думаю. Пойдем в комнаты! И того, яша, попрошу тебя! Ты, знаешь, так как-нибудь... эдак павлином!

Шалимов (изумленно). Что-о? Как это павлином? Зачем это?

Басов (таинственно). Так, знаешь, распусти хвост на все перья! Перед Варей... перед женой моей... развлеки ее... заинтересуй, по дружбе...

Шалимов (не сразу). Нужно, значит, сыграть роль громоотвода? Ты... чудак! Ну, что же, ладно!

Басов. Да, нет, ты не думай... она милая! Только, знаешь, так как-то, скучает о чем-то... Теперь все скучают... всё какие-то настроения... странные разговоры, вообще, канитель! Кстати, ты женат? То есть, я слышал, что ты развелся с женой.

Шалимов. И снова был женат, и снова развелся... Трудно, скажу тебе, найти в женщине товарища.

Басов. Н-да! Это верно! Это, друг мой, верно!

(Уходят в комнаты. Дама в желтом платье и молодой человек в клетчатом костюме выходят из леса.)

Дама. Еще никого нет? А назначено в шесть часов... Как это вам нравится?

Молодой человек. Собственно говоря, я – герой...

Дама. Представьте! Я так и думала...

Молодой человек. Да, я герой... А он дает мне комические роли. Нелепо же, согласитесь!

Дама. Они всё хорошенькое – для себя...

(Проходят направо в лес. С другой стороны являются Соня и Зимин. В глубине сцены Суслов медленно идет по направлению к своей даче.)

Зимин (вполголоса). Ну, я туда не пойду, Соня... Так вот... завтра, значит, я еду...

Соня (в тон ему). Хорошо... поезжай. Будь осторожен, Макс, я прошу тебя!

Зимин (берет ее руку). И ты... пожалуйста.

Соня. Ну, до свиданья! Недели через три увидимся... не раньше?

Зимин. Нет, не раньше... до свиданья, милая Соня! Ты без меня... (Смущается, молчит.)

Соня. Что?

Зимин. Так... Глупость. До свиданья, Соня...

Соня (удерживая его за руку). Нет, скажи... ты без меня – что?

Зимин (негромко, опустив голову). Не выйдешь замуж?

Соня. Не смей так говорить, Максим... И думать не смей! Слышишь? Это глупо... а пожалуй, и гадко, Максим... понимаешь?

Зимин. Не надо... Не обижайся. Прости... невольно как-то приходят в голову разные дикие мысли... Говорят, человек не хозяин своего чувства...

Соня (горячо). Это – неправда! Это – ложь, Максим! Я хочу, чтобы ты знал: это ложь!.. Ее выдумали для оправдания слабости, – помни, Максим, я не верю в это! Иди!..

Зимин (жмет ее руку). Хорошо! Я буду помнить это, Соня... буду! Ну, до свиданья, славная моя!

(Зимин быстро уходит за угол дачи. Соня смотрит ему вслед и медленно идет на террасу, потом в комнаты. Дудаков, Влас и Марья Львовна идут справа из лесу, потом за ними Двоеточие. Марья Львовна садится на скамью, Двоеточие рядом с нею. Зеваает.)

Дудаков. Люди – легкомысленны, а жизнь тяжела... почему?

Влас. Это мне неизвестно, доктор! Про- должая: ну-с, так вот – отец мой был повар и человек с фантазией, любил он меня жестоко и всюду таскал за собою, как свою трубку. Я несколько раз бегал от него к матери, но он являлся к ней в прачешную, избивал всех, попадавших ему под руку, и снова брал меня в плен. Роковая мысль – заняться моим образованием – пришла ему в голову, когда он служил у архиерея... Поэтому я попал в духовное училище. Но через несколько месяцев отец ушел к инженеру, а я очутился в железнодорожной школе... а через год я уже был в земледельческом училище, потому что отец поступил к председателю земской управы. Школа живописи и коммерческое училище тоже имели честь видеть меня в своих стенах. Кратко говоря – в семнадцать лет отвращение к наукам наполняло меня до совершенной невозможности чему-нибудь учиться, хотя бы даже игре в карты и курению табака. Что вы на меня так смотрите, Марья Львовна?

Марья Львовна (задумчиво). Грустно это все...

Влас. Грустно? Но – ведь это прошлое! Женщина с подвязанной щекой. Господа, не видали Женечку? Мальчик такой... не пробегал? В соломенной шляпочке... Беленький.

Марья Львовна. Не видали.

Женщина. Ах ты... грех какой... Мальчик-то господ Розовых! Бойкенский такой... а?

Влас. Не видали, тетенька...

(Женщина бормочет что-то и бежит в лес.)

Двоеточие. А вы, того, господин Чернов... понимаете...

Двоеточие. Нравитесь мне...

Влас. Ну?

Двоеточие. Право...

Влас. Я рад... за вас!..

(Двоеточие хохочет.)

Дудаков. Скверно вам будет, Влас!..

Влас. Когда?

Дудаков. Вообще... всегда...

Двоеточие. Конечно, будет скверно... потому – человек прямой... и всякому, понимаете, забавно попробовать – а ну-ка, не согнетса ли?

Влас. Увидим! А пока идемте чай пить, а? У нас, вероятно, пьют уже...

Дудаков. Это – хорошее дело.

Двоеточие. Я бы пошел... ловко ли?

Влас. Очень ловко, дедушка. Я иду вперед... (Убегает на дачу, все медленно идут за ним.)

Двоеточие. Приятный паренек...

Марья Львовна. Да, славный, только вот – кривляется...

Двоеточие. Ничего! Это пройдет. В нем есть внутренняя честность, знаете... Обыкновенно честность у людей где-то снаружи прицеплена, вроде галстуха, что ли... человек больше сам про себя кричит: я честный, честный! Но когда, понимаете, девица часто про себя говорит: ах, я девушка! ах, я девушка! – для меня это верный признак, что она в дамки прошла... Хо-хо! Вы меня простите, Марья Львовна.

Марья Львовна. Что с вас возьмешь...

(Входят на террасу и в комнаты. Суслов выходит им навстречу.)

Двоеточие. Ты куда, Петр?

Суслов. Так... покурить, на воздух...

(Суслов медленно идет к своей даче. Навстречу ему выбегает женщина с подвязанной щекой. Из леса выходит господин в цилиндре, останавливается, пожимает плечами.)

Женщина. Господин, не видали вы мальчика? Колечка... то бишь, Женечка... В курточке!

Суслов (негромко). Нет... уйди прочь!

(Женщина убегает.)

Господин (элегантно кланяясь). Милостивый государь, извините... вы не меня ищете?

Суслов (недоумевая). Это не я ищу, это баба ищет.

Господин. Видите ли что... я приглашен играть первую роль в пьесе.

Суслов (идет). Это меня не касается.

Господин (обиженно). Но позвольте... кого же это касается? Где, наконец, режиссер? Я два часа хожу, ищу... Ушел... невежа!.. (Идет к сцене и скрывается за ней. Ольга Алексеевна идет по дороге с дачи Суслова.)

Ольга Алексеевна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Суслов. А... добрый вечер!.. Как душно!..

Ольга Алексеевна. Душно? Мне не кажется...

Суслов (закуривая). А я вот – задыхаюсь... Ходят тут какие-то полоумные, ищут мальчиков, режиссеров...

Ольга Алексеевна. Да, да... Вы что – устали? У вас трясутся руки.

Суслов (идет с нею обратно к даче Басова). Это... оттого, что я много выпил вчера и плохо спал...

Ольга Алексеевна. Зачем вы пьете?

Суслов. Чтоб веселее жить...

Ольга Алексеевна. Вы мужа не встречали?

Суслов. Он у Басовых пьет чай...

Варвара Михайловна (появляясь на террасе). Ты ко мне, Оля?

Ольга Алексеевна. Я гуляю...

Варвара Михайловна. А вы почему ушли, Петр Иванович?

Суслов (усмехаясь). По земле, как всегда, хожу... Надоело слушать речи господина писателя и почтенной Марии Львовны.

Варвара Михайловна. Да? Вам не интересно? А вот я слушаю.

Суслов (пожимая плечами). На здоровье... До свиданья пока... (Идет к своей даче.)

Ольга Алексеевна (негромко). Ты понимаешь, почему он такой?..

Варвара Михайловна. Нет... Мне не хочется понимать это. Идем в комнаты?

Ольга Алексеевна. Посиди со мной, там обойдутся и без тебя.

Варвара Михайловна. Несомненно. А ты опять расстроена?

Ольга Алексеевна. Могу ли я быть спокойной, Варя? Он приехал из города, заглянул на минутку домой и исчез... Меня это не может радовать, согласишься...

Варвара Михайловна. Он у нас сидит.

(Они медленно идут к группе елей.)

Ольга Алексеевна (раздраженно). Он бежит от меня и детей... Я понимаю, он заработался, ему надо отдохнуть... Но ведь и я тоже устала... О, как я устала! Я ничего не могу делать, у меня все не ладится... это злит меня. Он должен помнить, что молодость мою, все мои силы я отдала ему.

Варвара Михайловна (мягко). Милая Оля... Мне кажется, что тебе нравится жаловаться... нет? я ошибаюсь?

(Из комнаты доносится глухой шум спора, он все возрастает.)

Ольга Алексеевна. Не знаю... может быть! Я хочу сказать ему – пусть лучше я уеду... и дети...

Варвара Михайловна. Вот это так! Просто вам нужно отдохнуть друг от друга... Поезжай, я достану тебе денег.

Ольга Алексеевна. Ах, я так много должна тебе!

Варвара Михайловна. Пустяки это! Успокойся, сядем здесь.

Ольга Алексеевна. Я ненавижу себя за то, что не могу жить без твоей помощи... ненавижу! Ты думаешь, мне легко брать у тебя деньги... деньги твоего мужа?.. Нельзя уважать себя, если не умеешь жить... если всю жизнь нужно, чтобы кто-то помогал тебе, кто-то поддерживал тебя... Ты знаешь? Иногда я не люблю и тебя... ненавижу! За то, что вот ты такая спокойная и все только рассуждаешь, а не живешь, не чувствуешь...

Варвара Михайловна. Голубчик мой, я только умею молчать... Я не могу себе позволить жалоб – вот и все!..

Ольга Алексеевна. Те, которые помогают, должны в душе презирать людей... Я сама хочу помогать.

(На дачу Басовых быстро проходит Рюмин.)

Варвара Михайловна. Чтобы презирать людей?

Ольга Алексеевна. Да! да! Я – не люблю их! Не люблю Марью Львовну, зачем она всех так строго судит? Не люблю Рюмина, – он все философствует и ничего не смеет, не может. И мужа твоего не люблю: он стал мягкий, как тесто, он боится тебя; разве это хорошо? А твой брат... влюблен в эту резонерку, в эту злую Марью Львовну...

Варвара Михайловна (удивленно, с упреком). Ольга! Что с тобой? Это нехорошо! послушай...

Ольга Алексеевна. Да! да! Пускай нехорошо! А эта гордая Калерия!.. Говорит о красоте... а самой просто хочется замуж!

Варвара Михайловна (строго и холодно). Ольга! Ты не должна давать воли этому чувству... оно тебя заведет в такой темный угол...

Ольга Алексеевна (негромко, но сильно и со злостью). Мне все равно!.. Все равно, куда я приду, лишь бы выйти из этой скучной муки! Я жить хочу! Я не хуже других! Я все вижу, я не глупая... Я вижу, что ты тоже... о, я понимаю!.. Тебе хорошо жить. Да, твой муж богат... он не очень щепетилен в делах, твой муж... это все говорят про него. Ты должна знать это!.. Ты сама тоже... Ты устроилась как-то так, чтобы не иметь детей...

Варвара Михайловна (медленно встает и смотрит в лицо Ольги изумленными глазами). Устроилась? Ты... что ты хочешь сказать?..

Ольга Алексеевна (смущенно). Я ничего не говорю особенного... я только хотела сказать... мне муж говорил, что многие женщины не хотят детей...

Варвара Михайловна. Я не понимаю тебя, но я чувствую, – ты подозреваешь меня в чем-то гадком... Я не хочу знать, в чем именно...

Ольга Алексеевна. Варя, не говори так, не смотри на меня... Ведь это правда, твой муж... о нем дурно говорят...

Варвара Михайловна (вздрагивая, задумчиво). Ты, Ольга, была мне как родная... Если бы я не знала, как тяжело тебе жить... если бы не помнила, что когда-то мы обе с тобой мечтали не о такой жизни...

Ольга Алексеевна (искренно). Ну, прости меня... прости. Я – злая...

Варвара Михайловна. Мечтали о хорошей, яркой жизни и вместе оплакали эти мечты... Мне очень больно, Ольга... Ты хотела этого? Мне больно!

Ольга Алексеевна. Не говори... не говори так, Варя!..

Варвара Михайловна. Я уйду... (Ольга Алексеевна встает.) Нет! не ходи за мной... не надо...

Варвара Михайловна. Молчи... Подожди... Я не понимаю, за что ты меня?..

(Двоеточие быстро сходит с террасы, хохочет и, подойдя к Варваре Михайловне, берет ее за руку.)

Двоеточие. Сбежал я, сударыня! Красивенький философ – господин Рюмин загонял меня до полного конфуза! В премудростях я не смышлен и противиться ему никак не могу... Так и увяз я в речах его... точно таракан в патоке... Сбежал, ну его!.. Лучше с вами потолкую... уж очень вы мне, старому лешему, нравитесь, право! А что у вас личико эдакое... как бы опрокинутое? (Смотрит на Ольгу Алексеевну. Смущенно крякает.)

Ольга Алексеевна (кратко). Мне уйти, Варя?

Варвара Михайловна (твердо). Да... (Ольга Алексеевна быстро идет в глубину сцены. Варвара Михайловна смотрит ей вслед, обращается к Двоеточию.) Вы говорите... что такое? Простите... я...

Двоеточие (дружески, просто). Эх, сударыня! Смотрю я на вас: нехорошо вам тут, понимаете? Нехорошо, правда? (Хохочет.)

Варвара Михайловна (оглядывая его с головы до ног, спокойно, ровно). Послушайте, Семен Семенович, вы не можете объяснить мне, кто дал вам право говорить со мной... в этом странном тоне?

Двоеточие. Хо-хо-хо! Э! бросьте! Право это дает мне старость моя и опыт мой...

Варвара Михайловна. Извините меня... но, мне кажется... этого слишком мало, чтобы так бесцеремонно вторгаться...

Двоеточие (добродушно). Никуда я не вторгаюсь, а вижу я – чужая вы всем тут... и я чужой... ну вот, и того... понимаете... захотелось мне сказать вам что-то... ну, видно, не сумел: извините, коли так...

Варвара Михайловна (усмехаясь). Простите и вы меня... я, кажется, грубо сказала вам... но, право, мне странно, я не привыкла к такому отношению.

Двоеточие. Понимаю... Вижу, что не привыкли... где тут привыкнуть! Пойдемте, погуляем, а? Уважьте старика!..

(Семенов влетает на велосипеде и подкатывается прямо к ногам Двоеточия.)

Двоеточие (испуганно). Куда вы, сударь мой? Что вы?

Семенов (задыхаясь). Извините... уже кончилась?..

Двоеточие. Что кончилось?.. Бог с вами!

Семенов. Такая досада!.. Лопнула шина!.. Я, видите, сегодня на двух репетициях...

Двоеточие. Да мне-то какое дело до этого?..

Семенов. Вы не участвуете? Извините! Я думал, вы в гриме...

Двоеточие (Варваре Михайловне). Что такое?

Варвара Михайловна (Семенову). Вы на репетицию?

Семенов. Да, и вот...

Варвара Михайловна. Еще не начинали.

Семенов (радостно). О, благодарю вас! Это очень досадно... я всегда так аккуратен!

Двоеточие. Чего же вам досадно?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Семенов (любезно). То есть было бы досадно, если бы я опоздал... Извиняюсь.
(Отходит, раскланиваясь, к сцене.)

Двоеточие. Вот чудовищное насекомое! Наехал: Извольте радоваться! Уйдемте прочь отсюда, Варвара Михайловна, а то еще наскочит какой-нибудь эдакий... брандахлыст!

Варвара Михайловна (рассеянно). Пойдемте... я возьму платок... я сейчас. (Уходит на дачу, Семенов подходит к Двоеточию.)

Семенов. Там еще едут... две барышни и юнкер...

Двоеточие. Ага? Едут? Приятно мне слышать это...

Семенов. Они должны сейчас явиться... Знаете, это тот юнкер, у которого сестра застрелилась...

Двоеточие. Тот самый... Скажите!..

Семенов. Не правда ли, какой сенсационный случай... барышня и вдруг стреляется?

Двоеточие. М-да... Действительно... случай...

Семенов. А я подумал, что вы в гриме... У вас такие волосы и лицо, точно грим.

Двоеточие. Покорно вас благодарю...

Семенов. Я не льщу вам... поверьте...

Двоеточие. Я – верю... Только не понимаю... чем тут... польстить можно?

Семенов. Как же! В гриме человек всегда красивее, чем в натуре. А скажите, вы не декоратор, нет?

(Из леса выходит Суслов, в глубине сцены, являются дама в желтом и молодой человек в клетчатом костюме.)

Двоеточие. Нет... я просто дядя вон этого господина...

Дама в желтом. Господин Сазанов!

Семенов. Это меня зовут. Вот, знаете, странно... у меня такая простая фамилия, а никто ее не запоминает... До свиданья! (Идет на зов, оживленно кланяясь даме.)

Суслов (подходит). Жену не видали? (Двоеточие отрицательно кивает головой и облегченно вздыхает.) На даче собрались эти... артисты...

Двоеточие. Ко мне вот этот репей пристал... декоратором меня назвал... Спиноза тонконогая! Тоже место на земле занимает!.. Опять спорят! Ну!

(Из комнат дачи выходят: Калерия, Шалимов, Рюмин, Варвара)

Михайловна. Двоеточие идет им навстречу, внимательно слушает спор. Суслов садится на его место, угрюмо глядя на спорящих.)

Шалимов (утомленно). Нет, я готов бежать от нее на северный полюс... невыносимо горяча она!

Рюмин. Меня положительно возмущает ее деспотизм. Люди этого типа преступно нетерпимы... Почему они полагают, что все должны принимать их верования?

Варвара Михайловна (пристально смотрит на всех). Укажите им что-нибудь более великое и красивое, чем эти верования!

Калерия. Ты называешь великим и красивым эти холодные, лишенные поэзии мечты о всеобщей сытости?

Варвара Михайловна (волнуясь). А я не знаю... Я не вижу ничего более яркого... (Шалимов внимательно прислушивается к словам Варвары. Михайловны.) Я не умею

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru говорить... Но, господа, я сердцем чувствую: надо, необходимо пробудить в людях сознание своего достоинства, во всех людях... во всех! Тогда никто из нас не будет оскорблять другого... Ведь мы не умеем уважать человека, и это так больно... обидно...

Калерия. Ах, боже мой! Да не Марья же Львовна может научить этому!

Варвара Михайловна. Вы все относитесь к ней так враждебно... Зачем?

Рюмин. Она сама – прежде всех!.. Она раздражает... Когда я слышу, как люди определяют смысл жизни, мне кажется, что кто-то грубый, сильный обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изуродовать...

Калерия. Как тяжело, тесно жить среди таких людей!

Варвара Михайловна. А среди людей, которые всё только жалуются на жизнь, – весело, легко, Калерия? Будем справедливы... разве легко и свободно жить среди людей, которые всё только стонут, всё кричат о себе, насыщают жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносят в нее?.. Что вносим в жизнь все мы... вы, я, ты?..

Рюмин. А она?.. А Марья Львовна? Вражду?

Калерия. Забытые слова – забыты, и прекрасно! Живые люди не могут жить заветами покойников.

(Около сцены собираются любители. Пустобайка на сцене расставляет стулья.)

Двоеточие. А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а? Прекратить бы разговорец-то? Пойдемте гулять... вы обещали.

Варвара Михайловна. Да... я пойду! Я не умею сказать, что чувствую... что хочу... не умею! Как это обидно... быть умственно немой...

Шалимов. Свидетельствую, что это неправда... Вы позволите идти с вами?

Варвара Михайловна. Пожалуйста, идите...

Двоеточие. Пойдемте к речке... в беседку. Чего вы горячитесь, сударыня моя?

Варвара Михайловна. Ах... я чувствую какое-то тяжелое недоразумение.

(Уходят по дороге в лес. Суслов смотрит вслед им, и усмехается.)

Рюмин (смотрит им вслед). Как она оживилась... когда приехал этот... Шалимов... Как она говорит! А что такое он? Ведь она видит, – он исписался, потерял почву под собой... и, когда он говорит уверенно, он лжет себе, обманывает других.

Калерия. Она это знает; вчера вечером, после разговора с ним, она плакала, как разочарованное дитя... Да... Издали он казался ей сильным, смелым, она ожидала, что он внесет в ее пустую жизнь что-то новое, интересное...

(Из-за угла дачи Басова идут Замыслов и Юлия Филипповна. Он что-то шепчет ей, она смеется. Суслов это видит.)

Рюмин. Пойдемте в комнаты. Сыграйте что-нибудь, пожалуйста... хочется музыки...

Калерия. Пойдемте... Да, грустно жить, когда кругом тебя всё так...

Юлия Филипповна. Смотрите: артисты наши уже пришли. Репетиция в шесть, а теперь?

Замыслов. А теперь семь с половиной. Но раньше опаздывали только вы, а теперь – все. Плоды вашего влияния.

Юлия Филипповна. Это – дерзость?..

Замыслов. Это – комплимент. Я на секунду забегу к патрону, вы позволите?

Юлия Филипповна. Скорее! (Замыслов уходит на дачу Басовых, Юлия Филипповна – к группе деревьев, налевая, видит мужа.)

Суслов. А, где была?

Юлия Филипповна. Там... И там...

(Около сцены, дама в желтом, молодой человек, Семенов, юнкер и две барышни. На сцене Пустобайка с грохотом ставит стол. Смех, отдельные восклицания: «Господа!» – «Где режиссер?» – «Господин Степанов!» – «Он здесь, я видел». – «Опоздаем мы в город!» – «Извините – Семенов, а не Степанов!»)

Суслов. Всё с ним?.. С этим... так открыто... чем ты рисуешься, Юлия? Надо мной уже смеются. Ты понимаешь?

Юлия Филипповна. Уже смеются?.. Это скверно...

Суслов. Нам нужно объясниться... Я не могу позволить тебе...

Юлия Филипповна. Мне не улыбается роль жены человека, над которым смеются...

Суслов. Берегись, Юлия!.. Я способен...

Юлия Филипповна. Быть грубым, как извозчик? – я знаю...

Суслов. Не смей говорить так! Развратная!

Юлия Филипповна (негромко, спокойно). Мы кончим эту сцену дома. Сюда идут... Ты ушел бы... У тебя такое лицо...

(Брезгливо вздрагивает. Суслов делает шаг к ней, но быстро отступает и, сказав сквозь зубы свою фразу, исчезает в лесу.)

Суслов. Когда-нибудь... я застрелю тебя!..

Юлия Филипповна (вслед ему). Это – не сегодня? да? (Напевает.) «Уже утомившийся день...» (Голос у нее дрожит.) «...Склонился в багряные воды...» (Смотрит широко открытыми глазами вперед и медленно опускает голову. С дачи Басова выходят: Марья Львовна, очень взволнованная, Дудаков и Басов с удочками.)

Басов (распутывая лесу). Уважаемая... Надо быть мягче, надо быть добрее... все мы – люди... Черт бы взял того, кто спутал мои удочки!..

Марья Львовна. Позвольте!

Дудаков. Видите ли, человек устает...

Басов. Нельзя же так, уважаемая! По-вашему выходит, что если писатель, так уж это непременно какой-то эдакий... герой, что ли? Ведь это, знаете, не всякому писателю удобно.

Марья Львовна. Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям.

Басов. Это так... Повышать – да! Но в пределах возможного... Все совершается постепенно... Эволюция! Эволюция! Вот чего не надо забывать!

Марья Львовна. Я не требую... невозможного... Но мы живем в стране, где только писатель может быть глашатаем правды, беспристрастным судьей пороков своего народа и борцом за его интересы... Только он может быть таким, и таким должен быть русский писатель...

Басов. Ну, да, конечно... однако...

Марья Львовна (сходит с террасы). Я этого не вижу в вашем друге, не вижу, нет! Чего он хочет? Чего ищет? Где его ненависть? Его любовь? Его правда? Кто он: друг мой? враг? Я этого не понимаю... (Быстро уходит за угол дачи.)

Басов (распутывая удочки). Уважаю я вас, Марья Львовна, за эту... кипучесть... Исчезла?.. Нет, вы скажите мне, чего она горячится? Ведь даже гимназистам известно, что писатель должен быть честен... ну, и там... действовать насчет народа

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru и прочее, а солдат должен быть храбр, адвокат же умен... Так нет, эта неукротимая женщина все-таки долбит зады... Пойдемте, милый доктор, поймаем окуня... Кто это спутал удочки? Черт!

Дудаков. Д-да... много она говорит, по-умному... Очень просто жить ей... Практика у нее есть, потребности небольшие.

Басов. А этот Яшка – шельмец! Вы заметили, как он ловко выскальзывал, когда она припирала его в угол? (Смеется.) Красиво говорит он, когда в ударе! А хоть и красиво, однако после своей первой жены, с которой, кстати сказать, он и жил всего полгода... а потом бросил ее...

Дудаков. То есть разошелся, говорят в этих случаях.

Басов. Ну, скажем, разошелся... а теперь вот, когда она умерла, хочет ее именишко к своим рукам прибрать. Ловко?

Дудаков. Н-но! Очень неловко. Это лишнее!..

Басов. А он вот находит, что не лишнее... дорогой мой доктор! Идем на реку...

Дудаков. А знаете что?..

Басов. Что именно?

Дудаков (задумчиво, медленно). Вам не странно, то есть вас не удивляет, что мы не опротивели друг другу, а?

Басов (останавливается). Что-о? Вы это серьезно?

Дудаков. Вполне серьезно... Ведь ужасно пустые люди все мы... вам не кажется это?

Басов (идет). Нет, не кажется... Я здоров... Я вообще нормальный человек, извините...

Дудаков. Нет... вы без шуток:

Басов. Шутки? Послушайте... вы, того, доктор... одним словом: врачу, исцелился сам! Кстати, спрошу вас – вы меня в воду не столкнете, а?

Дудаков (серьезно, пожимая плечами). Зачем же?

Басов (идет). А так... вообще... странное у вас... настроение.

Дудаков (угрюмо). Трудно говорить серьезно с вами...

Басов. И не говорите... не надо! А то вы очень уж оригинально понимаете серьезный разговор... Не будем говорить серьезно!

(Басов и Дудаков уходят. Справа выходят Соня и Влас. Из дачи Басова Замыслов, он торопливо бежит к сцене, его встречают шумом. Около него собирается тесная группа, он что-то объясняет.)

Соня. Не верю я в ваши стихи.

Влас. И напрасно... у меня есть талантливые вещицы, например:

Как персик, так и ананас
Природой создан не для нас.
О Влас! Не пяль напрасно глаз
На персик и на ананас!

Соня (смеясь). Зачем вы тратите себя на пустяки? Почему бы вам не попробовать отнестись к себе более серьезно?

Влас (тихо, таинственно). Премудрая София, я пробовал! У меня даже есть стихотворение, написанное по поводу этих проб. (Напевает гнусаво и негромко на мотив «Под вечер осенью ненастной».)

Велик для маленького дела,

Для дела крупного я – мал!

Соня (серьезно). Бросьте это! Ведь я чувствую, вам совсем не хочется дурить... Скажите мне, как бы вы хотели жить?

Влас (с жаром). Хорошо! Очень хорошо хочу я жить!

Соня. Что же вы делаете для этого?

Влас (уныло). Ничего! совершенно ничего не делаю я!

Марья Львовна (из леса). Соня!

Соня. Я – здесь. Ты что?

Марья Львовна. Иди домой... К тебе приехали гости...

Соня. Иду... (Марья Львовна подходит.) Поручаю тебе этого гримасника. Он городит чепуху и требует, чтобы его хорошенько отчитали за это. (Убегает.)

Влас (покорно). Ну, начинайте... Дщерь ваша пиявила меня всю дорогу от станции до сего пункта, но я еще дышу.

Марья Львовна (ласково). Голубчик! Зачем делать из себя шута? Зачем унижать себя... Кому это нужно?

Влас (не глядя на нее). Не нужно, говорите вы... Но – никто не смеется, а я хочу, чтобы смеялись!.. (Вдруг – горячо, просто, искренно.) Тошно мне, Марья Львовна, нелепо мне... Все эти люди... я их не люблю... не уважаю: они жалкие, они маленькие, вроде комаров... Я не могу серьезно говорить с ними... они возбуждают во мне скверное желание кривляться, но кривляться более открыто, чем они... У меня голова засорена каким-то хламом... Мне хочется стонать, ругаться, жаловаться... Я, кажется, начну пить водку, черт побери! Я не могу, не умею жить среди них иначе, чем они живут... и это меня уродует... И я отравлюсь пошлостью. Вот они... Слышите? – идут! Иногда я смотрю на них с ужасом... Уйдемте! Я хочу, так жадно хочу говорить с вами!..

Марья Львовна (берет его под руку). Если бы вы знали, как я рада видеть вас таким...

Влас. Вы не поверите – порой так хочется крикнуть всем что-то злое, резкое, оскорбительное...

(Уходят в лес. Шалимов, Юлия Филипповна и Варвара Михайловна выходят с правой стороны.)

Шалимов. Ай, опять серьезные слова – пощадите! Я устал быть серьезным... Я не хочу философии – сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы... я хочу гулять, ухаживать за дамами...

Юлия Филипповна. Вы ухаживаете за дамами, не беспокоя своих нервов? Это, должно быть, оригинально... Почему же вы не ухаживаете за мной?

Шалимов. Не премину воспользоваться вашим любезным разрешением...

Юлия Филипповна. Я не разрешаю, а спрашиваю...

Шалимов. Но все-таки я буду смотреть на вопрос ваш как на любезное разрешение.

Юлия Филипповна. Ну, хорошо, оставим это... Отвечайте на мой вопрос... Но – правдиво!

Шалимов. Извольте: я допускаю дружбу с женщиной, но не считаю ее устойчивой... природу не обманешь!

Юлия Филипповна. Иначе – вы допускаете дружбу только как предисловие к любви?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Шалимов. Любовь! Я смотрю на нее серьезно... Когда я люблю женщину, я хочу поднять ее выше над землей... Я хочу украсить ее жизнь всеми цветами чувства и мысли моей...

Замыслов (у сцены). Юлия Филипповна, пожалуйста!

Юлия Филипповна. Иду! Пока до свиданья, господин цветовод! Приведите в порядок вашу оранжерею... (Идет к сцене.)

Шалимов. Немедленно! Какая милая, веселая... Вы что так странно смотрите на меня, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. К вам удивительно идут ваши усы...

Шалимов (улыбаясь). Да? Благодарю вас. Вам не нравится мой тон? Вы строги... Но – право же, с ней как-то неловко говорить в ином тоне...

Варвара Михайловна. Я, кажется, теряю способность удивляться...

Шалимов. Я понимаю – вам странно видеть меня таким? да? Но ведь нельзя же быть столь крикливо откровенным, как истеричный господин Рюмин... О, простите! – это, кажется... ваш... друг?

Варвара Михайловна (отрицательно качает головой). У меня нет друзей...

Шалимов. Я слишком уважаю жизнь своей души для того, чтобы открывать ее пред... каждым любопытным человеком. Пифагорейцы сообщали свои тайны только избранным...

Варвара Михайловна. Вот, ваши усы становятся лишними на вашем лице!

Шалимов. Э! Что усы! Оставим их в покое. Вы знаете пословицу: с волками жить – по-волчьи выть? Это, скажу вам, недурная пословица. Особенно для того, кто выпил до дна горькую чашу одиночества... Вы, должно быть, еще не вполне насладились им... и вам трудно понять человека, который... Впрочем, не смею задерживать вас...

(Кланяется и идет к сцене, где собравшаяся публика молча смотрит, как Замыслов, с книгой в руке, тоже молча крадется по сцене, показывая Семенову, как надо играть. Из дачи поспешно идет Басов с удочками.)

Басов. Варя! Какой клев! Изумительно! Доктор, при всей его неспособности, и то – сразу – бац! Вот какого окуня!.. Дядя – трех... (Оглядывается.) Ты знаешь, сейчас иду сюда, и вдруг – представь себе! Там, около беседки, у сухой сосны, Влас на коленях перед Марьей Львовной! И целует руки!.. Каково? Голубчик мой, скажи ты ему – ведь он же мальчишка! Ведь она ему в матери годится!

Варвара Михайловна (негромко). Сергей, послушай: пожалуйста, молчи об этом... ни слова никому! Ты не понимаешь!.. Ты неверно понял... Я боюсь, ты расскажешь всем... и это будет нехорошо – пойми.

Басов. Что ты волнуешься так? Ну, не надо говорить – и не надо! Но как это глупо, а? И Марья Львовна:

Варвара Михайловна. Дай мне честное слово, что ты забудешь об этом! Дай!

Басов. Честное слово?.. Даю... Черт с ними! Но объясни мне...

Варвара Михайловна. Я ничего не могу объяснить... но я знаю, что это не то, о чем ты думаешь... это – не роман!..

Басов. Ага! М-да! Не роман? Гм! А что же, Варя? Ну, ну, молчу, не волнуйся! Я иду ловить окуней и – ничего не видал! Ах да, стой! Ты знаешь, этот Яшка, – вот скотина, а?

Варвара Михайловна (испуганно). Что такое, Сергей? Что еще?

Басов. Да что ты так... курьезно относишься ко всему? Эта история совсем в другом роде...

Варвара Михайловна (негромко, брезгливо). Послушай... Я ничего не хочу знать...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
пойми меня! Не хочу, Сергей!

Басов (удивленно, быстро). Да ничего особенного нет, чудачка ты... Что с тобой?
Просто он хочет оттягать землю у сестры своей покойной жены, с которой он...

Варвара Михайловна (брезгливо, с болью). Прошу тебя – молчи!.. Прошу тебя!
Неужели ты не понимаешь... Не говори, Сергей!

Басов (обиженно). Тебе надо лечить нервы, Варя! Извини, но – странно ты ведешь
себя... И даже обидно!.. да!

(Басов быстро уходит. Варвара Михайловна тихо идет к террасе. Около сцены шум,
смех.)

Замыслов. Сторож! Где фонарь?

Юлия Филипповна. Господин Сомов! Где моя роль?

Семенов. Семенов, если позволите!

Юлия Филипповна. Пожалуйста!

Замыслов. Внимание, господа! Мы начинаем!

Занавес

Действие третье

Поляна в лесу. В глубине ее, под деревьями, вокруг ковра, уставленного закусками
и бутылками, расположились: Басов, Двоеточие, Шалимов, Суслов, Замыслов; направо
от них, в стороне, большой самовар; около него Саша моет посуду, лежит
Пустобайка и курит трубку, около него – весла, корзины, железное ведро. На
первом плане с левой стороны – разбитая копна сена и большой пень, с корнем
вывороченный из земли. На сене сидят: Калерия, Варвара Михайловна и Юлия
Филипповна. Басов рассказывает что-то вполголоса, мужчины внимательно слушают
его. С правой стороны иногда доносится голос Сони, бренчит балалайка, кто-то
играет на гитаре. Вечереет.

Юлия Филипповна. Скучен наш пикник.

Калерия. Как наша жизнь.

Варвара Михайловна. Мужчинам – весело.

Юлия Филипповна. Они много выпили и теперь, вероятно, рассказывают друг другу
неприличные анекдоты.

(Пауза. Соня: «Не так... Медленнее!» – Звучит гитара. Двоеточие хохочет.)

Юлия Филипповна. Я тоже выпила... но это меня не веселит; напротив, когда я выпью
рюмку крепкого вина, я чувствую себя более серьезной... жить мне – хуже... и хочется
сделать что-то безумное.

Калерия (задумчиво). Все – спутано... неясно... и пугает...

Варвара Михайловна. Что пугает?

Калерия. Люди... Ненадежные они все... Никому не веришь...

Варвара Михайловна. Да. Именно ненадежны. Я понимаю тебя.

(Басов с армянским акцентом: «Зачем, душа моя? мне и так очень превосходно». –
Общий смех мужчин.)

Калерия. Нет, не понимаешь! И я тебя не понимаю. И никто никого не понимает... не
хочет понять... Люди блуждают, как льдины в холодном море севера... сталкиваются
друг с другом...

(Двоеточие встает и уходит направо.)

Юлия Филипповна (тихо поет).

Уже утомившийся день
Клонился в багряные воды..
(Когда Варвара Михайловна начинает говорить, Юлия Филипповна перестает петь и пристально смотрит ей в лицо.)

Варвара Михайловна. Жизнь – точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше.

Юлия Филипповна.

Темнеют лазурные своды,

Прозрачная стелется тень.

Калерия. Каковы должны быть люди... что-бы посмотреть на них было не так... скучно?

Варвара Михайловна. Честнее они должны быть!.. и смелее...

Калерия. Определеннее они должны быть, Варя! Во всяком случае во всех отношениях определеннее они должны быть.

Юлия Филипповна. Бросьте рассуждать! Это не забавно. Давайте петь...

Варвара Михайловна. Славный дуэт пели вы, Юлия Филипповна.

Юлия Филипповна. Да, хороший... Чистый!.. Я люблю все чистое... вы не верите? Люблю, да... Смотреть люблю на чистое... слушать... (Смеется.)

Калерия. У меня в душе растет какая-то серая злоба... серая, как облако осени... Тяжелое облако злобы давит мне душу, Варя... Я никого не люблю, не хочу любить!.. И умру смешной старой девой.

Варвара Михайловна. Перестань, милая! Так тоскливо...

Юлия Филипповна. Быть замужем – тоже сомнительное удовольствие... На вашем месте я вышла бы замуж за Рюмина... Он немножко кисленький, но...

(Соня: «Подождите! Ну, начинайте! Нет, начинает мандолина». – Дуэт мандолины и гитары.)

Калерия. Он резиновый...

Варвара Михайловна. Почему-то мне вспомнилась одна грустная песенка... Ее, бывало, пели прачки в заведении моей матери... Я тогда была маленькая, училась в гимназии. Помню, придешь домой, прачешная полна серого, удушливого пара... в нем качаются полуодетые женщины и негромко, устало поют:

Ты, родная моя матушка,
Пожалей меня, несчастную,
Тяжело мне у чужих людей,
В злой неволе сердце высохло.
И я плакала, слушая эту песню... (Басов: «Саша! дайте-ка пива... и портвейна...»)
Хорошо я жила тогда! Эти женщины любили меня... Помню, вечерами, кончив работать, они садились пить чай за большой, чисто вымытый стол... и сажали меня с собою, как равную.

Калерия. Ты скучно говоришь, Варя! Скучно, как Марья Львовна...

Юлия Филипповна. Милые мои женщины, плохо мы живем!

Варвара Михайловна (задумчиво). Да, плохо... И не знаем, как надо жить лучше. Моя мать всю жизнь работала... Какая она добрая была... какая веселая! Ее все любили. Она сделала меня образованной... Как она радовалась, когда я кончила гимназию! В

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
то время она уже не могла ходить у нее был ревматизм... Умирала она спокойно... и говорила мне: «Не плачь, Варя, ничего! Мне – пора... пожила, поработала, будет!» В ее жизни было больше смысла, чем в моей. А вот мне – неловко жить... Мне кажется, что я зашла в чужую сторону, к чужим людям и не понимаю их жизни!.. Не понимаю я этой нашей жизни, жизни культурных людей. Она кажется мне непрочной, неустойчивой, поспешно сделанной на время, как делаются на ярмарках балаганы... Эта жизнь – точно лед над живыми волнами реки: он крепок, он блестит, но в нем много грязи... много постыдного... нехорошего... Когда я читаю честные, смелые книги, мне кажется – восходит горячее солнце правды... лед тает, обнажая грязь внутри себя, и волны реки скоро сломают его, раздробят, унесут куда-то...

Калерия (брезгливо, с досадой). Почему ты не бросишь мужа? Это такой пошляк, он тебе совершенно лишний...

(Варвара Михайловна с недоумением смотрит на Калерию.)

Калерия (настойчиво). Брось его и уходи куда-нибудь... учиться иди... влюбись... только уйди!

Варвара Михайловна (встает, с досадой). Как это грубо...

Калерия. Ты можешь: у тебя нет отвращения к грязному, тебе нравятся прачки... ты везде можешь жить...

Юлия Филипповна. Вы очень мило говорите о своем брате...

Калерия (спокойно). Да!.. Хотите, я скажу вам что-нибудь такое же о вашем муже?

Юлия Филипповна (усмехаясь). Скажите! Вероятно, я не обижусь. Я сама часто говорю ему кое-что, от чего он бесится... Он мне платит тем же... Еще недавно он сказал в лицо мне, что я – развратна...

Варвара Михайловна. И вы... Что же вы?

Юлия Филипповна. Я не возражала. Не знаю: не знаю я, что такое разврат, но я очень любопытна. Скверное такое, острое любопытство к мужчине есть у меня. (Варвара Михайловна встает, отходит шага на три в сторону.) Я красива – вот мое несчастье. Уже в шестом классе гимназии учителя смотрели на меня такими глазами, что я чего-то стыдилась и краснела, а им это доставляло удовольствие, и они вкусно улыбались, как обжоры перед гастрономической лавкой.

Калерия (вздрагивая). Брр... Какая гадость!

Юлия Филипповна. Да. Потом меня просвещали замужние подруги... Но больше всех – я обязана мужу. Это он изуродовал мое воображение... он привил мне чувство любопытства к мужчине. (Смеется. От группы мужчин отделяется Шалимов и медленно идет к женщинам.) А я уродую ему жизнь. Есть такая пословица: взявши лычко – отдай ремешок.

Шалимов (подходя). Славная пословица! Несомненно, ее создал щедрый и добрый человек... Варвара Михайловна, не хотите ли пройтись к реке?

Варвара Михайловна. Пожалуй... пойдете...

Шалимов. Позвольте предложить вам руку?

Варвара Михайловна. Нет, спасибо... я не люблю.

Шалимов. Какое у вас грустное лицо. Вы не похожи на вашего брата... он весельчак. Забавный юноша...

(Уходят направо.)

Калерия. Среди нас – нет людей, довольных жизнью. Вот вы... такая всегда веселая, а между тем...

Юлия Филипповна. Вам нравится этот господин? В нем для меня есть что-то нечистое! Должно быть, холодный, как лягушка... Пойдете и мы к реке.

Калерия (вставая). Пойдемте! все равно.

Юлия Филипповна. Он, должно быть, немножко увлекается ею. А действительно, какая она чужая всем! И так странно-пытливо смотрит на всех... Что она хочет видеть? Я ее люблю... но боюсь... Она – строгая... чистая...

(Уходят. С правой стороны раздаются громкие крики и смех. Кричат: «Лодку! Скорее! Где весла? Весла!» Пустобайка медленно встает и, положив весла на плечо, хочет идти. Замыслов и Басов бегут на шум. Замыслов подскакивает к Пустобайке и вырывает у него весло.)

Замыслов. Живее, черт тебя возьми! Слышишь – должно быть, несчастье, а ты... рожа! (Убегает.)

Пустобайка (идет вслед ему и ворчит). Кабы несчастье, небойсь, не так бы завопили...Тоже... герой!.. Поскакал...

(Несколько секунд сцена пуста. Слышны крики: «Не бросайте камнями! держите! Веслом!» Смех. С левой стороны быстро входят Марья Львовна и Влас, оба взволнованные.)

Марья Львовна (возбужденно, но негромко). Оставьте это, слышите? я не хочу. Не смейте говорить со мной так! Разве я дала вам право?..

Влас. Я буду говорить! Буду!

Марья Львовна (протягивая руки вперед, как бы желая оттолкнуть Власа). Я требую уважения к себе!

Влас. Я вас люблю... люблю вас! Безумно, всей душой люблю ваше сердце... ваш ум люблю... и эту строгую прядь седых волос... ваши глаза и речь...

Марья Львовна. Молчите! Не смейте!

Влас. Я не могу жить... вы нужны мне, как воздух, как огонь!

Марья Львовна. О боже мой... разве нельзя без этого?.. Нельзя?

Влас (схватив руками свою голову). Вы подняли меня в моих глазах... Я блуждал где-то в сумраке... без дороги и цели... вы научили меня верить в свои силы...

Марья Львовна. Уйдите, не надо мучить меня! Голубчик! Не надо мучить меня!

Влас (на коленях). Вы уже много дали мне – этого еще мало все-таки! Будьте щедры, будьте великодушны! Я хочу верить, хочу знать, что я стою не только внимания вашего, но и любви! Я умоляю вас – не отталкивайте меня!..

Марья Львовна. Нет, это я вас умоляю! Уйдите! Потом... После я отвечу вам... не сейчас... И – встаньте! Встаньте, я вас прошу!

Влас (встает). Поверьте – мне необходима ваша любовь!.. Я так запачкал свое сердце среди всех этих жалких людей... мне нужен огонь, который выжиг бы всю грязь и ржавчину моей души!..

Марья Львовна. Имейте хоть немного уважения ко мне!.. Ведь я старуха! Вы это видите! Мне нужно, чтобы вы ушли теперь... Уйдите!

Влас. Хорошо!.. Я ухожу... Но потом, после – вы скажете мне...

Марья Львовна. Да... да... потом... идите!

(Влас быстро идет в лес направо и сталкивается с сестрой.)

Варвара Михайловна. Тише!.. Что с тобой?..

Влас. Это... ты?.. Прости!..

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Марья Львовна (протягивая руки навстречу Варваре Михайловне). Дорогая моя! Идите ко мне!..

Варвара Михайловна. Что с вами? Он вас оскорбил?

Марья Львовна. Нет... то есть да... оскорбил?... я ничего, ничего не понимаю!

Варвара Михайловна. Вы сядьте... Что случилось?

Марья Львовна. Он сказал мне. (Смеется, растерянно глядя в лицо Варваре Михайловне.) Он... сказал мне... что любит меня! А у меня седые волосы... и зубы вставлены... три зуба! О друг мой, я старуха! Разве он не видит этого? Моей дочери восемнадцать лет! Это невозможно!.. Это ненужно!..

Варвара Михайловна (волнуясь). Милая моя! Славная! Вы не волнуйтесь!.. расскажите... вы такая...

Марья Львовна. Я никакая! Как все мы... Я несчастная баба! Помогите мне! Его надо оттолкнуть от меня... Я не могу этого сделать... я – уеду!..

Варвара Михайловна. Я вас понимаю... Вам жалко его... он вам не нравится... Бедный Власик!

Марья Львовна. Ах! Я все лгу вам! Мне не его жалко... Мне себя жалко!..

Варвара Михайловна (быстро). Нет... Почему?

(Соня выходит из леса и стоит несколько секунд за копной. В руках у нее цветы, она хочет осыпать ими мать и Варвару Михайловну. Слышит слова матери, делает движение к ней и, повернувшись, неслышно уходит.)

Марья Львовна. Я его люблю!.. Вам это смешно? Ну, да... я люблю... Волосы седые... а жить хочется! Ведь я – голодная! Я не жила еще... Мое замужество было трехлетней пыткой... Я не любила никогда! И вот теперь... мне стыдно сознаться... я так хочу ласки! нежной, сильной ласки, – я знаю поздно! Поздно! Я прошу вас, родная моя, помогите мне! Убедите его, что он ошибается, не любит!.. Я уже была несчастна... я много страдала... довольно!

Варвара Михайловна. Славная вы моя! Я не понимаю вашего страха! Если вы любите его и он любит вас – что же? Вы боитесь будущего страдания, но ведь, может быть, это страдание далеко впереди!

Марья Львовна. Вы думаете, это возможно? А моя дочь? Соня моя? А годы? Проклятые годы мои? И эти седые волосы? Ведь он страшно молод! Пройдет год – и он бросит меня... о, нет, я не хочу унижений...

Варвара Михайловна. Зачем взвешивать–рассчитывать!.. Как мы все боимся жить! Что это значит, скажите, что это значит? Как мы все жалеем себя! Я не знаю, что говорю... Может быть, это дурно и нужно не так говорить... Но я... я не понимаю!.. Я бьюсь, как большая, глупая муха бьется о стекло... желая свободы... Мне больно за вас... Я хотела бы хоть немножко радости вам... И мне жалко брата! Вы могли бы сделать ему много доброго! У него не было матери... Он так много видел горя, унижений... вы были бы матерью ему...

Марья Львовна (опуская голову). Матерью... да! Только матерью... я понимаю вас... Спасибо!

Варвара Михайловна (торопливо). Нет... вы не поняли... я не говорила...

(Рюмин выходит из леса с правой стороны, видит женщин, останавливается, кашляет. Они его не слышат – он подходит ближе.)

Марья Львовна. Вы не хотели сказать – и невольно сказали простую, трезвую правду... Матерью я должна быть для него... да! Другом! Хорошая вы моя... мне плакать хочется... я уйду! Вон, смотрите, стоит Рюмин. У меня, должно быть, глупое лицо... растерялась старуха!

(Тихо, устало идет в лес.)

Варвара Михайловна. Я иду с вами.

Рюмин (быстро). Варвара Михайловна! Могу я попросить вас остаться? Я не задержу вас долго!..

Варвара Михайловна. Я догоню вас, Марья Львовна, идите к сторожке. Что вы хотите сказать, Павел Сергеевич?

Рюмин (оглядываясь). Сейчас... я скажу... (Опускает голову и молчит.)

Варвара Михайловна. Почему вы так таинственно оглядываетесь? Что такое?

(В глубине сцены проходит Суслов с правой стороны на левую, он что-то напевает. Слышен голос Басова: «Влас, вы хотели читать стихи. Куда же вы?»)

Рюмин. Я начну сразу... Вы давно знаете меня...

Варвара Михайловна. Четыре года. Но что с вами?

Рюмин. Я волнуюсь немножко... мне страшно! Я не могу решиться сказать эти слова... Я хотел, бы... чтоб вы...

Варвара Михайловна. Не понимаю! Что мне нужно сделать?

Рюмин. Догадаться... Только догадаться!..

Варвара Михайловна. О чем? Вы говорите проще...

Рюмин (тихо). О том, что я давно уже... давно хочу сказать вам... Теперь... вы поняли?

(Пауза. Варвара Михайловна, сдвинув брови, сурово смотрит на Рюмина и медленно отходит в сторону от него.)

Варвара Михайловна (невольно). Какой странный день!

Рюмин (негромко). Мне кажется, всю жизнь я любил вас... не видя еще, не зная – любил! Вы были женщиной моей мечты... тем дивным образом, который создается в юности... Потом его ищут всю жизнь иногда – и не находят... А я вот встретил вас... мечту мою...

Варвара Михайловна (спокойно). Павел Сергеевич! Не надо об этом говорить: я не люблю вас, нет!

Рюмин. Но... может быть... Позвольте мне сказать...

Варвара Михайловна. Что? Зачем?

Рюмин. Ну, что же делать? Что делать?

(Тихо смеется.) Вот и кончено! Как это просто все... Я соби-рался так долго... сказать вам это... и мне было приятно и жутко думать о часе, когда я скажу вам, что люблю... И вот – сказал!..

Варвара Михайловна. Но, Павел Сергеевич... что же я могу сделать?

Рюмин. Да... да... конечно... я понимаю! Знаете, на вас, на ваше отношение ко мне я возложил все мои надежды... а вот теперь нет их – и нет жизни для меня...

Варвара Михайловна. Не надо говорить так! Не надо делать мне больно... Разве я виновата?

Рюмин. А мне как больно! Надо мной тяготеет и давит меня неисполненное обещание... В юности моей я дал клятву себе и другим... я поклялся, что всю жизнь мою посвящу борьбе за все, что тогда казалось мне хорошим, честным. И вот я прожил лучшие годы мои – и ничего не сделал, ничего! Сначала я все собирался, выжидал, примеривался – и, незаметно для себя, привык жить покойно, стал ценить этот покой, бояться за него... Вы видите, как искренно я говорю? Не лишайте меня

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
рады быть искренними! Мне стыдно говорить... но в этом стыде есть острая
сладость... исповеди...

Варвара Михайловна. Но что же... что я могу сделать для вас?

Рюмин. Не любви прошу – жалости! Жизнь пугает меня настойчивостью своих требований, а я осторожно обхожу их и прячусь за ширмы разных теорий, – вы понимаете это, я знаю... Я встретил вас, – и вдруг сердце мое вспыхнуло прекрасной, яркой надеждой, что... вы поможете мне исполнить мои обещания, вы дадите мне силу и желание работать... для блага жизни!

Варвара Михайловна (горячо, с тоской и досадой). Я не могу! Поймите вы – я не могу! Я сама – нищая... Я сама в недоумении перед жизнью... Я ищу смысла в ней – и не нахожу! Разве это жизнь? Разве можно так жить, как мы живем? Яркой, красивой жизни хочет душа, а вокруг нас – проклятая суета безделья... Противно, тошно, стыдно жить так! Все боятся чего-то и хватаются друг за друга, и просят помощи, стонут, кричат...

Рюмин. И я прошу помощи! Теперь я слабый, нерешительный человек. Но если бы вы захотели!..

Варвара Михайловна (сильно). Неправда! Не верю я вам! Все это только жалобные слова! Ведь не могу же я переложить свое сердце в вашу грудь... если я сильный человек! Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может переродить его. Или она в нем, или ее нет! Я не буду больше говорить... в душе моей растет вражда...

Рюмин. Ко мне? За что?

Варвара Михайловна. О, нет, не к вам... ко всем! Мы живем на земле чужие всему... мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придет какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор... В душе моей растет вражда ко лжи, к обманам...

Рюмин. А я хочу быть обманутым, да! Вот я узнал правду – и мне нечем жить!

Варвара Михайловна (почти безразлично). Не обнажайте передо мной вашей души. Мне жалко нищего, если это человек, которого ограбили, но если он прожился или рожден нищим, – я не могу его жалеть!..

Рюмин (оскорбленный). Не будьте так жестоки! Ведь вы тоже больной, раненый человек!

Варвара Михайловна (сильно, почти с гордостью). Раненый – не болен, у него только разорвано тело. Болен тот, кто отравлен.

Рюмин. Да пощадите! Ведь человек же я!..

Варвара Михайловна. А я? А я разве не человек? Я только что-то нужное для того, чтобы вам лучше жилось? Да? А это не жестоко? Я вижу, знаю: вы не один давали в юности клятвы и обещания, вас, может быть, тысячи изменивших своим клятвам...

Рюмин (вне себя). Прощайте! Я понимаю! Я опоздал! Да! Конечно... Только ведь и Шалимов тоже... Вы посмотрите на него... вы посмотрите, ведь и он...

Варвара Михайловна (холодно). Шалимов? Вы не имеете права...

Рюмин. Прощайте! Я не могу... прощайте!

(Быстро уходит в лес налево. Варвара Михайловна делает движение, как бы желая идти за ним, но тотчас же, отрицательно качнув головой, опускается на пень. В глубине сцены, около ковра с закусками, является Суслов, пьет вино. Варвара Михайловна встает, уходит в лес налево. С правой стороны быстро входит Рюмин, оглядывается и с жестом досады опускается на сено. Суслов, немного выпивший, идет к Рюмину, насвистывая.)

Суслов. Вы слышали?

Суслов (садится). Спор.

Рюмин. Нет. Какой?

Суслов (закуривая). Власа с писателем и Замысловым?

Рюмин. Нет...

Суслов. Жаль!

Рюмин. Не подожгите сено!

Суслов. Черт с ним!.. Да, они тут спорили... Но все это одно кривлянье... Я знаю. Я сам когда-то философствовал... Я сказал в свое время все модные слова и знаю им цену. Консерватизм, интеллигенция, демократия... и что еще там? Все это – мертвое... все – ложь! Человек прежде всего зоологический тип, вот истина. Вы это знаете! И как вы ни кривляйтесь, вам не скрыть того, что вы хотите пить, есть... и иметь женщину... Вот и все истинное ваше... Д-да! Когда говорит Шалимов, я понимаю: он литератор, игра словами – его ремесло, и когда говорит Влас, понимаю: он молод и глуп... Но, когда говорит Замыслов, этот жулик, это хищное животное, – мне хочется заткнуть ему глотку кулаком!.. Вы слышали? В хорошенькую историю он всадил Басова! Грязная история... Они сцапают тысяч пятьдесят... Басов и этот жулик, да!.. Но уже никто после этой истории не назовет их порядочными людьми! И эта гордая Варвара, которая все не решается выбрать себе любовника...

Рюмин. Вы говорите гадости! (Быстро уходит прочь.)

Суслов. Дурацкий кисель! (Справа выходит Пустобайка, он вынимает изо рта трубку и в упор смотрит на

Сулова.) Ну, чего ты уставился? Не видал людей? Ступай прочь!

Пустобайка. и уйду!.. (Медленно уходит.)

Суслов (разваливаясь на сене). «На земле весь род людской...» (Кашляет.) Все вы – скрытые мерзавцы... «Люди гибнут за металл...» Ерунда... Деньги ничто... когда они есть... (дремлет) а боязнь чужого мнения – нечто... если человек... трезв... и все вы – скрытые мерзавцы, говорю вам... (Засыпает. Дудаков и Ольга тихо идут под руку. Она крепко прижалась к его плечу и смотрит в лицо его.)

Дудаков. И... конечно – не правы мы оба... Завертелись, засуетились... и потеряли уважение друг к другу. Да и за что тебе уважать меня? Что я такое?

Ольга Алексеевна. Милый мой Кирилл... ты отец моих детей... Я уважаю... я люблю тебя...

Дудаков. Я устаю и... распускаюсь, и не могу удерживать мои нервы... а ты все так близко принимаешь к сердцу... и вот создается это адское положение...

Ольга Алексеевна. Ты у меня один в целом свете... Ты и наши детки! Ведь у меня – никого...

Дудаков. Ты вспомни, Ольга... когда-то мы с тобой... разве о такой жизни мечтали мы? (Юлия Филипповна и Замыслов являются за деревьями с левой стороны.) Да...

Ольга Алексеевна. Но что же делать? Что делать? Ведь у нас – дети! Они требуют внимания...

Дудаков. Да... дети... я понимаю. Но порой задумаешься...

Ольга Алексеевна. Милый мой!.. Что же делать?

(Уходят в лес.)

Юлия Филипповна (выходя, смеется). Торжественно и трогательно! Какой урок мне!

Замыслов. Это предисловие к пятому ребенку... или к шестому уже? Ну, милая Юлька,
Страница 150

Юлия Филипповна (насмешливо). Уж я не знаю, как теперь... они были так милы... не вернуться ли и мне на стезю добродетели, глупенький мой?

Замыслов. Это потом, Юлька...

Юлия Филипповна. Да, это потом; я решаю остаться на пути порока, и пусть мой дачный роман умрет естественною смертью. О чем вы так кричали с Власом и писателем?

Замыслов. Сегодня этот Влас какой-то полоумный... Разговор зашел о вере...

Юлия Филипповна. И – во что же ты веришь?

Замыслов. Я? Только в себя, Юлька... Верю только в мое право жить так, как я хочу!

Юлия Филипповна. А вот я ни во что не верю...

Замыслов. У меня в прошлом голодное детство... и такая же юность, полная унижений... суровое прошлое у меня, дорогая моя Юлька! Я много видел тяжелого и скверного... я много перенес. Теперь – я сам судья и хозяин своей жизни – вот и все!.. Ну, я ухожу... до свиданья, моя радость!.. Нам все-таки нужно держаться поосторожнее... подальше друг от друга...

Юлия Филипповна (с пафосом). Вдали, вблизи – не все ль равно, о мой рыцарь? Кого бояться нам, столь безумно влюбленным?

Замыслов. Исчезаю, роскошь моя!.. (Уходит в лес. Юлия Филипповна смотрит вслед ему, оглядывает поляну, свободно и глубоко вздыхает. Идет к сену, негромко напевая:

Томимую душу тоской,

Как мать дитя, успокой.

Видит мужа. Останавливается, вздрагивает, несколько секунд стоит неподвижно и смотрит. Хочет идти прочь, но поворачивается и с улыбкой садится рядом с мужем. Щекочет лицо ему стеблем травы. Суслов мычит.)

Юлия Филипповна. Очень музыкально...

Суслов. А... черт! Это ты?..

Юлия Филипповна. Как от тебя пахнет вином! Целый стог сена не может заглушить этого запаха. Ты разоришься на дорогом вине, мой друг!

Суслов (протягивает к ней руки). Ты... так близко... Я уже забыл, Юлия, когда это было...

Юлия Филипповна. И бесполезно вспоминать эти счастливые моменты, мой друг... Слушай, хочешь сделать мне удовольствие?

Суслов. Какое? Говори – я готов! Поверь мне, Юлия... я на все готов для тебя...

Юлия Филипповна. Именно таким и должен быть любящий муж!

Суслов (целуя ее руку). Ну, скажи мне... чего ты хочешь?

Юлия Филипповна (вынимая из кармана маленький револьвер). Давай застрелимся, друг мой! Сначала ты... потом я!

Суслов. Какая тяжелая шутка, Юлия... Брось эту гадость... ну, брось, прошу тебя!

Юлия Филипповна. Подожди... убери прочь твою руку! Тебе не нравится мое предложение? Но ты же собираешься застрелить меня?.. Я застрелилась бы первой, но, боюсь, ты меня обманешь и останешься жить, а мне не хочется быть обманутой еще раз, и я не хочу разлучаться с тобой... я буду жить с тобой долго-долго... ты

Суслов (подавленно). Слушай, Юлия, так нельзя... нельзя!

Юлия Филипповна. Можно – ты видишь! Ну, хочешь, я сама застрелю тебя?

Суслов (закрываясь от нее рукой). Не смотри на меня так! Это черт знает что! Я – уйду... я не могу!..

Юлия Филипповна (весело). Иди... Я выстрелю тебе в спину... Ах нельзя... вот шествует Марья Львовна... славная женщина! Отчего бы тебе, Петр, не влюбиться в нее? У нее такие красивые волосы!

Суслов (негромко). Ты сводишь меня с ума! За что? За что ты ненавидишь меня?

Юлия Филипповна (пренебрежительно). Тебя нельзя ненавидеть...

Суслов (тихо, задыхаясь). Ты так мучаешь меня, но – за что? Скажи!

(Марья Львовна задумчиво идет, наклонив голову, согнувшись. Суслов стоит против жены, упорно следя за револьвером в ее руке.)

Юлия Филипповна. Марья Львовна! Идите сюда... Ты, Петр, сделал из меня мерзкую женщину... Ступай, иди!

Марья Львовна, мы скоро едем домой?

Марья Львовна. Не знаю, право! Все куда-то разбрелись... Вы не видали Варвару Михайловну?

Юлия Филипповна. Она, вероятно, с этим писателем. Ты, кажется, хотел идти на реку? Иди, нам без тебя не будет скучно...

(Суслов молча уходит.)

Марья Львовна (рассеянно). Как вы строго.

Юлия Филипповна. Это не вредно. Какой-то философ, говорили мне, советует мужчине: когда идешь к женщине, бери с собой плеть:

Марья Львовна. Это Ницше:

Юлия Филипповна. Да? Он, кажется, был полоумным? Я не знаю философов ни умных, ни полоумных, но если бы я была философом, я сказала бы женщине: подходя к мужчине, моя милая, бери с собой хорошее полено. (С левой стороны, в глубине поляны, являются Ольга Алексеевна и Калерия, они садятся около ковра с закусками.) Говорили мне также, что у одного племени дикарей существует такой милый обычай: мужчина, перед тем как сорвать цветы удовольствия, бьет женщину дубиной по голове. У нас, людей культурных, это делают после свадьбы. Вас по голове дубиной били?

Марья Львовна. Да-а...

Юлия Филипповна (с улыбкой). Дикари честнее – не правда ли? А почему вы такая хмурая?

Марья Львовна. Не спрашивайте... Вам тяжело жить?

(Справа идет Двоеточие без шляпы, с удочкой в руках.)

Юлия Филипповна (смеясь). Кто слышал мои стоны?... Я всегда веселая... А вот дядюшка... Вам нравится он? Мне – очень.

Марья Львовна. Да, он славный...

Двоеточие (подходя). А шляпа моя так и уплыла. Поехала молодежь спасать ее и окончательно утопила! Нет ли у кого лишнего платочка, голову повязать? А то, понимаете, комары лысину кусают.

Юлия Филипповна (встает). Подождите, сейчас принесу.

(Отходит в глубину сцены.)

Двоеточие. А там сейчас господин Чернов всех потешал... славный паренек!

Марья Львовна. Он... веселый?

Двоеточие. Удивительно! Так и сверкает весь!.. Стихи свои всё читал. Попросила его какая-то барыня стихи в альбом ей написать; он, понимаете, и написал. Вы, говорит, смеясь, в глаза мне поглядели, но попал, говорит, мне в сердце этот взор и, увы, вот слишком две недели я, говорит, не сплю, сударыня, с тех пор... понимаете! А дальше...

Марья Львовна (торопливо). Не надо, Семен Семенович, дальше... Я знаю эти стихи... Скажите... вы долго здесь проживете?

Двоеточие. Да я думал, понимаете, у племянника до конца дней основаться... а с его стороны не вижу охоты поддержать меня в этом намерении. А деваться мне некуда... никого у меня нет... деньги есть... а больше ничего нет!

Марья Львовна (рассеянно, не глядя на него). Вы в самом деле богатый?

Двоеточие. Около миллиона у меня, понимаете. Хо-хо! около миллиона. Умру – все Петру останется... но его это, по-видимому, не прельщает. Не ласков он со мной, да. Вообще он какой-то нежелающий... ничего не нужно ему... не понимаю я его! Положим, он знает, что все равно его деньги будут – чего же ему беспокоиться? Хо-хо!

Марья Львовна (с большим интересом). Эх вы, бедный!.. Вы бы употребили их на какое-нибудь общественное дело – все лучше, больше смысла!

Двоеточие. Н-да! Мне это советовал один мон шер, да не люблю я его, понимаете. Жулик он рыжий, хоть и притворяется либералом. А, по совести говоря, жалко мне эти деньги Петру оставлять. На что ему? Он и теперь сильно зазнался. (Марья Львовна смеется, Двоеточие внимательно смотрит на нее.) Чего вы смеетесь? Глупым кажусь? Нет, я не глупый... а просто – не привык жить один. Э-эхма! Вздохнешь да охнешь, об одной сохнешь, а раздумаешься – всех жалко! А... хороший вы человек, между прочим...

(Смеется.)

Марья Львовна. Спасибо!

Двоеточие. Не на чем. Вам спасибо! Вот вы говорите мне – бедный... хо-хо! Этого я никогда не слышал... все говорили – богатый! Хо-хо! И сам я думал – богатый... А оказалось: бедный я...

Юлия Филипповна (подходит, в руках у нее платок). Вы, дядя, объясняетесь в любви?

Двоеточие. Куда мне, к лешему! Я теперь только на уважение способен... Повяжи-ка покрасивее... И пойду закушу чего-нибудь на дорогу-то...

Юлия Филипповна. Вот... очень идет к вам!

Двоеточие. Ну, и врешь! У меня лицо мужественное. Идем закусывать. Я все хочу спросить тебя, – ты мужа-то не любишь?

Юлия Филипповна. А по-вашему, его можно любить?

Двоеточие. А на что замуж за него вышла?

Юлия Филипповна. А он интересным прикинулся...

Двоеточие (хохочет). Э, ну тебя к богу!..

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Все трое уходят в глубину сцены. Там начинается шум и смех, негромкий, но непрерывный. С левой стороны выходят: Басов, выпивший, Шалимов, Дудаков и Влас. Последний идет в глубину сцены, а первые трое – на сено.)

Замыслов (кричит в лесу). Господа! Пора домой!

Басов. Чудные здесь места, Яша? Хорошая прогулка, а?

Шалимов. Ты же все сидел, как сыч. Сидел и пил... и размок...

(В глубине сцены Соня повязывает платок на голове Двоеточия. Смех. Из леса, около ковра с закусками, выходит Замыслов, берет бутылку вина и стаканы и идет к Басову, за ним идет

Двоеточие, отмахиваясь руками от Сони.)

Басов (опускаясь на сено). Я и опять сяду... Наслаждаться природой надо сидя... Природа, леса, деревья... сено... люблю природу! (Почему-то грустным голосом.) И людей люблю... Люблю мою бедную, огромную, нелепую страну... Россию мою! Всё и всех я люблю!.. У меня душа нежная, как персик! Яков, ты воспользуйся, это хорошее сравнение: душа нежная, как персик...

Шалимов. Хорошо, я воспользуюсь!

Соня. Семен Семенович, позвольте!

Двоеточие. Будет! Насмеялись над стариком... Обиделся я... Хо-хо!

Басов. А, вино! Налейте мне. Как хорошо! Как весело, милые мои люди! Славное это занятие – жизнь... для того, кто смотрит на нее дружески, просто... К жизни надо относиться дружески, господа, доверчиво... Надо смотреть ей в лицо простыми, детскими глазами, и все будет превосходно. (Двоеточие стоит около пня и хохочет, слушая болтовню Басова.) Господа! Посмотрим ясными, детскими глазами в сердца друг другу – и больше ничего не нужно. А дядя – смеется... Он поймал молодого, веселого окуня... а я взял окуня и пустил его назад, в родную стихию. Потому что я – пантеист, это факт! Я и окуня люблю... а дядя утопил свою шляпу – вот!

Шалимов. Заболтался ты, Сергей!

Басов. Не суди – да не судим будешь... А говорю я не хуже тебя... ты человек красивого слова, и я человек красивого слова! Вот я слышу голос Марьи Львовны... Превосходная женщина... достойна глубокого уважения!

Шалимов. А мне не нравится эта митральеза... Я вообще не поклонник женщин, достойных уважения...

Басов (радостно). И это – верно! Недостойные уважения женщины – лучше достойных, они лучше, это факт!

Двоеточие. И что говорит!.. Будучи женат на такой, можно сказать, королеве...

Басов. Моя жена? Варя? О! Это пуристка! Пуританка! Это удивительная женщина, святая! Но – с ней скучно! Она много читает и всегда говорит от какого-нибудь апостола. Выпьем за ее здоровье!

Шалимов. Заключение весьма неожиданное! А все-таки Марья Львовна...

Басов (перебивая). Ты знаешь, – у нее роман с моим письмоводителем, это факт! Я видел, как он объяснялся ей в любви!

Двоеточие. Мм... об этом, пожалуй, лучше бы не говорить. (Идет прочь.)

Басов. О, да! Это секрет!

Калерия (подходит). Сергей! Ты Варю не видал?

Басов. Вот моя сестра! Моя милая поэтесса... Яков, она читала тебе свои стихи? О, ты послушай – очень мило! Так высоко всё! Облака... горы... звезды...

Калерия. Ты, кажется, выпил? да?

Басов. Всего один стакан.

Замыслов. Из этой бутылки.

Шалимов. Меня весьма интересуют ваши поэтические опыты, Калерия Васильевна.

Калерия. Вдруг я приму слова ваши как правду и принесу вам четыре толстейших тетради!

Шалимов. Не пугайте... я не робкий...

Калерия. Увидим.

Юлия Филипповна (в лесу поет). Пора домой... домой!..

(Калерия отходит в правую сторону, встречается с Соней. Замыслов идет на голос Юлии Филипповны. Басов подмигивает вслед ему и, наклонясь к Шалимову, что-то шепчет ему. Шалимов, слушая его, смеется.)

Калерия. Собираемся домой?

Соня. Да, все устали...

Калерия. Когда я выхожу куда-нибудь из дома, вместе со мной всегда идет какая-то смутная надежда... а возвращаюсь домой – я одна... С вами этого не бывает – да?

Соня. Не бывает.

Калерия. Будет.

Соня (смеясь). Мне почему-то кажется, что вы говорите грустные вещи с удовольствием.

Калерия. Да? Мне хочется покрыть тревожную тень думы ваши ясные глаза. Я часто вижу около вас каких-то грубых, оборванных людей – и удивляюсь вашему бесстрашию перед грязью жизни... Вам не противно быть с ними?

Соня (смеясь). Ведь грязь у них на коже – она легко смывается мылом.

(Уходят в глубину, разговор становится неясен.)

Шалимов (вставая). Ты – злоязычен, Сергей... Смотри – сам муж...

Басов. Я?

Шалимов. Природа – прекрасна, но зачем существуют комары? Где-то тут я бросил мой плэд?

(Идет направо. Басов потягивается и мурлычет песенку. В глубине сцены Саша, Соня и Пустобайка собирают вещи. На левой стороне, около копны сена, появляется Варвара Михайловна, в руках у нее букет.)

Влас (в лесу). Кто едет в лодке, господа?

Басов. Варя! ты гуляешь? А я один. Все ушли.

Варвара Михайловна. Ты снова много выпил, Сергей...

Басов. Разве много?

Варвара Михайловна. Ведь тебе вреден коньяк. Потом будешь жаловаться на сердце.

Басов. Но я преимущественно портвейн... Не осуждай меня, Варя! Ты всегда говоришь со мной так жестко и строго, а я... я человек мягкий... я все люблю нежной любовью ребенка... дорогая моя, сядь здесь!.. И поговорим, наконец, по душе. Нам нужно

Варвара Михайловна. Перестань! Уже собираются домой... Вставай и иди к лодке... ну, иди, Сергей!

Басов. Хорошо – иду! Куда идти? Туда? Иду...

(Идет, слишком твердо ступая ногами. Варвара Михайловна смотрит вслед ему. Лицо у нее суровое. Оглянувшись направо, она видит Шалимова, который тихо подходит к ней и ласково улыбается.)

Шалимов. Лицо у вас утомленное, глазки грустные... Вы устали?

Варвара. Михайловна. Немножко.

Шалимов. А я сильно устал... Устал смотреть на людей... И мне больно видеть вас среди них. Простите!

Варвара Михайловна. За что?

Шалимов. Вам, может быть, неприятны мои слова?

Варвара Михайловна. Я сказала бы вам это...

Шалимов. Я смотрю на вас, как вы молча ходите к этой шумной толпе и глаза ваши безмолвно спрашивают... И ваше молчание – для меня красноречивее слов... Я ведь тоже испытал холод и тяжесть одиночества...

Соня (кричит). Мама! Ты в лодке?

Марья Львовна (из леса). Нет, я пешком.

Варвара Михайловна (протягивает Шалимову цветок). Хотите взять?

Шалимов (с поклоном и улыбкой). Благодарю вас. Я ревниво храню цветы, когда мне дают их так дружески просто. (Влас в лесу направо: «Эй, сторож, где вторые весла?») Он будет лежать, ваш цветок, где-нибудь в книге у меня... Однажды я возьму эту книгу, увижу цветок – и вспомню вас... Это смешно? Сантиментально?

Варвара Михайловна (негромко, опустив голову). Говорите...

Шалимов (пытливо заглядывая ей в лицо). А должно быть, вам очень тоскливо среди этих людей, которые так трагически не умеют жить.

Варвара Михайловна. Научите их жить лучше!

Шалимов. Во мне нет самонадеянности учителей... Я – чужой человек, одинокий созерцатель жизни... я не умею говорить громко, и мои слова не пробудят смелости в этих людях. О чем вы думаете?

Варвара Михайловна. Я? Есть такие мысли... они отталкивают от людей... их надо убивать в зародыше...

Шалимов. И тогда ваша душа будет кладбищем... Нет, не надо бояться, что отойдешь от людей... Поверьте мне, в стороне от них – воздух более чист и прозрачен, всё яснее, всё определеннее...

Варвара Михайловна. Я понимаю вас... и мне так грустно, как будто кто-то очень близкий мне – неизлечимо заболел...

(На правой стороне шумят.)

Шалимов (не вслушиваясь в ее слова). Если бы вы поняли... как искренно я сейчас говорю!.. Вы не поверите мне, может быть, но я все же скажу вам: перед вами мне хочется быть искренним, быть лучше, умнее...

Варвара Михайловна. Спасибо вам...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Шалимов (целуя ее руку, волнуясь). Мне кажется, что, когда я рядом с вами... я стою у преддверия неведомого, глубокого, как море, счастья... Что вы обладаете волшебной силой, которой могли бы насытить другого человека, как магнит насыщает железо... И у меня рождается дерзкая, безумная мысль... Мне кажется, что если бы вы... (Он прерывает свою речь, оглядывается. Варвара Михайловна следит за ним.)

Варвара Михайловна. Если бы я?.. Что?

Шалимов. Варвара Михайловна... Вы... не посмеетесь надо мной? Вы хотите, чтобы я сказал?..

Варвара Михайловна. Нет... Я поняла... Вы не очень ловкий соблазнитель...

Шалимов (смущенно). Нет, вы не поняли меня!.. вы...

Варвара Михайловна (просто, грустно, тихо). Как я любила вас, когда читала ваши книги... как я ждала вас! Вы мне казались таким... светлым, все понимающим... Таким вы показались мне, когда однажды читали на литературном вечере... мне было тогда семнадцать лет... и с той поры до встречи с вами ваш образ жил в памяти моей, как звезда, яркий... как звезда!

Шалимов (глухо, опустив голову). Послушайте... не надо! Я извиняюсь...

Варвара Михайловна. Задыхаясь от пошлости, я представляла себе вас – и мне было легче... была какая-то надежда...

Шалимов. Надо быть великодушной... надо понимать...

Варвара Михайловна. И вот вы явились... такой же, как все! Такой же... Это больно! Скажите, что с вами случилось? Неужели невозможно сохранить силу своей души?

Шалимов (возбужденно). Позвольте! Почему вы применяете ко мне иные требования... иные мерки, чем вообще к людям?.. Вы все... живете так, как вам нравится, а я, потому что я писатель, должен жить, как вы хотите!

Варвара Михайловна. Не надо так говорить! Не надо! Бросьте мой цветок!.. Я дала его вам – преждему, тому, которого считала лучше, выше людей! Бросьте мой цветок... (Быстро уходит.)

Шалимов (глядя вслед). Черт возьми!.. (Мнет цветок.)

Ехидна. (Нервно вытирая лицо платком, идет туда же, куда прошла Варвара Михайловна. Дудаков и Ольга быстро идут из леса с левой стороны.)

Замыслов (в лесу поет). «О ночь, поскорее укрой!..»

Юлия Филипповна (вторит). «...Прозрачным твоим покрывалом...»

Влас (в лесу). Да садитесь же!

Дудаков. И вот... мы едва не опоздали...

Ольга Алексеевна. Я так устала! Милый мой Кирилл... ты не должен забывать этот день...

Дудаков. А ты... своих обещаний... быть более сдержанной...

Ольга Алексеевна. Друг мой! Я так рада... теперь наша жизнь будет светлее...

(Проходят. Пустобайка с корзиной выходит с правой стороны и ищет чего-то глазами на земле.)

Пустобайка. Ишь, как нахламили везде... Только хлам да сорье и остается после вас... Только землю портите!.. (Уходит налево.)

Юлия Филипповна (в лесу). Кого еще нет?

Соня. Мама, ау!

Басов. Ау, мамаша!

Марья Львовна (выходит с левой стороны, лицо у нее усталое, растерянный взгляд). Я здесь, Соня!

Соня (выбегает). Едем, мамашка, едем!.. Но что с тобой?

Марья Львовна. Ничего... Я пойду пешком... Иди, скажи, чтобы не ждали меня. Иди...

Соня (отбегая в сторону и приставляя руки ко рту, кричит). Не ждите нас, поезжайте! Мы пешком... Что? До свиданья!

Двоеточие (из леса). Устанете!

Соня. Прощайте!

Марья Львовна. Почему ты не поехала с ними?

Соня. Потому, что осталась с тобой...

Марья Львовна. Ну, идем...

Соня. Нет, мы посидим... Ты в меланхолии, мамашка? Милая моя мамашка! Садись... вот так. Дай мне обнять тебя... вот так... Ну, говори теперь, что с тобой?

(Из леса доносятся шум, смех, выделяются громкие возгласы.)

Юлия Филипповна (из леса). Не качайте лодку!

Замыслов. Нет, не надо петь!.. Пускай играют.

Басов (оттуда же). Музыка, вперед!

(Слышно, как настраивают гитару и мандолину.)

Влас (из леса). Отчалили!..

Марья Львовна. Соня!.. Дочка моя! Если бы ты знала!..

Соня (просто). А я знаю!

Марья Львовна. Ты ничего не знаешь!..

Соня. Мамочка моя! Помнишь, – когда я, маленькая, не понимала урока и редела, как дурочка, ты приходила ко мне, брала мою голову на грудь себе, вот так, и баюкала меня. (Поет.)

Баю, баюшки баю,
Баю мамочку мою...

Мне кажется, что теперь ты не понимаешь урока, моя мама... Если ты его любишь...

(Двоеточие хохочет.)

Марья Львовна. Соня! Молчи... Как ты знаешь?

(Играют на гитаре и на мандолине.)

Соня. Ш-ш! Лежи спокойно...

Баю, баюшки баю,
Баю мамочку мою...

У меня мама умница, она научила меня думать просто, ясно... Он славный парень, мама, – не отталкивай его! В твоих руках он будет еще лучше. Ты уже создала одного хорошего человека – ведь я недурной человечиска, мама? И вот ты теперь воспитаешь другого...

Марья Львовна. Родная моя! Это невозможно!

Соня. Ш-ш! Он будет братом мне... Он груб, ты сделаешь его мягче, у тебя так много нежности... Ты научишь его работать с любовью, как работаешь сама, как научила меня. Он будет хорошим товарищем мне... и мы заживем прекрасно... сначала трое... а потом нас будет четверо... потому что, родная моя, я выйду замуж за этого смешного Максима... Я люблю его, мама, он такой славный!

Марья Львовна. Соня, детка моя, ты будешь счастлива! Ты будешь!..

Соня. Лежи и слушай! Кончим мы с ним наши науки и будем жить дружно, ярко, хорошо! Нас будет четверо, мама, четверо смелых, честных людей!..

Марья Львовна. Радость моя! Счастье мое! Нас будет трое: ты, твой муж и я. А он... если он – с нами... только как брат твой... как сын мой.

Соня. И мы хорошо проживем нашу жизнь! Мы хорошо ее сделаем! А пока отдохни, мама. Не надо плакать!..

Баю, баюшки баю,
Баю мамочку мою!

(В голосе Сони дрожат слезы. Вдали чуть слышны, гитара и мандолина.)

Занавес

Действие Четвертое

Декорация второго действия. Вечер, уже зашло солнце. Под соснами Басов и Суслов играют в шахматы. На террасе Саша накрывает на стол к ужину. С правой стороны из леса доносятся хриплые звуки граммофона; в комнатах Калерия играет на рояле что-то грустное.

Басов. Наша страна прежде всего нуждается в людях благожелательно настроенных. Благожелательный человек – эволюционист, он не торопится...

Суслов. Беру офицера...

Басов. Возьми офицера... Благожелательный человек... изменяет формы жизни незаметно, потихоньку, но его работа есть единственно прочная...

(Из-за угла дачи спешно выходит Дудаков.)

Дудаков. Э... жены у вас нет?

Басов. Вашей – нет! Присаживайтесь, доктор...

Дудаков. Не могу... Тороплюсь... надо учительский отчет приготовить к печати...

Басов. Это вы его второй год готовите, кажется?

Дудаков (уходя). Если кроме меня никто не работает! Людей много, а работников нет – почему?

Басов. Нелепая фигура – этот доктор.

Суслов. Ходи...

Басов. Н-да-с... хожу! Так я говорю, – надо чувствовать благожелательно. Мизантропия, мой друг, излишняя роскошь... Одиннадцать лет тому назад явился я в эти места... и было у меня всего имущества портфель да ковер. Портфель был пуст, а ковер – худ. И я тоже был худ...

Суслов. Шах королеве.

Басов. Ах, черт побери! Как же это я прозевал твой ход конем?

Суслов. Если человек философствует – он проигрывает...

(Они углубляются в игру. На правой стороне из леса выходят Влас и Марья Львовна, им не видно играющих.)

Марья Львовна (негромко). Милый, хороший мой юноша! Поверьте... это скоро пройдет у вас... это пройдет. И тогда в душе вы скажете мне спасибо!

Влас (громко). Тяжело мне, очень тяжело!

(Басов прислушивается, делая Суслову знак молчать.)

Марья Львовна. Уезжайте... уезжайте скорее, голубчик! Я обещаю писать вам... Работайте, ищите себе места в жизни... будьте смелым, не уступайте никогда силе житейских мелочей. Вы – славный, и я – люблю вас. Да, да, я люблю вас. (Басов тарачит глаза. Суслов с улыбкой смотрит на него.) Но это не нужно вам и страшно мне... я не стыжусь признаться – это страшно! Вы быстро переживете ваше увлечение, а я... чем дальше, все больше, все крепче стала бы любить вас... И это кончилось бы очень смешно, даже пошло, – во всяком случае грустно для меня...

Влас. Нет, клянусь вам...

Марья Львовна. Да и не нужно клясть...

Влас. Пройдет любовь – останется уважение...

Марья Львовна. Этого мало для женщины, которая любит... И вот еще что, голубчик: мне стыдно жить личной жизнью... может быть, это смешно, уродливо, но в наши дни стыдно жить личной жизнью. Идите, друг мой, идите и знайте: в трудную минуту, когда вам нужен будет друг, – приходите ко мне... я встречу вас как любимого, нежно любимого сына... Прощайте?

Влас. Дайте вашу руку... Мне хочется встать перед вами на колени... Как я люблю вас! И хочется плакать... Прощайте!

Марья Львовна. Прощайте, хороший, милый мой! И помните мой совет – не нужно ничего бояться... Не подчиняйтесь ничему, никогда... никогда!

Влас. Я ухожу... Любовь моя! Чистая, первая любовь моя! Благодарю. (Марья Львовна быстро уходит в лес направо. Влас идет на дачу, видит Басова и Суслова, понимает, что они слышали; он останавливается. Басов встает и кланяется, хочет что-то сказать. Влас идет к нему.) Молчать! Молчать! Ни слова! Не смейте, – ни слова! (Уходит на дачу.)

Басов (смущенно). С-строго!

Суслов (смеясь). Что? Испугался?

Басов. Нет, каков? Я знал это, но такое... эдакое благородство... ах, комики! (Хохочет: Юлия Филипповна и Замыслов идут по дороге от дачи Суслова. Юлия идет к мужу. Замыслов на дачу.)

Суслов. А ведь она нарочно, для того, чтобы крепче парня в руки взять...

Басов. Ах, черт возьми! а? Уморительно!

Суслов (хмуро). Хитрая она... здоровую свинью подложила мне. Ты знаешь, дядя, по ее совету, все свои деньги отдал...

Юлия Филипповна. Петр, к тебе там приехал...

Басов (перебивая). Нет, вы спросите, что случилось!

Суслов. Кто приехал?

Юлия Филипповна (Басову). Что такое? (Мужу.) Какой-то подрядчик... говорит; спешное дело: где-то, что-то провалилось.

Басов. Вы представьте, дорогая... Сидим мы – я и ваш муж, вдруг Марья Львовна... (хохочет) оказывается, они – у них роман!

Юлия Филипповна. У кого? У мужа с Марьей Львовной? (Смеется.)

Басов. У Власа! У комика с этой...

Юлия Филипповна. Ах, вот что! Но это всем давно уже, благодаря вашему языку, известно...

Басов. Да тут, видите, дело... в подробностях...

(Из-за угла дома выходят Двоеточие, со свертками в руках, и Рюмин.)

Двоеточие. Мир беседе! Что, Варвара Михайловна дома? Вон я кого привез.

Басов. Ба! Из дальних странствий возвратясь... Здравствуйте! Похорошел, загорел, хотя похудел, да... Откуда вы?

Рюмин. С юга. Первый раз видел море... Здравствуйте, Юлия Филипповна!

Юлия Филипповна. В самом деле, вы похорошили, Павел Сергеевич, пожалуй, и я поеду к морю.

Двоеточие. Пойду в комнаты... (Идет.) Племянница, а я тебе на прощанье конфет привез.

Басов.

Я видел море... Я его
Очами жадными измерил
И силы духа моего
Перед лицом его проверил...
Так? Идите в дом, жена будет очень рада!

Рюмин. Там хорошо! Разве только музыка способна изобразить красоту и величие моря. Перед лицом его человек чувствует себя маленьким – ничтожной пылинкой, как перед лицом вечности.

(Из-за угла дома выходит Варвара Михайловна.)

Басов. Я соберу шахматы. Варя, приехал Павел Сергеевич, знаешь?

Варвара Михайловна. Он у нас?

Басов (подходя к ней). Да. И кажется, очень пополнил свой запас красивых слов... Варюша, если бы ты знала! Сижу я с Сусловым, играю, вдруг Марья Львовна и Влас... понимаешь – у них роман! (Смеется.) Вот ты говорила, это не то. То самое, самое оно! Факт!

Варвара Михайловна. Сергей, перестань! Я боюсь, ты скажешь пошлость...

Басов. Варя! да ведь я еще не сказал...

Варвара Михайловна. Я просила тебя не касаться отношений Марьи Львовны к моему брату, а ты разболтал всем... Неужели ты не понимаешь... как это нехорошо?

Басов. Ну, пошла! Право, с тобой лучше не говорить ни о чем...

Варвара Михайловна. Да, тебе вообще надо меньше говорить и хоть однажды подумать о том, что ты делаешь, и хоть однажды прислушаться к тому, что о тебе говорят, Сергей...

Басов. Обо мне? Я – выше сплетен... Пускай говорят всё, что угодно! Но меня удивляет, что ты, Варя, ты, моя жена...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Варвара Михайловна. Честь быть твоей женой... не так высока, как ты думаешь... и она очень тяжела, эта честь...

Басов (возмущаясь). Варвара, что ты говоришь! Как ты говоришь?

(На террасу выходят Двоеточие и Влас.)

Варвара Михайловна. Я говорю то, что думаю... и как чувствую.

Басов. Я однако попрошу тебя объяснить мне.

Варвара Михайловна. Хорошо, я объясню после.

(Басов, фыркая, уходит на дачу. Влас провожает его недружелюбным взглядом, садится на нижнюю ступеньку лестницы на террасе.)

Двоеточие. Варвара Михайловна, а я вам конфет привез.

Варвара Михайловна. Спасибо!

Двоеточие (садится тоже на ступеньку террасы). Я всем дамам конфет привез... чтобы не поминали лихом, – задобрить хочу, понимаете. Портретик-то ваш дайте мне.

Варвара Михайловна. Ах, да! Сейчас. (Уходит в комнаты.)

Двоеточие. Ну, что, дядя Влас, поехали мы?

Влас. Скорее бы!

Двоеточие. Меньше суток осталось. Н-да! Вот бы еще сестру вашу сманить. Нечего ей тут делать...

Влас (угрюмо). Здесь всем нечего делать.

Двоеточие. А я рад, что вы со мной едете. Городишко у нас маленький, красивый; кругом лес, река... Дом у меня огромный – десять комнат. В одной кашлянесь – по всем гул идет. Зимой, когда вьюга воеет, очень гулко в комнатах. Н-да! (Соня быстро идет с правой стороны.) В юности, понимаете, одиночество полезно человеку... а вот под старость лучше вдвоем, хо-хо! А, озорница!.. Прощайте! Завтра я уезжаю, а послезавтра вы забудете старика, точно его и нет на свете...

Соня. Нет, не забуду. У вас такая смешная фамилия.

Двоеточие. Только-то? Ну, и на том спасибо!

Соня. Нет, милый дедушка, право, я не забуду вас! Вы такой простой, хороший! А я так люблю простых людей! Но... вы не видали маму мою?

Двоеточие. Не имел удовольствия.

Влас. На даче ее нет. Пойдемте, поищем... Может быть, она в беседке над рекой.

Калерия. И я иду, вы ничего не имеете против?

Соня. Пожалуйста!

(Втроем идут в лес. Двоеточие смотрит вслед им, вздыхает, мурлычет песенку. Варвара Михайловна выходит с фотографической карточкой в руках, за ней Рюмин.)

Варвара Михайловна. Вот вам карточка моя. Когда вы едете?

Двоеточие. Завтра. Спасибо за надпись! Эх, милая барыня, полюбил я вас!

Варвара Михайловна. За что любить меня?

Двоеточие. Да разве любят за что-нибудь? Любят так, просто!.. Настоящая любовь – она, как солнце в небе, неизвестно на чем держится.

Варвара Михайловна. Не знаю я этого...

Двоеточие. Вижу, что не знаете... Ехали бы вы ко мне. Вот братишка ваш едет. Нашли бы себе какое-нибудь дело.

Варвара Михайловна. Что же я могу делать? Ничего я не умею!

Двоеточие. Не учились, оттого и не умеете. А вы поучитесь! Вот будем мы с Власием гимназии строить... мужскую и женскую...

Рюмин (рассеянно). Чтобы жизнь имела смысл, нужно делать какое-то огромное, важное дело... следы которого остались бы в веках... Нужно строить какие-то храмы...

Двоеточие. Ну, это – премудрость, для меня недоступная! Я и до гимназии-то не сам дошел, а добрый человек надоумил, да...

Рюмин. Даже высшие школы дают нам только ряд противоречивых теорий, только догадки о тайнах жизни...

Варвара Михайловна (с досадой). Господи! как это скучно! как избито... затрепано...

Рюмин (смотрит на всех и странно; тихо смеется). Да, я знаю: это мертвые слова, как осенние листья... Я говорю их так, по привычке... не знаю зачем... может быть потому, что осень настала... С той поры, как я увидел море – в моей душе звучит, не умолкая, задумчивый шум зеленых волн, и в этой музыке тонут все слова людей... точно капли дождя в море...

Варвара Михайловна. Вы странный какой-то... Что с вами?

(Калерия и Влас идут из леса с правой стороны.)

Рюмин (смеясь). Ничего... Уверяю вас.

Калерия. Твердо стоять на ногах – это значит стоять по колени в грязи.

Влас. А вы бы желали утвердиться на воздухе? Вам бы все только чистоту шлейфа и души сохранить? Но кому, зачем нужны вы, чистенькие, холодненькие?

Калерия. Я себе нужна!..

Влас. Заблуждение! И себе вы не нужны...

Калерия. Я не хочу говорить с вами – вы грубы. (Быстро уходит в комнаты.)

Двоеточие. Ну, что, дядя Влас? Разбередил барышню и доволен?

Влас (садится на нижнюю ступеньку у ног сестры). Надоела она мне. (Передразнивает.) Ах, я умираю с тоски... Я сказал ей: жить надо с людьми, умирать в одиночестве...

Рюмин (быстро). Вот! Это жестоко, но – вы правы... да! Так!

(Басов и Юлия Филипповна выходят на террасу.)

Варвара Михайловна (как бы про себя). Жизнь проходит в стороне от нас и не трогает сердца... а только волнует нашу мысль...

Басов. Варя, я распорядился, чтобы Саша накрывала для ужина здесь. (Суслов быстро идет от своей дачи.) Семен Семенович, мы устроим вам маленькие проводы... Выпьем шипучего! Предлог законный...

Двоеточие. Очень тронут...

Суслов. Юлия, на минутку...

Юлия Филипповна. Что такое?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Суслов отводит жену и по дороге что-то шепчет ей. Она отшатнулась от него, остановилась. Он берет ее под руку и ведет направо, где они несколько минут тихо разговаривают и возвращаются к террасе после того, как Басов уходит.)

Басов. Я предложу вам, господа, колбасы... такая, знаете, колбаса! Мне прислал ее один клиент из Украины... А где же мой помощник? (Негромко.) Он же помощник мужа Юлии Филипповны...

Варвара Михайловна (возмущенно, тихо). Сергей! Как это гадко!

Басов (задорно). Но ведь это все знают, Варя! И ты напрасно так резко... Саша!.. (Идет в комнаты.)

Юлия Филипповна (злорадно). Дядя! А у Петра стена в тюрьме упала... раздавило двух рабочих!

Суслов (усмехаясь). Обрадовалась!..

Варвара Михайловна (пугливо). Что вы? Где это?

Суслов. В уезде.

Двоеточие. Поздравляю! Эх... чадо! Ты на постройке-то бывал?

Суслов. Был... Это подрядчик, мерзавец.

Юлия Филипповна. Врет! не был ни разу... ему некогда!

Двоеточие. Пороть бы вашего брата!.. Экие люди! Живут без действия...

Суслов (усмехаясь). А вот я застрелюсь... и будет действие.

Рюмин (отрицательно качая головой). Вы – не застрелитесь.

Суслов. А вдруг?

Варвара Михайловна. Как же, Петр Иванович... что же те, которых задавило... умерли?

Суслов (хмуро). Не знаю... завтра съезжу туда.

(Идет Ольга Алексеевна.)

Влас (громко ворчит). Экая мерзость!

Суслов (оскалив зубы). Тише, юноша, тише!

Ольга Алексеевна (подходя). Добрый вечер! Как вы сидите... точно птицы осенью... Я всех видела сегодня. Ах, Павел Сергеевич!.. Давно ли?

(Суслов снова отходит с женой в сторону и что-то говорит ей. Лицо у него злое. Юлия Филипповна насмешливо кланяется ему, идет обратно к террасе. Суслов, громко насвистывая, идет к своей даче. Двоеточие, посмотрев на Юлию Филипповну, идет за Сусловым.)

Рюмин. Только сегодня.

Ольга Алексеевна. И уже здесь? Вы хороший друг. Душно как! Скоро осень... Переедем мы в город и там, среди каменных стен, будем еще более далеки и чужды друг другу...

Влас (ворчит). Начинается нытье...

Басов (из двери на террасу). Павел Сергеевич, на минутку!

Ольга Алексеевна (Власу). Разве это не правда?

(Рюмин идет на зов. Навстречу ему Калерия и Шалимов. Влас, не отвечая Ольге Алексеевне, встает со ступеньки и идет к соснам.)

Шалимов (скучно, лениво). Ждут обновления жизни от демократии, но, спрошу вас, кто знает, что это за зверь – демократ?

Калерия (взволнованно). Да, да! Вы тысячу раз правы... Это еще зверь, варвар! Его сознательное желание одно – быть сытым.

Шалимов. И носить сапоги со скрипом.

Калерия. Во что он верует? В чем его культ?

Влас (раздраженно). А вы? Вы во что веруете? В чем ваш культ?

Калерия (не отвечая Власу). Жизнь обновляется людьми верующими... аристократией духа...

Влас. Кто эта аристократия? Где она?

Калерия. Я не хочу говорить с вами, Влас! Яков Петрович, идемте туда...

(Сходят с террасы, идут к елкам и там садятся, негромко разговаривая. Калерия нервничает, Шалимов спокоен, движения ленивы, медленны, точно он сильно устал.)

Варвара Михайловна (подходя к Власу). Ты сегодня страшно нервен, Влас...

Влас (глухо). Мне тяжело, Варя...

Юлия Филипповна. Влас Михайлович, пойдемте к реке...

Влас. Нет... извините... не хочется...

Юлия Филипповна. Ну, пожалуйста! Мне нужно что-то сказать вам...

Влас (нехотя). Хорошо, идемте. Что такое?

(Юлия Филипповна берет его под руку и что-то тихо говорит ему, идя в глубину сцены. Варвара Михайловна идет на террасу.)

Ольга Алексеевна (ловя руку Варвары Михайловны). Варя! Ты все еще сердисься?

Варвара Михайловна (задумчиво). Сержусь? Нет.

Влас (в глубине сцены, громко). Пошляк! Если бы он не был мужем сестры моей...

Юлия Филипповна. Ш-ш! (Увлекает его в лес.)

Варвара Михайловна (испуганно). Боже мой! Что такое?

Ольга Алексеевна. Вероятно, инженерша сплетничает. Варя, я ведь вижу ты сердисься! Ведь слово, сорвавшееся с языка в минуту раздражения...

Варвара Михайловна (задумчиво). Прошу тебя – оставь это! Я не люблю ничего заштопанного... и заштопанной дружбы...

Ольга Алексеевна (встает). Как ты злопамятна! Неужели нельзя забыть? Простить, наконец!

Варвара Михайловна (твердо, холодно). Мы слишком много прощаем... Это слабость... Она убивает уважение друг к другу... Есть человек, которому я очень много прощала... теперь я потеряла всякое значение в его глазах...

Ольга Алексеевна (после паузы). Ты говоришь о Сергее Васильевиче? (Варвара Михайловна не отвечает, тихо покачивая головой и глядя куда-то вперед.) Как быстро меняются люди! Я помню его студентом... какой он тогда был хороший! Беспечный, веселый бедняк... рубаха-парень – звали его товарищи... А ты мало изменилась: все такая же задумчивая, серьезная, строгая... Когда стало известно, что ты выходишь за него замуж, я помню, Кирилл сказал мне: с такой женой Басов не пропадет. Он легкомыслен и склонен к пошлости, но она...

Варвара Михайловна (просто). Зачем ты это говоришь, Ольга? Чтобы показать мне, что я сама – ничтожество?

Ольга Алексеевна. Варя! Как ты можешь думать это? Я просто так... я вспомнила...

Варвара Михайловна (негромко, очень ясно, как приговор себе). Да, я тоже бессильный, жалкий человек. Это ты хотела сказать? Я это знаю, Ольга, давно знаю!

Саша (на террасе). Варвара Михайловна, барин просит вас.

(Варвара Михайловна молча идет в комнаты.)

Ольга Алексеевна (идет вслед за Варварой Михайловной). Варя, послушай, ты не поняла!

Калерия (негромко). Человек, который думает, что истина открыта, – для меня умер! (Пауза. Шалимов курит.) Скажите, вам грустно жить?

Шалимов. Порою – очень.

Калерия. Часто?

Шалимов. Весело – никогда не живется. Я уже слишком много видел для того, чтобы веселиться. Да и время невеселое, скажу прямо.

Калерия (тихо). Жизнь каждого думающего человека – тяжелая драма.

Шалимов. Да... Скажите...

Калерия. Что?

Шалимов (встает). Скажите откровенно: вам нравятся мои рассказы?

Калерия (живо). Очень! Особенно последние... Они менее реальны, в них меньше грубой плоти! Они полны той мягкой, теплой грустью, которая окутывает душу, как облако окутывает солнце в час заката. Немногие умеют ценить их, но эти немногие горячо любят вас.

Шалимов (с улыбкой). Благодарю вас. Вы говорили о новых стихах... Не прочтаете ли?

Калерия. Хорошо. Потом как-нибудь. (Пауза. Шалимов молча наклоняет голову, соглашаясь с Калерией. Влас и Юлия Филипповна задумчиво идут из леса с правой стороны, приходят к соснам. Влас садится, облокотясь на стол, и тихо свистит. Юлия Филипповна идет в комнаты.) Хотите – сейчас?

Шалимов. Что – сейчас?

Калерия (печально улыбаясь). Забыли уже?... Как скоро!

Шалимов (хмурит брови). Позвольте... это...

Калерия (встает). Вы просили прочитать стихи... Хотите, сейчас прочитаю?

Шалимов (быстро). О да, прошу! Такой чудесный вечер... это будет славно. Вы ошибаетесь, я не забыл... просто задумался, не понял вопроса.

Калерия (идет в дом). Хорошо... Я читаю. Хотя вам ведь это совсем не интересно.

Шалимов (следя за ней). Это неправда, поверьте мне.

(Калерия быстро вбегает на террасу, Шалимов пожимает плечами и делает гримасу. Оглядывается, видит Власа. По дороге от дачи Сулова идут Двоеточие и Сулов. Оба сердитые, молчат.)

Шалимов (Власу). Мечтаете?

Влас (не грубо). Свищу.

(На террасу выходят: Ольга Алексеевна – садится в плетеное кресло около перил; Рюмин – становится сбоку, она что-то говорит ему негромко; Басов – останавливается у накрытого стола, рассматривает закуски. Варвара Михайловна стоит, прислонившись к колонне террасы. Замыслов перед ней.)

Басов. Все в сборе? А Влас? Марья Львовна?

Влас. Я здесь.

(Юлия Филипповна выходит из дачи, тихонько напевая, садится на ступеньки террасы.)

Замыслов. Мы все, Варвара Михайловна, люди сложные.

Басов (перегибаясь через перила). Отлично. Яков, ты здесь? Ага!

Замыслов. Именно эта сложность нашей психики и делает нас лучшими людьми страны – сиречь интеллигенцией, а вы..

(Двоеточие стоит, слушая Замыслова. Суслов, взглянув на оратора, проходит под сосны, где молча сидят Шалимов и Влас. Из глубины сцены, с правой стороны идут Марья Львовна и Соня.)

Варвара Михайловна (нервно). Интеллигенция – это не мы! Мы что-то другое... Мы – дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суетимся, ищем в жизни удобных мест... мы ничего не делаем и отвратительно много говорим.

Басов (насмешливо). Особенно блестяще ты сама доказываешь правду твоих слов.

(Калерия выходит с тетрадкой в руке, останавливается у стола и слушает.)

Варвара Михайловна (нервнее). И страшно много лжи в наших разговорах! Чтобы скрыть друг от друга духовную нищету, мы одеваемся в красивые фразы, в дешевые лохмотья книжной мудрости... Говорим о трагизме жизни, не зная ее, любим ныть, жаловаться, стонать...

(Дудаков подходит к террасе и становится так, что жена не видит его.)

Рюмин (нервно). Надо быть справедливой! Жалоба человека красива. Жестоко это, Варвара Михайловна, сомневаться в искренности стонov человека.

Варвара Михайловна. Довольно жалоб, имейте мужество молчать! Надо молчать о своих маленьких печалях. Ведь мы умеем молчать, когда довольны днями нашей жизни? Каждый из нас поглощает свой кусок счастья в одиночестве, а горе свое, ничтожную царапину сердца мы выносим на улицу, показываем всем, и кричим, и плачем о нашей боли на весь мир! Мы выбрасываем вон из наших домов обедки наши и отравляем ими воздух города... вот так же мы выкидываем из наших душ все дрянное и тяжелое под ноги ближних. Я уверена, что сотни и тысячи здоровых людей погибают, отравленные и оглушенные нашими жалобами и стонами... Кто дал нам злое право отравлять людей тяжелым видом наших личных язв?

(Пауза.)

Влас (негромко). Браво, Варя!

Двоеточие. Умница! Верно!

(Марья Львовна молча гладит руку Варвары Михайловны. Влас и Соня тоже около нее. Рюмин нервно встряхивает головой.)

Рюмин. Прошу слова! Позвольте мне сказать... мое последнее слово!

Калерия. Надо иметь мужество молчать...

Ольга Алексеевна (Басову). Как она стала говорить, смело... резко!..

Басов. Да, заговорила Валаамова... (Не кончив слова, испуганно закрывает себе рот рукой. Взволнованная Варвара Михайловна не заметила выходки мужа, но многие слышали и поняли ее. Замыслов быстро сходит с террасы к соснам и хохочет. Шалимов улыбается и укоризненно качает головой. Влас и Соня смотрят на Басова с презрением; остальные делают вид, будто ничего не заметили. После отрывочных замечаний, вызванных словами Варвары Михайловны, наступает неловкое молчание. Суслов кашляет, улыбаясь. Варвара Михайловна, замечая что-то неладное, растерянно осматривается.)

Варвара Михайловна. Я, кажется, сказала что-то... может быть, резкое, грубое? Отчего все так странно?..

Влас (громко). Это не ты сказала грубость...

Ольга Алексеевна (с невинным видом). В чем дело, господа?

Марья Львовна (быстро, негромко). Влас, пожалуйста, не надо! (Начинает говорить, чтобы затушевать выходку Басова. Потом увлекается, говорит сильно, горячо. Шалимов, Суслов и Замыслов демонстративно не слушают ее. Дудаков утвердительно качает головой. Басов смотрит на нее с благодарностью и знаками приглашает слушать.) Мы все должны быть иными, господа! Дети прачек, кухарок, дети здоровых рабочих людей – мы должны быть иными! Ведь еще никогда в нашей стране не было образованных людей, связанных с массою народа родством крови... Это кровное родство должно бы питать нас горячим желанием расширить, перестроить, осветить жизнь родных нам людей, которые все дни свои только работают, задыхаясь во тьме и грязи... Мы не из жалости, не из милости должны бы работать для расширения жизни... мы должны делать это для себя... для того, чтобы не чувствовать проклятого одиночества... не видеть пропасти между нами – на высоте – и родными нашими – там, внизу, откуда они смотрят на нас как на врагов, живущих их трудом! Они послали нас вперед себя, чтобы мы нашли для них дорогу к лучшей жизни... а мы ушли от них и потерялись, и сами мы создали себе одиночество, полное тревожной суеты и внутреннего раздвоения... Вот наша драма! Но мы сами создали ее, мы достойны всего, что нас мучит! Да, Варя! Мы не имеем права насыщать жизнь нашими стонами.

(Она устала от волнения и садится рядом с Варварой Михайловной. Молчание.)

Дудаков (оглядывая всех). Вот!.. Это так! Это правда!

Ольга Алексеевна (быстро). Ты здесь? Поди сюда...

Шалимов (приподнимая шляпу). Вы кончили, Марья Львовна?

Марья Львовна. Да.

Ольга Алексеевна (отводит мужа в угол террасы). Ты слышал? Понял? Какой дурак Басов!

Дудаков (негромко). При чем тут Басов?

(На террасе общее движение. Варвара Михайловна смотрит на всех. Еще нет уверенности, что выходка Басова заглажена, забыта.)

Ольга Алексеевна. Тише! Варвара тут говорила такое злое, а он назвал ее Валаамовой ослицей.

Дудаков. Ну, и дубина он! Оля, там дома, знаешь...

Ольга Алексеевна. Подожди!.. Калерия хочет стихи читать. Нет, это хорошо все-таки, это хорошо! Варвара стала такая гордячка.

(Рюмин, подавленный, сходит с террасы и прохаживается около нее.)

Шалимов. Господа, вот Калерия Васильевна любезно согласилась прочесть свои стихи...

Басов. Читай, милая, скорее!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Калерия (смущенно). Хорошо, я прочитаю... хорошо.

Шалимов. Вам стул.

Калерия. Не надо. Варя, чему это я обязана? Такой интерес к моим стихам ужасает меня.

Варвара Михайловна. Я не знаю. Очевидно, кто-то сделал бестактность, и все стараются скрыть ее.

Калерия. Ну, я буду читать. Мои стихи постигнет та же участь, как и твои слова, Варя. Все поглощается бездонной трясиной нашей жизни...

Осени дыханием гонимы,
Медленно с холодной высоты
Падают красивые снежинки,
Маленькие, мертвые цветы...
Кружатся снежинки над землей,
Грязной, утомленной и больной,
Нежно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой пеленой...
Черные, задумчивые птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Белые, безмолвные снежинки
Падают с холодной высоты...
(Пауза. Все смотрят на Калерию, как будто ждут еще чего-то.)

Шалимов. Мило!

Рюмин (задумчиво).

Падают красивые снежинки,
Мертвые, холодные цветы...

Влас (возбужденно). Я тоже сочинитель стихов, я тоже хочу прочитать стихи!

Двоеточие (хохочет). А ну-ка!

Шалимов. Интересное состязание!

Варвара Михайловна. Влас, нужно ли это?

Замыслов. Если это весело – это необходимо!

Марья Львовна. Голубчик! Напомню вам – будьте самим собой!

(Все смотрят на возбужденное лицо Власа. Становится очень тихо.)

Влас. Господа! Я хочу показать вам, как это легко и просто – насорить стихами в голове ближнего своего... Внимание! (Читает ясно и сильно, с вызовом.)

Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и – уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.
Всё хотят дешевенького счастья,
Сытости, удобств и тишины,
Ходят и – всё жалуются, стонут,
Серенькие трусы и лгуны.
Маленькие, краденые мысли...
Модные, красивые словечки...
Ползают тихонько с краю жизни
Тусклые, как тени, человечки.
(Кончив, он стоит неподвижно и смотрит поочередно на Шалимова, Рюмина, Сулова.
Пауза. Всем неловко. Калерия пожимает плечами. Шалимов медленно закуривает
папиросу. Сулов очень возбужден. Марья Львовна и Варвара Михайловна подходят к
Власу, видимо, боясь чего-то.)

Дудаков (тихо, но внятно). Эт-то ужасно метко. Знаете... это ужасно верно!

Юлия Филипповна. Bravo! Это мне нравится!

Двоеточие. Ну, разнес!.. Ах ты... душа моя красная!

Калерия. Грубо... Зло... Зачем?

Замыслов. Не весело... Нет!

Шалимов. Тебе нравится, Сергей?

Басов. Мне? То есть, видишь ли, конечно, рифма слабая... Но – как шутка...

Замыслов. Для шутки это серьезно.

Юлия Филипповна (Шалимову). Ах, как вы ловко притворяетесь!

Суслов (желчно). Позвольте теперь мне, тусклому человечку, ответить на это... на этот... извините не знаю – как назвать этот род творчества. Вы, Влас Михайлович... я вам не буду отвечать... Я обращусь прямо к источнику вашего вдохновения... к вам, Марья Львовна!

Влас. Что такое? Вы! Смотрите!

Марья Львовна (гордо). Ко мне? Это странно... но я слушаю.

Суслов. Ничуть не странно, ибо мне известно, что именно вы – муза этого поэта.

Влас. Без пошлостей!

Юлия Филипповна (мягко). Без пошлостей он не может.

Суслов. Я просил бы не мешать мне... Когда я кончу, я отвечу, как вам будет угодно, за все, что скажу... Вы, Марья Львовна, так называемый идейный человек... Вы где-то там делаете что-то таинственное... может быть, великое, историческое, это уж не мое дело!.. Очевидно, вы думаете, что эта ваша деятельность дает вам право относиться к людям сверху вниз.

Марья Львовна (спокойно). Это неправда.

Суслов. Вы стремитесь на всех влиять, всех поучать... Вы настроили на обличительный лад этого юношу...

Влас. Что вы там мелете?

Суслов (зло). Терпение, юноша! Я до сего дня молча терпел ваши выходки!.. Я хочу сказать вам, что, если мы живем не так, как вы хотите, почтенная Марья Львовна, у нас на то есть свои причины! Мы наволопались и наголодались в юности; естественно, что в зрелом возрасте нам хочется много и вкусно есть, пить, хочется отдохнуть... вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную жизнь юных дней...

Шалимов (сухо). Кто это мы, можно узнать?

Суслов (все горячее). Мы? Это я, вы, он, он, все мы. Да, да... мы все здесь – дети мещан, дети бедных людей... Мы, говорю я, много голодали и волновались в юности... Мы хотим поесть и отдохнуть в зрелом возрасте – вот наша психология. Она не нравится вам, Марья Львовна, но она вполне естественна и другой быть не может! Прежде всего человек, почтенная Марья Львовна, а потом все прочие глупости... И потому оставьте нас в покое! Из-за того, что вы будете ругаться и других подстрекать на эту ругань, из-за того, что вы назовете нас трусами или лентяями, никто из нас не устремится в общественную деятельность... Нет! Никто!

Дудаков. Какой цинизм! Вы перестали бы!

Суслов (все горячее). А за себя скажу: я не юноша! Меня, Марья Львовна,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
бесполезно учить! Я взрослый человек, я рядовой русский человек, русский обыватель! Я обыватель – и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем... Я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши рассказы... призывы... идеи!

(Он нахлобучивает шляпу и быстро идет по направлению к своей даче. Общее недоумение. Замыслов, Басов и Шалимов отходят в сторону, оживленно и тихо разговаривая. Варвара Михайловна и Марья Львовна составляют отдельную группу. Юлия Филипповна, Двоеточие и Дудаков с женой тоже в одной группе. Общий нервный говор. Калерия, подавленная, одиноко стоит под сосной. Рюмин быстро ходит взад и вперед.)

Влас (отходит в сторону, схватив себя за голову). Черт меня возьми! Черт возьми!

(Соня идет за ним, говорит ему что-то.)

Марья Львовна. Да это истерия! Так обнажить себя может только психически больной!

Рюмин (Марье Львовне). Вы видите... вы видите, как ужасна правда?

Варвара Михайловна. Как это тяжело!

Двоеточие (Юлии Филипповне). Ничего не понимаю... ничего!

Юлия Филипповна. Марья Львовна, голубушка, скажите, он обидел вас, да?

Марья Львовна. Меня? Нет. Он себя обидел!

Двоеточие. Чудны дела ваши, господа хорошие!

Дудаков (жене). Подожди... (Двоеточию.) Это нарыв! Понимаете, прорвался нарыв в душе... Это у каждого из нас может быть... (Взволнованный, машет руками и, сильно заикаясь, не может говорить.)

Юлия Филипповна. Николай Петрович...

Замыслов (подходя к ней.) Вас это расстроило?

Юлия Филипповна. Нисколько... Но мне неудобно оставаться здесь. Проводите меня.

Замыслов. Как глупо, а? И жалко: патрон изготовил такой, знаете, съедобный сюрприз!

Юлия Филипповна. Оставьте! Довольно сюрпризов.

(Уходят.)

Шалимов (подходя к Калерии). Как это вам нравится?

Калерия. Это ужасно! Как будто тина поднялась со дна болота и душит меня, душит!..

(Басов подходит к Власу и молча берет его за рукав.)

Влас. Что вам угодно?

Басов (отводя его в сторону). На пару слов.

Рюмин (подходя к Варваре Михайловне, вне себя). Варвара Михайловна, этот ураган желчной пошлости смял мою душу... опрокинул... меня. Я ухожу... прощайте! Я пришел проститься с вами... Мне хотелось провести тихий вечер... последний вечер! Я ухожу навсегда. Прощайте!

Варвара Михайловна (не слушая его). Знаете, что я думаю? Мне кажется, Суслов искреннее всех вас. Да, да, искреннее! Он грубо сказал, но он сказал ту беспощадную правду, которую другие не смеют сказать!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Рюмин (отступая). Это всё? Это ваше прости? Боже мой! (Идет в глубину сцены.)

Басов (Власу). Ну, батенька, вы отличились! Как же теперь? Вы оскорбили мою сестру... и Якова, который... он писатель! Всеми уважаемый! К тому же Суслов... наконец, Рюмин! Вам надо извиниться...

Влас. Что-о? Я? Извиняться? Перед ними?

Басов. Ну, что же, это ничего! Ну, скажите: просто, мол, хотел пошутить, развеселить и – пересолил... Вас извинят, все привыкли к вашим выходкам... Все ведь знают, что вы, в сущности, комик.

Влас (кричит). Ступайте к черту! Вы сами комик. Вы шут гороховый!

Соня. Господа! Пощадите!

Варвара Михайловна. Влас, что ты?

Марья Львовна. Да это волна безумия...

Двоеточие. Влас, вы, того, уйдите!

Басов. Нет, позвольте, я тоже оскорблен.

Варвара Михайловна. Сергей, прошу тебя! Влас!

Басов. Нет-с! Я не шут гороховый!

Влас. Только уважение к сестре не позволяет мне сказать вам...

Варвара Михайловна. Влас, не смей...

(Калерия подходит.)

Саша (Варваре Михайловне). Подавать кушать?

Варвара Михайловна. Уйдите!

Саша (негромко Двоеточию). Уж лучше бы подать! Барин увидят кушанье на столе и перестанут сердиться.

Двоеточие. Пошла ты прочь!

Басов (Власу). Нет-с, я прошу вас! (Вдруг свирепо орет на Власа.) Вы мальчишка!

Калерия. Сергей, это дико!

Басов. Он мальчишка! Да! Это факт!

Шалимов (берет Басова под руку и уводит на дачу. Саша идет сзади). Ну, перестань же!

Марья Львовна. Влас Михайлович! Эх, как вы!

Влас. Разве я виноват? Разве я?

Саша. Барин! Ужинать подавать?

Басов. Идите прочь! Я здесь ничто. Меня в моем доме... (Входит в комнаты:)

Марья Львовна (Соне). Уведи его к нам. (Власу.) Уйдите, голубчик!

Влас. Вы простите меня, простите! И ты, сестра, прости! Я виноват. Несчастливая моя сестренка! Уйди отсюда! Уходи!

Варвара Михайловна (негромко). Куда? Куда я уйду?

Двоеточие. А вот ко мне бы, право! Как бы это хорошо!

(Его слов никто не слышит. Он тяжело вздыхает и тихо идет к даче Суслова.)

Марья Львовна. Идите и вы ко мне, Варя, идите!

Варвара Михайловна. Я приду... Влас... после... приду...

(Варвара Михайловна идет на дачу. Марья Львовна за ней. Влас и Соня уходят в лес. Калерия, разбитая, шатаясь, тоже уходит на дачу.)

Ольга Алексеевна. Вот так скандал! И как всё это вдруг! Ты понимаешь что-нибудь, Кирилл?

Дудаков. Я? понимаю! да! Когда-нибудь мы все должны были опротиветь друг другу!.. И вот опротивели! Влас, он метко попал, Ольга! Он попал! Но надо тебе идти домой.

Ольга Алексеевна. Подожди! Это так интересно! Может быть, еще что-нибудь будет.

Дудаков. Э, Ольга, это же нехорошо! И надо идти домой... Там все кричат, плачут. Волька обругал няньку, она сердится, а он говорит, что она его за ухо дернула... И вообще там катастрофы. Я давно уже говорю тебе надо идти домой.

Ольга Алексеевна. Неправда! Ты не говорил!

Дудаков. Говорил же! Вон там мы стояли, ты что-то рассказывала о Басове, и я тебе сказал.

Ольга Алексеевна. Ты ничего не сказал мне, Кирилл!

Дудаков. Я не знаю, о чем ты споришь? Я же помню: иди домой, – сказал я...

Ольга Алексеевна. Ты не мог мне сказать: иди домой! Так говорят только детям и прислуге.

Дудаков. Ольга! Ты вздорная женщина!

Ольга Алексеевна. Да? Как тебе не стыдно, Кирилл! Ты обещал мне быть сдержанным.

Дудаков (идет прочь от нее). Не говори! Это... это глупо! Это бабство!

Ольга Алексеевна (следуя за ним). Глупо, Кирилл? Я – баба? (Со слезами.) Так, благодарю!

(Они скрываются в лесу. Несколько секунд сцена пуста. Темнеет. Из комнат на террасу выходят Басов и Шалимов.)

Шалимов (Басову). Мой друг, надо быть немножко философом! Смешно горячиться из-за пустяка...

Басов. Ведь досадно! Мальчишка! Молокосос! Ты уж не сердись! а?

Шалимов. Такие выходки, как выходка этого... куплетиста из неудачных... ежедневно встречаются в уличных газетах. Но, мой друг, кого же они трогают?

(Сходят с террасы и стоят у сосны, быстро подходит Суслов.)

Суслов. Сергей Васильевич! Я воротился... я понимаю, что должен извиниться перед тобой (Шалимову) и перед вами. Я не сдержался... Но меня давно возмущала она... Она и подобные ей – органически противны мне... Я ненавижу ее лицо, ее манеру говорить.

Басов. Понимаю, батя, очень хорошо понимаю! Человек должен быть мягок, деликатен.

Шалимов (сухо). Но вы хватили через край вашей характеристикой... да-с...

Басов (торопливо). Э, полно! Я подпишусь подо всем, что он сказал, ей-богу! А

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
эту барыню я бы, откровенно говоря... так бы...

Суслов. Все женщины – актрисы, вот в чем дело! Русские женщины по преимуществу драматические актрисы... всё героинь хотят играть...

Басов. Н-да-а, женщины... трудно с ними жить!

(Варвара Михайловна и Марья Львовна выходят на террасу.)

Шалимов. Мы сами создаем эти трудности. Нам нужно сказать себе, что женщины – это всё еще низшая раса.

Басов (как бы говоря чужими словами). Конечно... да, друг ты мой. Женщины ближе нас к зверю. Чтобы подчинить женщину своей воле – нужно применять к ней мягкий, но сильный и красивый в своей силе, непременно красивый, деспотизм.

(В лесу, на правой стороне, раздается выстрел. На него не обращают внимания.)

Суслов. Просто нужно, чтобы она чаще была беременной, тогда она вся в ваших руках.

Варвара Михайловна (негромко, сильно). Какая гадость!..

Марья Львовна. Боже мой, это разложение какое-то! Точно трупы загнили... Идите, Варя, отсюда!

(Суслов тихо идет прочь и сухо кашляет.)

Басов (торопливо бросаясь к жене). Это ты, Петр, того... Это уж ты перехватил... пересолил!

Варвара Михайловна (Шалимову). Вы! Вы!

Шалимов (снимая шляпу, пожимает плечами). Что же я?

Марья Львовна. Идите скорее, Варя!.. Идите прочь. (Увлекает Варвару Михайловну за собой. Басов растерянно смотрит вслед им.)

Басов. Черт возьми!.. Подслушали... ах ты!

Шалимов (усмехаясь). Ну, брат... плохой ты товарищ.

Басов (огорченный, тревожно). Угораздило его... черта!.. Этакое желчное чудовище!.. Разве такие вещи говорят так неосторожно? Ф-фу!

Шалимов (сухо). Завтра я уеду. Здесь свежо и сыровато... иду в комнаты.

Басов (уныло). А там сестра ревет! Это факт!..

(Уходят. Тихо. Пустобайка и Кропилкин выходят из-за дачи Басова, оба тепло одетые, с трещотками и свистками. С дачи Суслова доносятся аккорды рояля. Потом Юлия Филипповна и Замыслов поют дуэт: «Уже утомившийся день».)

Пустобайка. Ну, ты пойдешь на тот участок, а я обойду этот, покажемся, а потом в кухню, к Степаниде чай пить!

Кропилкин. Рано мы вышли... никто еще не спит.

Пустобайка. Для видимости надо походить. Ну, иди...

Кропилкин (идет налево). Пошел... Эх, господи!

Пустобайка. Сору-то сколько... черти! Вроде гуляющих, эти дачники... появятся, насорят на земле – и нет их... А ты после ихнего житья разбирай, подметай.

(Громко, с досадой стучит трещоткой и свистит. Кропилкин отвечает свистом. Пустобайка уходит. Калерия выходит и садится под соснами, печальная, задумчивая. Прислушивается к пению, покачивая головой, тихо подпевает. С правой стороны в

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
лесу раздаётся голос Пустобайки.)

Пустобайка (громко, тревожно). Кто такой? Чего? Ах ты, сделай милость!

(Калерия пугливо прислушивается.)

Пустобайка (ведет под руки Рюмина). К Басову, что ли?

Калерия. Сергей! Сергей!..

Рюмин. Доктора... прошу вас!

Калерия. Павел Сергеевич! Вы? Что с вами? Что с ним?

Пустобайка. Я иду, а он – ползет встречу... по земле... говорит ранен...

Калерия. Вы ранены? Сергей, к Марье Львовне! Скорее доктора...

Басов (выбегая). Что ты? Что это?

Рюмин. Простите меня.

Калерия. Кто вас ранил?

Пустобайка (ворчит). Кому здесь ранить человека? Не иначе – сам себя. Пистолет – вот он... (Вынимает из пазухи револьвер и спокойно, внимательно рассматривает его.)

Басов. Это вы? А я думал – Замыслов... я думал, Петр его... (Быстро убегает и кричит.) Марья Львовна!

Шалимов (в плеле). Что... это кто? Что случилось?

Калерия. Вам очень больно?

Рюмин. Мне стыдно... стыдно мне!

Шалимов. Может быть, это не опасно?

Рюмин. Уведите меня отсюда... Я не хочу, чтобы она видела... уведите меня! Прошу вас!

Калерия (Шалимову). Да идите же... зовите...

(Шалимов идет к даче Сулова. Шум бегущих людей, отрывочные возгласы. Являются: Марья Львовна, Варвара Михайловна, Соня, Влас.)

Марья Львовна. Вы? эх!.. Соня, помогай! Снимай пиджак... спокойно, не волнуйся...

Варвара Михайловна. Павел Сергеевич...

Рюмин. Простите меня! Я должен был сразу... но когда у человека сердце маленькое и сильно бьется, – в него трудно попасть пулей.

Варвара Михайловна. Зачем? Зачем вы?..

Калерия (Рюмину, истерически кричит). Это жестоко! (Спохватившись.) Что я говорю! Простите!

Влас (Калерии). Уйдите, вам вредно... уйдите, голубчик! (Идет к соснам. Бегут: Сулов, Двоеточие в одном жилете и пальто, накинутом сверху, без шляпы; потом Замыслов и

Юлия Филипповна, Дудаков, растрепанный, раздраженный, Ольга Алексеевна, робкая, растерянная.)

Марья Львовна. Ага! Вот где!.. Ну, кажется, это пустяки!

Варвара Михайловна. Зачем все это?

Влас (сквозь зубы). Черт тебя возьми... с твоею любовью!

Калерия (громко шепчет). Не смейте так! Не добивайте умирающих.

Марья Львовна (Варваре Михайловне). Вы уйдите-ка, уйдите! А вы, сударь, не волнуйтесь, рана пустяковая... А вот доктор.

Дудаков. Н-ну, что? Рана?... Ну, плечо?... И кто же это стреляет себя в плечо? Надо в левый бок... в череп... если это серьезно.

Марья Львовна. Кирилл Акимович, что вы говорите?

Дудаков. А... да! Извините! Ну... перевязали? Что же?... Несите его...

Басов. Несите к нам... к нам, Варя?

Рюмин. Не нужно... Я могу идти.

Дудаков. Можете? И превосходно.

Рюмин (идет шатаясь, Басов и Суслов держат его). Да... вот, жил неудачно и умереть не сумел... жалкий человек!

(Его уводят в комнаты. Дудаков провожает.)

Юлия Филипповна. Он прав...

Замыслов (уныло). Какой печальный водевиль!

Пустобайка (Двоеточию). Это я привел господина.

Двоеточие. Ага... хорошо!

Пустобайка. Мне бы за беспокойство на водку надо получить с кого-нибудь.

Двоеточие (укоризненно). Какой ты, брат, несуразный! (Дает ему денег.)

Пустобайка. Спасибо.

Калерия (Варваре Михайловне). Он умирает? Это должна была сделать я; так, Варя?..

Варвара Михайловна. Молчи... не надо! (Истерически.) Какие все мы противные... О! Почему?

Шалимов (Марье Львовне). Что... очень опасная рана?

Марья Львовна. Нет...

Шалимов. Гм... неприятный случай!.. Варвара Михайловна, позвольте...

Варвара Михайловна (вздрагнув). Что такое?

Шалимов. Назад тому несколько минут вы слышали слова...

(Выходят Басов, Суслов и Дудаков.)

Басов. Ну, положили мы его.

Варвара Михайловна. Оставьте! Я не верю... не хочу объяснения! Я ненавижу всех вас неиссякаемой ненавистью. Вы – жалкие люди, несчастные уроды!

Влас. Подожди, сестра, – это я скажу... я знаю: вы – ряженные! Пока я жив, я буду всегда срывать с вас лохмотья, которыми вы прикрываете вашу ложь... вашу пошлость...

(Шалимов, пожимая плечами, отходит в сторону.)

Марья Львовна. Перестаньте! Это бесполезно!

Варвара Михайловна. Нет. Пусть эта люди слушают. Я дорого заплатила за мое право говорить с ними откровенно! Они изуродовали душу мою, они отравили мне всю жизнь! Разве такой я была? Я не верю.. я ни во что не верю! У меня нет сил.. мне нечем жить! Разве такой я была!

Юлия Филипповна (с тоской). Это и я скажу! Это и я могу сказать!

Ольга Алексеевна (мужу). Смотри на Варвару, на лицо ее... видишь, какая она злая!..

(Дудаков отстраняет жену рукой.)

Басов. Варя, полно! Разве нельзя все это иначе? Ну, что такое? Ну, глуп этот Рюмин... стоит ли из-за него...

Варвара Михайловна. Поди прочь, Сергей.

Басов. Друг мой...

Варвара Михайловна. Я никогда не была твоим другом... и ты моим... никогда! Мы были только мужем и женой. Теперь мы чужие. Я ухожу!

Басов. Куда? Ну, как не стыдно, Варя! При людях, на улице!

(В глубине сцены неподвижно стоит Суслов.)

Варвара Михайловна. Здесь нет людей...

Марья Львовна. Уйдемте, Варя...

Юлия Филипповна. Ах, не мешайте ей! Пусть она скажет.

Двоеточие (горестно). Э-эх, господа! душу вы мне расстроили... эх, господа!

Калерия (Марье Львовне). послушайте, что же это такое? Что это?

Марья Львовна. Успокойтесь! Помогите мне увести ее.

Варвара Михайловна. Да, я уйду! Дальше отсюда, где вокруг тебя все гниет и разлагается... Дальше от бездельников. Я хочу жить! Я буду жить... и что-то делать... против вас! Против вас! (Смотрит на всех и кричит с отчаянием.) О, будьте вы прокляты!

Влас. Иди, сестра. Не надо, будет! (Ведет ее под руку прочь.)

Басов (Шалимову). Да помоги же мне прекратить все это!

Шалимов (спокойно, с усмешкой). Дай ей холодной воды... Чего же больше?

Юлия Филипповна (подходит к Варваре Михайловне). Ах, если бы и я могла уйти!

Басов. Варя! Ну, куда ты? Марья Львовна, это нехорошо. Вы – врач, вы должны успокоить.

Марья Львовна. Отстаньте от меня!

Двоеточие (Басову). Эх, вы, злодей невинный! (Идет вслед за Варварой Михайловной и Власом в лес направо.)

Калерия (рыдая). А я! А мне – куда же?

Соня (подходит к ней). Идите к нам... идите. (Уводит Калерию.)

Юлия Филипповна (спокойно и как-то зловеще). Ну, Петр Иванович!.. Идем...
продолжать нашу жизнь...

(Суслов молча оскалил зубы и идет.)

Басов. Что же это такое? С ума, что ли, все сошли? Этот Рюмин! Вот болван, а?
Это всё его дурацкие нервы!.. Яков, что ты молчишь? Что ты смеешься? Ты думаешь,
это несерьезно? Так неожиданно! Бум – и все полетело к черту! Что же теперь
делать?

Шалимов. Мой друг, успокойся! Все это только риторика на почве истерии... поверь
мне! (Берет Басова под руку и ведет его на дачу. Дудаков, заложив руки за спину,
выходит из комнат и медленно идет направо; там его молча ждет жена, неподвижно
стоя под деревьями.)

Басов. Ах... черт побери!

Шалимов (с усмешкой). Успокойся... видишь – вон Сусловы пошли продолжать свою
жизнь... пойдём и мы спокойно продолжать нашу...

Ольга Алексеевна. Кирилл... он умрет?

Дудаков (угрюмо). Нет... Идем... Никто не умрет...

(Идут в лес.)

Шалимов. Все это, мой друг, так незначительно... и люди и события... Налей мне
вина!.. Все это так ничтожно, мой друг: (Пьет. В лесу тихо и протяжно свистят
сторожа.)

Занавес

Дети солнца
(сцены)
Действующие лица
Павел Федорович Протасов.

Лиза, его сестра.

Елена Николаевна, его жена.

Дмитрий Сергеевич Вагин.

Борис Николаевич Чепурной.

Мелания, его сестра.

Назар Авдеевич.

Миша, его сын.

Егор, слесарь.

Авдотья, его жена.

Яков Трошин.

Антоновна, нянька.

Фима, горничная.

Луша, горничная.

Роман.

Доктор.

Действие первое

Старый барский дом. Большая, полутемная комната; в ее левой стене окно и дверь, выходящие на террасу; в углу – лестница наверх, где живет Лиза; в глубине комнаты арка, за ней столовая; в правом углу – двери к Елене. Книжные шкафы, тяжелая, старинная мебель, на столах – дорогие издания, на стенах – портреты ученых натуралистов. На шкафе белеет чей-то бюст. У окна налево – большой круглый стол; перед ним сидит Протасов, перелистывает какую-то брошюру и смотрит, как на спиртовой лампочке греется колба с какой-то жидкостью. На террасе под окном возится Роман и глухо, уныло поет песню. Это пение беспокоит Протасова.

Протасов. Послушайте, дворник!

Роман (в окне). Чего?

Протасов. Вы бы ушли... а?

Роман. Куда?

Протасов. Вообще... вы мне несколько мешаете...

Роман. А хозяин велел... почини, говорит...

Антоновна (входит из столовой). Ишь, пачкун... сюда пришел...

Протасов. Молчи, старуха...

Антоновна. Мало тебе места в своих-то комнатах...

Протасов. Ты, пожалуйста, туда не ходи... я там надымил...

Антоновна. А теперь здесь напустишь угару... Дай хоть дверь отворю...

Протасов (торопливо). Не надо, не надо! Ах ты... старуха!.. Ведь я тебя не прошу... Ты вот уговори дворника, чтоб он ушел... а то он мычит...

Антоновна (в окно). Ну, ты чего тут возишься? Уходи!

Роман. А как же... хозяин велел...

Антоновна. Иди, иди! После уделаешь...

Роман. Ну, ладно... (С грохотом уходит.)

Антоновна (ворчливо). Задохнешься ты когда-нибудь... Вон, говорят, холера идет. Генеральский сын тоже... а занимается неизвестно чем, только одни неприятные запахи пускаешь...

Протасов. Подожди, старуха... я тоже буду генералом...

Антоновна. По миру ходить будешь ты. Дом-то вот спалил на свою химию с физией.

Протасов. Физикой, старуха, а не физией... И, пожалуйста, оставь меня в покое...

Антоновна. Там этот пришел... Егорка...

Протасов. Позови его сюда...

Антоновна. Пашенька! Скажи ты ему, злодею, что же он делает? На-ка, вчера опять жену смертным боем бил.

Протасов. Хорошо... я скажу...

(По лестнице неслышно сходит Лиза, – останавливается перед шкафом, тихо открывает его.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антоновна. Да ты – пригрози... Я, мол, тебе дам!

Протасов. Уж я его напугаю! Не беспокойся, старуха, иди...

Антоновна. Надо – строго. А то ты со всеми людьми точно с господами разговариваешь...

Протасов. Ну, – будет, старуха! Елена – дома?

Антоновна. Нет еще. Как ушла после завтрака к Вагину, так и нет с той поры... Смотри – прозеваешь жену-то...

Протасов. Старуха, не говори глупостей! Я рассержусь.

Лиза. Няня! Ты мешаешь Павлу заниматься...

Протасов. Ага... ты здесь? Ну, что?

Лиза. Ничего...

Антоновна. Тебе, Лизонька, пора молоко пить.

Лиза. Я знаю:

Антоновна. А про Елену Николаевну я все-таки скажу: я бы на ее месте нарочно роман составила с кем-нибудь... Никакого внимания женщине нет... Видно, кашку слопал, чашку о пол... И детей нет... какое же удовольствие женщине? Ну, она и...

Протасов. Старуха! я начинаю сердиться... уходи! Экая... смола!

Антоновна. Ну-ну... лютый! Не забудь про Егорку-то... (Идет.) Молоко в столовой стоит, Лизонька... А капли – пила?

Лиза. Да, да!

Антоновна. То-то... (Уходит в столовую.)

Протасов (оглянувшись). Удивительная старуха! Бессмертна, как глупость... и так же назойлива... Как здоровье, Лиза?

Лиза. Хорошо.

Протасов. Это чудесно! (Напевает.) Это чудесно... это чудесно...

Лиза. А нянька права, знаешь?

Протасов. Сомневаюсь. Старики редко бывают правы... Правда всегда с новорожденным. Лиза, посмотри, здесь у меня простые дрожжи.

Лиза. Нянька – права, когда говорит, что ты мало обращаешь внимания на Елену...

Протасов (с огорчением, но мягко). Как вы мне мешаете, – ты и нянька! Разве Лена – немая? Ведь она сама могла бы сказать мне... если б я что-нибудь... как-нибудь не так, как нужно, и... вообще там... А она молчит! В чем же дело?

(Из столовой выходит Егор, немного выпивший.) Ага – вот Егор! Здравствуйте, Егор!

Егор. Доброго здоровья.

Протасов. Видите ли, в чем дело, Егор: нужно устроить маленькую жаровню... с крышкой... такая конусообразная крышка, а в вершине ее круглое отверстие, выходящее трубой... понимаете?

Егор. Понимаю. Можно.

Протасов. У меня есть рисунок... где он? Идите сюда...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Ведет Егора в столовую. В дверь с террасы стучит Чепурной, Лиза открывает ему.)

Чепурной. Эге, дома? Добрый день!

Лиза. Здравствуйте...

Чепурной (поводит носом). И коллега дома, как слышно по запаху...

Лиза. Откуда вы?

Чепурной. А с практики. Собачке жены управляющего казенной палатой горничная хвостик дверью отдала, – так я тот собачий хвост лечил, и дали мне за это три карбованца, – вот они! Хотел купить вам конфет, да подумал: пожалуй, неловко угощать вас на собачьи деньги, и – не купил.

Лиза. И хорошо сделали... садитесь...

Чепурной. Однако же от этого варева запах – сомнительной приятности. Коллега, уже кипит!

Протасов (выбегая). Не надо, чтобы кипело! Ну, что это?! Что же вы не сказали, господа?

Чепурной. Да я же сказал, что кипит оно...

Протасов (огорченно). Но – поймите: мне совсем не нуж- но, чтобы кипело!

(Егор выходит.)

Лиза. Кто же это знал, Павел?..

Протасов (ворчит). Мм... черт!.. Теперь снова надо...

Егор. Павел Федорович, дайте рублевку...

Протасов. Рублевку? Ага... сейчас! (Ищет во всех карманах.) Лиза, у тебя нет?

Лиза. Нет. У няни есть...

Чепурной. И у меня тоже... вот три!

Протасов. Три? Дайте, пожалуйста... Вот, Егор, три, – все равно?

Егор. Хорошо... сосчитаемся... Спасибо! Прощайте...

Лиза. Павел, няня просила тебя сказать ему... ты забыл?

Протасов. Что – сказать? Ах... да! Гм... да! Егор, вы... присядьте, пожалуйста! Вот... Может быть, ты сама скажешь, Лиза?.. (Лиза отрицательно качает головой.) Видите ли, Егор... мне надо вам сказать... то есть это нянька просила... дело в том, что вы... будто бы бьете вашу жену? Вы извините, Егор...

Егор (встает со стула). Бью...

Протасов. Да? Но, знаете, это ведь нехорошо... уверяю вас!

Егор (угрюмо). Чего хорошего...

Протасов. Вы понимаете? Так зачем же вы деретесь? Это зверство, Егор... это надо оставить вам... Вы – человек, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явление на земле...

Егор (усмехаясь). Я?

Протасов. Ну да!

Егор. Барин! А вы бы спросили сначала, за что я ее бью?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Протасов. Но – поймите: бить нельзя! Человек человека не должен, не может бить...
это же так ясно, Егор!

Егор (с усмешкой). А меня били... и очень даже много... Если же про жену сказать...
может, она не человек, а – черт...

Протасов. Какой вздор! Что такое черт?

Егор (решительно). Прощайте! А бить я ее буду... покуда она передо мной не станет
как трава перед ветром, буду я ее бить! (Идет в столовую.)

Протасов. Послушайте, Егор! Вы же сами сказали... ушел! И, кажется, обиделся... как
глупо вышло... Эта нянька всегда... что-нибудь устроит... нелепое! (С досадой уходит
за портьеру.)

Чепурной. Очень убедительно говорил коллега!

Лиза. Милый Павел... он всегда смешной!

Чепурной. Я бы, знаете, того Егора за чуб да палкой!

Лиза. Борис Николаевич!

Чепурной. А что? Ну, простите, коли грубо. Но он рассуждает правильно: его били,
значит, он может бить! Я продолжаю: следует его еще бить...

Лиза. Прошу вас... зачем вы так говорите, зачем?

Чепурной. Да на этой же логике построены все карательные законы!

Лиза. Вы знаете, как я не люблю, как боюсь всего грубого... и всегда вы, как будто
нарочно, дразните меня! Подождите... Этот слесарь... он вызывает у меня чувство
страха. Он такой... темный... и эти огромные обиженные глаза... Мне кажется, я их уже
видела... тогда, там, в толпе...

Чепурной. Э, да не вспоминайте! Ну его...

Лиза. Разве можно забыть об этом?

Чепурной. Что толку?

Лиза. Там, где была пролита кровь, никогда не вырастут цветы...

Чепурной. Да еще как растут!

Лиза (встает и ходит). Там растет только ненависть... Когда я слышу что-нибудь
грубое, резкое, когда я вижу красное, в моей душе воскресает тоскливый ужас, и
тотчас же перед глазами встает эта озверевшая, черная толпа, окровавленные лица,
лужи теплой красной крови на песке...

Чепурной. Ну, снова вы договоритесь до припадка...

Лиза. И у ног моих – юноша с разбитой головой... он ползет куда-то, по щеке и шее
у него льется кровь, он поднимает голову к небу... я вижу его мутные глаза,
открытый рот и зубы, окрашенные кровью... голова его падает лицом в песок... лицом...

Чепурной (подходит к ней). Э, боже мой! Ну, что мне делать с вами?

Лиза. Неужели вас не ужасает это?

Чепурной. А... пойдете в сад!

Лиза. Нет, скажите, скажите мне: понятен вам мой ужас?

Чепурной. А как же? Я понимаю... чувствую!

Лиза. Нет... это неправда! Если бы вы понимали, мне было бы легче... я хочу сбросить
с души моей долю тяжести, и – нет другой души, которая приняла бы ее... нет!

Чепурной. Мамочка моя! А ну – бросьте это! И пойдете в сад... вон какой запах здесь! Как будто резиновую галошу в постном масле жарили...

Лиза. Да... запах... у меня кружится голова...

Антоновна (из столовой). Лизонька! Уж капли надо принять, а ты еще молоко не выпила!

Лиза (идет в столовую). Сейчас...

Чепурной. Как живете, Антоновна?

Антоновна (прибирает на столе). Ничего... не жалуюсь...

Чепурной. Добре! Здоровеньки?

Антоновна. Слава богу...

Чепурной. Жаль. А то я бы полечил.

Антоновна. Вы уж собачек лучше... Я не собачка...

(Лиза входит.)

Чепурной. А мне хорошего человека полечить хочется...

Лиза. Идемте...

(Идут через дверь на террасу. Протасов с колбой в руках.)

Протасов. Нянька, давай мне кипятку!

Антоновна. Нет кипятку...

Протасов. Ну, пожалуйста, нянька!

Антоновна. Погоди, самовар вскипит... Сказал Егорке-то?

Протасов. Сказал, сказал...

Антоновна. Строго?

Протасов. Очень! Так он, знаешь, весь и затрясся со страха! Я, говорю, тебя, милый, к этому... как его?

Антоновна. Полицеймейстеру?

Протасов. Нет... ну, все равно! Да, к судье... к мировому судье...

Антоновна. Лучше бы полицеймейстером его пугнуть... Ну, что же он?

Протасов. А он... он, знаешь, сказал мне: дурак вы, барин!

Антоновна (негодую). Да что ты?

Протасов. Да. Именно. Дурак, говорит, вы... не в свое дело нос суετε...

Антоновна. Так и сказал? Неужто, Пашенька?

Протасов (смеясь). Нет, нет, старуха! Это не он, это я сам себе сказал... Он подумал, а я сказал...

Антоновна. Э, ну тебя... (Хочет уйти, обиженная.)

Протасов. Ты принеси мне кипятку сама... а то франтиха Фима всегда задевает за что-нибудь подолом или рукавами...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антоновна. Она, фима-то ваша, кажись, с хозяйским сыном шашни завела... вот что!

Протасов. А тебе завидно?

Антоновна. Тфу! Чай, ты ей – хозяйин... ты должен ей сказать, что это нехорошо для девушки!

Протасов. Ну, старуха, оставь! Право, потвоему, я должен целый день и говорить всем, что хорошо и что нехорошо: пойми, это не мое дело!

Антоновна. А зачем ты учился? Для чего?

(Мелания – в дверях с террасы.)

Протасов. Ну, иди же! Вот – Мелания Николаевна! Здравствуйте!

Мелания. Здравствуйте, Павел Федорович!

Антоновна. Кто же это дверь не запер? (Запирает.)

Мелания. Какое у вас довольное лицо!

Протасов. Я рад, что вы пришли... а то меня нянька загрызла. И потом мне сегодня удалась одна интересная работа...

Мелания. Да? Как это радует меня! Мне так хочется, чтоб вы прославились...

Антоновна (ворчит, уходя). В городе уж все говорят... прославился...

Мелания. Я так верю, что вы будете чем-нибудь вроде Пастера...

Протасов. Мм... это – неважно... Но надо говорить – Пастер... Это у вас – моя книга? Прочитали? Не правда ли, – ведь это интереснее, чем роман, да?

Мелания. О, да! Только вот эти знаки...

Протасов. формулы?

Мелания. Не понимаю я формулов!

Протасов. Это надо немножко заучить... Теперь я дам для вас физиологию растений... Но, прежде всего и внимательнее всего изучайте химию, химию! Это изумительная наука, знаете! Она еще мало развита, сравнительно с другими, но уже и теперь она представляется мне каким-то всевидящим оком. Ее зоркий, смелый взгляд проникает и в огненную массу солнца, и во тьму земной коры, в невидимые частицы вашего сердца (Мелания вздыхает), в тайны строения камня и в безмолвную жизнь дерева. Она смотрит всюду и, везде открывая гармонию, упорно ищет начало жизни... И она найдет его, она найдет! Изучив тайны строения материи, она сведает в стеклянной колбе живое вещество...

Мелания (в восторге). Господи! Почему вы не читаете лекций?

Протасов (смущенно). Н-ну, зачем же это?

Мелания. Вам необходимо читать! Вы так очаровательно говорите... когда я слушаю вас, мне хочется поцеловать вам руку...

Протасов (рассматривая руки). Не советую... у меня руки редко бывают чистые... знаете, возишься со всякой всячиной...

Мелания (искренно). Как бы я хотела сделать что-нибудь для вас, если бы вы знали! Я так восхищаюсь вами... вы такой неземной, такой возвышенный... Скажите, что вам нужно? Требуйте всего, всего!

Протасов. А... ведь вы можете...

Мелания. Что? Что я могу?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Протасов. У вас есть куры?

Мелания. Куры? Какие куры?

Протасов. Домашние птицы.. вы же знаете! Семейство куриных.. петухи, куры..

Мелания. Знаю.. Есть.. А – зачем вам?

Протасов. Голубушка! Если бы вы давали мне каждый день свежих яиц.. самых свежих, только что снесенных, еще теплых яиц! Видите ли, мне очень много нужно белка, а няня – она скупая, она не понимает, что такое белок.. она дает несвежие яйца.. и всегда нужно много говорить.. лицо у нее кислое..

Мелания. Павел Федорович! Какой вы жестокий!

Протасов. Я? Почему?

Мелания. Хорошо.. я буду присылать вам каждое утро десяток..

Протасов. Чудесно! Это меня превосходно устраивает! И я очень, очень благодарю вас! Вы милая.. право!

Мелания. А вы ребенок.. жестокий ребенок! И ничего вы не понимаете!

Протасов (удивлен). Действительно, я плохо понимаю, почему – жестокий?

Мелания. Потом, когда-нибудь поймете. Елены Николаевны нет дома?

Протасов. Она у Вагина на сеансе..

Мелания. Он вам нравится?

Протасов. Вагин? О, да! Ведь мы с ним давние товарищи.. вместе учились в гимназии, потом – в университете.. (Смотрит на часы.) Он тоже естественник, но со второго курса ушел в академию.

Мелания. Он и Елене Николаевне, кажется, очень нравится..

Протасов. Да, очень. Он славный парень, несколько односторонен..

Мелания. А вы не боитесь..

(Чепурной стучит в дверь с террасы.)

Протасов (открывая). Чего бояться? Это нянька закрыла..

Мелания. Ах, ты здесь?

Чепурной. А ты уже здесь? Где у вас вода? Елизавета Федоровна просит..

Протасов. Ей нехорошо?

Чепурной. Нет, ничего.. капли принять..

(Идет в столовую.)

Протасов. Мелания Николаевна, я на минутку оставлю вас.. надо взглянуть..

Мелания. Идите, идите! И возвращайтесь скорее..

Протасов. Да, да! Вы бы в сад пошли, а?

Мелания. Хорошо..

Протасов. Там Лиза.. Нянька! Что же – воду мне? (Уходит.)

Чепурной (выходит). Ну что, Маланья? Как дела?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Мелания (быстро и негромко). Ты не знаешь, что такое гидатопироморфизм?

Чепурной. Чего?

Мелания. Гидато-пиро-морфизм?

Чепурной. Бес его знает! А может быть, водяной фейерверк...

Мелания. Врешь?

Чепурной. Да уж так оно. Пиро – значит пиротехника, а метаморфоза фокус. Что ж он, задачи тебе задает?

Мелания. Не твое дело. Иди себе.

Чепурной. А когда ты его у жены отобьешь, то мыльный завод построй: химику не надо будет жалованья платить... (Идет в сад.)

Мелания. Какой ты грубый, Борис! (Встает, осматривается, входит Фима.)

Фима. Елизавета Федоровна просят вас в сад...

Мелания. Хорошо... (Антоновна несет кастрюлю горячей воды. Фима в столовой гремит посудой.) Что это вы несете, няня?

Антоновна. Кипяток Пашеньке...

Мелания. Ах, это для опытов...

Антоновна. Да, всё для них... (Уходит.)

Мелания (заглядывая в столовую). Фима!

Фима (в дверях). Что?

Мелания. Барыня каждый день ходит к художнику?

Фима. В дождь или когда пасмурно не ходят. Тогда господин Вагин сами здесь бывают...

Мелания (подходит ближе к ней). Ты, Фимка, умная?

Фима. Неглупая-с...

Мелания. Ну, ежели что заметишь за ними, мне скажи, поняла?

Фима. Поняла...

Мелания. И – молчи. На. В долгу не останусь.

Фима. Благодарю покорно... Он ей руки целует...

Мелания. Ну, это немного. Так смотри же!

Фима. Хорошо-с... Я понимаю...

Мелания. Иду в сад... Выйдет Павел Федорович, позови меня... (Уходит.)

Фима. Слушаю...

(Антоновна идет.)

Антоновна. Что гремишь чашками-то, как железными? Перебьешь...

Фима. Что я, не умею, что ли, с посудой обращаться?

Антоновна. Ну, ну, не козыряй! Про что тебя купчиха спрашивала?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Фима (идя в столовую). Про Лизавету Федоровну, насчет здоровья...

Антоновна (за ней). Чай, сама бы пошла да поглядела, чем прислугу выпрашивать...

(Входит Назар Авдеев с террасы, снимает картуз, осматривает комнату, вздыхая, щупает пальцем обои. Кашляет.)

Фима (в столовой). Она и пошла. А прислуга – тоже человек. И вы ведь прислуга...

Антоновна. Я знаю, кто я. А только природные господа с прислугой не разговаривают... они отдадут приказание – и всё... да! А теперь все норовят в баре, а повадки – как у твари... Кто это? (Выходит.)

Назар. Это мы. Доброго здоровьица, нянюшка!

Антоновна. Вы что?

Назар. Мне бы Павла Федоровича... Разговор к нему имею...

Антоновна. Ну... сейчас позову... (Идет.)

Фима (выглядывает). Здрассте, Назар Авдеевич!

Назар. Почет и уважение! Эх вы... махровая! Обманщица!

Фима. Пожалуйста! Руками трогать не дозволяется...

Назар. Так и не окажете внимания вдовцу? Вечерком чайку бы попить...

Фима. Тсс...

(Выходит Протасов, – сзади Антоновна.)

Протасов. Вы – ко мне?

Назар. Именно-с!

Протасов. Что такое?

Назар. За квартиру бы...

Протасов (немного раздражен). Послушайте: когда я продал вам этот дом, я деньги ждал за вами целые два года... а вы... когда нужно платить?

Назар. Вчера бы следовало...

Протасов. Ну, вот! Ведь это – не деликатно... Я занят, а вы приходите... и прочее...

Назар. Да я, собственно, не за этим... Я про деньги между прочим... чтобы самому себе напомнить...

Протасов. Вы напоминайте вот няньке или жене... Деньги есть, но – черт их знает, где они! Где-то в ящике... Жена пришлет вам... вот нянька принесет... до свидания!

(Антоновна уходит в столовую.)

Назар. Дозвольте задержать вас!

Протасов. Что такое? Зачем?

Назар. Насчет вашей землицы и дачки...

Протасов. Ну?

Назар. Вам бы продать ее...

Протасов. Какой же дурак ее купит? Она никуда не годится... песок, ели...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Назар (вдохновенно). Это вы справедливо! Земля – совершенно негодная...

Протасов. Вот видите!

Назар. И, кроме меня, никто ее не купит...

Протасов. А вам зачем?

Назар. Под одно-с! Как я уже купил у соседа вашего... то и у вас бы надо...

Протасов. Ну, прекрасно, покупайте! Вы что же, всё богатеете, что ли?

Назар. То есть, как сказать? Расширяюсь...

Протасов. Смешной вы! Ну, зачем вам песок?

Назар. А видите-с... сын мой кончил коммерческое училище и вышел очень образованный человек. Насчет промышленности очень он сообразителен... вот и я возымел охоту к расширению русской промышленности... для чего думаю заводик поставить, чтобы пивные бутылки выдувать...

(Фима в дверях из столовой, слушает.)

Протасов (хохочет). Нет, вы чудак! А ссудную кассу закроете?

Назар. Зачем же? Ссудная касса – это для души... это предприятие благотворительное... действующее на помощь ближнему...

Протасов (смеясь). Да? Ну, хорошо... покупайте мою землю... покупайте... до свидания!
(Смеясь, уходит.)

Назар. Позвольте-с! Мм... Ефимья Ивановна, что же это он ушел? Ведь для того, чтобы куплюпродажу совершить, двоих надо, а он ушел!

Фима (пожимая плечами). Известно – блажной...

Назар. Мм... неосновательно! Стало быть – до свидания! (Уходит.)

Роман (сзади Фимы). Где печка дымит?

Фима. Ох, чтоб тебе лопнуть! Что ты?

Роман. Чего боишься? Печка, слышь, дымит?

Миша (вбегая из столовой). Да не здесь, буйвол! В кухне!

Роман. Ну... а я думал – здесь... (Идет.)

Миша (быстро). Ну, Фимка, как же? Квартира и пятнадцать рублей в месяц – идет?

Фима. Подите вы прочь, охальник! Что это – точно лошадь покупаете!

Миша. Ну, нечего там! Я человек деловой. Ты подумай, за кого ты можешь замуж выйти? За мастерового, а он тебя бить будет, вон как наш слесарь жену свою... А я тебя устрою скромно, но чистенько, сытно, и вообще – займусь твоим образованием...

Фима. Ну вас тут... Я девушка честная... к тому же мне мясник Храпов сто рублей в месяц предлагает...

Миша. Старик ведь, дура! Ты сообрази...

Фима. Я и не согласна с ним...

Миша. Ну, вот видишь, дурочка моя! Я же тебе...

Фима. Давайте семьдесят пять...

Миша. Что-о? Семьдесят пять?

Фима. И чтоб на все деньги, сколько следует за год, вексель мне...

Миша (изумлен). Однако-с вы...

Фима. Да-с... (Красноречиво смотрят друг на друга. С террасы входит Егор, порядочно выпивший.) Тише... Ваш папаша ушли...

Миша. Ушел? Извините... (Уходит.)

Фима. Ты куда это лезешь? Через кухню не мог? Хозяин дома через кухню ходит, а ты...

Егор. Молчи... Зови мне барина...

Фима. Да еще и пьяный! Как же барин говорить с тобой будет?

Егор. Не твое дело! Зови! я сам буду говорить... Иди!

Фима (убегает в столовую). Няня! Нянька!

Протасов (выходит из-за портьера). Что вы кричите, Фима? Ах, это вы, Егор... Что вам? Я занят... пожалуйста скорее.

Егор. Погодите... Я несколько выпил... трезвый я говорить не умею...

Протасов. Ну, хорошо... в чем дело?

(Антоновна из столовой, за нею Фима.)

Егор. Давеча ты при людях обидел меня... начал говорить насчет жены... ты кто такой, чтобы обижать?

Протасов. Вот видишь, старуха? Ага! Егор, я не хотел обижать вас...

Егор. Нет, погоди! Я с малых лет в обиде живу...

Протасов. Ну да, Егор... я понимаю...

Егор. Стой! Меня никто не любит и никто меня не понимает... И жена не любит... А я хочу, чтобы меня любили, дьявол вас...

Протасов. Не надо кричать...

Антоновна. Ах, пьяная рожа, а?

Егор. Человек я или нет? Почему меня все обижают?

Антоновна. Батюшки, да что же это? (Бежит в столовую. На дворе слышен ее крик.)

Протасов. Вы успокойтесь, Егор... Видите ли, это нянька сказала мне...

Егор. Няньку надо прочь... у тебя уж борода выросла... бородатому нянька – не указ. Ты слушай: я тебя уважаю... я ведь вижу: ты человек особенный... это я чувствую... Ну, тем обиднее мне, что ты при людях... э-эх ты! Хочешь, я на коленки встану перед тобой? Один на один – это мне не обидно... но чтобы при скотском докторе... А жену я вздую... изувечу!.. Я ее люблю, и она меня должна...

(Вбегают Чепурной, Мелания, Лиза, Антоновна, Фима.)

Лиза. Что такое? Что это, Павел?

Чепурной (удерживая Лизу). В чем дело? А нуте?

Протасов. Позвольте, господа...

Мелания. Няня, пошлите за дворником!

Егор. Ишь, налетело воронье... Шугни их хорошенько, Павел Федорович!

Чепурной. Вы бы, добрый человек, шли себе до вашего дому, а?

Егор. Я – не добрый человек...

Чепурной (хмурит брови). И все ж таки – идите!..

Мелания. Надо полицию...

Протасов. Пожалуйста – ничего не надо! Вы, Егор, идите... а потом – я сам приду к вам.

(Антоновна и Роман являются в дверях столовой.)

Егор. О? Придешь?

Протасов. Приду...

Егор. Ну, ладно... смотри же! Не врешь?

Протасов. Честное слово!

Егор. Вот! Ну, прощай... А все эти люди – как пыль против тебя... прощай! (Уходит.)

Роман. Меня, значит, не надо?

Протасов. Не надо, идите! Ф-фу... Ну, видишь, старуха? (Антоновна вздыхает.) Вот что ты натворила...

Лиза. Я боюсь этого человека... боюсь!

Мелания. Вы уж очень деликатны, Павел Федорович!

Протасов. Нет, ведь я действительно виноват пред ним...

Лиза. Нужно взять другого слесаря, Павел.

Чепурной. Мастеровые – они все пьяницы...

Протасов. Как это нервит и утомляет! Мне не везет сегодня... Вторгаются какие-то глупые мелочи... У меня там сложный опыт с циановой кислотой, а тут... Налей мне чаю, Лиза!

Лиза. Я скажу, чтоб чай перенесли сюда... ты не любишь столовой... (Уходит.)

Протасов. Да... хорошо... Я вообще не люблю темных комнат, а светлых в этом доме нет...

Мелания. Ах, я вас понимаю, Павел Федорович!

Чепурной. Маланья! Как это слово?

Мелания. Какое слово?

Чепурной. А вот ты спрашивала меня...

Мелания. Ничего я не спрашивала...

Чепурной. Забыла? Вот так! Она, знаете, коллега, когда от вас мудреное слово услышит, то у меня спрашивает, что оно значит?

Мелания (обиженно). Ты, Борис... ужасный человек! У меня плохая память на иностранные слова... над чем тут смеяться?

(Фима входит, ловко накрывает стол у окна и постепенно переносит чай.)

Протасов. Вы о чем у него спрашивали?

Мелания (виновато). Я забыла, что такое гидатопироморфизм.

Чепурной. А я ей сказал, что то водяной фейерверк...

Протасов (хохочет). Что-о?

(Лиза входит и хлопчет у стола.)

Мелания. Как тебе не стыдно, Борис!

Протасов (с улыбкой). А странные у вас отношения... вы всегда как бы враждуете друг с другом... извините, может быть, я бестактно говорю?

Мелания. Ах, полноте! Борис не любит меня... мы с ним – как чужие... Он воспитывался в Полтаве у тетки, я – в Ярославле у дяди... Ведь мы сироты...

Чепурной. Казанские...

Мелания. Встретились мы уже взрослыми... и не понравились друг другу... Борис ведь никого не любит... у него не удалась жизнь, и он на всех сердится за это... Он ко мне и не ходит даже...

Чепурной. А знаете, коллега, когда ее муж старенький жив был, придешь к ней, так он просит меня, чтоб я полечил его...

Мелания. Врешь ведь...

Чепурной. Говорю ему – я не всех скотов лечить умею...

Лиза. Борис Николаевич!

(Протасов смущенно смеется.)

Чепурной. Пересолил?

Лиза. Пейте чай...

Чепурной. И ступайте домой. Понимаю...

Мелания. Павел Федорович! А помните, вы хотели показать мне водоросль под микроскопом?

Протасов. То есть клетку водоросли... да, как же... гм... Это можно... даже сейчас – хотите?

Мелания. Ах, пожалуйста! Я буду так рада...

Протасов. Пойдемте... Только у меня там запах... (Идет.)

Мелания (идя за ним). Ничего, ничего!

Чепурной. Комедия! Водорослей захотела корова!

Лиза (огорченно). Борис Николаевич! Вы такой правдивый, простой и сильный... но...

Чепурной. Бейте сразу!

Лиза. Зачем вы напускаете на себя эту грубость, эту тяжелую, неприятную насмешливость? Зачем?

Чепурной. Да я ничего не напускаю...

Лиза. В жизни так много грубого и жесткого... так много ужасного... надо быть мягче, надо быть добрее...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Чепурной. Зачем же лгать? Люди грубы и жестоки, это их природа...

Лиза. Нет, неправда!

Чепурной. А как же неправда? Вы и сами так думаете... и чувствуете так... Разве вы не говорите, что люди – звери, что они грубы, грязны и вы боитесь их? Я тоже знаю это и верю вам... А когда вы говорите – надо любить людей, я не верю. Это вы от страха говорите...

Лиза. Вы не понимаете меня!..

Чепурной. Может быть... Но я понимаю, что любить можно полезное или приятное: свинью, потому что она ветчину и сало дает, музыку, рака, картину... А человек – он же бесполезен и неприятен...

Лиза. Боже мой! Зачем так говорить?

Чепурной. Надо говорить правду, как ее чувствуешь... А добрым я пробовал быть. Взял как-то мальчишку с улицы, воспитать думал, а он скрал у меня часы и – удрал! А то девицу взял, тоже, знаете, с улицы... молодая еще девица была... думал – поживем, а там и повенчаемся... Так она напилась однажды пьяная и в физиономию мне...

Лиза. Перестаньте! Как вы не понимаете, что об этом нельзя рассказывать?

Чепурной. А чего ж? Мне бы именно все надо рассказать однажды, всю жизнь мою... может, оттого стал бы я чище душой...

Лиза. Вам надо жениться...

Чепурной. Эге! И я говорю – надо...

Лиза. Найдите себе девушку...

Чепурной (спокойно). Вы же знаете: девушку нашел я и второй год хожу около нее, как медведь около дупла с медом...

Лиза. Вы – снова? Милый Борис Николаевич, не надо! Я сказала вам мое решительное слово... оно не изменится никогда, ни в одном звуке!

Чепурной. А может быть? Я – хохол, а они упрямы... А может быть?..

Лиза (почти со страхом). Нет!..

Чепурной. Ну, поговоримте пока о другом...

Лиза. Вы пугаете меня своим упрямством...

Чепурной. А вы не бойтесь... Ничего не бойтесь...

(Пауза. Около террасы ворчит Роман. Лиза, вздрогнув, смотрит в окно.)

Лиза. За что вы так нехорошо относитесь к вашей сестре?

Чепурной (спокойно). Она – дура, да еще и подлая...

Лиза. Боже мой!

Чепурной. Не буду, не буду! Вот беда человеку не иметь на языке красных слов!.. Сестра, говорите? Что ж она? Двадцати лет вышла замуж за богатого старика, – зачем это? Потом едва не порешила себя от тоски и отвращения к нему: раз ее с отдушника сняли, – повесилась... а то еще нашатырный спирт пила... Вот – умер он, – она теперь и бесится.

Лиза. Может быть, вы сами виноваты, зачем не поддержали ее?

Чепурной. Может, виноват, а может, и поддерживал...

Чепурной. А я не только за это. Вы вот не понимаете, зачем она сюда ходит... а я понимаю...

Лиза. Не развивайте мне ваших догадок! Вы лучше подумайте, кто дал вам право быть судьей ее?

Чепурной. А вам кто дал право судить людей? И все люди пользуются этим правом без разрешения... Не судить, как не есть, невозможно для человека...

Мелания (выходит, взволнованная, за ней Протасов). Павел Федорович... я понимаю, но – неужели это правда?

Протасов. Ну, да. Все – живет, всюду – жизнь. И всюду – тайны. Вращаться в мире чудесных, глубоких загадок бытия, тратить энергию своего мозга на разрешение их – вот истинно человеческая жизнь, вот где неисчерпаемый источник счастья и животворной радости! Только в области разума человек свободен, только тогда он – человек, когда разумен, и, если он разумен, он честен и добр! Добро создано разумом, без сознания – нет добра!

(Быстро выхватывает часы, смотрит.) Но, вы извините... я должен идти... да, пожалуйста... черт возьми! (Уходит.)

Мелания. Если б вы слышали, что он говорил там... как он говорил! Мне говорил, одной мне, Мелании Кирпичевой, да! Первый раз в жизни со мной так говорили... о таких чудесах... со мной! Борис – смеется... ну, что же, Борис? (Со слезами в голосе.) Я ведь не говорю, что поняла его мысли, разве я говорю это? Я – дура... Лизавета Федоровна, я смешная? Голубушка моя... вы подумайте: живешь, живешь, так как-то, точно спишь... вдруг – толкнет, откроешь глаза – утро, солнце – и ничего не видишь сразу-то, только свет! И так вздохнешь всей душой, такой радостью чистой вздохнешь... Точно заутреня на пасху...

Чепурной. Да чего ты?

Лиза. Выпейте чаю... сядьте! Вы так взволнованы...

Мелания. Тебе не понять, Борис! Нет, спасибо... не буду чаю... я уйду. Вы меня извините, Лизавета Федоровна... я вам нервы расстроила! Я пойду... до свидания! Вы скажите ему, – ушла, мол... благодарит, мол... Радость вы моя, какой он светлый... чудный какой! (Уходит в дверь на террасу.)

Чепурной. Чего она? Не понимаю...

Лиза. Я – понимаю. Когда-то и на меня

Павел действовал вот так же... Говорит, и с моих глаз, с мозга точно пелена спадает... так ясно все, так стройно, загадочно и просто, ничтожно и огромно! А потом я узнала настоящую жизнь, полную грязи, зверства, бессмысленной жестокости... душу мою охватил страх и недоумение... и вот тогда я попала в больницу...

Чепурной. Вам бы не вспоминать об этом... Что ж больница? Была, и нет ее...

Лиза. Будет.

(На террасе – Елена и вагин.)

Чепурной. Кто-то идет... ага! Елена Николаевна... И художник... Пора уже мне уходить...

Елена. А, Борис Николаевич! Павел у себя, Лиза? Налей мне, пожалуйста, чаю... (Идет к мужу.)

Чепурной. Чего вы такой бледный и взъерошенный, Дмитрий Сергеевич?

Вагин. Разве? Не знаю! Как ваши успехи в живописи, Лиза?

Лиза. Я сегодня не писала...

Вагин. Жаль. Краски успокаивают нервы...

Чепурной. По вас того не видно...

Вагин. Не все, конечно...

Лиза (вздрагнув). И – не красная...

Чепурной. До свидания... пойду! Пойду на речку раков ловить. А потом сварю их и буду есть, пить пиво... и курить. Да не провожайте, Елизавета Федоровна, я еще ворочусь... завтра же. (Елена выходит.) До свидания, Елена Николаевна!

Елена. Уходите? До свидания...

(Чепурной и Лиза уходят.)

Вагин. Он занят?

Елена. Да... Скоро придет...

Вагин. Все возится со своей нелепой идеей создать гомункула...

Елена. Какой тон... стыдитесь!

Вагин. Но если меня раздражает эта дрянная мыслишка педантов! И простить ему отношение к вам я не могу. Это чудовищно...

Елена. Я готова раскаяться в том, что позволила себе быть откровенной с вами...

Вагин. Вы должны быть свободным человеком, и того, кто вас не ценит, вы не должны щадить...

Елена. Я так и сделаю... вы увидите!

Вагин. Когда? Чего вы ждете?

Елена. Мне нужно знать, какое место занимаю я в душе его...

Вагин. Никакого!

Елена (с тонкой улыбкой). Если это так, это хорошо. Тогда все решается просто: я не нужна ему, – я ухожу. А если нет? Если его любовь только утомлена, отодвинута в глубину его души силой идеи, охватившей его? Я уйду от него, и вдруг в его душе снова вспыхнет...

Вагин. Вам этого хочется? да?

Елена. Вы понимаете, какая драма ждет его? А я – ненавижу драмы.

Вагин. За него ли боитесь вы?

Елена. Я не хочу мешать ему жить...

Вагин. Вы рассуждаете – значит, вы не хотите. Желая сильно, не рассуждают...

Елена. Звери. Не рассуждают – животные. А человек должен поступать так, чтоб на земле было меньше зла...

Вагин. Приносить себя в жертву долгу и прочее... На вас дурно влияет Лиза с ее кислой философией...

Елена. Зло – противно. Страдание – отвратительно... Я считаю страдание позором для себя, и нечестно, некрасиво причинять страдание другим.

Вагин. Как вы рассудочны!.. Но все же вашим языком говорит душа рабыни... Вы приносите себя в жертву – кому? Человеку, который разлагает жизнь на мельчайшие частицы в тупом стремлении найти ее начало! Нелепая идея! Он служит черной

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
смерти... а не свободе, не красоте и радости. И ему не нужна ваша жертва...

Елена. Спокойнее, мой друг! Я ничего не говорю о жертве... И у меня нет причин верить в силу ваших чувств...

Вагин. Вы не верите в мою любовь?

Елена. Скажем так, я не верю себе...

(Лиза входит.)

Вагин. Как вы... холодны!

Елена. Я говорю искренно...

Лиза. Сегодня Павлу целый день мешали...

Елена. Кто?

Лиза. Все – няня, этот слесарь, домохозяин...

Елена. Это раздражало Павла?

Лиза. Я думаю...

Елена. Досадно...

(Вагин выходит на террасу.)

Лиза. Прости меня, но ты ужасно мало обращаешь внимания на него...

Елена. Он никогда не говорил мне об этом...

Лиза (встает). Может быть, потому, что с тобой неприятно говорить... (Идет к себе наверх.)

Елена (мягко). Лиза! Ты снова... Лиза, ты не права... Послушай же...

(Лиза не отвечает. Елена смотрит вслед ей, пожимает плечами и, нахмутив брови, медленно идет к двери на террасу. Фима из столовой.)

Фима. Барыня!

Елена. А... что вам?

Фима. Без вас приходила Мелания Николавна и говорит мне.

(Пауза.)

Елена (задумчиво). Да... что же она говорит?

Фима. Мне так неприлично стало...

Елена. Если неприлично, не надо говорить...

Фима. Она сказала: следи, говорит, за барыней, – за вами, то есть...

Елена. Что такое? Вы всегда, Фима, выдумываете какие-нибудь глупости... идите, пожалуйста.

Фима. Это не глупости, честное слово! Следи, говорит, за ней и господином Вагиным...

Елена (негромко). Ступайте вон!

Фима. Я же не виновата! И вот рубль дала...

Елена. Вон!

(Фима быстро уходит. Протасов спешно выходит из-за портьеры.)

Протасов. Что ты кричишь, Лена, а? Ага! Война с Фимой... Это, знаешь, удивительная девица. У нее какие-то особенные юбки: они за все задевают, все опрокидывают, бьют... Я побуду с тобой минут... ровно десять! Налей мне чаю... А Дмитрий – не пришел?

Елена. Он на террасе...

Протасов. И Лиза там?

Елена. Лиза у себя...

Протасов. Ты как будто не в духе, а?

Елена. Немного устала...

Протасов. Как подвигается твой портрет?

Елена. Ты спрашиваешь об этом каждый день...

Протасов. Разве? А, вот Дмитрий... и сердитый! Отчего?

Вагин. Так... Однажды я напишу ваш сад... вот в это время, на закате...

Протасов. И это тебя уже заранее сердит?

Вагин. Ты сострил?

Елена. Вам чаю?

Протасов (встает). Вы оба не в духе... Пойду в кухню... там у меня... Налей мне еще, Лена!..

Вагин. Вот он однажды посадит вас в колбу, обольет какой-нибудь кислотой и будет наблюдать, как вам это понравится...

Елена. Не говорите вздора... если вам не хочется...

Вагин (просто, искренно). Я никогда не испытывал такого могучего чувства, как мое отношение к вам... оно меня мучает... но и возвышает меня...

Елена. Да?

Вагин. Мне хочется быть пред вами всех выше, лучше, ярче...

Елена. Это хорошо... я очень рада за вас...

Вагин. Елена Николаевна! Поверьте мне...

Протасов (в столовой, потом входит, держа в руках какой-то металлический сосуд). Старуха, отстань! И почему кухарка – плюс муж? Бери просто кухарку, как таковую... а меня оставь!

Елена. Няня! Я вас просила...

Протасов. Вот, старая смола! Нефтяные остатки! (Уходит к себе.)

Елена. Я просила вас не тревожить Павла...

Антоновна. Позвольте, матушка Елена Николаевна, спросить, кто же в этом доме хозяин? Павлуша – занят, Лиза – больной человек, вы – целые дни дома не бываете...

Елена. Но Павла не должны касаться мелочи...

Антоновна. А уж за этим вы сами смотрите...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена. Недоставало только, чтоб вы меня учили...

Антоновна. А что же? Если я вижу, что дом брошен и Павлуша без внимания...

Елена (мягко). Я вас прошу, уйдите, няня!

Антоновна. Хорошо–с... Но и покойница генеральша из комнат меня не выгоняли... (Уходит, обиженная. Елена встает, нервно расхаживает по комнате. Вагин с усмешкой смотрит на нее.)

Елена. Вас забавляет это?

Вагин. Немножко глупости – всегда забавно! (Горячо.) Нужно уйти из этого дома! Вы созданы для красивой, свободной жизни...

Елена (задумчиво). Возможна ли такая жизнь, когда вокруг нас всюду дикие люди? Это странно: чем крупнее человек, тем более около него пошлости... вот так ветер сметает всякий хлам к стене высокого здания... (Протасов идет, подавленный и бледный. В нем есть что-то детское, беспомощное и обаятельное в своей искренности. Говорит негромко и точно виноватый.) Ты что, Павел? Что с тобой?

Протасов. Она – раскислилась, – понимаешь? Да, раскислилась... А опыт был обставлен строго... я все принял во внимание... (Смотрит на жену и как бы не видит ее. Проходит к столу, садится, нервно шевелит пальцами. Вынимает из кармана записную книжку, быстро чертит карандашом и погружается в это. Вагин молча жмет руку Елены и уходит.)

Елена (негромко). Павел... (Громче.) Милый Павел... ты очень огорчен? да?

Протасов (сквозь зубы). Подожди... Почему она раскислилась?

Занавес

Действие второе

Направо стена дома и широкая терраса с перилами. Несколько балясин из перил выпали. На террасе два стола: один большой, обеденный; другой, в углу, маленький, – на нем разбросаны кости и лото. Задний бок террасы затянут парусиной. Во всю длину двора, до забора в глубине его, стоит зеленая, старая решетка, за нею – сад. Вечер. Из-за угла террасы идут Чепурной и Назар Авдеевич.

Назар. Так – ничего, пройдет?

Чепурной. Ничего...

Назар. Это – приятно. Оно, хотя лошаденка и немудрая, а все денег стоит... Шестьдесят рублей дано за нее семь лет тому назад, да сколько овса съела за это время... Но ежели она не поправится, вы скажите, тогда я ее продам...

Чепурной. Что ж, вы думаете – у другого хозяина она здорова будет?

Назар. А уж это не мое дело! Господин доктор?

Чепурной. Чего?

Назар. Есть у меня к вам одна деликатная просьбица, только не знаю, как ее выразить...

Чепурной (закуривая). Выражайте короче...

Назар. Это самое резонное. Просьбишка моя, изволите ли видеть...

Чепурной. Еще короче...

Назар. Касаемо господина Протасова...

Чепурной. Эге... ну?

Назар. Видите ли, сын мой, обучившись в коммерческом училище промышленности, говорит, что, дескать, ныне химия большую силу берет... И сам я вижу, – туалетные мыла, духи, помады и подобный товар идет ходко и большой барыш дает...

Чепурной. А ну, еще короче...

(Миша выглядывает из-за угла. Чепурной замечает его.)

Назар. Никак не могу, затея очень фигурная... Уксус, например, эссенции всякие... и многое другое... И вот – смотрю я на господина Протасова: без пользы они материал и время тратят... и от этого вскорости и проживутся они, надо думать... Так вот – поговорите вы с ними...

Чепурной. Насчет уксуса поговорить?

Назар. Вообще... Вы на то упирайте, что должны они скоро без средств остаться... И вот я предлагаю им дельце: я им заводик поставлю, а они полезный товар работать будут. Денег у них нет для компании, ну, я векселечки возьму...

Чепурной (усмехаясь) А вы – добрый, э?

Назар. Сердце у меня очень «мягкое! Вижу вот, что человек без пользы обращается, и сейчас мне хочется в дело его употребить. К тому же и они господин, стоящий внимания! На рождение супруги своей фейерверк они заготовили – боже мой! Высокое искусство было обнаружено ими... Так поговорите?... а?

(Фима на террасе готовит чай.)

Чепурной. Поговорю...

Назар. Большую пользу принесете им, как я разумею... А пока – до свидания!

Чепурной. До свидания! (Фиме.) А где господа?

Фима. Барин – у себя, а барыня в саду... с господином Вагиным, и Елизавета Федоровна там...

Чепурной. Ну, пойду и я в сад...

Миша (быстро выходит из-за угла). Извините... не имею удовольствия знать имени и отчества вашего...

Чепурной. Ничего. Ведь и я вашего тоже не знаю...

Миша. Михаил Назаров Выгузов – к вашим услугам!

Чепурной. Какие же услуги? Мне от вас ничего не нужно...

Миша (покровительственно). Это – из вежливости говорится. Я был случайным свидетелем разговора вашего с отцом моим...

Чепурной. Я видел этот случай... Скажите, чего ж вы так ногами дрыгаете?

Миша. Это – от нетерпения... от стремления... Характер у меня живой...

Чепурной. Куда ж вы стремитесь?

Миша. То есть, как? Живость у меня... вообще...

Чепурной. Ага! Понимаю... До свидания!

Миша. Позвольте! Я имею сказать вам...

Чепурной. Чего сказать?..

Миша. По поводу предложения папаша. Видите ли, это моя идея... только папаша изложил вам ее не так ясно...

Чепурной. Нет, ничего, я понял...

Миша. А может быть, вы сделаете мне честь пожаловать сегодня в девять часов на Троицкую, ресторан «Париж»?

Чепурной. Нет, знаете, не сделаю я этой чести и вам.

Миша. Очень грустно...

Чепурной (вздыхнув с облегчением). И мне тоже... (Идет в сад.)

Миша (презрительно смотрит вслед ему). Невежа! Настоящий скотский доктор!

Фима. Что? И говорить-то с вами не хотят!

Миша. А знаешь, Фимка, что я могу с тобой сделать?

Фима. Ничего...

Миша. А вот заявлю, что кольцо, которое я тебе подарил, ты у меня украла... Помощник пристава мой знакомый...

Фима. Не испугалась! Он за мной ухаживает, помощник-то!

Миша. Тем хуже для тебя... Нет, Фима, я шучу. Давай говорить серьезно: двадцать пять и квартира – идет?

Фима. Подите вы! Я девушка честная...

Миша. Дура ты... вот что! Ну, слушай! – у меня товарищ есть, Зотиков, красавец и богач... хочешь познакомлю?

Фима. Опоздали! Он уж два раза ко мне письма присылал... что?

Миша (поражен и – негодует). Врешь? Ах, подлец! Ну – люди! Вот жулье... тьфу! А ты, Фима, – молодец-то есть, женился бы на тебе, если б не надо было на богатой жениться...

Фима (тихо). Господа идут...

(Из сада идут Лиза и Чепурной.)

Лиза (Мише). Вам что угодно?

Миша. А вот – внушал вашей горничной, чтобы она химических жидкостей из окна в сад не выплескивала... от этого садовая растительность страдает, да к тому же и время опасное, холера идет, изволили слышать?

Чепурной. До свидания, молодой человек!

Миша. Честь имею... (Быстро скрывается.)

Лиза (идя на террасу). Удивительно нахальное лицо...

Чепурной. Вот коллега живое вещество изобретает, а – куда оно? Вон оно какое вредное... Или я... тоже живое вещество, а какой смысл имею?

Лиза. Как вы сегодня тяжело настроены!.. Давайте кончим партию... садитесь... Я продолжаю: 6, 23.

Чепурной. 10, 29 у меня...

Лиза. Я вас не понимаю... 8, 31... вы такой здоровый, сильный...

Чепурной. 7, 36...

Лиза. И ничем не интересуетесь, ничего не делаете... 5, 36... Теперь, когда жизнь

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
принимает такой трагический тон... всюду растет ненависть и так мало любви...

Чепурной. 36, 10, 41...

Лиза. Как много вы могли бы внести в эту жизнь своей работы – доброй, умной работы... 8 у меня, 44...

Чепурной. Мне уже сорок лет... и семь очков... 48...

Лиза. Сорок лет? Пустяки!.. 10, 54...

Чепурной. И вы очень испортили меня... 3, 51...

Лиза. Я? испортила?

Чепурной. Да... Все вы, ваш брат, Елена Николаевна, вы...

Лиза. 8... Я – кончила... Давайте сначала, только не будем считать вслух, это мешает разговору... Объясните мне, чем это мы испортили вас?

Чепурной. А знаете, до встречи с вами я жил с большим любопытством...

Лиза. С интересом?

Чепурной. Ну да, с любопытством... Мне все было любопытно знать. Книжку новую вижу – читаю, хочу знать: а что в ней нового, кроме обложки? Человека на улице бьют – остановлюсь и посмотрю, усердно ли бьют ею, и даже иногда спрошу, за что бьют? И ветеринарии я учился с большим любопытством...

Антоновна (в дверях.). Лизонька – капли принимала?

Лиза. Да, да...

Антоновна. Самовар кипит, а за столом никого нет... О, господи! (Идет в сад.)

Чепурной. Вообще на все я смотрел с любопытством... и видел, что жизнь устроена – дрянно, люди – жадны и глупы, а я – умнее и лучше, чем они... Это было мне приятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видел, что иному человеку труднее жить, чем той лошади, что я лечу, да и хуже, чем собаке... но этот случай объяснялся тем, что человек глупее собаки и лошади.

Лиза. Зачем так говорить? Ведь вы не верите в это?

Чепурной. Так я и жил, и было мне недурно... Но вот – попал к вам, вижу: один горит в своей науке, другой бредит киноварью с охрой, третья притворяется, что она веселая и разумная... а вы заглянули куда-то глубоко и трагедию в душе носите...

Лиза. Чем же мы вас испортили? У меня – партия...

Чепурной. Не умею это сказать... Сначала мне так понравилось у вас, что я даже водку перестал пить, ибо от ваших разговоров хмелен бывал... А потом – потерял я мое любопытство, и беспокойно стало мне...

Антоновна (идет из сада). Пили бы чай-то...

Протасов (из комнат). Готов самовар? Чудесно! Здравствуйте, ученый...

Чепурной. Добрый день, коллега...

Протасов. А Лена в саду?

Лиза. Да...

Протасов. Пойду звать ее... Вы проиграете...

Чепурной. А проиграю...

Протасов. У тебя сегодня славный цвет лица, Лиза... и глаза – ясные... спокойные...

Лиза (с досадой). Зачем он всегда говорит со мной, как с больным ребенком?..

Чепурной. Да он со всеми, кто протоплазмой не интересуется, как с ребятами говорит..

Лиза. Со мной все так говорят.. все стараются напомнить мне, что я больна..

Чепурной. А вы сами прежде всего позабудьте об этом..

Лиза. Продолжайте.. Вы говорите, вам стало беспокожно, – отчего?

Чепурной. И беспокожно и.. неловко как-то.. Как будто механизм души моей вдруг заржавел.. Нелепо мне, Елизавета Федоровна, и коли вы не поможете..

Лиза. Милый Борис Николаевич! Оставьте это.. Я – калека, урод..

Чепурной (спокойно). Погибну я тогда, как навозный жук..

Лиза (вскочив). Да оставьте же! Ведь вы мучаете меня.. неужели вы не понимаете этого?

Чепурной (испуган). Ну, не надо! Простите.. не буду! Молчу.. успокойтесь!

Лиза. Боже мой! Как мучительно жалко всех.. как все бессильны.. одиноки!

(Пауза.)

Чепурной. Я, знаете, раньше хорошо спал. А теперь – лежу, вытаращив очи, и мечтаю, как влюбленный студент, да еще с первого курса.. Хочется мне что-то сделать.. эдакое, знаете, геройское.. А что? Не могу догадаться.. И все кажется мне: идет по реке лед, а на льдине поросенок сидит, такой маленький, рыжий поросся, и верещит, верещит! И вот я бросаюсь к нему, проваливаюсь в воду.. и – спасаю поросся! А оно – никому не нужно! И – такая досада! – приходится мне одному того спасенного поросенка с хреном съесть..

Лиза (смеется). Это – смешно..

Чепурной. Даже до слез..

(Из сада идут Елена, Протасов, Вагин.)

Лиза. Налить чаю?

Чепурной. Давайте.. что ж еще делать? А знаете, Елизавета Федоровна, – все ж таки идите за меня замуж; то-то мы с вами настонали бы на земле!

Лиза (неприятно удивлена). Как вы.. шутите.. как это тяжело и странно!

Чепурной (спокойно). Да вы подумайте, что ж еще делать – вам и мне?

Лиза (со страхом). Молчите.. молчите!

Елена. Ну, да, это – красиво, но по смыслу – неглубоко, а по сюжету доступно немногим..

Вагин. Искусство всегда было достоянием немногих.. Это его гордость..

Елена. Это – его драма..

Вагин. Таково мнение большинства, и уже по одному этому – я против..

Елена. Не рисуйтесь! Искусство должно облагораживать людей..

Вагин. Оно не имеет целей..

Протасов. Мой друг, в мире нет ничего бесцельного..

Чепурной. Коли не считать самый мир...

Лиза. Боже мой! Я тысячу раз слышала все это...

Елена. Дмитрий Сергеевич! Жизнь – трудна, человек часто устает жить... Жизнь груба, да? На чем отдохнуть душе? Красивое – редко, но когда оно истинно красиво, оно согревает мне душу, как солнце, вдруг осиявшее пасмурный день... Нужно, чтобы все люди понимали и любили красоту, тогда они построят на ней мораль... они будут ценить свои поступки как красивые и безобразные... и тогда-то жизнь будет прекрасна!

Протасов. Это – чудесно, Лена! Это – может быть...

Вагин. Какое мне дело до людей! Я хочу громко спеть свою песню один и для себя...

Елена. Полноте! Зачем – слова? Нужно, чтоб в искусстве отражалось вечное стремление человека в даль, к высоте... Когда это стремление есть в художнике и когда он верует в солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната – будут мне понятны... дороги... он вызовет в душе моей созвучный аккорд... и, если я устала, – я отдохну и снова захочу работы, счастья, жизни!

Протасов. Славно, Лена!

Елена. Вы знаете, порой мне грезится такое полотно: среди безграничного моря – идет корабль; его жадно обнимают зеленые, гневные волны; а на носу его и у бортов стоят какие-то крепкие, мощные люди... Просто – стоят люди, – всё такие открытые, бодрые лица, – и, гордо улыбаясь, смотрят далеко вперед, готовые спокойно погибнуть по пути к своей цели... Вот и вся картина!

Вагин. Это интересно... да...

Протасов. Подожди...

Елена. Пусть эти люди идут под знойным солнцем по желтому песку пустыни...

Лиза (неволью, негромко). Он – красный...

Елена. Все равно! Нужно только, чтоб это были особенные люди, мужественные и гордые, непоколебимые в своих желаниях и – простые, как просто все великое... Такая картина может вызвать у меня чувство гордости за людей, за художника, который создал их... и она напомнит мне о тех великих людях, которые помогли нам уйти так далеко от животных и всё дальше уводят к человеку!

Вагин. Да, это я понимаю... Это – интересно... красиво! (К террасе подходит Яков Трошин и, незамечаемый, стоит, открыв рот.) Я попробую это, черт возьми!

Протасов. Конечно, Дмитрий! Пиши! Лена, ты молодец! Это... что-то новое у тебя... а, Лена?

Елена. Как ты можешь знать, новое это или старое?

Трошин. М-милостивые государи! (Все обращаются к нему.) Я долго ждал, когда вы кончите ваш интересный разговор... но принужден помешать вам... очень просто!

Чепурной. Вам чего?

Трошин. Узнаю малоросса... очень просто! Потому – сам был в Малороссии и играю на флейте...

Чепурной. Что ж вам нужно?

Трошин. Позвольте! Всё по порядку... Представляюсь – подпоручик Яков Трошин, бывший помощник начальника станции Лог... тот самый Яков Трошин, у которого поезд жену и ребенка раздавил... Ребенки у меня и еще есть, а жены – нет... да-а! С кем имею честь?

Протасов. Как интересно говорят пьяные...

Лиза (укоризненно). Павел! Что ты...

Елена. Вам что угодно?

Трошин (кланяясь). Сударыня – извините! (Показывает ногу в туфле.) Сан-сапогэ... ибо счастье – превратно... Сударыня! Скажите, где проживает слесарь Егор... Егор – а фамилию я позабыл... а может быть, у него и нет фамилии... и даже, может, он – в ночи видение мне было?

Елена. Это – там... во флигеле, нижний этаж...

Трошин. Р-ремерси! Искал его целый день... утомлен и едва стою на ногах... За угол? Бон войяж! Он только вчера имел счастье познакомиться со мной... и вот я иду к нему... это надо оценить! За угол? Очень просто! До приятного свидания!..

Протасов. Вот комик! Сан-сапогэ, а?

Лиза. Тише, Павел...

Трошин (идет, пошатываясь, и бормочет). Ага! Вы думали – он ничтожество? Нет, это Яков Трошин... он знает, что такое приличия... очень просто! Яков Трошин! (Скрывается.)

Протасов. Какой забавный, а? Лена?

Лиза. А какое место в твоей картине, Лена, будут занимать вот эти люди?

Елена. Их там не будет, Лиза...

Протасов. Они, как водоросли и раковины, присосутся ко дну корабля...

Вагин. И будут затруднять его движение...

Лиза. Их участь – гибель, Елена? Без помощи, одни, эти люди должны погибнуть?

Елена. Они уже погибли, Лиза...

Вагин. Мы тоже – одни в темном хаосе жизни...

Протасов. Эти люди, мой друг, – мертвые клетки в организме...

Лиза. Как вы все жестоки! Я не могу слушать вас... как вы слепы и жестоки... (Идет в сад Чепурной медленно поднимается и идет за ней.)

Протасов (негромко). Знаешь, Лена, при ней совсем невозможно ни о чем говорить... Она все сводит к одному, в свой больной, темный угол...

Елена. Да... трудно с ней... Она живет страхом пред жизнью...

Вагин. Елена Николаевна! На носу корабля будет стоять кто-то один... У него лицо человека, схоронившего на берегу, сзади себя, все свои надежды... но глаза его горят огнем великого упорства... и он едет, чтобы создать новые... одинокий среди одиноких...

Протасов. Не нужно бури, господа! Или – нет! – пусть будет буря, но впереди, на пути корабля, горит солнце! Ты назови свою картину «К солнцу!», источнику жизни!

Вагин. Да, к источнику жизни!.. Там, вдали, среди туч, яркое, как солнце, лицо женщины...

Протасов. Ну, зачем – женщина? Но пускай среди этих людей на корабле будет Лавуазье, Дарвин... Однако я заговорился... мне нужно уйти... (Быстро идет в комнаты.)

Вагин (искренно). С каждым днем вы, родная моя, все более властно и крепко привлекаете меня к себе... Я молиться готов на вас...

Протасов (из комнат). Дмитрий! На минуту...

Елена. Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия его...

Вагин. Я напишу эту картину, вы увидите! И она будет петь своими красками величественный гимн свободе, красоте...

Протасов. Дмитрий!..

Елена. Идите, мой друг!

(Вагин уходит. Елена задумчиво прохаживается по террасе. Из сада доносится голос Чепурного.)

Чепурной (спокойно). Да это же не может быть иначе... Говорит человек, а поступки делает – все еще животное...

Лиза (тоскливо). Но когда же, когда... (Их не слышно.)

Мелания (идет по двору). Ах, Елена Николаевна! Вы дома?

Елена (сухо). Вас это удивляет?

Мелания. Нет, почему же? Здравствуйте...

Елена. Извините меня, но раньше, чем подать вам руку:

Мелания. Что-о?

Елена. Я должна спросить вас... будемте говорить правдиво и просто! Вы предлагали нашей горничной...

Мелания (быстро). Ах... какая мерзавка! Продала...

Елена (не вдруг). Значит – правда? Мелания Николаевна... Вы понимаете, как это... как нужно назвать ваш поступок?

Мелания (искренно, горячо). Да... да, понимаю! Просто – так уж просто! Все равно... слушайте!.. Вы женщина, вы – любите, может быть, вы поймете...

Елена. Тише... в саду ваш брат!

Мелания. Что мне? Вот... слушайте: я люблю Павла Федоровича... вот! Я его так люблю... готова в кухарки, в горничные к нему идти... Вы – тоже, я вижу! – вы ведь художника любите... вам Павел Федорович не нужен... Хотите, – на колени встану? Отдайте мне его! Ноги буду целовать ваши...

Елена (поражена). Что вы говорите? Что вы? Мелания. Все равно! У меня – деньги... я ему выстрою лабораторию... дворец выстрою! Буду ему служить, чтобы ветер не касался его... буду сидеть у дверей дни и ночи... вот! Зачем он вам? А я его – как угодника божия, люблю...

Елена. Успокойтесь... подождите! Я, должно быть, неверно понимаю вас...

Мелания. Барыня! Вы – умная, вы – благородная, чистая... А у меня жизнь была тяжелая, противная... и людей я видела только гнусных... а – он! Он-то! Дитя такое... такой – возвышенный! Да ведь я около него – царицей буду... ему – служанка, а для всех – царица! И душа моя... душа моя вздохнет! Чистого человека хочу я! Понимаете меня?... Вот!

Елена (взволнованно). Мне трудно вас понять... нам нужно много говорить... Боже мой... какая вы несчастная, должно быть.

Мелания. Да! О, да! вы можете понять, должны понять! Я оттого вот так и говорю вам – сразу все, я знаю, вы поймете. И не обманете меня: может, я тоже человеком буду, коли не обманете!

Елена. Мне незачем обманывать вас... Я чувствую больное сердце ваше... Пойдемте ко мне... пойдемте!

Мелания. Как вы говорите... неужели и вы тоже хороший человек?

Елена (берет ее за руку). Поверьте мне... поверьте, что если люди будут искренни, они поймут друг друга!

Мелания (идет за ней). Верю я вам или нет, не знаю. Слова ваши понятны, а чувства – не могу я понять... Хорошая вы или нет? Вот... Боюсь я верить в хорошее... не видела я его... и сама – дурной, темный человек... морем слез омыла я душу мою... Но все еще – темная...

(Уходят. Роман выглядывает из-за угла с топором в руке. Из сада идут Лиза и Чепурной. Антоновна – из комнат.)

Антоновна. Ишь... разбежались все... мечутся, как полоумные... Лизонька, ты чего все бродишь? Тебе сидеть надо...

Лиза. Отстань, няня...

Антоновна. Нечего сердиться... Какие у тебя силы? (Идет в комнаты, ворчит.)

Чепурной. Старуха-хлопотуха... любит она вас...

Лиза. Это так... просто привычка ухаживать... Она больше тридцати лет живет у нас... Ужасно тупая и упрямая... Странно... С той поры, как я помню себя, у нас в доме всегда звучала музыка и сверкали лучшие мысли мира... а вот она не стала добрее или умнее от этого...

(Протасов и Вагин выходят из комнат.)

Протасов (вагину). Понимаешь, когда волокно химически обработанного дерева можно будет прясть – тогда мы с тобой будем носить дубовые жилеты, березовые сюртуки...

Вагин. Брось ты свои деревянные фантазии... Скучно!

Протасов. Эх ты... ты сам скучный!..

Чепурной. Это зонтик сестры моей... Коллега!.. Вчера Маланья спросила меня, в каком сродстве стоят гипотеза с молекулой? Так я ей сказал, что молекула гипотезе приходится внучкой.

Протасов (смеясь). Ну, зачем вы? Она так наивно... и горячо интересуется всем...

Чепурной. Наивно? Мм... А монера с монадой – подкидьши в науке... неверно? Перепутал я генеалогию, значит!

Лиза. Вот видите: даже на ваших отношениях к сестре видно, как пренебрежительно и злобно относятся люди друг к другу...

Чепурной. Э, какая там злоба!

Лиза (нервно). Нет, я говорю вам – на земле все больше скопляется ненависти, на земле растет жестокость...

Протасов. Лиза! Ты снова распускаешь черные крылья?..

Лиза. Молчи, Павел! Ты ничего не видишь, ты смотришь в микроскоп...

Чепурной. А вы – в телескоп? Не надо бы, знаете... лучше своими глазами...

Лиза (тревожно, болезненно). Вы все – слепые! Откройте глаза; то, чем живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они – как цветы в лесу, полном сумрака и гниения... полном ужаса... Вас мало, вы незаметны на земле...

Вагин (сухо). Кого ж вы на ней видите?

Лиза. На земле заметны миллионы, а не сотни... и среди миллионов растет ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я – видела, как

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
вырвалась на улицу ненависть и люди, дикие, озлобленные, с наслаждением истребляли друг друга... Однажды их злоба обрушится на вас...

Протасов. Все это оттого так страшно, Лиза, что вот, видимо, собирается гроза, стало душно, и твои нервы...

Лиза (умоляя). Не говори мне о моей болезни!

Протасов. Ну, ты подумай, кому, за что ненавидеть меня? Или его?

Лиза. Кому? Всем людям, от которых вы ушли так далеко...

Вагин (раздраженно). Черт их побери! Не идти же назад ради них!

Лиза. За что? За отчуждение от них, за невнимание к их тяжелой, нечеловеческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одеты... Ненависть слепа, но вы ярки, вас она увидит!

Вагин. Вам идет роль Кассандры...

Протасов (возбуждаясь). Подожди, Дмитрий! Ты неправа! Мы делаем большое и важное дело: он обогащает жизнь красотой, я – исследую ее тайны... И люди, о которых ты говоришь, со временем поймут и оценят нашу работу...

Вагин. Оценят или нет, мне все равно!

Протасов. Не надо смотреть на них так мрачно: они лучше, чем тебе кажется; они разумнее...

Лиза. Ты ничего не знаешь, Павел...

Протасов. Нет, я знаю, я вижу! (В начале его речи на террасу выходят Елена и Мелания, обе взволнованные.) Я вижу, как растет и развивается жизнь, как она, уступая упорным исканиям мысли моей, раскрывает предо мною свои глубокие, свои чудесные тайны. Я вижу себя владыкой многого; я знаю, человек будет владыкой всего! Все, что растет, становится сложнее; люди всё повышают свои требования к жизни и к самим себе... Когда-то под лучом солнца вспыхнул к жизни ничтожный и бесформенный кусок белка, размножился, сложился в орла и льва и человека; наступит время, из нас, людей, из всех людей, возникнет к жизни величественный, стройный организм – человечество! Человечество, господа! Тогда у всех клеток его будет прошлое, полное великих завоеваний мысли, – наша работа! Настоящее – свободный, дружный труд для наслаждения трудом, и будущее – я его чувствую, я его вижу – оно прекрасно. Человечество растет и зреет. Вот жизнь, вот смысл ее!

Лиза (тоскливо). Я бы хотела верить так, о, я бы хотела! (Выхватывает из кармана книжку и быстро пишет что-то в ней. Мелания смотрит на Павла почти молитвенно, это выходит немного смешно. Лицо Елены, сначала суровое, проясняется грустной улыбкой. Вагин слушает оживленно. Чепурной низко наклонился над столом, и лица его не видно.)

Вагин. Люблю видеть тебя поэтом.

Протасов. Страх смерти – вот что мешает людям быть смелыми, красивыми, свободными людьми! Он висит над ними черной тучей, покрывает землю тенями, из него рождаются призраки. Он заставляет их сбиваться в сторону с прямого пути к свободе, с широкой дороги опыта. Он побуждает их создавать поспешные уродливые догадки о смысле бытия, он пугает разум, и тогда мысль создает заблуждения! Но мы, мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы – дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно – океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!

Лиза (вскакивая). Павел, это хорошо! Дети солнца... Ведь и я?... Ведь и я? Скорее, Павел, да? И я тоже?

Протасов. Да, да! И ты... все люди! Ну, да, конечно!

Лиза. Да? О, это хорошо... Я не могу сказать... как это хорошо! Дети солнца... да? Но

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru – у меня расколота душа, разорвана душа... вот, послушайте! (Читает, сначала с закрытыми глазами.)

Орел поднимается в небо,
Сверкая могучим крылом...
И мне бы хотелось, и мне бы
Туда, в небеса, за орлом!
Хочу! Но бесплодны усилья!
Я – дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили в грязи и пыли...
Люблю ваши дерзкие споры
И яркие ваши мечты,
Но – знаю я темные норы,
Живут в них слепые кроты;
Красивые мысли им чужды,
И солнцу душа их не рада,
Гнетут их тяжелые нужды,
Любви и вниманья им надо!
Они между мною и вами
Стоят молчаливой стеною...
Скажите – какими словами
Могу я увлечь их за мною?
(Все несколько секунд смотрят на нее молча. Вагину ее возбуждение не нравится.)

Протасов. Лиза! Как это ты?.. Разве ты пишешь стихи?

Елена. Вы хорошо сказали, Лиза! Я понимаю вас...

Вагин. Позвольте, господа! Елизавета Федоровна, я знаю другие стихи, они могли бы служить ответом вам...

Лиза. Скажите!

Вагин.

Как искры в туче дыма черной,
Средь этой жизни мы – одни.
Но мы в ней – будущего зерна!
Мы в ней – грядущего огни!
Мы дружно служим в светлом храме
Свободы, правды, красоты
Затем, чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты...
Протасов. Bravo, Дмитрий! Чудесно, брат!

Мелания (в восторге). Господи! Как хорошо... Елена Николаевна, ведь я понимаю ее... понимаю! (Плачет.)

Елена. Успокойтесь... не надо!

Лиза (грустно). Вот вы ликуете... а мне – жалко, мне грустно видеть, что так много хороших мыслей, вспыхнув, исчезают, как искры в ночной тьме, не освещая людям дороги! Мне это грустно...

Мелания (целует руку Протасова). Ясный вы мой... спасибо!

Протасов (смущен). Что вы? Зачем вы? У меня руки могут быть нечистыми...

Мелания. Не могут...

Лиза. Борис Николаевич, что с вами?

Чепурной. А ничего... слушаю!

Лиза. Ведь я хорошо сказала?

Чепурной. С вами – правда...

Лиза. Со мной, да?

Мелания (Елене). Я уйду... родная вы моя!.. (Идет в комнаты, Елена за ней.)

Чепурной. А с ним – красота...

Вагин. А что лучше?

Чепурной. Да... красота лучше... а правда – нужнее людям...

Лиза. А вам? Вам что нужнее?

Чепурной. Да... я не знаю... Пожалуй, взял бы и того и другого... только в меру...

Елена (выходит). Павел, тебя зовет Мелания Николаевна...

Протасов. Лена, ну зачем она мне руку поцеловала? Как это глупо и неприятно!

Елена (усмехаясь). Надо терпеть...

Протасов (уходя). Губы – жирные... Что ей надо?

(Идет в комнаты. За углом террасы истерический крик Авдотьи.)

Авдотья. Врешь, подлец!

Лиза (вздрагнув). Что такое? Кто это?

Авдотья (выбегает). Не попал, дьявол, что?

Егор (в руках березовое полено). Стой, говорю!

Лиза. Боже мой! Спрячьте ее!

Авдотья (вбегая на террасу). Господа мои! Голубчики... убивает!

Елена. Идите сюда... скорее!

Авдотья (мужу). Что взял? (Уходит с Еленой в комнаты.)

Чепурной. Э, снова этот пьяница... (Лизе.) Уйдите вы, а?

Лиза. Ради бога... ради бога, остановите его!

Трошин (выходит из-за угла). Резвов – осторожно!

Чепурной (Егору). Пошел прочь!

Вагин. Гоните его!

(Из комнат выскакивает Протасов, за ним Мелания.)

Протасов. Егор! Вы снова...

Егор (Чепурному). Сам пошел к черту! Давайте мне жену!

Протасов. Вы с ума сошли...

Трошин. Жена принадлежит своему мужу, милостивый государь!.. Очень просто!

Егор. Вы ее не спрячете... я войду!

(Роман идет. Сонный. Становится сзади Егора.)

Роман. Егор! Не бунтуй...

Чепурной. Войди!

Лиза. Борис Николаевич, у него полено...

Чепурной. Ничего! Вы уходите...

Протасов. Уйди, Лиза...

Егор. Давайте ее мне. Чего вы? Ваше это дело?

Мелания. Дворник, зови полицию!

Роман. Егор! Я позову полицию!..

Егор. Барин! Послушайте, ко мне гость пришел...

Трошин. Очень просто!

Егор. Образованный человек, с душой...

Трошин. Совершенно верно!

Егор. А она его мокрой тряпкой по роже!

Трошин. Факт! Но не по роже, Егор, а по лицу...

Протасов. Голубчик! Ну, будьте же человеком...

Егор. Давай ее сюда!

Вагин. Черт! Какое лицо!

Мелания. Дворник! Я тебе говорю – полицию! Держи его... хватай!

Роман. Егор! Я иду, ну тебя...

Егор (идет на террасу). Ежели вы слов не понимаете...

Лиза. Бегите... он идет! Он убьет!..

Чепурной (идя навстречу Егору, сквозь зуба). А ну, бей...

Протасов. Лиза, уходи... (Насильно ведет ее в комнату. Мелания за ними.)

Егор. Уйди ты... (Готовит полено.)

Чепурной (смотрит в глаза ему). А ну...

Егор. Ударю...

Чепурной (Егору, тихо). Врешь, собака...

Егор. Не лайся...

Чепурной. А ну, бей...

Егор. Бей ты! На! (Бросает полено на землю.) Чепурной. Прочь... Ну?

Трошин (безнадежно). Резвов, ретируйся!

Егор (отступая). Ишь ты... дьявол!

Чепурной (презрительно). Э, собака...

Трошин (Вагину). Бон суар, мосье! Но семейный очаг должен быть ненарушим...

Вагин. Уходите вы...

Чепурной (сходит с террасы, идя на Егора). Ступай... ну? (Егору.) Кабы не было тут

Трошин (уходя за Егором). Повинуюсь насилью... очень просто. (Скрывается за углом.)

Чепурной (возвращается на террасу). Вот зверюга...

Вагин. Однако и личико у вас было. Я залюбовался... такая экспрессия!..

Протасов (выходит). Прогнали?

Лиза (быстро выходит, Чепурному). Он – не ударил? Он не тронул вас?

Чепурной. Эге! Это не просто...

(Елена и Мелания идут.)

Протасов. Черт знает что такое... Не буду больше давать ему работу!.. Вот даже руки дрожат... смотри, Лена!

Вагин. А он может убить...

Чепурной (усмехаясь). А что, коллега, они, вот такие хамы... и они тоже дети солнца?

Лиза (вдруг). Ты лгал, Павел! Ничего не будет... жизнь полна зверей! Зачем вы говорите о радостях будущего, зачем? Зачем вы обманываете сами себя и других? Вы оставили людей далеко сзади себя... вы одинокие, несчастные, маленькие... неужели вам не понятен ужас этой жизни?.. Ведь вы окружены врагами... повсюду звери!.. Нужно уничтожить жестокость... победить ненависть... Поймите же меня! Поймите! (С ней истерика.)

Занавес

Действие третье

Обстановка первого действия. Пасмурный день. В кресле у стены сидит Елена. Лиза возбужденно ходит по комнате.

Елена. Ты – не волнуйся...

Лиза. Я – больная, но мои мысли – здоровы!

Елена. Разве тебе говорят – нет?

Лиза. Я знаю, мои слова серы и пресны; вам скучно слушать их... вы не хотите чувствовать трагической правды жизни...

Елена. Ты много преувеличиваешь...

Лиза. Нет! Взгляни на ту пропасть, которая отделяет тебя от твоей кухарки...

Елена. Разве она исчезнет оттого, что я встану на край ее и буду плакать, дрожа от страха?

Лиза. А разве можно жить спокойно, когда люди не понимают твоей души? Я не могу так жить... я боюсь тех, кто меня не понимает! Вот чем я больна... Елена, нужны жертвы! Ты понимаешь, нужно жертвовать собой...

Елена. Да... свободно, с радостью, в безумии восторга! Но насиловать себя – нет, Лиза! Это недостойно человека!

Антоновна (из столовой). Елена Николаевна...

Лиза (с досадой). Что тебе, няня?

Антоновна. Ну-ну-ну! Не тебя... Там хозяин пришел...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лиза. Ах, ну пускай подождет... идите, няня! (Антоновна уходит.) Итак, я неправа?

Елена. Я не сказала этого...

Лиза. Ты понимаешь, как мы все одиноки?

Елена. Нет... я этого не чувствую...

Лиза. Просто ты не хочешь со мной говорить... Я всем надоела. Вы хотите жить, наслаждаясь и не замечая ничего грубого, страшного!

Елена. Как можно чувствовать насильно?..

Лиза. А ты... тебе – плохо жить! Но ты гордая и не хочешь сознаться в этом даже себе самой... Я ведь вижу твои отношения с Павлом...

Елена. Оставим это...

Лиза (с радостью). Ага! Видишь? Тебе больно, да?

Елена. Нет... но – неприятно!

Лиза. Тебе больно! Пусть! Это тебя оживит... Ты одинока, Елена!.. Ты несчастна...

Елена. Лиза, твоя радость – нехорошая радость! Чего ты хочешь?

Лиза. Чего я хочу? (Пауза. Со страхом.) Я не знаю... я этого не знаю! Я хотела бы жить и не умею... и не могу! Мне кажется, – я не имею права жить так, как я хочу... Я хотела бы родную душу иметь... родную душу! Мне надо отдохнуть от страха и – не с кем!

Елена (берет ее за руку). Прости меня, но разве Чепурной...

Лиза. Какое я имею право? ведь я больна, да? Вы все говорите это... о, вы часто это говорите! Слишком часто... Пусти меня... я не могу об этом... уйди! Пусти меня! (Быстро уходит к себе. Елена, глубоко вздохнув, ходит по комнате, закинув руки за голову. Останавливается перед портретом мужа, смотрит на него, кусая губы. Руки у нее падают.)

Елена (вполголоса). Прощай... (Антоновна идет.)

Антоновна. Можно теперь хозяину-то?

Елена. Да... хорошо...

Антоновна (уходя). Идите, Назар Авдеич...

Назар. Добренького здоровьица!

Елена (кивая головой). Вам что угодно?

Назар (ухмыляясь конфузливо). Видите ли, мне бы Павла Федоровича...

Елена. Он занят...

Назар. Мм... а с вами я уж не знаю как...

Елена. Скажите; я передам ему...

Назар. Предмет разговора не деликатный...

Елена. Как угодно...

Назар. Да уж все равно... Полиция приходила, извольте видеть, насчет запаха... насчет помойных ям и прочих мест...

Елена (хмуря брови). При чем здесь муж?..

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Назар. Конечно, они не больше других... все грешны... Полиция, по случаю холеры, требует однако, чтобы запаху не было... она не вникает, что чему положено иметь запах, так уж оно его даст... и грозит штрафом даже до трехсот рублей.

Елена (с отвращением). Что вам угодно?

Назар. Я – совет хотел взять, не возможно ли попрыскать чем-нибудь химическим против запаха?

Елена (возмущенно). Послушайте, как вы... (Сдерживаясь.) Впрочем... я ему передам... до свидания!

Назар. Сейчас передадите?

Елена (уходя). Нянька ответит вам...

Назар (вслед ей). Чувствительно тронут... Ишь какая... гордионка! Подожди... я те хвост прижму! (Уходит. Из-за портьеры выходят Протасов и Елена.)

Протасов. И еще, Лена, пожалуйста, пошли, за Егором...

Елена. Снова – Егор?

Протасов. Но – как же без него обойтись, Лена? Он такой ловкий, быстро схватывает все... ты посмотри: он мне жаровню сделал – артистически! Изящная вещь! Какой тусклый день сегодня! Сеанса – нет?

Елена. Нет. Итак, когда же можно поговорить с тобой?

Протасов. Пожалуйста, до вечера, да... Вечером я – свободен! Тебе скучно? А где же Дмитрий?

Елена. У него, должно быть, есть еще какие-то дела, кроме обязанности развлекать меня...

Протасов (не понял). Да... гм! Вероятно... А знаешь, последнее время я смотрю на тебя, и мне кажется – есть что-то новое в твоём лице... такое значительное... Елена. Да?

Протасов. Да, да! Ну, я – исчез, как дым...

(Уходит к себе.)

Фима (входит). Сударыня! Пожалуйста, отпустите меня...

Елена. Днем? Но кто же будет служить?

Фима. Совсем отпустите... расчет.

Елена. А, хорошо! Но прежде, прошу вас, позвоните Егору...

Фима (твердо). Я к Егору не пойду-с...

Елена. Почему?

Фима. Так... не пойду-с.

Елена. Позвоните няню...

Фима. Няня гулять пошла на кладбище...

Елена. Я отпущу вас, когда она придет... Пошлите мне дворника, можете?

Фима. Могу-с. Так уж вы сегодня мне расчет. (Уходит.)

Елена (вслед ей). Хорошо...

Чепурной (в дверь с террасы.). А чего ж у вас двери не заперты? Добрый день!

Елена (подавая руку). Я не знаю... сегодня прислуга какая-то рассеянная...

Чепурной. Холеры боятся...

Елена. Говорят, она развивается?

Чепурной. А ничего... идет. Елизавета Федоровна дома?

Елена. У себя...

Чепурной. А как здоровенька?

Елена. Ничего... не особенно, по обыкновению...

Чепурной (озабоченно). Мм... Трагическая душа...

Елена. Борис Николаевич... простите меня, я мешаюсь не в свое дело, но – это очень важно...

Чепурной. Ага! Что именно?

Елена. Она говорила мне, что вы сделали ей предложение...

Чепурной (быстро). А как говорила?

Елена. То есть, что – как?

Чепурной. Ну, лицо какое? С гримасой говорила? С насмешкой, а?

Елена (удивляясь). Что вы?! С радостью...

Чепурной. Нет?.. Верно?

Елена. Да, да! С такой тихой радостью... и так хорошо...

(В дверях с террасы – Роман.)

Чепурной. Я – дурак! Знаете, я осёл!

Роман. Это меня сюда звали?

Чепурной. Да никто тебя не звал... это я себя ругаю, чудака!

Елена. Я его звала... Позовите слесаря, Роман...

Роман. Это – Егора?

Елена. Да...

Роман. Сейчас?

Елена. Да, да!

Роман. Ладно... (Уходит.)

Чепурной (радостно). Дайте мне вашу руку, а я ее... вот, поцелую! Сделали вы мне подарок... Вот оно... Откуда не ждешь, оттуда и бьет; так и беда, так и радость...

Елена. Позвольте... я не понимаю вас...

Чепурной. А, боже ж мой! Да как же! О том, что я ее замуж позвал, она вам с радостью говорила?

Елена. Да... уверяю вас!

Чепурной (победоносно). А все ж таки отказала мне!

Чепурной. Да и смешно! Я, знаете, так и думал: не потому она за меня замуж не идет, что я ей противен, а потому, что она болезни своей боится...

Елена. Да, вы правы...

Чепурной. Теперь я знаю, что делать. Пойду к ней, как шар под гору... А! Какой случай?! Великая вещь случай, знаете!

Елена. Но – снимите ваш галстук... она не любит красного...

Чепурной (усмехаясь). А я нарочно надел, чтоб подразнить ее... Теперь уж все равно, красный или зеленый... все равно! Без галстука не можно... (Идет.) Спасибо вам! (Егор в дверях столовой, растерянный, всклокоченный.) А! Знакомый... ну, давай руку! Помиримся! Вот так! Эх ты... Илья Муромец!..

Елена (Егору). Сейчас, я скажу...

Егор (глухо). Барыня, погодите...

Елена. Что такое?

Егор. Жена захворала...

Елена. Что с ней?

Егор. Тошнит...

Елена (тревожно). Давно?

Егор. С утра... Все вас зовет... Позови, говорит, барыню... а то издохну...

Елена. Что же вы не позвали?.. Эх вы...

Егор. Стыдно было... Скандалил я тут...

Елена. Глупости... Я иду к ней...

Егор. Погодите – я боюсь...

Елена. Чего?

Егор. Может, холера...

Елена. Вздор! Бояться нечего...

Егор (просит и как бы требует). Елена Николаевна, вылечите ее!

Елена. Надо доктора... Вы поезжайте сейчас...

Егор. Не надо доктора... не верю я! Вы сами...

Протасов (выходит). Ага! Вы здесь, воин:

Елена (быстро). Павел, подожди! У него жена заболела...

Протасов. Вот видите, колотили вы ее...

Елена. Он думает, холера... Я иду туда, а ты...

Протасов (тревожно). Ты – туда? Нет, Лена, пожалуйста... Почему ты?

Елена (удивлена). А почему – нет?

Протасов. Но, Лена, если холера...

Егор (глухо рычит). Значит, помирай? Просто! Али мы не люди?

Елена. Перестаньте, Егор... Павел, как ты неловко...

Протасов. Что ты понимаешь, Лена? Ты не врач. И это не шутка... это опасно!

Егор (злобно). А которые издыхают, тем не опасно?

Протасов (Егору). Прошу не рычать на меня!

Елена (укоризненно). Павел! Идемте, Егор.

Протасов. Я тоже иду... Это безрассудно, Лена...

(Все трое – Егор впереди – идут в столовую. Слышны их голоса.)

Елена. Возвратись и позови по телефону карету.

Протасов. Нужен – доктор, а не ты! Что такое ты? (Возвращается, взволнован.) Что такое она, в данном случае? Нянька! Черт возьми! Меня не пустила... Фима! Или нянька! Вы умерли? Фима! (Вбегает Фима.) Я кричу, как зарезанный... а вы изволите любоваться своей наружностью...

Фима (обиженно). Вовсе нет, я ножи чистила...

Протасов. Бросьте ножи! Идите к Егору...

Фима (решительно). Я туда не пойду-с...

Протасов. Почему? Там барыня...

Фима. Все равно-с!

Протасов. Но – почему?

Фима. Там холера-с!

Протасов (передразнивая). Ага! Холера-с! А вот барыня – пошла-с!

(Звонок.)

Фима. Звонок-с!

Протасов. Да-с! Отоприте-с! (Фима убегает. Протасов вслед ей.) С-с-с-с! Свистит, как змея... Да, телефон... черт! (Мелания входит.) А, это вы! Знаете новость: на дворе у нас холера, – забавно! И Елена пошла лечить, а? Нравится вам это?

Мелания. Ай-яй-яй! И у вас – тоже. У соседа моего, полковника, повара вчера увезли... А Елена Николаевна – пошла туда!.. Зачем же это она!

Протасов. Неизвестно! Тайна сия велика есть...

Мелания. Как же вы ее отпустили?

Протасов. Как? Не знаю... Да, телефон... (Убегает к себе.)

Фима (из столовой). Здравствуйте, Мелания Николавна!

Мелания (недоброжелательно). А... здравствуй, красавица...

Фима. У меня к вам большая просьба есть...

Мелания. Какая же это?

Фима. Замуж я выхожу...

Мелания. Так...

Фима. За почтенного человека... очень почтенный!

Мелания. Кто же это?

Фима. Сосед ваш...

Мелания (вскакивает, изумленная). Неужто – полковник?

Фима (скромно). Нет, где же мне! Кочерин, Василий Васильевич...

Мелания. Ах он, старый черт... тьфу! Да ведь ему скоро шестьдесят лет... В ревматизмах весь... И как ты,

Ефимья, решаешься? А впрочем, деньжищи... Эх ты, девушка... жалко мне тебя! Брось-ка... ну его и с деньгами!

Фима. Я уж решилась... И все слажено...

Мелания. Да? Жаль. А от меня чего надо?

Фима. Как я сирота, из воспитательного, не пойдете ли вы в посаженные матери ко мне?

Мелания (показывает ей кукиш). Натё-ка, выкусите! Вы меня за сколько Елене Николаевне продали?

Фима (растерялась). Я-с?

Мелания. Да-с, вы-с! Что?

Фима (оправилась). Очень жаль... Я думала, как вы сами себя старику продали...

Мелания (подавлена). Как? Как – ты?..

Фима. А то, может, уж и мне поможете в этом же...

Мелания (глухо). Не смей!..

Фима (спокойно и жестко). Вы сами должны понять, что так себя устроить все же лучше, чем на улицу выходить... Хоть один будет, а не сто...

Мелания (в ужасе, тихо). Иди... иди вон... я тебе дам... я дам денег... иди! Иди прочь... дам!

Фима. Благодарю вас! Когда дадите?

Мелания. Уйди... нет со мной!

Фима. Я сегодня вечером приду к вам... Не обманите...

Мелания. Нет!.. Уйди, Христа ради!

(Фима, не торопясь, уходит. Мелания грузно валится в кресло и плачет и как-то рычит от боли.)

Протасов (из своей комнаты). Она не воротилась, нет? Что это вы? Что с вами?

Мелания (встает на колени). Святой человек, спаси рабу!

Протасов (изумлен). Как вы сказали? Встаньте... Зачем вы?

Мелания (обнимает его ноги). Утопаю в грязи... в подлости своей утопаю; подай руку! Кто лучше тебя на земле?

Протасов (испуган). Позвольте... так – я упаду! И – не целуйте брюки... что вы?

Мелания. Сделала я поступок, изгадила себе душу, – очисти! Кто, кроме тебя, это может?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Протасов (стараясь понять). Вы – сядьте... то есть, встаньте! Теперь сядьте, да!
Что вы хотите?..

Мелания. Возьми меня к себе! Позволь около жить, только бы видеть тебя каждый день... слышать тебя... Я – богата, все возьми! Выстрой себе кабинет для науки твоей... башню выстрой! Взойди на высоту и живи... а я внизу, у двери, день и ночь буду стоять, и никого к тебе не пущу... Все мои дома, земли – всё продай... и всё возьми себе!

Протасов (улыбаясь). Позвольте... это однако идея! Черт побери! Какую можно устроить лабораторию!..

Мелания (рада). Да, да! И возьми меня, чтобы я всегда видела тебя... Не говори со мной, не надо! Только посмотри на меня иногда... только улыбнись мне! Была бы у тебя собака... ведь ты улыбался бы ей... ласкал бы ее иногда?.. Так вот я буду... вместо собаки!

Протасов (озабочен). Подождите... зачем же так? Это странно... не нужно! Я, знаете, сильно поражен... разве я мог ожидать, что вас так увлечет?..

Мелания (не слушая). Ведь я – глупая, я – тупая, как бревно! Книжки твои – не понимаю я... Ты думаешь, читала я их?

Протасов (теряется). Нет? Но – что же тогда?..

Мелания. Милый! Целовала я книжки... Взгляну в нее, а там такие слова, никто, кроме тебя, и понять их не может... И целую...

Протасов (смущен). Вот отчего пятна на переплетах... Но – зачем же целовать книги? Это уж какой-то фетишизм...

Мелания. Пойми, люблю тебя! Так хорошо около тебя, чисто, ясно! Божий человек, люблю тебя...

Протасов (негромко, пораженный). Позвольте... то есть, как это?

Мелания. Как собака! Не могу я говорить, молчать могу... и много лет молчала, а у меня с души кожу сдирали...

Протасов (у него возникает надежда, что он ошибся). Вы... извините меня! Я не могу поймать вашу основную мысль... Может быть, вам... более удобно поговорить об этом с леной?

Мелания. Говорила я с ней... Прекрасная она... она знает, что ты не любишь ее...

Протасов (вскочив). Как – не люблю? Ишь вы...

Мелания. Она – все знает, все чувствует... хорошая она! Но – зачем два огня вместе? Она – гордая...

Протасов (снова теряется). Знаете, все это... такая путаница! То есть, никогда я не чувствовал себя так нелепо...

Мелания. А как буду я с тобой... как будешь ты моим...

Протасов (немного раздражен). Что-о? Как это – моим?

(Смотрит на нее и негромко, почти со страхом.) Мелания Николаевна... нужно объясниться! Вы извините меня... я ставлю вопрос прямо... Вы, может быть, влюбились в меня?

Мелания (тоже несколько секунд смотрит на него и – упавшим голосом). А про что же я говорю... родной мой! Про это я и говорю.

Протасов. Да?.. Извините... я думал... я думал, вы не так...

Мелания (тихо). Так, что вот обезумела...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Протасов (нервно бегая по комнате). Я, конечно, очень благодарен... очень тронут...
Но, к сожалению... ведь я – женат... нет, не то! Видите ли... сразу это нельзя
разрешить... да! Но, знаете, не нужно, чтобы это знала Лена... мы уж как-нибудь одни
разберемся...

Мелания. Да она знает...

Протасов (почти с отчаянием). Что – знает?

(Чепурной и Лиза идут сверху по лестнице. Молча проходят через комнату на
террасу. Чепурной – угрюмо спокоен. Лиза – взволнована.)

Мелания (тихо). Ой, идут! Тише... брат!

Протасов (сестре). А... гм! Вы... идете?

Чепурной (глухо). Идем...

(Пауза.)

Протасов (очень искренно и просто). Мелания Николаевна! Согласитесь, тут такое
исключительное положение... невозможное положение... Вероятно, я вам смешон... и это
обижает вас... Но, милая, хорошая моя... это так странно и – так не нужно мне!

Мелания. Не нужно?

Протасов. Нет!.. Простите меня... И я должен сказать все это Лене... И – потом – я
уйду... она все там еще... это меня беспокоит... И я не могу не сказать ей... Вы не
сердитесь... (Идет к себе. Мелания – тихо за ним... Потом возвращается, растерянная,
жалкая.)

Мелания (про себя). Не дошло до него... Стыд-то какой...

(Елена входит в дверь с террасы.) Милая вы моя! Пожалейте дуру...

Елена. Что такое? Вы... сказали Павлу?

Мелания. Все сказала...

Елена. И – он? Что же?

Мелания. Все слова мои... вся любовь моя – все упало, как пыль на воду...

Елена (просто, искренно). Мне больно за вас... Что он говорил?..

Мелания. Не знаю... Ничего не пристало к нему... не дошло ему до сердца! Видно,
огонь грязью не запачкаешь... На колени становилась я... не понимает...

Елена. Я говорила вам – подождите! Сначала нужно было мне спросить его...

Мелания. А я про вас подумала: обманет... Всё я отдавала ему... все деньги, цену
души моей, на поругание проданной... не принял! Кто еще не принял бы? Только он...

Протасов (выходит со шляпой в руке). Елена, – ванну! Немедленно! И все долой с
себя, в печку! Фима!.. Ванну! Эта фима, черт бы ее побрал, миф какой-то, а не
горничная...

Елена. Не суетись так... Ванна – готова, и я все сделаю.

Протасов. Иди! Пожалуйста... Холера – это не шутка...

Елена (уходя). Иду, иду...

(Протасов, проводив жену, боязливо, исподлобья смотрит на Меланию. Она сидит,
как виноватая, низко опустив голову.)

Протасов (ходит). Д-да... какой сегодня пасмурный и вообще... неприятный день!

Протасов. Да. И эта холера... так несвоевременно...

Мелания. Действительно... вдруг...

Протасов. А тут еще у меня холодильник сломался...

Мелания. Павел Федорович, простите меня!

Протасов (опасливо). То есть, как это? Что именно вы хотите сказать?..

Мелания. Забудьте все... все, что говорила я вам... Забудьте!

Протасов (радостно). Нет, – серьезно?

Мелания. Серьезно... Глупая... дерзкая я...

Протасов. Мелания Николаевна! Я вас очень люблю... то есть, уважаю! Вы удивительно непосредственный и цельный человек! Вы так горячо интересуетесь всем... Но – голубушка моя! – это лишнее... то есть, все, что вы говорили мне, это не нужно! Будемте добрыми друзьями... вот и все! Все люди должны быть друзьями... так?

Мелания. Стыдно мне смотреть на вас...

Протасов. Оставим это... Вашу руку!.. Вот чудесно! Нет, знаете, как хороши люди! Сколько в них простоты, ума и такой славной способности понимать друг друга... Люблю людей, – изумительно интересные существа!

Мелания (усмехаясь). Я не видала людей-то... я среди торговцев жила... муж у меня мясом торговал... Вот только у вас увидела, что люди есть... и сейчас же покупать стала...

Протасов. Как вы говорите?

Мелания. Не слушайте меня... так это я...

Протасов (оживленно). Знаете что? Давайте выпьем чаю?!

Мелания. Хорошо... Я к Елене Николаевне пройду... оправлюсь хоть...

Протасов. А я – распорядюсь насчет чая! У меня, знаете, холодильник сломался, черт его возьми, а у Егора – жена заболела; починить некому, и я сегодня – не могу работать... (Смеясь, идет к себе.)

Мелания (вслед ему, с глубоким чувством). Дитя ты мое милое... дитя мое прекрасное... (Идет к Елене. Антоновна из столовой, раздраженная. Ворчит.)

Антоновна. Как Мамай прошел по дому... натека, поглядите! Разбросано все, растворено... Уйти нельзя... Только у мертвеньких и порядок... на кладбище-то... Только там, видно, и спокой... (В дверь с террасы входят Лиза и Чепурной.) Лизонька, лекарство и молоко... Лиза (раздраженно). Молчи! Иди...

Антоновна. Натек-ка! (Уходит.)

Чепурной. Значит, кончено?

Лиза. Да, Борис Николаевич!.. Больше ни слова об этом, никогда!

Чепурной. Так... Я ведь сегодня потому заговорил, что, показалось мне, ошибаетесь вы...

Лиза. Нет! Не болезнь мешает мне... я не боюсь се... Но – не могу я... не хочу я иметь детей... Никто не спрашивает себя, зачем рождаются люди? Я спросила... Для личной жизни – нет места на земле тому, кто не имеет силы всю жизнь земли сделать личной, своей... Так вы – уедете, да?

Чепурной (спокойно). Хорошо...

(Вагин идет с террасы.)

Лиза. Вам лучше будет... И не носите красных галстуков... это вульгарно! Как мне жаль, что именно сегодня вы – в красном:

Вагин. Вот день! Точно в октябре...

Чепурной. Денек задался скверный.

Лиза. Вы куда думаете ехать?

Чепурной (спокойно). Я? А в Могилевскую губернию...

Лиза (тревожно). Почему... именно в эту?

Чепурной. У меня там знакомых много...

Вагин. Уехал в Могилевскую губернию, – так каламбуристы говорят иногда о покойниках...

Лиза (вздрагнув). Что это вы? Фуй...

Вагин. Вы испугались каламбура? Уж не думаете ли вы, что Борис Николаевич – умрет? Разве только застрелится...

Лиза (укоризненно и тревожно). Зачем вы говорите так?

Вагин. Спешу успокоить вас: не знаю случая, чтобы ветеринар застрелился...

Антоновна (из столовой). Лизонька, иди чай наливать...

(Лиза молча идет.)

Вагин. Грешный человек, люблю позлить ее... Интересничает она своей скорбью о мире... Скучнейший народ эти страдальцы за муки мира... И мне органически враждебно все нездоровое...

Чепурной. Что ж вы ту картину – «К солнцу идут» или как оно? – будете писать?

Вагин. Непременно! Великолепная тема, а? Кстати – мне нужно бы вас для нее...

Чепурной (удивлен). Меня? Где ж мне там место? На дне корабля?

Вагин (всматриваясь). У вас над глазами есть одна такая упрямая складка... это очень характерно! Вы ничего не будете иметь, если я сейчас схвачу ее?

Чепурной. Хватайте...

Вагин (вынимает альбом). Роскошно... я – в минуту!

(Рисует.)

Чепурной. Вы анекдоты любите?

Вагин. Очень! Если они не глупые...

Чепурной. Так вот я вам расскажу один...

Вагин. Пожалуйста... А я, когда рисую, молчу...

Чепурной. Я слышу, как вы молчите... Вот оно как было: когда-то через Ламанш, из Дувра в Кале, ехало английское посольство, и был на корабле француз. Хвастались, кто лучше: англичане или французы? Англичане говорят: мы везде! А француз говорит: нет! В этом проливе наших дипломатов много утонуло, а вот английских – ни одного! Тут молодой англичанин из посольства прыгнул за борт – гоп! – и утонул...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Вагин (после паузы). Ну? И что же?

Чепурной. Больше ничего...

Вагин. Это – весь анекдот?

Чепурной. Весь... Чего ж вам? Захотел человек поддержать честь нации и – утонул!

Вагин. Ну, знаете, ваш анекдот хоть и морской, а не солон...

Чепурной. А хорошо вы галстух завязываете...

Вагин. Нравится? Это одна дама научила...

Чепурной. И цвет хороший...

Протасов (входит). Здесь рисуют? А Лена ещё не выходила? Знаешь, Дмитрий, она сегодня возилась с холерной...

Вагин. Что-о?

Протасов. Да, да! С женой моего слесаря! Каково?

Вагин. По меньшей мере, неразумно! И как ты позволил?

Елена (выходит). Разве мне можно не позволять?

Вагин. Но ведь это же... не ваше дело!

Елена. Почему? Если я хочу его делать, значит, мое...

Вагин. Вы и... черт знает что!

Протасов. Нет, она молодец! Хотя я боялся за нее... Ты выпила капли, да?

Вагин (кончил рисовать). Вот и все... спасибо!.. Славная это черточка у вас...

Чепурной. Очень рад...

Лиза (из столовой). Идите же пить чай!

Вагин. Идем! (Берет под руку Чепурного, идут.)

Протасов (вполголоса). Лена, мне что-то нужно сказать тебе...

Елена. Сейчас?

Протасов (торопливо). Да! Знаешь, случилось что-то чрезвычайно нелепое! Мелания Николаевна – она ушла?

Елена (улыбаясь). Ушла...

Протасов. Ты подожди, не смейся! Она, кажется, знаешь, влюбилась в меня! Самым обыкновенным образом, – как это нравится тебе? Ей-богу, я – не подавал ей повода, Лена... чего ты смеешься? Нужно отнестись к этому серьезно... это так неприятно, если бы ты знала! Она тут плакала, поцеловала мне брюки... и руку, вот эту...

Елена (смеясь). Перестань, Павел:

Протасов (немного сердится). Ты меня удивляешь! Я же говорю, она серьезно. Она предлагала мне все свои деньги... хочу, говорит, жить с тобой! Понимаешь, говорит мне «ты»! Не подумай, пожалуйста... я не давал ей прав на это... И от нее почему-то пахнет селитрой... чего ты?

Елена (смеясь). Я не могу... это смешно... ты – смешной!

Протасов (несколько обижен). Почему? Это – тяжело, а не смешно... это нелепо! я

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiуmaxim.ru так испугался... что-то говорил ей, а в голове у меня все перевернулось кверху ногами... Она очень серьезно, заметь! Да, – она говорила еще, что ты все знаешь, но что именно, – я не понял... Сначала я не хотел тебе говорить об этом...

Елена (ласково). Я все знаю... славный ты мой!

Протасов. Знаешь? Как же... что же ты меня не предупредила...

Елена (как бы вспомнила что-то и – сухо). Давай оставим это до вечера...

Протасов. Да, хорошо... я хочу чаю... Но если ты знаешь, я рад! Значит, ты сама и распутаешь все это, – да?

Лиза (из столовой). Лена! Пойди сюда...

Елена. Иду...

Протасов. Так уж ты возьми все это на себя...

Елена. Хорошо... не беспокойся!.. Идем...

(Идут.)

Протасов. Знаешь, когда я поднимал ее с пола, то подмышками... (Доканчивает шепотом.)

Елена. Фи, Павел! Как грубо...

(Сцена несколько секунд пуста. Из столовой доносится говор и звон посуды. Выходит Чепурной – со словами: «Ну, я здесь покурю»... Проходит к окну, заложив руки, за спину. Вынимает изо рта папиросу, смотрит на нее и вполголоса поет.)

Чепурной. «Ночевала тучка золотая...» (Голос у него вздрагивает и срывается.)
Э-гм... «Но-очевала тучка золотая...»

Вагин (выходит). «На груди утеса великана...» И меня изгнали, – не велят курить...

Чепурной. Так вы любите анекдоты?

Вагин. У вас есть еще один скучный?

Чепурной. Я вам другой сочиню... А теперь – пойду себе до дому...

Вагин. А когда же анекдот?

Чепурной. Завтра! Дождь идет... Чи бул у меня зонтик, чи не бул? – как говорил, бывало, Гамлет, принц датский... Прощайте!

Вагин (задерживая его за руку). Вы куда-то уезжаете, я понял?

Чепурной (усмехаясь). Да, еду... Надо поехать...

Вагин (тоже улыбаясь). Ну, счастливой дороги! Вы мне почему-то очень понравились сегодня...

Чепурной. Спасибо...

Вагин. Вы сегодня похожи на влюбленного... скажите, вы влюблялись когда-нибудь?..

Чепурной. А как был студентом, то к хозяйке моей квартиры слабость имел, и даже объяснил ей это...

Вагин. Красивая?..

Чепурной. Это трудно было понять... она уже лет пятьдесят имела в то время... А когда я объяснил ей, она за квартиру три рубля в месяц лишних накинула.

Вагин (смеясь). Серьезно?

Чепурной. Да уж так... Ну... прощайте ж! (Смеясь, уходит в столовую. Вагин задумчиво смотрит вслед ему, потом ходит по комнате, курит, мурлычет что-то и потряхивает головой. Антоновна – из комнаты Елены.)

Антоновна (ворчливо). А я думала, – это тот выхаживает...

Вагин. Кто – тот?

Антоновна. Хохол. Где он?

Вагин. Ушел домой...

Антоновна. Только и знает: придти, чаю попить да уйти... А девушка истомилась вся... ночей не спит... Хоть бы вы ему сказали, что ли уж...

Вагин. Какая девушка? Почему она не спит? И что надо сказать девушке?

Антоновна. А ну вас... Одна у нас в доме девушка... Она в годах... чего ее без толку тревожить? И так вся изболела... А вы все тут ходите да разговариваете, и никому нет дела, что человеку так, может, трудно, хоть руки на себя наложить... (Идет в столовую.)

Вагин (крепко потирает лоб, задумывается, потом встряхивает головой, как бы приняв некое решение).

Протасов (с книгой в руке). Вот я...

Вагин (неприятно). Какое у тебя самодовольное лицо!

Протасов (удивлен). Ты за этим звал меня?..

Вагин. Мне нужно поговорить с тобой...

Протасов (зевает). А-а... Сегодня все хотят говорить со мной... Я уже много слышал необычного, и – ни одного слова путного...

Вагин. Вот я тебе скажу нечто путное...

Протасов (смотрит в книгу). Не будь самонадеян...

Вагин. Положи книгу...

Протасов. Куда? То есть, зачем?

Вагин. Куда-нибудь... Дело вот в чем... я люблю Елену Николаевну...

Протасов (спокойно). Вот удивил! Как же ее не любить?

Вагин. Я люблю ее, пойми! – как женщину...

Протасов (спокойно). Ну, и что ж? (Спохватившись, вскакивает.) А... а она? Она – знает? Ты сказал ей? Что она ответила?

Вагин. Да... она знает...

Протасов (тревожно). Ну? Что ж... она ответила?

Вагин (смущенно). Ничего... определенного... пока...

Протасов (рад). Ну, конечно! Я же знал это... разумеется...

Вагин (сдержанно). Подожди... дело, собственно, в том, что ты скверно относишься к ней...

Протасов (изумленно). Я? Как? Когда?

Вагин. Ты – игнорируешь ее... Ты убил в ней любовь к тебе...

Протасов (испуган). Это... она говорит?

Вагин. Это я говорю...

Протасов (обиженно). Позвольте, господа! Что вы сегодня – с ума все сошли? Один говорит: я не люблю Лену; другой: она меня не любит... что это такое? Вы совершенно невменяемы... и с вами, наконец, потеряешь голову! А она молчит... она – не говорит! При чем здесь вы? Ничего не понимаю!

Вагин. Павел, мы с тобой друзья с детства... я люблю тебя...

Протасов. Если можешь, прибавь к твоей любви немножко деликатности... да! И предоставьте вы человеку право говорить самому за себя... самому отстаивать свою свободу, свое достоинство... Когда он умеет делать это, он сделает лучше вас...

Вагин. А если – не умеет?

Протасов. Черт с ним тогда! Разве это человек?

Вагин. А – не хочет?

Протасов. Не хотеть – невозможно... Ты, Дмитрий, извини меня! Как все художники, ты несерьезен... Еще вчера ты молчал, а сегодня – вдруг! – я люблю ее...

Вагин. С тобой нельзя говорить... Впрочем, я сказал все, что нужно было... Я – ухожу...

Протасов. Нет, подожди... я позову Лену... Лена!

Вагин (тревожно). Что ты? Зачем?

Протасов. Зачем? Лена! Пусть она при тебе скажет, в чем дело. Лена же! (Елена выходит.) Елена – вот! И он тоже, как эта Маланья, оказывается, влюблен... да! Но – он уже в тебя...

(Елена вопросительно и строго смотрит на Вагина.)

Вагин (волнуясь). Ну, да... что же? Я сказал ему, что люблю вас... что вам тяжело с ним...

Елена. Благодарю вас... Это так порывисто... и так молодо... очень молодо!..

Вагин (оскорблен). Я не заслужил иронии. Я не хочу враждебного чувства к Павлу... а оно зарождалось... Пускай я сделал глупо, бестактно, грубо... но мной руководили чувства товарища... и любовь... Я поддался порыву, который вызвали в душе моей слова няньки... мне захотелось чего-то... хорошего для вас, Елена Николаевна... И между такими людьми, каковы мы, все должно быть просто и ясно...

Елена. Я благодарю вас...

Протасов. Я ведь ничего не сказал обидного для тебя, Дмитрий?

Вагин. Нет! Я – уйду... до свидания...

Елена. Вы придете завтра... да?

Вагин (уходит). Да... вероятно...

Протасов (вопросительно смотрит на жену). Ну, Лена? Что это? Как ты относишься к этому?

Елена. А – ты?

Протасов. Хорошо, что ты спокойная такая... ф-фу! Вот день! Он объяснялся с тобой?

Елена. Да, объяснялся...

Елена. Именно это и прочее...

Протасов. Ишь, какой... художник! Ну, а ты что же говорила?

Елена. Много... разное...

Протасов. Но – ты сказала ему, что любишь меня?

Елена. Нет, не сказала...

Протасов. Это – напрасно. Надо было сказать... нужно было сразу сказать: я люблю Павла, то есть мужа! После этого он, разумеется, должен был бы... мм... н-да! Ну, это я уж не могу решить, как бы он поступил в данном случае... да это, в сущности, и неважно!..

Елена. А что, по-твоему, важно?

Протасов. Чтобы подобный факт не повторялся...

Елена. Павел! Ты говорил о нем и кое-что даже пытался решать за него... ты выразил желание, чтобы... все это впредь не тревожило тебя... а где же я?

Протасов (беспокойно). То есть как? Что ты хочешь сказать?

Елена. Немного. Я чувствую, что не нужна тебе. В твоей жизни я не играла никакой роли. Ты далек и чужд мне. Кто я для тебя? Ты никогда не спрашивал, чем я живу, что думаю...

Протасов. Не спрашивал? Но... мне некогда разговаривать, Лена! И почему ты сама не сказала...

Елена (гордо). Я не хочу просить, как нищая, того, что я должна иметь по праву моему, человека и жены твоей... Я не могу просить, а требовать я не хотела... зачем насилие?..

Протасов (с отчаянием). А, черт возьми, как это тяжело! Как ненужны все эти недоразумения... объяснения... как они обидны!

Елена. Ты – не волнуйся. Видишь ли, я решила уйти от тебя... решила это твердо, и мысленно уже простилась с тобой...

Протасов (поражен). Лена – нет! Куда уйти? Зачем? Ты... любишь Дмитрия? Да? Да?

Елена. Нет. Не так, чтоб быть его женой...

Протасов (радостно). Как это хорошо! Но все-таки меня-то ты уже не любишь? Скажи! Скорее, Лена!

Елена. Зачем тебе знать это?

Протасов (искренно). Ах, да ведь я тебя люблю...

Елена. Полно, Павел...

Протасов (убежденно). Честное слово, Лена! Но мне так некогда... Послушай, ведь это несерьезно у тебя!.. Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! Ведь если ты уйдешь, я буду думать, где ты, что с тобой... а мои работы? Ты меня изувечишь, Лена... как же мои работы? Ведь или работать, или думать о тебе...

Елена (с горечью). Проверь свои слова: ни слова обо мне... ни одного слова, мой друг!

Протасов (опускаясь на колени). Как ни слова? Да я же говорю, что не могу жить без тебя!.. Лена, пусть я виноват, – прости меня! Не мешай мне жить... жизнь – коротка, а в ней так много интересной работы!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена. А для меня? Что в ней есть для меня? (Прислушиваясь.) Подожди...

(На лестнице шаги, торопливые и громкие. Протасов пугливо вскакивает. Сбегает Лиза, ее глаза широко открыты и в них – ужас. Шевелит губами, делает знаки руками, – не может говорить.)

Протасов. Лиза! Что ты?

Елена. Воды! Дай воду!

Лиза. Нет! Послушайте... сейчас случилось несчастье... Поверьте мне, я знаю... такая тоска, вдруг... сердце точно умирает! Случилось несчастье где-то... с кем-то близким...

Елена. Полно, успокойся... тебе почудилось...

Лиза (кричит). Поверьте мне... поверьте! (Падает на руки брата.)

Занавес

Действие Четвертое

Обстановка второго действия. Полдень. Позавтракали, подан кофе. Роман, в красной рубахе, чинит решетку сада. Луша, стоя у террасы, смотрит на него. В комнатах смеется Протасов.

Луша. Ты какой губернии?

Роман. Рязанской.

Луша. А я – калужская...

Роман. Ничего... что же?

Луша. Страшный ты больно...

Роман (ухмыляется). Чего – страшный? Что борода? Это ничего! Я вдовый... жениться надо...

Луша (подходя ближе). А правду в лавочке говорили, будто барин-то мой чернокнижник?

Роман. Может, и чернокнижник... Господа – они способные...

Луша. Боюсь я... больно они все ласковые... такие ласковые, – будто и не господа!

Роман. Вот тоже, которые деньги фальшивые делают...

Луша. Ну?

Роман. Ну, ничего... В каторгу за это их...

(Протасов и Лиза выходят из комнат.)

Протасов. Вот и чудесно! Пей свое молоко...

Лиза (с гримасой, устало). Зачем этот мужик в красном?

Протасов. Так ему нравится... Знаешь, Лена – это такая славная, умная женщина...

Лиза (мешает ложкой молоко). Да?

Протасов (ходит по террасе). Да, Лиза, да! Поверь мне... А это вот новая горничная... вот какая! Вас как зовут?

Луша (робея). Нас? Лукерьей...

Протасов. Ага... Лукерья... гм! Вы – грамотная?

Луша. Нету... Молитвы знаю...

Протасов. А... вы – замужняя?

Луша. Нет еще... девицы мы...

Протасов. Вы, очевидно, прямо из деревни?

Луша. Прямо... мы прямо...

Протасов. Это хорошо... ну, вот, живите у нас... мы люди простые... у нас, знаете... забавно!

Лиза (улыбаясь). Какой ты всегда смешной, Павел...

Протасов. Смешной? Ну, что ж!.. Знаешь, Лиза, вот и Лена говорит тоже... ты, вообще, права... Мы все действительно далеко стоим от простых людей... и надо что-то делать, надо, чтоб они подошли ближе к нам... Елена прекрасно говорила об этом... так просто, доказательно... Я – поражен, такое богатство ума и сердца было около меня, а я не знал! И не умел пользоваться. Во мне, очевидно, есть что-то тупое, ограниченное...

Лиза. Полно! Просто ты не замечаешь людей...

Протасов. Да, да! Что-то есть. Вчера, когда мы тебя уложили, я часа три говорил с Леной... Потом мы... послали за Дмитрием... Ты знаешь, он... ах, да об этом не надо говорить...

Лиза. О чем?

Протасов. Да... там... Дмитрий будто бы влюбился в Елену... то есть, это он же сам и говорит... Но я ему не верю... и она тоже... Елена великолепно говорила с ним... знаешь, как умная и любящая мать... И это было трогательно... так что все мы плакали... Знаешь, Лиза... как легко и приятно жить, если люди понимают и уважают друг друга! Мы все трое будем друзьями...

Лиза (горько). Трое? А я?

Протасов. И ты, конечно! Разумеется, и ты... Мы все, Лиза, будем друзьями, будем работать, накопим для людей много сокровищ чувства и мысли, и, гордые сознанием, что вот мы – мы – сделали много важного и нужного для людей, уйдем из жизни, приятно усталые, спокойно примиренные с необходимостью уйти... Как это славно, Лиза! Как это ясно, просто!..

Лиза. Люблю, когда ты говоришь так... люблю тебя, и жизнь мне кажется такой, как ты ее рисуешь, – простой, красивой... Но когда я – одна... а я всегда одна...

Протасов. Не надо быть грустной, Лиза, а? Вчера тебе представилось... это все только больные нервы...

Лиза (пугливо). Не говори мне о болезни! Не говори... Дайте мне забыть ее... Мне это нужно, необходимо... Довольно... я тоже хочу жить... я имею право жить!

Протасов. Ты – не волнуйся... (Идет Елена.) Вот и Лена... вот моя Лена, мой добрый и немножко... суровый, строгий друг...

Елена. Ну, полно... не надо. (Указывает глазами на Лизу.)

Лиза (нервно). Елена! Ты ведь его любишь, да?

Елена (смущаясь). Ну да, конечно...

Лиза. Как я рада!.. А мне казалось...

Елена. Мне бывало порой тяжело... безумно тяжело! Ведь этот господин незаметно для себя и вовсе не желая – так может оскорбить...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лиза (возбужденно). Подожди!.. Я – тоже... я люблю Бориса Николаевича... Вчера я ему отказала... совсем, совершенно! А вечером мне вдруг почудилось, что с ним... произошло какое-то несчастье... какой-то ужас... с ним! Он ведь всех ближе мне... ближе всех вас!.. И вчера я узнала, что люблю его... что он мне нужен... и я не могу без него!..

Назар (кричит где-то на дворе). Роман!..

Роман (негромко). Чего?

Лиза. Он такой... упрямый! Ведь он славный... да?

Елена (целуя ее). Милая Лиза... желаю тебе счастья... немножко счастья – это так нужно всем нам...

Лиза. Какие у тебя горячие губы...

Протасов. Ну – поздравляю! Это, ты увидишь, – чудесно подействует на тебя! Нормальная жизнь – это очень важно! И Чепурной... он мне нравится!.. Он – несравненно умнее своей сестры...

Назар (кричит). Роман, черт!

Роман. Я говорю – чего?

Лиза. Теперь я спокойна... Мы с ним уедем в степь куда-то... он любит степь... Мы будем с ним одни – совсем одни! – ходить по зеленой пустыне... и все будет видно вокруг нас... все и – ничего!

Назар (выходит из-за угла дома). Роман! Я тебя зову или нет?

Роман. Я слышу... чего же?

Назар. Облом! Запри, ступай, ворота и калитку... Мое почтение, Павел Федорович!.. Как здравствуете?..

Протасов. Великолепно!.. Что это вы запираете?

Назар. Не слышали разве? Волнение идет в народе... по случаю болезни этой... народ так понимает, что болезни вовсе нет... а, дескать, господа доктора для практики... стараются...

Протасов. Какая дикая ерунда!..

Назар. Конечно-с... известно – народ! Так о нем и выражаются – подлый народ! Выдумывает все, по дикости своей... дескать, докторов много, работы – нет им... ну они и – того... На всякий случай – для охраны имущества и покоя – я и велел ворота запереть...

Протасов. Нет, положительно только у нас возможна подобная нелепость!

Назар. Что и говорить... Вчера будто одного доктора помяли...

Лиза. Какого? Фамилия... вы не знаете фамилии?

Назар. Не знаю-с...

Елена. Лиза!.. Что ты? Ведь Борис Николаевич не доктор...

Лиза. Да... он не доктор...

Елена. Идем отсюда... (Уводит ее в комнаты.)

Назар. Напугал я барышню-то... Павел Федорович! А что, господин Чепурнов не говорил с вами?..

Миша (является из-за угла). Папаша! Там подрядчик пришел... Честь имею!

Назар. А я скажу – до приятного свидания! (Уходит.)

Миша. Приятный день... не жарко...

Протасов. Да... приятно!

Миша. Позволю себе спросить вас: девушка у вас служила, – ушла она?

Протасов. Да, ушла...

Миша. Говорят, замуж она выходит, и будто за богатого?

Протасов. Не знаю... как мне знать?

Миша. А что она была – честная девушка?

Протасов. Безусловно! Только – неловкая... Очень много била посуды...

Миша. Н-да... скажите! Гм... А что, Павел Федорович, папаша мой ничего с вами не говорил о химическом заводе?..

Протасов (удивленно). О заводе? Нет! О каком, собственно, заводе?

Миша. А видите ли, есть у нас идея: выстроить химический завод, а вас взять управляющим...

Протасов. Позвольте... как это – взять? Что я – мешок? Вы несколько странно выражаетесь...

Миша. Пардон! Но – дело не в слове... оно глубже... Мы – то есть я и папаша – относимся к вам лично с большим вниманием...

Протасов (сухо). Весьма тронут...

Миша. Средства ваши нам известны, и мы знаем, что вскорости вам, вероятно, придется место службы искать... А служить – это так трудно... тем более – вам...

Протасов. Гм... да! Вы, пожалуй, правы...

Миша. Вот я и папаша, оценив ваши способности и знания, видя, что вы человек для компании удобный, решили сделать вам такое предложение: составьте нам смету на оборудование завода...

Протасов. Но – позвольте! – я совершенно не умею составлять смет... никогда не составлял! И техническая химия меня не интересует... Я очень благодарен за вашу любезность...

Миша. А техникой не интересуетесь?

Протасов. О, нет... это скучная вещь... это не для меня!

Миша (смотрит на него, сожалея). Вы – серьезно?

Протасов. Совершенно серьезно...

Миша. Очень жаль... Но вы – на мой взгляд – должны будете передумать... а пока – до свидания! (Уходит. Елена идет из комнат.)

Елена (тревожно). Павел...

Протасов. Что?

Елена. Мне кажется, Лиза серьезно заболела...

Протасов. Ну, это у нее всегда так после припадков... ничего! А я сейчас говорил с этим... сыном домохозяина... Такой антипатичный малый и представь себе! – обнаружил

Правда, в форме несколько грубой... но все-таки – предлагает составить какую-то смету и вообще...

Елена. И вообще хочет использовать тебя как орудие для своего обогащения... Я знаю их намерения, старик говорил со мной... Что это – тебе холодно?

Протасов. Почему? Нисколько!

Елена. Зачем же ты надел галоши?

Протасов (смотрит на ноги). Действительно... галоши! Когда это я их надел? Странно... Я не знаю, право, как это они...

Елена. Может быть, это новая горничная так подала тебе обувь... а ты не заметил...

Протасов. Да – ты ее, пожалуйста, не пускай ко мне... я ее – боюсь, она такая дикая! Еще перебьет у меня всё... или обольется чем-нибудь... Утром я застал ее: мочит себе голову перекисью водорода, – очевидно, думала, что это одеколон... (Берет ее за руки.) Милая моя Ленка, как ты меня вчера... измучила!

Елена. В несколько минут? А я мучилась месяцы-годы...

Протасов. Ну-ну, не надо...

Елена. Если б ты знал, как унизительно любить, когда не чувствуешь твоей любви! Ты делал из меня нищую... заставляя меня ждать твоего внимания и ласки... как это обидно – ждать ласки!.. Твоя душа – такая светлая... милая твоя голова много думает о великом, но мало о лучшем из великого – о людях...

Протасов. Все это – прошло, Лена!.. Все уже прошло... Только вот... Дмитрий... мне, право, жаль его... Кто-то звонит... ага! ворота заперты! Вероятно, Дмитрий... я бы хотел, чтоб это был Чепурной... ради Лизы, конечно!

Елена (плутовато). Ради Лизы? да?

Протасов. Ну, Лена... неужели ты меня подозреваешь в ревности и... прочее...

Елена (торжественно). О, конечно, нет! Ты? Ты, для которого, кроме науки...

Протасов. Вдруг я тебя побую, Ленка, а? (Хочет поцеловать ее. Видит к террасе идет Мелания. Сконфужен. Говорит озабоченно.) Ты, Лена... пришла... и у тебя на плече какое-то перо...

Мелания (улыбаясь виновато). Здравствуйте...

Протасов (преувеличенно рад). Мелания Николаевна! Вы... вас так давно не видать!

Мелания. Где же давно? Вчера была... а вы уже запомнили это?

Протасов. Ах... да! Нет, как же... я помню...

Мелания. А я думала, вы посмеетесь надо мной за вчерашнее-то...

Протасов (торопливо). Ну, что вы! Это – пустяки! (Спохватился.) То есть я хотел сказать, это с каждым может случиться... (Окончательно теряется.)

Елена. Ты уж лучше не говори, Павел...

Мелания (любовно и грустно). Эх вы...

Протасов. Д-да! Я уж... не буду! пойду... сниму галоши... Черт знает, зачем они?

Мелания (грустно усмехаясь). Вот он – пустяки, говорит... Я всю душу перед ним открыла... а он – это, говорит, со всяким может случиться... точно я на мозоль наступила ему!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена. Не обижайтесь на него, Меланья Николаевна!

Меланья (искренно). Голубушка моя! Мне ли обижаться на него? Я вот всю ночь не спала, все ходила по комнатам – думала: как это осмелилась я говорить с ним? Знаете что? Была у меня все-таки мысль: деньгами привлеку! Кто против больших денег устоять может? – думаю.. А он не соблазнился..

Елена. Забудьте это.. (Лиза медленно идет.) Ты что, Лиза?

Лиза (тоскливо). Бориса Николаевича нет?

Елена. Нет еще.. не приходил..

Лиза. Нет.. (Уходит в комнаты.)

Меланья. Не поздоровалась со мной.. И какая бледная!

Елена. Вчера припадок был..

Меланья. Опять? Бедняга.. Вы говорите, что-бы я забыла, – нет, не забуду! Не надо забывать: забуду, снова выкину что-нибудь эдакое же.. Родная вы моя! Ах, и подлая я бабенка! Нахальная, испорченная.. мыслей у меня немного, и все они – не прямые, а так, как червяки, – во все стороны виляют.. И не хочу я этих мыслей, не хочу!.. Я хочу быть честной.. надо мне честной быть.. а то я столько зла могу сделать..

Елена. Хотите, – значит, будете! Какой тяжелой, уродливой жизнью жили вы.. Вам надо отдохнуть, забыть о прошлом..

Меланья. Мне было тяжело.. Бог это знает! Как били меня.. но не бока, не щеки я жалею, – душу жалко! Душу исковеркали мне.. сердце мое выпачкали.. Верить в хорошее – трудно мне, а без этой веры – какая жизнь? Вон – Борис надо всем смеется, ни во что не верит.. что же он? Как пес бездомный.. Вот вы тогда сразу поверили мне. Удивилась я.. Обманывает, думаю.. А вы приласкали, разъяснили мне меня..

Елена. Будет, хорошая моя..

Меланья. И как вы хорошо, просто как.. Верно – не я, баба, люблю его, а я, человек.. Человека-то я в себе и не чувствовала.. в человека я не верила..

Елена. Как я рада, что вы поняли это!

Меланья. Сразу поняла. А все-таки дай, мол, попробую, может, и куплю себе забавного барина в мужья? Ведь вот подлая!

Елена. Не говорите так о себе.. Надо уважать себя, – без этого нельзя жить.. Мне приласкать вас хочется..

Меланья. Да, приласкайте! Подайте милостыньку Христа ради богатой бабе-торговке..

Елена. Не надо так, не надо! И – не плачьте..

Меланья. Ничего, пускай душа омоется.. Елена Николаевна, приютите вы меня.. Научите вы меня чему-нибудь доброму, хорошему.. Вы – умная, вы можете.. (Лиза идет.) Лизавета Федоровна, здравствуйте!

Лиза (молча подает руку). Он еще не пришел, Елена?

Елена. Нет. Что с тобой?..

Лиза. Нет?

Елена. Тебе нехорошо?

Лиза. Нет.. так, тоска.. Нет! (Идет в сад.)

Меланья. Кого она ждет?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена. Бориса Николаевича... Вы знаете: они жених и невеста...

Мелания. Вот – господи! Значит, я – родня Павлу-то Федоровичу буду? И – вам? Ах, Борис... Лиза-то... милая! Я пойду к ней, – можно?

Елена. Пожалуйста...

Мелания (оживленно, радостно). Нет, как все устраивается! Что-то уж очень хорошо... Дайте – я вас поцелую... (Антоновна выходит.) Пойду к ней, в сад... Здравствуй, няня, здравствуй, милая... (Идет.)

Антоновна. Здравствуйте... Чего же эта лошадь, новая-то горничная, не убирает со стола?... Взяли горничную из конторы... надо самим нанимать, а не через контору.

Елена (берет ее за плечи). Не ворчите, няня, сегодня такой светлый день...

Антоновна. Летом и должны быть теплые дни... а порядку – всегда время... Она вон, эта новая-то, как села давеча чай пить, так одна целый самовар и выхлебала... совсем как лошадь!

(Вагин идет.)

Елена. Вам жалко воды...

Антоновна. Воды мне не жалко... А вот сахар она грызет, как репу... да... (Идет в комнаты, захватив что-то со стола.)

Елена. А, здравствуйте, рыцарь...

Вагин (смущен). А руку поцеловать можно?

Елена. Почему же нельзя?

Вагин (вздыхая). Да так уж...

Елена. Как вы вздыхаете... О, страдалец...

Вагин (задет). Смотрю я на вас... и знаете, что мне приходит в голову?

Елена. Это – интересно... Что же?

Вагин. Вы пользовались мной для того, чтоб Павел обратил на вас свое милостивое внимание... Это ловко сделано!

Елена. Рыцарь! Какой тон... «Вы пользовались мной...» Что это? «Ловко сделано».

Вагин (с горечью). Вы дали мне урок, как мальчишке...

Елена (серьезно). Дмитрий Сергеевич... я не люблю слушать вздора...

Вагин (задумчиво и просто). Я чувствую, что сыграл какую-то... не очень умную роль... и это меня обижает... И вообще я плохо себя чувствую... после вчерашнего разговора... как-то голова не в порядке... Елена Николаевна, скажите мне правду...

Елена. Разве нужно просить меня об этом?

Вагин. Мне хочется спросить вас: вы никогда не увлекались мной?..

Елена. Как мужчиной – никогда! Как человека – я вас люблю серьезно и глубоко...

Вагин (усмехаясь). Это, должно быть, лестно мне? Не понимаю я людей... не понимаю!.. А вот я люблю всю вас... всю сразу! Вчера я почувствовал и понял, что женщина и человек так тесно спаяны, так неразрывно слиты в одно красивое, круглое целое... что мне и стыдно стало и жалко себя... И вчера я вас полюбил...

Елена (с досадой). Снова то же... зачем?

Вагин (просто и настойчиво). Да, полюбил! На всю жизнь... и ничего я у вас не

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
прошу... Вероятно, я – женюсь и прочее там... по положению, а любить буду вас...
всегда! И достаточно об этом... надоел я вам, да?

Елена (протягивает ему руку). Я верю вам... Мне кажется, вы говорите правду...

Вагин. А раньше – никогда не чувствовали этой правды в моих словах нет?

Елена (мягко улыбаясь). Нет, никогда. Ведь как это случилось? Однажды, не сдержав себя, я вам пожаловалась на свое одиночество... Вы так прекрасно, просто отнеслись ко мне... так чисто! У меня явилось большое, горячее чувство благодарности вам, а вы тогда – заметьте! – тогда лишь только! – заговорили о любви...

Вагин (вдумываясь). Тогда лишь?.. Вас это... оскорбило?

Елена (улыбаясь). Не знаю... может быть, немного...

Вагин (с досадой и грустью). Нет, я... не гениален, мягко говоря! Я глуп... не понимаю я людей!

Елена. Оставим это... а? и будемте хорошими друзьями!..

Вагин (усмехаясь). По рукам! Что ж?

Елена. Дайте вашу голову... (Целует его в лоб.) Будьте свободны: для художника свобода так же необходима, как талант и ум... Будьте правдивы... и не смотрите на женщин так плохо...

Вагин (тронут, но сдерживается). Дорогая моя, последнего не нужно бы говорить... Спасибо вам! Вы верно говорите – художник должен быть одинок... Свобода – ведь это одиночество, – не так ли?

Елена. Да... вероятно, так, мой друг...

Вагин. Павел идет... слышу его нелепые шаги... (Протасов входит.) Здравствуй, ты... соперник...

Протасов. А Мелания Николаевна ушла?

Елена. Она в саду с Лизой... позвать ее?

Протасов. Не финти, Ленка! Ты вон – взгляни: наша новая горничная собирает мыло есть... Я попросил ее развернуть кусок, а она сорвала бумажки, спрятала их в карман и потом – лизнула языком мыло...

Елена. Что такое? (Идет в комнаты.)

Вагин. Оставь ее... пусть каждый наслаждается, как может... А я тут снова объяснялся в любви Елене Николаевне...

Протасов (тревожно). Гм... Тебе, по-моему, уехать надо... Дмитрий... уехать! И все пройдет...

Вагин. Я и уеду... хоть знаю – не пройдет! Но ты не беспокойся...

Протасов. Я – ничего... Только – неловко как-то...

Вагин. Счастливым быть неловко? Это, вероятно, делает тебе честь... хотя это и глупо...

Протасов. Ты не сердись на меня, Дмитрий... Ведь это... Лена! Я не виноват... Что ж, если она меня любит, а не тебя...

Вагин (усмехаясь). О... как мило!

Протасов. Нет, Дмитрий, ты меня вчера ужасно подавил... ты лучше меня... да, да! Я – какая-то планета с неопределенной орбитой... вращаюсь около себя, куда-то лечу и – баста! А ты – вокруг солнца... ты в гармонии системы:

(Лиза идет из сада, за ней – Мелания. Елена – из комнат.)

Вагин. Ну, как я там возвращусь, это мне неизвестно... А тебе я советую возвращаться около жены... не теряй ее из виду...

Протасов. Как все-таки хороши люди!

Лиза (тоскливо). Нет еще?

Елена. Нет, дорогая моя... послать за ним?

Лиза. Не надо... нет... (Уходит в комнаты.)

Мелания (тихо и тревожно). Господа! Она как будто заговаривается... говорит все о степях, о пустынях...

Лиза (из комнат). Мелания Николаевна... где же вы?

Мелания (убегая). Иду, иду...

Елена. Павел, она меня серьезно беспокоит... нужно позвать доктора...

Протасов. Ну, что же... я поеду...

Антоновна (выходит). Вам, Дмитрий Сергеевич, письмо.

Вагин. Откуда?

Антоновна. С квартиры... немедленно чтобы...

(Уходит.)

Вагин. Ну, что такое? (Рвет конверт, читает. Сильно поражен.) Черт побери! Господа... Чепурной... слушайте!

Елена. Тише, тише, – Лиза... Что такое?

Вагин (подавленно). Уходя от вас вчера, он смеялся... шутил... честное слово! А теперь – вот... (Читает – невольно с малороссийским акцентом и подражая голосу Чепурного.) «А вот вам еще анекдот: ветеринар, и удавился... Тоже захотел поддержать честь корпорации, как тот англичанин. Спасибо вам за складку, приятно все же знать, что от тебя хоть какая-то морщина где-то осталась. Обращайте больше внимания на красоту галстука, это важно... Чепурной».

Протасов. Да это несерьезно же!

Елена. Тише! Какой анекдот? Что это? Может быть, шутка?

Вагин. Нет... едва ли... Он смеялся, черт возьми...

Лиза (быстро выходит, оглядывает всех). Пришел? Где он?

Елена. Он не приходил...

Лиза. А голос? Его голос?... Я слышала, он говорил сейчас... Что вы молчите? Где он?

Вагин. Это я... я говорил...

Лиза. Нет. Нет! Его голос...

Вагин. Я подражал ему... передразнивал...

Лиза. Зачем?

Вагин. Так...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Протасов. Видишь ли, мы тут болтали... вдруг...

Лиза. Что? Что вдруг?

Елена. Успокойся, Лиза...

Вагин. Я вспомнил его манеру говорить и сказал несколько фраз его голосом...

Лиза. Да? Это вы правду сказали? А почему они молчат? Павел, ты что? Что-то случилось, да? Милый Павел, ты не умеешь лгать... да? Что?

(Вагин незаметно уходит в комнаты.)

Протасов. Нет, Лиза... дело в том, видишь ли... это правда... то есть говорил Дмитрий...

Елена. Послушай, Лиза, милая...

Лиза. Елена, не трогай меня... Павел, ты должен мне сказать...

Протасов. Я ничего не знаю...

Лиза. Что нужно знать? Елена, пошли за ним... за Борисом... сейчас же!

Елена. Да, да, сейчас же! Успокойся...

Лиза. Нет, вы что-то лжете... А где Вагин? Он говорит с его сестрой... и у нее лицо... лицо...

Протасов (тихо, жене). Что делать?

Елена (тихо). Доктора... скорее...

Лиза. Я упаду... Держи меня, Елена... я упаду... Вы о чем шептались?

Елена. Как успокоить тебя... Павел...

Лиза. Куда он побежал? Елена, ради бога! Смотри мне в глаза... не лги, Елена, я умоляю... (Мелания из комнат, за ней – Вагин.) Куда вы? Где он, ваш брат? Борис?

Мелания. Я не знаю...

Лиза. Ну, сразу... говорите сразу, сразу – умер?

Мелания. Не знаю... не знаю я... (Идет к воротам.)

Лиза. Нет! Нет! Нет же! Да скажите мне что-нибудь... ведь у меня сердце разрывается! Ведь если он умер, это я, я его убила... о нет!

Вагин. Позвольте, что за мысль...

Миша (бежит к террасе и с оживлением, близким к радости, кричит). Господа! Вы знаете: ветеринар Чепурной...

Вагин (грозя кулаком). Молчать, вы!..

Миша...повесился!

Лиза (вырывается из рук Елены и спокойно, внятно). Вчера вечером, около девяти?..

Миша. Да, да... на раките, у речки... А я думал, вы не знаете... (Уходит.)

Лиза (широко открыв глаза, смотрит на всех и негромко, со странной важностью в голосе). Я это знала: помнишь, Елена? Я это чувствовала... (Тихо, с ужасом.) Нет! Нет! Ведь это не я... скажите, что не я убила... нет! (Кричит.) Я не хотела... нет!

(Вагин и Елена берут ее на руки и несут в комнаты. Она бьется и, все учащая темп, кричит только одно слово: «Нет». Из-за угла террасы, не торопясь, выходит

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Роман и заглядывает в комнаты. Оттуда выбегает Луша, испуганная.)

Луша. Послушай... как тебя? Рязанский... чего это они делают?

Роман. А чего?

Луша. Тащат барышню-то, а она говорит – нет!

Роман. Это она кричала?

Луша. Она... а они ее и потащили... боюсь я!..

Роман (философски). Чего ж она кричит?

Луша. Не знаю я... Вот так господа!

Роман. Кричать-то, пожалуй, не надо бы... не велят это...

Миша (поспешно является из-за угла). Кто это кричал?

Роман (кивая головой на Лушу). Вот у них:

Луша (отмахиваясь). Чего ты на меня? Это – у господ...

Миша (строго). Кто кричал?

Луша. Барышня.

Миша (присматриваясь к ней). Отчего?

Луша. Они ее тащили...

Миша. Кто?

Луша. Они... которые... там...

Миша (хлопая ее по плечу). Эх ты... колода дубовая!

(Идет на террасу, Антоновна навстречу.) Что у вас случилось, няня?

Антоновна. Припадок, с барышней...

Миша (Роману и Луше). Вот видите, черти! (Роман медленно отходит к изгороди сада и там снова начинает возиться). Отчего это, няня, а?

Антоновна. От господа... всё от него!

Миша (коварно улыбаясь). А может быть, от ветеринара? (Удовлетворенный, исчезает. Антоновна укоризненно смотрит на него и, вздохнув, говорит с сожалением.)

Антоновна. Дурачок... Лукерья, – ты чего же тут делаешь? Иди в комнаты...

Луша. Нянька, – это какой припадок-то? Черная немочь, что ли?

Антоновна. Да, да! А ты – иди...

Луша (идет). Ну, черная-то немочь – ничего! Я видела... А напугалась я, как потащили барышню-то...

(Роман что-то мычит. Вагин выходит из комнат, нахмуренный. Прохаживается по террасе, поглядывая на Романа. Вынимает альбом, карандаш.)

Вагин. Эй, дядя!

Роман. Это я?

Вагин. Ты. Постой так...

Роман. Для чего?

Вагин (рисует). А вот... я тебя нарисую...

Роман. Ишь ты... Порчи мне от этого не будет?

Вагин. Двугривенный будет.

Роман. Ну, это ничего...

Вагин. Голову выше подними...

Роман (задирая голову). Можно...

Вагин. Ниже... куда ты?

Роман. Али хорош показался?

Вагин (сквозь зубы). Недурен...

(Пауза. Из комнат порою доносится стонущий, звук. Где-то далеко на улице – смутный шум. Идет Мелания.)

Вагин. Ну? Что?

Мелания (глухо). Видела... Страшный... синий... Язык высунул и... точно насмехается... страшен! Как лиза-то?

Вагин (угрюмо). Вот – слышите?

Мелания. Что это началось? Так хорошо было...

Вагин. Почему именно – началось?

Мелания. Не знаю... Ничего не понимаю... только – страшно... А вы рисуете? Как это вы можете?

Вагин (не грубо). А вы – дышите? Не дышать – не умеете?... Ну, ладно, дядя... получи двугривенный! (Бросает деньги к ногам Романа.)

Мелания. Елена Николаевна одна там? Пойду к ней, может, понадобится... О господи... Надо хоронить Бориса и всё... а я ни о чем не распорядилась... взглянула на него и поехала сюда... На улицах народ чего-то шумит, бежит, суетится... а я ничего не понимаю... качается пред глазами синее лицо его, и язык мне показывает... смеется все!

(Плачет и идет в комнаты.)

Роман (с удовольствием). Гляди – барыня-то... заплакала. Чего она?

Вагин. Брат помер...

Роман. А-а! Ишь ты... Это – ничего... причина! А то бабы много зря плачут... Дашь ей по затылку, а она и ревет... (Шум на улице становится яснее. Глухие крики. Где-то на дворе раздается пугливый крик Миши: «Роман!») Подождешь... (Прислушивается.) Пожар, видно... а может, бьют кого... Видно – вора... Тоже и вору тяжело бывает... Пойти взглянуть...

(Елена выходит. Вагин вопросительно смотрит на нее.)

Елена (очень взволнована). Едва ли она поправится...

Вагин. Ну... полноте! Разве это впервые у нее?

Елена. Это – впервые. У нее явилась хитрость безумных... Сначала она просила дать ей яду... потом, – как-то странно вдруг стала спокойнее... а в глазах ее загорелся хитрый огонек зверя...

Вагин. Дать вам воды?

Елена. Нет... Легла... Сказала мне, что я раздражаю ее... я вышла в соседнюю комнату... вдруг слышу – она тихо, тихо встала... идет... идет к столу Павла... а там, в ящике, лежал револьвер... вот он! Я боролась с ней... она царапала мне руки... как зверь... она была как зверь...

Вагин. Черт возьми... и вы не позвали меня... не крикнули!..

Елена. Не понимаю... как мы не застрелили друг друга... Теперь – она лежит... ее связали... Мне помогала горничная... а няня – смотрела и плакала... и умоляла не трогать Лизу... потому что она дочь генерала... Какой шум... почему это шумят? Где-то близко...

Вагин. Дворник пошел узнать, что это...

Елена. А Павла все еще нет? Что это?

(У ворот дома – возня. Раздаются крики: «Держи его!» – «Ага-а!» «Через забор...» – «Берегись, ребята...» – «Ты палкой?» – «Бей его!»)

Елена (тревожно). Боже мой... идемте туда!

Вагин. Я – один...

(Из-за угла дома к террасе бросается доктор, растрепанный, без шляпы.)

Доктор. Спрячьте меня... закройте двери.

Елена. Доктор... что с вами?

Доктор. Бьют... разбили барак... бьют... за воротами поймали... убьют...

(Вагин бросается к воротам.)

Елена. Возьмите револьвер...

Доктор. Они вломятся и меня...

Елена (ведет его в комнаты). Идите сюда: скорее! Няня... няня!..

(У ворот – громкий треск, сломал доску, хлопает калитка, звенит разбитое стекло. Выскакивает Протасов, на него лезет человек десять каких-то людей, он отмахивается от них шляпой и носовым платком. Это их забавляет, и некоторые из них – смеются.)

Протасов. Вы – ослы! Идиоты... прочь!

Первый (из толпы). Ты меня платочком по морде...

Второй. Барин! Дай ему шляпой еще...

Третий (злобно). Я те покажу, как ругаться...

Второй. Где доктор? Ищи его, ребята...

Третий. И это доктор... чего там?

Вагин (где-то за углом). Запирай ворота... Дворник, гони их!

Протасов. Не смей меня толкать, дурак!

Вагин. Павел... Павел!.. Стойте! Буду бить... вон все!

(Являются Егор и Яков Трошин. Егор немного выпивши, Трошин – пьян сильно. Егор бросается на Протасова и хватает его за ворот.)

Протасов (отталкивая). Не смей...

Егор. Ребята! Главный морила... Лекарства делает!

Протасов. Врешь, болван! Я ничего не делаю... Ко мне! На помощь! Голос из толпы. Кричи громче... не слышат! (На террасу выбегает Елена, видит свалку, выхватывает револьвер, бросается к мужу.)

Елена. Егор, пустите! Прочь, Егор...

Протасов. Лена... Лена!..

Егор. А – помнишь? Холера, значит, умирай? Помнишь, как ты...

Елена. Я вас убью...

(С появлением Елены в толпе раздаются несколько громких возгласов: «Гляди, какая выскочила!» – «Эх, ты, с пистолетом!» – «Дай ей!» «Сунься-ка...» – «Ишь, какая!»)

Егор. Барыня... я – овдовел...

Елена. Буду стрелять!

Егор. И ты вдова будешь... удушю его!

(Елена стреляет... Немного раньше сзади толпы, окружавшей

Егора, является Роман. В руках у него большой осколок доски. Не торопясь, он взмахивает ею и бьет по головам людей. Делает он это молча, сосредоточенно, без раздражения. В момент, когда

Елена стреляет в Егора, Роман бьет его, и Егор, охнув, падает, увлекая за собой Протасова. Елена идет на толпу, угрожая револьвером. После ее выстрела в толпе резкий поворот настроения. Кто-то удивленно и негромко восклицает: «Выстрелила!..» – «Гляди – упал...» – «Ах, собака...» Кто-то бежит со двора и орет: «Ребята, убивают!» Другой спешит за ним, крича: «Не трусь... чего испугался? Баба ведь...» Отступают почти все.)

Елена (в самозабвении). Прочь!.. Буду стрелять... Дмитрий, где вы? Роман... помогите мужу! Прочь!.. Звери!..

(Роман подходит к Трошину, который сидит на земле около Егора, что-то бормочет, тормозит его и бьет Трошина доской. Тот мычит и падает. Вбегает из-за угла Вагин, сильно потрепанный, видит подвиг Романа.)

Вагин (в руке у него кирпич). Что ты, черт, делаешь?

Роман. А чего?

Вагин (к толпе). Елена... где Павел?

(Роман бросил доску и присел на корточки около Протасова.)

Елена (приходя в себя). Его... он: упал... (Кричит.) Он убит!

Вагин. Не может быть...

Мелания (бежит, слышит крик Елены). Кто убит? Врете...

Елена (направляя револьвер на Егора). Это вот он... я его...

Вагин (выбивает револьвер). Что вы? Опомнитесь!

Мелания (около Протасова). Он живой. Павел Федорович!..

Елена. Воды... дайте воды!

Вагин. (Мелании). Идите... воды дайте! Елена, успокойтесь...

(Мелания бежит в комнаты.)

Роман. Ничего... все живы... видишь, шевелятся... Так ли бьют людей... и то живы остаются!

(Вагин и Елена поднимают Павла. Он в обмороке. Роман тормозит Трошина.)

Елена (со страхом). Павел... Павел!..

Вагин. Это обморок...

Роман. Ну, вставай... не балуй! А то я и еще дам...

Антоновна (бежит). Пашенька! Где Пашенька?..

Вагин. Не кричите, няня...

Протасов (полусознательно). Лена... ты? Они убежали?.. Ага...

Антоновна (Елене). Убили... не доглядели... что?

Елена (мужу). Тебе больно? Где больно?..

(Егор очнулся, поднимает голову, охает.)

Антоновна. Берите его... несите его...

Мелания (несет воду). Очнулся: Господи! Пейте... пейте!

Елена. Скажи – где больно? Тебя сильно ударили?

Протасов. Мне... нигде не больно... Он меня душил... этот вот... (Приходит в себя.) Лена, ты... ничего? Мне показалось, тебя ударили по голове... доской какой-то, сверху так...

Елена. Нет, нет... ты успокойся...

Вагин. А тебя: били?

Протасов. Нет... не больно... Они почему-то всё в живот меня, черт их возьми... А доктор? Он... жив?

Мелания. Жив, жив... Он – в гостиной на диване... плачет...

Елена (заметив Антоновну, со страхом). Няня... а Лиза?

Антоновна. Развязала я ее... не могу я это видеть...

Елена. Где она? Где?..

Антоновна (со слезами). Там... Платье все разорвано было... Передела я ее...

Вагин. Что она делает?

Антоновна. На карточку смотрит, на его...

Елена. Идите к ней, няня... прошу вас, идите!

Антоновна. Пашеньку-то уложить бы... (Идет, оглядываясь.)

Протасов. Ничего, старуха... Просто испугался я...

Мелания. Голубчик вы мой... избili вас!

(Егор, Трошин и Роман – составляют другую группу. Роман несколько более оживлен)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru и подвижен, чем всегда.)

Протасов. Меня? Нисколько! Я за нее испугался... мне показалось, кто-то выстрелил... и потом – палкой по голове... или доской...

Елена (с гордостью). Меня никто не коснулся: Идем в комнаты...

Протасов. Я очень успешно защищался, – жалко, что ты не видала этого! И, знаешь, Лена, напрасно я давеча снял галоши... я бы их галошами!

Вагин (с улыбкой, Елене). Вы видите, он совершенно здоров...

Протасов (горячится). Галошами, по глупым рожам... (Егору.) Вы, милостивый государь...

Мелания. Ну, что с ним говорить? Идите, лечь вам надо...

Протасов. Позвольте...

Елена. Подожди... Егор, я попала в вас?

Егор (глухо). Нет... не попало... По голове меня кто-то...

Роман (с гордостью). Это я!

(Елена с напряжением на лице смотрит на Егора и на всех.)

Вагин. Если б ты видел, как действовала вот эта мрачная машина... ужас!

Трошин. Милостивые государи! Я тоже... контужен в голову...

Роман (счастливо). И тебя я ударил...

Трошин. Господа... прошу запомнить это...

Елена (пристально всматриваясь в лица Егора). Вам дать воды, Егор?..

Егор. Водки бы...

Протасов (Егору). Вы... ужасно глупы, сударь мой...

Елена. Оставь, Павел...

Протасов. Я никаких лекарств не делаю, черт вас возьми!

Вагин. Ну, перестань же...

Протасов (со слезами, в голосе). Нет, подожди! Я хочу знать, за что он на меня бросился? Что я вам сделал, Егор? Что?

Егор (глухо). Ничего... не знаю я...

Мелания. Вот на суде узнаешь... мой друг... там тебе расскажут!

Протасов (с досадой). Ах, не надо! Какой суд? Я так высоко ценил вас, Егор... вы – прекрасно работаете... да! Но ведь я хорошо платил вам? За что же вы...

Егор (встает, глухо и со злобой). Не тронь меня, барин...

Елена (твердо и настойчиво). Оставь его в покое, Павел... прошу тебя!

Вагин (Егору). Вы ушли бы...

Егор (грубо). Знаю... Уйду... (Уходит нетвердыми шагами. Роман и Трошин уже перешли к изгороди сада, сидят там на земле и пьют водку, принесенную Романом. Егор молча подходит к ним, садится и протягивает Роману руку.)

Мелания. Смотрите, какой... зверь!

Елена. Не трогайте его... Идем, Павел...

Протасов (волнуясь). Нет, он возмутил меня... В нем есть что-то... отталкивающее... Люди должны быть светлыми и яркими... как солнце...

(На террасу выходит Лиза. На ней надето белое платье. Она красиво и странно причесана. Идет медленно, какой-то торжественной поступью; на ее лице застыла неясная, загадочная улыбка. Сзади ее Антоновна.)

Лиза. Прощайте! Нет, не говорите ничего... Я решила... я ухожу!.. Нет, нет, не надо возражений... Я ухожу далеко и надолго... навсегда. Вы знаете? Вот:

(Она останавливается и негромко, с улыбкой читает написанное на обороте фотографической карточки Чепурного.)

Милый мой идет среди пустыни
В знойном море красного песка..
Знаю я, в дали туманно-синей
Ждет его пустыня и тоска..
Солнце, точно чье-то злое око,
Молча смотрит с неба жгучим взглядом..
Я приду и встану с милым рядом
Трудно ему там и одиноко!..
(Напевает какой-то странный, унылый мотив. Тихо.)

Мой милый – строен и высок,
А я – красива и легка,
И оба мы, как два цветка,
На красный брошены песок..
(Молчит. Вздохнув, читает снова.)

И вдвоем, объаты жгучим зноем,
Мы пойдем далеко по песку,
И в пустыне мертвой мы зароем
Он – свои мечты... а я – тоску..
(Задумчиво смотрит на всех. Улыбается.) Вот и всё. Это я – для Бориса... Вы его знаете, Бориса?.. Нет? (Идет в сад.) Мне очень жаль вас... мне очень жалко...

(Антоновна, недружелюбно взглянув на Елену, идет за ней.)

Елена (тоскливо и тихо). Павел... Павел... ты понимаешь?

Протасов (удивлен). Как это хорошо, Лена! Дмитрий, ты понял? Как это хорошо!

Вагин (жестко). А ты понял, что она сошла с ума?..

Протасов (не верит). Разве, Лена?

Елена (негромко). Идем... идем за ней...

(Все трое идут в сад. У изгороди сидит Егор и с угрюмой ненавистью в глазах следит за ними. Трошин что-то невнятно бормочет, щупая голову и плечо дрожащими руками.)

Роман. Ничего... Меня не так били... а я – вот он!.. Стало быть, молчи... жив, и – ладно...

Вагин (задумчиво). Один... среди пустыни... В знойном море красного песка...

Занавес

Варвары
(сцены в уездном городе)
Действующие лица
Черкун Егор Петрович, 32 лет, инженер.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Анна Федоровна, 23 лет, его жена.

Цыганов Сергей Николаевич, 45 лет, инженер.

Богаевская Татьяна Николаевна, 55 лет, домовладелица, дворянка.

Лидия Павловна, 28 лет, ее племянница.

Редозубов Василии Иванович, 60 лет, городской голова.

Гриша, 20 лет, Катя, 18 лет, его дети.

Притыкин Архип Фомич, под 35 лет, купец, лесопромышленник.

Притыкина Пелагея Ивановна, 45 лет, его жена.

Монахов Маврикий Осипович, 40 лет, акцизный надзиратель.

Монахова Надежда Поликарповна, 28 лет, его жена.

Головастик Павлин Савельевич, под 60 лет, мещанин.

Дробязгин, 25 лет, служит в казначействе.

Доктор Макаров, 40 лет.

Веселкина, 22 лет, дочь почтмейстера.

Исправник, 45 лет.

Ивакин, 50 лет, садовник и пчеловод.

Лукин Степан, 25 лет, студент, его племянник.

Дунькин муж, под 40 лет, личность неопределенная.

Гогин Матвей, 23 лет, деревенский парень.

Степа, 20 лет, горничная Черкуна.

Ефим, 40 лет, рабочий Ивакина.

Действие первое

Луговой берег реки; за рекою виден маленький уездный город, ласково окутанный зеленью садов. Перед зрителями сад – яблони, вишня, рябина и липы, несколько штук ульев, круглый стол, врытый в землю, скамейки. Вокруг сада – растрепанный плетень, на кольях торчат валеные сапоги, висит старый пиджак, красная рубаха. Мимо плетня идет дорога – от перевоза через реку на почтовую станцию. В саду направо – угол маленького, ветхого дома; к нему примыкает крытый ларь – торговля хлебом, баранками, семечками и брагой. С левой стороны у плетня – какая-то постройка, крытая соломой, – сад ухаживает за ней. Лето, время – после полудня, жарко. Где-то дергает коростель, чуть доносится заунывный звук свирели. В саду, на завалинке под окном, сидит Ивакин, бритый и лысый, с добрым, смешным лицом, и внимательно играет на гитаре. Рядом с ним – Павлин, чистенький, аккуратный старичок, в поддевке и теплом картузе. На окне стоит красный кувшин с брагой и кружки. На земле у плетня сидит Матвей Гогин, молодой деревенский парень, и медленно жует хлеб. С правой стороны, где станция, доносится ленивый и больной женский голос: «Ефим...» Молчание. Слева по дороге идет Дунькин муж, человек неопределенного возраста, оборванный и робкий. Снова раздается крик: «Ефим!..»

Ивакин. Ефим... Эй!

Ефим (идет по саду вдоль плетня). Слышу... (Матвею.) Ты чего тут?

Матвей. Ничего... вот – сажу...

(Третий раз, уже раздраженно, зовут: «Ефим!»)

Ивакин. Ефим! Что ж ты, братец ты мой...

Ефим. Сейчас... (Матвею.) Пошел прочь!..

(Снимает рубаху с плетня, Дунькин муж кашляет и кланяется ему.) А... явился! Чего надо?

Дунькин муж. Из монастыря иду, Ефим Митрич...

Ефим (идет). Выгнали? У, дармоеды... черти!

Ивакин (Ефиму). А ты, братец, иди, когда зовут...

(Павлину.) Любит командовать старик...

Павлин. Всякому человеку этого хочется.

Ивакин. А люди – против... люди не желают, чтобы на них зря орали... да...

Павлин. Как ни поступи, одобрения от людей не заслужишь... Однако в строгости все нуждаются.

Ивакин. Этот же самый вальс можно играть на другой манер – вот как. (Играет.)

Дунькин муж. О господи! Обругал человек всех видимых и невидимых: а за что?

Матвей. Жарко.

Дунькин муж. И мне жарко, но я терплю молча: Просто – человек, который хоть несколько сыт, уже почитает себя начальством: Хлеб да соль!

Матвей. Ем да свой...

Дунькин муж. Деревенский? Хорошо в деревнях хлеб пекут.

Матвей. Когда мука есть – ничего, испечь могут... А это – у Ивакина я купил...

Дунькин муж. Скажите! Запах у него однако – как у деревенского... Позвольте мне кусочек... отведать.

Матвей. Самому мало...

(Дунькин муж, вздохнув, двигает губами.)

Ивакин. Вот... можно играть еще медленнее.

Павлин. Говорите – называется это «Вальс сумасшедшего священника»?

Ивакин. Именно...

Павлин. Почему же так? Чувствую в этом некоторый соблазн и как бы неуважение к духовному сану...

Ивакин. Ну, пошел мудрить! Экой ты, Павлин, придира!

Павлин. Напрасно так осуждаете, ибо всем известно, что скелет души моей – смирение... но только ум у меня беспокойный...

Ивакин. Не располагаешь ты к себе, братец мой: вот что!

Павлин. Ибо возлюбил правду превыше всего: На гонения же не ропщу и, будучи в намерениях моих тверд, ничего, кроме правды, не желаю.

Ивакин. Чего тебе желать? Домишко есть, деньжонки есть... (Слева слышны голоса, Ивакин смотрит.) Почтмейстеровая дочь идет... куда это?

Павлин. Вертихвостка... Пагубного поведения девица...

(Идут Дробязгин и Веселкина.)

Веселкина. Я вам говорю: она была замужем за инженером.

Дробязгин. Марья Ивановна! Отчего у вас такое недоверие к фактам?

Веселкина. Я верю только в то, что знаю...

Дробязгин (почти с отчаянием). Но этот пессимизм совершенно не совпадает с вашей наружностью! Поверьте мне, – муж Лидии Павловны был директором лакричного завода, и она его не бросила, а просто он умер, подавившись рыбьей костью...

Веселкина. Она его бросила, говорю вам!

Дробязгин. Марья Ивановна! У нас в казначействе все известно...

Веселкина. У нас на почте знают больше вашего. Он украл деньги и теперь – под судом... и она сама в это дело запутана, да-с!

Дробязгин. Лидия Павловна? Марья Ивановна! Сама Татьяна Николаевна...

Веселкина. А за то, что вы спорите, вы должны угостить меня брагой:

(Ивакин встает и уходит за угол дома. Павлин берет оставленную им гитару, заглядывает внутрь ее, трогает струны.)

Дробязгин. Извольте! А все-таки она – вдова!

Веселкина. Да? Хорошо же... Вы увидите...

(Уходят направо.)

Дунькин муж (негромко). Слушай... дай кусочек, Христа ради!

Матвей. Что ж ты, чудак, прямо не сказал? Просишь отведать... разве хлеб отведывают?

(В саду является Ивакин, ставит на стол кувшин браги, два стакана и смотрит вдаль.)

Дунькин муж. Стыдно было прямо-то... спасибо!

Ивакин. Павлин! Город-то... красота! Как яичница на сковородке... а?

Павлин. Проведут железную дорогу – всё испортят...

Ивакин. Чем испортят? Каркай!

Павлин. Нашествием чужих людей...

(Входят в сад Веселкина и Дробязгин, садятся за стол, пьют брагу и вполголоса разговаривают. Ивакин и Павлин уходят за угол.)

Матвей. Ты кто будешь?

Дунькин муж. Мещанин... из города...

Матвей. У вас мещане богатые... а ты что?

Дунькин муж. А я – ослаб. Разорила меня жена... жена, брат... Сначала – ничего была... жили дружно. Красивая она, бойкая... да. А потом – скучно, говорит, мне. Начала вино пить... и я с ней тоже...

Матвей. И ты?

Дунькин муж. И я... что поделаешь? В распутство она ударилась... Стал я тогда бить ее... да. А она – сбежала... Дочь была у меня... и дочь сбежала на пятнадцатом году...

Дробязгин (громко). Это неправда, Марья Ивановна! Доктор и Надежда Поликарповна... они оба люди романические...

Веселкина. Т-сс! Тише!

Матвей. Она тоже распутная?

Дунькин муж. Кто?

Матвей. Дочь?

Дунькин муж. Нет... не знаю. Неизвестно мне, где она... Опять же мне вот, пьяному, кто-то внутренности отбил... нездоров я теперь, в работу – не гожусь... да и не умею ничего...

Матвей. Ишь ты... как же ты?

Дунькин муж. Так уж... как придется...

Дробязгин (вскакивает). Марья Ивановна! Это удивительно... и даже ужасно! Вы совсем не верите ни во что светлое...

Веселкина. Не кричать! Вы совсем безумный.

Дробязгин. Нет! Чтобы Лидия Павловна... чтобы исправник...

Веселкина. Сядьте вы...

Дунькин муж. Сегодня инженеры приедут...

Матвей. Дорогу строить?

Дунькин муж. Да... дороги строят, а идти человеку некуда...

Матвей. Работа будет... а? Вот бы... поработать бы!

(В саду является Павлин, он идет к столу, Веселкина видит его.)

Веселкина (негромко). Головастики идет...

Дробязгин. А, мудрец! Что скажете?

Павлин. Желая доброго здоровья...

Дробязгин. Спасибо...

Павлин. Сейчас через реку городской голова переехал, сюда идет...

Веселкина. Это он инженеров хочет встретить... скажите! Такой гордый старик...

(Ивакин идет, отдуваясь.)

Дробязгин. Да... Что, Иван Иванович, жарко?

Ивакин (смотрит вдаль налево). Да-а...

Павлин. Это ваше нетерпение увеличивает жару... Я вот никого не жду и потому жары не чувствую...

Ивакин. Доктор идет... акцизный...

Веселкина. Кого ж мы ждем? Нам ждать некого.

Павлин. Я не про вас – это вот он племянника ждет...

Дробязгин. Студента?

Ивакин. Да... Архип Притыкин с ними...

Веселкина. Первый студент в нашем городе. Это очень интересно!

Дробязгин. Не первый уж, Марья Ивановна! Статистик, который застрелился...

Веселкина. Он не кончил учиться...

Павлин. Да, его исключили вон за политическое поведение...

Ивакин (грубовато). А застрелился он потому, что ты донос на него написал... а зачем это тебе понадобилось – пес тебя знает! (Идет прочь.)

Павлин (вслед ему). Вредоносному всегда буду противоречить... Грубого характера человек Иван Иванович! И притом – несправедлив. Мне доподлинно известно, что господин статистик Рыбин от безнадежности своей любви к Надежде Поликарповне застрелился...

Дробязгин. Почему это вам все известно?

Павлин. Потому что я внимателен...

(Идут с левой стороны, по дороге доктор, Монахов и Притыкин. Дунькин муж незаметно исчезает. Матвей встает, кланяется.)

Притыкин. Нет, доктор, вы меня извините, а какая приятность в том, чтобы рыбу удить, я не могу понять!

Доктор (угрюмо). Рыба – молчит...

Монахов. Что вы, батя, вообще, понимаете? Весьма немного... летом купаться, зимой – в бане париться, – вот все ваши духовные наслаждения... (Павлин отходит к завалинке и садится поближе к плетню.)

Притыкин. Тело человеческое любит чистоту...

Дробязгин (кричит). А мы уже здесь!..

Доктор (остановился у плетня). Спросите браги, Дробязгин...

Дробязгин (кричит). Ивакин! Давайте браги, похолоднее, побольше!

Притыкин. Играя в стуколку, приятно обремизить человека...

Монахов. Не спорю...

Притыкин. Опять же – музыка... Когда трубачи действуют, я чувствую себя военным.

Доктор (Монахову, сумрачно усмехаясь). Это он льстит вам...

(Дробязгин подходит к плетню и стоит, слушая. Заметно, что ему хочется вступить в разговор, но он не успевает в этом. Веселкина отходит в глубь сада, смотрит на город, тихо напевая.)

Притыкин. Какая мне в этом польза? А что, обучив пожарных музыкальному делу, Маврикий Осипович перед всем городом славу заслужил навеки – или это неверно?

Монахов. Н-да! Могу сказать – потрудились я с ними! Ведь не люди моржи...

Притыкин. Я теперь, Маврикий Осипович, даже на самовар глядя, вас вспоминаю.

Доктор (без улыбки). Разве он похож на самовар?

(Дробязгин смеется.)

Притыкин. Нисколько! Я хочу сказать, что все медное напоминает мне про вас...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Доктор. Он вас изувечит похвалами...

Притыкин. То есть про ваши труды в музыке...

Монахов. Что это вы, батя, так сладко поете, а?

(Ивакин принес брагу, идет к плетню.)

Притыкин. Ежели я и пою, то как жаворонок, безо всякой корысти... А что доктор насмешается, так он лицо мрачного характера и, кроме рыбы, ничего не любит...

Монахов (смотрит в сторону). А дамы наши, видно, устали: вон – едва идут...

Дробязгин. Татьяне Николаевне всех труднее при их полноте и годах...

Ивакин. Пожалуйте брагу кушать...

Доктор. Ну, кругом я не пойду... (Шагаечерез плетень.)

Монахов. А Лидия Павловна к нашей компании интереса не чувствует...

Дробязгин. Дама светская... гордого образа жизни...

Притыкин. Хорошо она на лошади скачет...

Монахов. Н-да-а! Это, батя, она умеет... Притыкин. Вот, о приятном говоря, женский пол забыли мы, а что может быть приятнее? Я, конечно, не про супругу мою говорю...

Монахов (смеясь). Идемте, фомич, брагу пить...

(Идут вдоль плетня.)

Притыкин. Однако времени немало, пора бы уж почте быть... Посмотрим, каковы они, строители-то...

Монахов. Н-да, интересно... Картежники, наверно...

Притыкин. И выпить любят, я полагаю... а?

(Уходят. Дунькин муж является.)

Матвей. Это они инженеров встречать собрались?

Дунькин муж. На ярмарку ходили в село... для прогулки. Но, конечно, которые люди с деньгами, они всякому нужны...

(С правой стороны является Лидия Павловна в амазонке, с хлыстом.)

Лидия Павловна. Послушайте, – будьте добры поддержать мою лошадь, я вам заплачу...

Матвей. Ладно... я могу...

Лидия Павловна. Пожалуйста... (Уходит направо.)

Матвей. Эх ты... какая!

Дунькин муж (завистливо и беспокойно). Вот... кабы тебя не было, пришлось бы за лошадью мне смотреть... эх! Ежели она много даст, дай ты мне хоть пятак, а?

Матвей. А может, она всего пятак даст.

(Уходят оба направо. В саду разговаривают доктор и Веселкина.)

Доктор (угрюмо). Сочиняют – в молодости...

Павлин (вставая). Осмелюсь заявить – святые отцы и в преклонном возрасте сочиняли...

Павлин. Больше ничего-с...

(Идут Притыкина и Надежда – женщина очень красивая, большая, с огромными неподвижными глазами. Сзади Богаевская.)

Надежда. Тогда он говорит ей: «Алиса! Моя любовь не умрет раньше меня, а пока я жив – я твой!»

Притыкина. Вон как! Наши мужчины и слов таких не знают...

Надежда (садится на бревно). Француз неверен, но любит страстно и благородно... Испанец в любви доходит даже до свирепости, а влюбленный итальянец обязательно ночью на гитаре играет под окном женщины, в которую влюблен.

Богаевская. Напрасно тебя, Надежда, грамоте выучили!

Надежда. Вы, Татьяна Николаевна, в таком возрасте, когда все это уже совсем неинтересно, а я...

Богаевская. А ты – только язык чешешь...

Надежда (серьезно). Подождите...

Притыкина. А я вам завидую, милая вы моя... Сколько вы любовных историй знаете, и какие все хорошие истории! Как сны девичьи... Где же мой Архип?

Богаевская. Лидочкина лошадь стоит...

Надежда. Познакомьте меня с ней...

Богаевская. С лошастью?

Надежда (серьезно). Нет, с Лидией Павловной...

Богаевская. Вот ты, душа моя, тысячи романов прочитала, а правильно спросить не умеешь... в смешное положение ставишь себя, да!

Надежда (спокойно). Ничего... Всяк по-своему умен.

Богаевская (кричит и идет направо). Лидуша!

Притыкина (негромко). Как она грубо с вами... ай-ай!

Надежда (спокойно). Дворяне с простыми людьми всегда так говорят, и даже в романах, где все описывается лучше правды, дворяне – дерзкие... Смотрите, какая она красавица!

(Богаевская, за ней Лидия.)

Богаевская. Вот, Лидуша, Надежда Поликарповна просит познакомиться ее с тобой... (Надежда приседает.) Видишь, даже приседать умеет...

(Доктор подходит.)

Надежда. Я вас знаю... вы каждый день мимо нашего дома на лошади скачете... А я смотрю и люблюсь – точно вы графиня или маркиза... Очень красиво это.

Лидия. Я часто вижу ваше лицо в окне и тоже люблюсь им...

Надежда. Благодарю вас! Похвалу красоте своей и от женщины слышать приятно...

Богаевская. Ишь ты!

Доктор (сумрачно). От женщины приятнее или от мужчины?

Надежда. Как следует оценит красоту, конечно, только мужчина...

Лидия. Как вы... уверенно сказали это...

Притыкин (кричит). Господа! Едут! Чу!

(Все прислушиваются, – звон бубенцов.)

Надежда (Лидии). Вам интересно знать, какие они?

Лидия. Кто? Тетя, нам пора идти.

Надежда. Инженеры...

Притыкин (выбегает). Сейчас приедут!

Лидия (Надежде). Нет...

Богаевская. Устала я, Лидуша... подожди!

Надежда. А я жду их, как праздника...

Притыкина. И вдруг – они старые!

Лидия (тетке, негромко). Это похоже на торжественную встречу и смешно.

Богаевская. Идем в сад... я только выпью чего-нибудь... Идемте в сад!

(Все идут за нею.)

Притыкин. Приехали... а, доктор? Интересно!

Доктор (угрюмо). Почему? Вот если бы они пешком пришли... ну, это туда-сюда!

Надежда. Какие глупости!

Богаевская. Она хотела бы видеть их верхами, в латах, в плащах...

(Уходят все направо, их медленный говор заглушает звон бубенцов. Справа медленно идет, заложив руки за спину, Редозубов – седой, суровый старик с черными лохматыми бровями. Останавливается, слушая шум на станции. Является Павлин, издали снимая картуз.)

Редозубов. Здорово... ну?

Павлин. О вашем драгоценном здравии что услышу приятного?

Редозубов. У доктора спроси. Приехали? Они?

Павлин. Именно – всеми ожидаемые инженеры; один пожилой, бритый, с усами и как бы уже несколько хмелен... другой – помоложе и весьма рыжеват. При них дама – молодая, красивая, и прислуга с нею – девица франтовитая. В двух экипажах ехали, а третий с вещами и со студентом, племянником Ивакина.

Редозубов. А он как... с ними?

Павлин. Видимо, по бедности состояния приспособился из милости...

Редозубов. Лошадь – Богаевской?

Павлин. Ихняя. Она в Фокино ездила на прогулку... А теперь – у Дарьи Ивакиной туалет оправляет... Дарья-то ведь у них долго в горничных жила... а мать ее – их же ключница...

Редозубов (угрюмо усмехаясь). Про бабушку ничего не знаешь?

Павлин. Не припомню...

(Притыкин идет.)

Притыкин. Мое почтение, Василий Иванович!

Редозубов (не давая руки). Здравствуй...

Притыкин. Гостей встретить пожелали?

Редозубов. На что они мне?

Притыкин. Вообще. Люди городу полезные.

Редозубов (идет к станции). Ну, пускай город и встречает...

Притыкин (негромко). Врет?

Павлин. Врут. О подряде на шпалы, мечтают...

Притыкин. Ишь, старый черт! Ты, Павлин, познакомься с прислугой ихней и разузнай... вообще, как и что... понял?

Павлин. Понял.

(Оба идут к станции; в саду являются Ивакин, обрадованный, а Степан Лунин.)

Степан. Ну, как живешь?

Ивакин. Видишь – здоров: а еще чего же надо? А ты – желтоват... эх ты! Брандахлыст... Зачем в тюрьме сидел?

Степан. Без этого – нельзя. Это, брат, теперь все общая повинность, вроде воинской... А впрочем – пустяки... и ты об этом не говори, брат, ладно?

Ивакин. Тоже – брат! я тебе не брат, а дядя...

Степан. Ну вот еще! Какой ты дядя? Просто ты – друг моего детства... Ты смотри – у меня в некотором роде борода и грива, а у тебя еще волосы не отросли...

Ивакин. Ну-ну! Пей брагу-то... а старших почитай... (Притыкин выбегает, оглядывается.) Вы чего, Архип Фомич?

Притыкин. Да вот... Эй, парень, поди сюда!

Матвей. Чего?

Притыкин. Ты меня знаешь? Беги в город, ко мне, скажи, чтобы лошадей подали к перевозу и пролетку, и бричку, и телегу еще для багажа, – понял? Катай! (Бежит к станции.)

Матвей (скрываясь). Землячок, гляди за лошадью...

Ивакин. Завертелся город Верхополье!

Степан. Что у вас с мостом?

Ивакин. Дождь шел, ну и сорвало... а голова чинить не торопится, перевоз-то в его руках... Ты знаком с инженерами-то?

Степан. Служить у них буду... А как твои пчелы? Гитара? Удочки?

Ивакин. Всё в порядке...

(Идут доктор, Монахов, Дробязгин, Веселкина. Ивакин и Степан уходят из сада. На место их является Павлин, – постояв, исчезает и снова появляется во время разговора Цыганова с Дунькиным мужем.)

Монахов (с завистью). А Притыкин живо познакомился, шельма!

Веселкина. Доктор, вы заметили, какой этот молодой... точно факел!

Доктор. Ну, где вы видели факелы?

Веселкина. А на похоронах... помните – князя Хрящеватого хоронили?

Дробязгин. Какие у нее глаза! Маврикий Осипович, вы обратили внимание?

Веселкина. Глупости! Глаза вполне обыкновенные...

Дробязгин. Вовсе нет! Замечательно поэтические...

Монахов. При одной даме невежливо говорить о красоте другой дамы... вот что!

Доктор. Противно. Бросились все... как осенние мухи на огонь:

Притыкин (кричит). Доктор! Пожалуйте сюда...

Доктор. Зачем это?

Притыкин. По специальности... нужно...

Доктор (идет). Ерунда...

Монахов (с завистью). Вот и вы, батя, познакомитесь...

(Веселкина идет вслед за доктором, навстречу ей – Цыганов, изящно одетый барин, немного хмельной; она смущается и почему-то резко отворачивается от него. Цыганов вопросительно поднял брови. Дробязгин кланяется ему.)

Цыганов (дотрагиваясь до шляпы). Мое почтение... с кем имею честь?

Дробязгин (смущен). Порфирий... то есть служащий в казначействе Порфирий Дробязгин... чиновник-с!

Цыганов. А-а! Очень приятно... Скажите – в этом городе гостиница есть?

Дробязгин. Есть... с биллиардом! Прогимназия есть... женская...

Цыганов. Прогимназия? Благодарю вас, это мне не так необходимо... А извозчики есть?

Дробязгин. Три! Около церкви стоят.

Цыганов (смотрит на город). Не услышат, если позвать?

Дробязгин (улыбаясь). Где же-с! Тут – расстояние... Дунькин муж (с левой стороны). Ваше благородие! Помогите больному и несчастному...

Цыганов (доставая монету). Пожалуйста... извольте! Дунькин муж (вздрагивая от радости). Дай вам господи... пошли вам... (Захлебнулся и исчезает.)

Цыганов. Пьет?

Дробязгин. Нет. Действительно несчастный... болен и... вообще... жена у него сбежала...

Монахов (подходя). Извините, что смею...

Цыганов. Пожалуйста...

Монахов. Маврикий Осипович Монахов, акцизный надзиратель...

Цыганов. Весьма польщен... Сергей Николаевич Цыганов...

Монахов. Гостиница – грязная, позволю сообщить вам, и в ней клопы...

Дробязгин. Несомненные... и – множество!

Монахов. Вам надо снять дом Богаевской, лучший дом в городе... знаете, такой

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru барский! Кстати, она здесь еще, кажется... Я вам сейчас устрою это... (Быстро идет; навстречу ему Анна Федоровна и Степа.)

Цыганов. Но позвольте... вы так любезны... Послушайте!

Дробязгин (срываясь с места). Сейчас я его ворочу...

Цыганов. Да нет же! Это неловко!.. Убежал!

Анна. Что такое?

Цыганов. Они здесь любезны... как истинные дикари! Могу вас поздравить: в городе нет гостиниц... то есть гостиница есть, но она занята клопами.

Анна. И трудно попасть в этот город... что-то случилось с паромом...

Цыганов (манит пальцем). Послушайте... подите сюда!

(Является Дунькин муж.) Скажите – есть в вашем городе что-нибудь... замечательное?

Дунькин муж. Раки-с... огромные раки!

(Степа пристально всматривается в него.)

Цыганов. Это недурно... иногда. Но ведь они, вероятно, в реке живут, а не в городе?

Дунькин муж. Да... в реке. Живые – они в воде.

Степа (тихо). Анна Федоровна... вот он!

Анна. Кто?

Степа. Отец мой... отец... как же быть?

Цыганов. А что же есть в городе?..

Дунькин муж. Пожарные играют на трубах... на медных трубах... Акцизный научил.

Анна. Молчите... встаньте сзади меня...

Цыганов. Громко играют?

Дунькин муж. Во весь дух!

Степа. Я уйду туда... на станцию... он не видел меня...

Цыганов. Это меня не утешает... нет! Ну, благодарю вас... возьмите себе вот это.

Дунькин муж. Ваше высокородие... (Хочет поцеловать руку.)

Цыганов (брезгливо). Это лишнее, мой друг... идите!

Степа (глядя вслед отцу). Нищий... Я говорила вам, что встречу его... что мне нельзя сюда ехать... я говорила!

Анна. Вы успокойтесь! Я все устрою для того, чтобы он не трогал вас.

Степа. Я боюсь... он замучил мать... нищий!

Цыганов. В чем дело – можно спросить?

Анна. Это ее отец...

Цыганов. О-о! Это оригинально...

Анна. Только? Идите, Степа, на станцию...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов. Мы не дадим вас в обиду...

Черкун (кричит, не показываясь). Анна! Иди сюда... Анна!

Цыганов (смотрит по направлению голоса). С кем он говорит? Позвольте... черт меня побори! Не может быть...

Анна (идя на зов). Что с вами?

Цыганов (радостно простирая руки). Лидия Павловна, это вы? Вы!

Лидия (идет навстречу). Дядя Серж.

Цыганов. Вы! Здесь, в этой Огненной Земле, у дикарей! Почему?

(В саду – Веселкина. Она гуляет, обмакивая лицо цветами. Потом приходит Дробязгин, и они ходят рядом, прислушиваясь к разговору.)

Лидия. Я приехала к тетке... рада видеть вас! Но вы, как всегда...

Цыганов. Таков мой рок! Первое знакомство на этой земле – акцизный!

Лидия. Дама – ваша жена?

Цыганов. Моя? У меня не было и не будет собственности... А где же ваш почтеннейший супруг?

Лидия. Не знаю, право... это меня интересует меньше всего...

Цыганов. Понять ли ваш ответ?... браво! Вы разошлись, наконец? Да?

Веселкина (слышала восклицание Цыганова). Ну-с? Чья правда?

(Дробязгин смущенно ежится.)

Лидия. Не надо шуметь...

Цыганов. Вы уже познакомились с моим товарищем?... Жорж, иди сюда... Это мужчина интенсивно рыжий и очень дерзкий... Ты знаешь, кто это, Жорж? Ты помнишь, я говорил тебе всегда и много о женщине...

Черкун (пожимая руку). Да, помню... Действительно, он часто говорил о вас...

Лидия. Это меня трогает...

Черкун. Но я не ждал, что встречу вас когда-нибудь... тем более в этой области мертвого уныния...

Лидия. Вам не нравится город?

Черкун. Я не люблю пасторалей.

Цыганов. Он любит только скандалы...

(В саду является Надежда, стоит и упорно смотрит на Черкуна. Неподвижна, как статуя, лицо у нее каменное.)

Черкун. Маленькие домики прячутся в деревьях, точно птичьи гнезда... Это до тоски спокойно... и до отвращения мило... И ужасно хочется растрепать эту идиллию.

Цыганов. Ты познакомь ее с женой.

Черкун. Ах да! Вы позволите?

Лидия. Пожалуйста... Но как вы... резко отнеслись к бедному городу...

Цыганов. Теперь-то, я знаю, вы оцените нежность моей души и все другие мои достоинства...

Черкун. Все, что я вижу, – сразу нравится или не нравится мне.

Цыганов. У него – никаких достоинств!

Лидия. Человек из одних недостатков – это уж нечто определенное...

Цыганов (заметил Надежду). Гм... Да познакомь же ее с твоей женой, Жорж!

Черкун. Анна! Вот ей, вероятно, нравится эта милая картина... она у меня любит покой, тишину, любит мечтать...

Лидия. Многие в этом видят поэзию...

Черкун. Трусы, лентяи, усталые...

Цыганов. Кто эта почтенная матрона, с которой идет сюда твоя жена?

Лидия. Это моя тетя...

Черкун. Знакомься, Анна.

Богаевская. Вот, Лидуша, представляю... они сняли у меня большой дом...

Анна. Я очень рада... что все устроилось так быстро и хорошо.

Цыганов. Да здравствует акцизный надзиратель! Это он – виновник торжества...

Лидия. Тише, – в саду его жена...

Цыганов. Это его жена?... Гм... (Рассматривает Надежду.)

Анна. Но я так устала... хотелось бы скорее приехать куда-нибудь...

Богаевская. Сейчас подадут паром...

(Надежда медленно уходит.)

Черкун. А на берегу – нас уже дожидаются лошади этого купца... как его?

Богаевская. Притыкин... Лидуша, я поеду в лодке... распоржусь там... надо для них...

Анна. О, не беспокойтесь...

Черкун. Мы не беспомощны...

Лидия (тетке). Подожди! (Анне.) Вы ездите верхом?

Анна. О нет!

Лидия. Жаль. Я хотела предложить вам мою лошадь... Там, выше по реке, есть брод...

Анна. Благодарю вас... Я боюсь лошадей... Я видела однажды, как лошадь убила мальчика... С той поры мне кажется, что всякая лошадь хочет убить человека.

Лидия (улыбаясь). Но в экипажах вы ездите? Не боитесь?

Анна. Нет, не так. Там впереди меня сидит кучер или извозчик.

Черкун. Может быть, это очень трогательно, Анна, но ей-богу... неостроумно!

Анна. Я вовсе не пытаюсь быть остроумной...

Цыганов (Лидии). Итак, я снова вижу вас!..

Черкун. Иногда следует попытаться, знаешь ли!

Цыганов. Ведь это почти чудо, а?

Лидия. А может быть, это только доказательство, как тесна жизнь?

Богаевская (Анне). Вы посмотрите, какой нарядный городишко... (Отводит Анну ближе к плетню.)

Цыганов. Вы стали еще красивее... И что-то новое явилось у вас в глазах...

Лидия. Вероятно, это скука...

Черкун. Вам скучно?..

Лидия. Мне кажется – жизнь вообще не очень весела.

(Идет Редозубов со стороны станции. Подходит, останавливается, кашляет. Его не замечают. Поднимает руку к фуражке, – быстро опускает ее, как бы испугавшись, что это движение замечено.)

Черкун. Не ожидал, что вы так скажете...

Лидия. Почему?

Черкун. Не знаю... Но мне казалось – вы иначе должны смотреть на жизнь...

Лидия. Что такое жизнь? Люди. Я много видела людей, они однообразны...

Редозубов. Я – здешний градской голова...

Василий Иванов Редозубов... голова.

Черкун (холодно). Что же вам угодно?

Редозубов. Я к старшему. Вы – начальник?

Цыганов. Мы оба начальники, – можете это представить?

Редозубов. Все равно. Вам лес на шпалы понадобится?

Черкун (сухо). Милейший, о делах я буду говорить через неделю, не раньше...

(Пауза.)

Редозубов (удивлен). Вы... может, не того...

Черкун. Что?

Редозубов. Я сказал... я, мол, голова здешний...

Черкун. Я это слышал... ну-с?

Редозубов (сдерживая гнев). Мне шестьдесят три года... я староста церковный... весь город мне подчинен...

Черкун. Почему вы думаете, что мне нужно знать все это?

Цыганов. Почтеннейший! Когда мы несколько придем в себя – мы обязательно примем во внимание все ваши редкие качества...

Черкун. А пока оставьте нас в покое. Когда будет нужно – мы вас позовем!

(Редозубов, смерив Черкуна гневным взглядом, молча идет прочь.)

Анна. Зачем ты... так обидно, Егор? Он же старый...

Черкун. Нахал! Я знаю таких... Это не голова, а – пасть... глупая и жадная пасть... я знаю...

Цыганов (Лидии). Как вам нравится этот рыжий буйан?

Лидия (сухо). По совести – не очень.

Богаевская. Лида, нужно идти.

Анна. Мой муж всегда немного резок... но в сущности...

Черкун. Он мягок и добр, – ты это хотела сказать? Не верьте ей... Я именно таков, каким кажусь...

Лидия. До свиданья... Ой! Этот человек не умеет обращаться с лошадью... (Быстро идет направо, за ней Богаевская.)

Богаевская. Так мы вас ждем...

Цыганов. Благодарим и не замедлим.

Анна. А где этот студент... наш студент?

Черкун (смотрит на город). Не знаю.

Анна. Можно его попросить, чтобы он посмотрел за вещами, как ты думаешь? Степе – неудобно...

Черкун. Он – не лакей...

Цыганов. Жорж! Ты смотришь на этот город, как Атилла на Рим... До чего все измельчало на свете!

Черкун. Отвратительный городишко... У этой женщины были любовники?

Цыганов. Однако, брат... это вопрос!

Анна. Егор! Фи!

Черкун. Что? Ты шокирована? Ты не знаешь, что многие женщины имеют любовников?

Анна. Об этом не говорят так...

Черкун. Они не говорят, я – говорю. Это безнравственно?

Анна. неприлично и... грубо.

Черкун. Я думал – безнравственно. Были, Сергей?

Цыганов. Не знаю, мой друг. Не допускаю... И если мне скажут про нее что-нибудь... в этом роде – не поверю...

(Идут Притыкин, Дунькин муж.)

Притыкин. Пожалуйста, готово! Вещи ваши унесли на паром; прошу покорно!

Цыганов. Благодарю вас! Захлопотались вы, а?

Притыкин. Помилуйте!.. Пустяк... к тому же долг гостеприимства...

Цыганов. Вы – милейший человек, право! А скажите – что у вас здесь пьют?

Притыкин. Всё!

Цыганов. А что предпочитают пить?

Притыкин. Водку...

Цыганов. Вкус грубый, но – здоровый...

(Проходят.)

Анна (берет его под руку). Почему ты вдруг стал такой... сумрачный? Скажи!

Черкун. Я устал...

Анна. Это неправда... ты никогда не устаешь...

Черкун. Ну, так влюбился...

Анна (тихо). Зачем так грубо, Егор? Зачем?

Дунькин муж (подходит). Ваше сиятельство...

Черкун. Пошел прочь...

Анна (дает монету). Возьмите...

(Уходят.)

Матвей (выскакивает). Сколько дала?

Дунькин муж. Двугривенный. А всего мне попало рубль двадцать...

Матвей. Эх ты... А мне – два пятака...

Притыкин (кричит). Эй, парень!

Матвей. Бегу... (Убегает. Через плетень лезет Павлин.)

Павлин. Рубль двадцать, говоришь?

Дунькин муж (робко). Рубль двадцать.

Павлин. Покажи-ка... Н-да, верно... А за что? а? На, паршивец! Ступай... Стой! Сказал бы я тебе одну штучку... сказать?

Дунькин муж. Помилуйте, Павлин Савельич...

(Редозубов идет.)

Павлин (строго). Иди, иди! Чего трешься тут:

Редозубов. Ушли?

Павлин. Ушли...

Редозубов. С девицей ихней о чем говорил?

Павлин. Вообще... но ничего не мог... Я даже рубль ей дал.

Редозубов. Зачем? Она может сказать, что ты подкупал ее...

Павлин. Я – мысленно дал, Василий Иванович... Я только подумал – а что если я ей дам рубль? И решил – не поможет! Избалованная девица... (Редозубов смотрит на город, не слушая.) Василий Иванович! А ведь она беглая, Дунькина мужа дочь... сама в этом созналась...

Редозубов (вдруг, строго). А ты знаешь, что мне сам губернатор руку подает?

Павлин (благоговейно). Как же не знать! Это все знают:

(Пауза. Из окна доносится голос Степана.)

Редозубов (негромко). Кто это говорит?

Павлин (тихо). Ивакина племянник... студент...

(Слушают. Где-то жалобно воеет собака, дергает коростель.)

Степан. Вот построим новую дорогу и разрушим вашу старую жизнь... (Смеется.)

Редозубов (негромко). Слышал?

Павлин (убежденно). Врет он...

Редозубов. Помни! (Идет прочь. Павлин за ним.)

Занавес

Действие второе

Сад Богаевской. На деревьях растянута парусина, под ней простой, некрашенный стол, очень большой; за столом Черкун, перед ним ворох бумаг, карты, чертежи. Дом – с левой стороны, к нему ведет широкая дорожка, в глубине сада – забор. Под деревьями налево, в плетеном кресле, сидит Анна с книгой в руках.

Анна (потягиваясь). Тебе жарко?

Черкун. Конечно.

Анна. А Сергея Николаевича все нет... Ты всегда больше работаешь – и всегда ты вместе с ним. Почему?

Черкун (не поднимая головы). Он имеет то, чего у меня мало, – опыт, знания...

Анна. Но он такой... распущенный.

Черкун. Знания ценнее нравственности...

(Пауза.)

Анна. Какие любопытные все здесь. Подсматривают за нами, следят... Наивные люди...

Черкун. Говоря проще – идиоты...

Анна. Вот и теперь в соседнем саду кто-то ходит вдоль забора и смотрит в щели. Я вижу, как блестят глаза.

Черкун. Черт с ними... пускай блестят...

Степан (идет). Ну-с, нанял я этого Матвея Гогина, вот его паспорт...

Черкун. Не давайте: она сунет его куда-нибудь и потом будет спрашивать у меня, куда сунула... Это не очень забавно...

Степан. Ну, люди здесь! Удивительная дичь! Смотришь на них и начинаешь сомневаться в будущем России... А как подумаешь, сколько тысяч сел и городов населено такими личностями, – душой овладевает пессимизм во сто лошадиных сил...

Черкун. Пессимизм для рабочего человека – излишен, как белые перчатки. Что, каков этот Матвей?

Степан. Кажется, не очень глуп... Вот он сам идет. Я вам не нужен?

(Матвей подошел. Одет чище, чем в первом акте.)

Черкун. Нет. (Матвею). Ну-с, что скажете?

Матвей. Хочу поблагодарить вас, барин, за то, что взяли меня...

Черкун. Меня зовут Егор Петров, я так же, как и вы, крестьянин, а не барин. Благодарить нам друг друга не за что: вы будете работать, я буду платить вам деньги. А если вы вздумаете жульничать, я вас прогоню и отдам под суд... Это

Матвей. Понял. Уж постараюсь вам...

Черкун. Увидим... Идите.

Матвей (подумал, помялся). Покорно благодарю...

Черкун (взглянув на него). Все-таки?

Матвей. Чего-с?

Черкун. Ничего! Ступайте...

(Пауза.)

Анна. Как ты требовательно относишься к людям, Егор...

Черкун. Так они относились ко мне...

(Пауза.)

Анна. Тебе нравится Татьяна Николаевна?

Черкун. Ее племянница – больше.

Анна. Зачем ты дразнишь меня?

Черкун. Зачем позволяешь? Протестуй...

(На заборе показывается голова Гриши Редозубова.)

Анна (пугливо). Смотри, Егор! Смотри...

Черкун (удивлен). Вам что нужно?

Гриша (улыбаясь). Ничего. Я так... из любопытства только...

Черкун. Вы кто?

Гриша. Редозубов... сосед ваш...

Анна. Как он добродушно улыбается! Ты предложи ему, пусть идет сюда...

Черкун. Ну... идите же к нам! Познакомимся, что ли...

Гриша. Мне тут не перелезть... я – толстый...

Анна (смеясь). А вы идите через ворота...

Гриша. Мм... улицей, значит? Ладно... (Исчезает; идет Цыганов.)

Анна. Какой смешной!

Черкун. Вот тебе и развлечение.

Цыганов. Хотел уснуть и – не мог, черт побери! Летают уездные мухи джж, джж! И с размаха в стекло – бумб! Садятся на нос, щекочут...

Черкун. И, вероятно, голова болит со вчерашнего...

Цыганов. Да-а, знаешь... радушная встреча инженеров в уездном городе для меня сошла не совсем благополучно... Что такое они здесь пьют?

Черкун. Притыкин называет это зверобоем...

Цыганов. Штука высокого давления... Ты знаешь, Жорж... такая странность! У меня, видимо, начинается... отрыжка, что ли. Вдруг сегодня вспомнил эту... брюнеточка

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
такая... как ее звали? Хористка из оперетки... она потом утопилась в Мойке... ты знал такую?

Черкун. Нет...

Цыганов (задумчиво). Маленькая... милые глазки... И вот сейчас одна муха, которой я поджег папиросой крылья, почему-то напомнила мне эту девочку... как ее имя?

Анна (смотрит по направлению к дому). Что это? Он... смотрите!

Цыганов. Галлюцинация?

Черкун. Фу, болван какой!

Гриша (в тяжелой меховой шубе). Вот и я... ф-фу! Трудно мне!

Черкун. Послушайте вы... тип! Зачем это вы так нарядились?

Гриша (улыбаясь). В шубу-то? Это меня отец выпаривает... чтобы я похудел: мне осенью в солдаты идти... так вот он жир из меня выпаривает...

Цыганов. Остроумно...

Черкун. И вы позволяете так издеваться над собой?

Гриша. Чего же? С ним много не поспоришь... дерется. Да, может, и в самом деле, если похудею, не возьмут в солдаты-то!

Черкун. Ну, вот что – снимите шубу. На вас противно смотреть. Как вам не стыдно? Над вами, наверное, девицы смеются, – подумайте! Что за уродство! Вы должны сказать отцу, что больше не хотите... носить шубу в жару, – понимаете?

Гриша. Да-а, скажи-ка ему... попробуй!

Цыганов. Послушайте, юноша: а вдруг отец сядет на вас верхом и в праздник по улице возить себя заставит?

Гриша. Ну, он срамиться не станет: он гордый!

Черкун (настойчиво). Снимите шубу!..

Гриша (снимает). Ладно... только бы он не увидал!

Анна. Вы его любите, да?

Гриша (не сразу). Старый он... скоро, чай, помрет... тогда уж я сам себе хозяин буду!

Черкун. Ступайте домой и пошлите его ко мне.

Гриша (изумлен). Это кого – отца... послать?

Черкун. Ну да... он дома?

Гриша (теряется). Да... как же я скажу? Ишь вы! Послать... тоже! Разве можно? Он первое лицо...

Черкун (вскакивая). О, черт возьми! (Идет к забору.)

Гриша (пугливо). Что вы? Что он делает? Сударыня... Я уйду... ну вас тут! Вот озорник!

Черкун. Сергей! Не пускай его... (Кричит через забор.) Эй, кто там? Эй!

Анна (смеется). Егор! Право же, это лишнее:

Гриша. Сударыня! Это озорство! Заманили меня... а теперь... Я уйду... Что такое?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов. Юноша, будьте героем! Для этого вам нужно только смиренно ждать... садитесь!

Черкун (через забор). Это вы? Пожалуйте ко мне... Что? Да, сейчас!

Редозубов (за забором). Григорий! Гришка!

Гриша (испуган). Зовут... У-у-у! Батюшки!

Черкун. Он здесь, у меня...

Цыганов. Вот двигается еще один образец местной фауны...

Гриша (со страхом). Раз! Это Палагея Притыкина... ну!

Цыганов. Знаете что, вам надо выпить для храбрости... это помогает!

Гриша. Давайте... скорее! Ах ты... ну уж...

Анна (хохочет). Да полноте... ох, какой вы... чудак! Степа!

Притыкина. Здравствуйте!

Цыганов (кланяясь). Что вам угодно?

Притыкина. Татьяна Николаевна дома?

Цыганов. К сожалению, это мне неизвестно...

(Степа идет.)

Притыкина. Ах, Гриша! Здравствуй.

Гриша (бормочет). Ну вот... теперь началось...

Черкун. С вами здороваются дама, а вы сидите...

Анна (Степе). Принесите портвейн и ликер...

Цыганов. И коньяк, и водку...

Гриша. Я ее знаю...

Притыкина. Мы знакомы, как же! А это – ваша супруга? Какие они красавицы у вас...

Черкун. Она тоже не знает, где Татьяна Николаевна...

(Степа приносит поднос с бутылками.)

Притыкина. Это мне не очень интересно. Я ведь, коли правду сказать, не к ней, а к вам пришла... ее-то я всегда видеть могу, а вот с вами мне лестно познакомиться...

Черкун. Анна! Это к тебе, я думаю...

Цыганов (Анне). Я уверен, что это к вам... Ну-с, юноша, вам чего дать?

Гриша. Которое злее...

Притыкина. Нет, я ко всем. Супруга ваша, конечно, со стороны туалетов, но и вы, судари мои, тоже очень интересные...

Гриша (выпил). Ух! Сладко, а... здорово!

Цыганов (кланяясь Притыкиной). Весьма польщен... Юноша, запомните: эта влага называется – шартрез...

Анна (Притыкиной). Садитесь, пожалуйста...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Притыкина. Мерси! Я давно говорю Архипу, мужу то есть: «Окаянный! Познакомь с инженерами!» А он страшает: «Они, говорит, строгие». А вы вовсе не строгие, но, конечно, образованные и потому гордые... Что же? Всякому человеку погордиться хочется, – мы вот деньгами гордимся, а вы – науками... А у кого нет ничего, тот уж – что он? Вроде младенца, который год прожил да и помер, и сказать про него нечего! Я этак-то родила...

Анна (быстро встает). Может быть, вы пройдете туда, на веранду?

Притыкина. С удовольствием, дорогая вы моя, пройдусь! Какая вы приветливая, какая милая... И так я рада, что вы приехали, так рада! Городок у нас – милый, красивый, и кругом всё окрестности... и лесные окрестности, и полевые, и болотные... и клюква, уж столько клюквы!

Цыганов (посмотрел вслед дамам). Занятно, Жорж, право... интересная женщина!

Гриша (вдруг засмеялся). Она – дуреха!

Черкун. Что?

Гриша. Дура, говорю, она. Старая, а вышла за молодого замуж... Богатая она... Он все забрал у нее, а сам, конечно, бегаёт... Он – ловкий! Ух... отец идет! Заслоните меня... я еще хвачу...

(Цыганов закрывает собою Гришу. Гриша наливает большую рюмку ликера, быстро проглатывает ее и дико таращит глаза. Идет Редозубов, глядя исподлобья на Черкуна, за ним – Павлин с толстой тетрадью подмышкой.)

Редозубов (не кланяясь). Гришка! Ты чего тут делаешь?

Гриша (ухмыляясь). Так... ничего...

Черкун. Это я его пригласил...

Редозубов. Зачем?

Черкун. Нужно.

Редозубов. А он меня спросил, можно ли идти?

Черкун. Зачем?

(Молча смотрят друг на друга.)

Редозубов. Я его отец...

Черкун. Ну-с, долго разговаривать мне некогда... Ваш сын должен снять эту дурацкую шубу. Что за глупость!

Редозубов (удивлен). Позволь... что такое?

(Павлин осторожно отодвигается в сторону от Редозубова.)

Черкун. Если же он будет носить шубу, – я напишу воинскому начальнику, что вы заставляете вашего сына уклоняться от исполнения воинской повинности... вы поняли?

Гриша (вдруг). Папаша! Желаю в солдаты... ей-богу!

Черкун. Вы поняли? Это – уголовное преступление...

Редозубов (растерян). погоди! По какому праву? Павлин, будь свидетелем... Гришка, ступай домой...

Гриша. Папаша! Не могу я похудеть... не могу!

(Притыкин стоит слева за деревьями.)

Редозубов (спокойнее). Ты, господин, приехал дорогу строить... Строй! я тебе не

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru мешаю... и ты в чужое дело не мешайся, да! И... и глаза на меня... зеленые глаза – не тарашь... Григорий, домой! А я – жаловаться буду... я к губернатору поеду...

Цыганов (с ласковой улыбкой). И приедете на скамью подсудимых... Это в шестьдесят-то лет! Будучи городским головой, церковным старостой, кумом пожарного и прочее и прочее... Такая блестящая карьера и такой мрачный конец! Вы представьте себе это...

Редозубов. Григорий, иди домой, собака! Не слушай... не гляди на них...

Гриша (пьяно заплакал). Они тебя... в острог! И меня... в острог!

Редозубов (хватает его за руку). Иди, пес... (Быстро идет прочь.)

Черкун (вслед, спокойно). Почтенный, если вы побьете сына – это будет стоить вам дорого... (Идет за ними.)

Притыкин (удивлен). Испугался! Василий Иванов Редозубов – испугался!

Цыганов. Любит почет, а?

Притыкин. У-у, страсть! Ежели в могилу человека с почетом несут – он и тут завидует, так бы на его место и лег! Столбы каменные видели перед его домом? Улицу он ими загородил – хотел парадное крыльцо построить, как у князя Хрящеватого. Запретили ему портить улицу – седьмой год судится, не хочет уступить... И никогда никому он не уступал...

Павлин (выступает и докладывает, считая на пальцах). Человек, заметить смею, жестокий: одну супругу в гроб забил, другая – в монастырь сбежала, один сын – дурачком гуляет, другой – без вести пропал...

Цыганов. Позвольте, мой дорогой, вы – что такое?

Павлин. Я-с?... Меня все здесь знают...

(Пришла Степа, собирает со стола бутылки и уносит их.)

Притыкин. Дружок Редозубова-то... тоже – перец!

Павлин. Я со всеми людьми желаю дружно жить...

Цыганов. Вам угодно что-нибудь от меня?

Павлин. Точно так. Вот сочинение мною написано... и как вы человек ученый, то желал бы я знать ваш взгляд, о чем и прошу вас усердно. Называется оно: «Некоторое рассуждение о словах, составленное для обнажения лжи бескорыстным любителем истины»... Девять лет писал...

Цыганов (берет тетрадь). О чем же вы здесь рассуждаете?

Павлин. Против новых слов я... Как поступки человеческие остались с древности неизменны, а названия им даны другие, то я и противоречу этому... Вообще – против новых слов.

Цыганов. Что такое – новые слова?

Павлин. Например: раньше говорилось – ябеда, а теперь говорят корреспонденция...

Притыкин. Это он про то, как его в газете обругали за донос на учителя... Небось, голове Редозубову ты ни в чем не противоречил...

Павлин. Куст дерево тенью не покроет, Архип Фомич! Он выше меня по значению своему в городе... Недоступное – недосыгаемо!

Цыганов (идет к дому). Хорошо, я посмотрю вашу рукопись...

Павлин. Чувствительно благодарен...

Павлин. Сочту долгом...

(Все трое уходят. Над забором Редозубова появляется Катя, – она внимательно осматривает сад. Слышен голос Черкуна, – Катя исчезает. Идет Черкун, с ним Анна.)

Анна. Так издеваться над людьми за то, что они глупы, нехорошо!

Черкун. Они – злы...

Анна. Все равно – от глупости...

Черкун. Ну, я знаю, что ты скажешь...

Анна. Как тяжело с тобой, Егор!

Черкун. Тебе – тяжело? Мне пока только скучно... (Садится за стол.) Тебя там ждут эти... гости...

Анна. Иду. Ты... не хочешь поцеловать меня?

Черкун. Нет...

(Анна, быстро повернувшись, уходит. Черкун работает. Над забором снова появляется Катя, – бросает камень в Черкуна. Потом палку. Исчезает.)

Черкун (по направлению к забору). Эй вы, дикарь! Я не терплю таких шуток!

Катя (за забором). А мне наплевать на вас... слышали?!

Черкун (встает). Вы – женщина?

Катя. Не ваше дело... рыжий!

Черкун. Если вы и женщина... то все-таки и грубо и глупо швырять камнями...

Катя. А вы смеете обижать людей?

Черкун. Каких людей?

Катя. Ага, каких... Отца и брата...

Черкун. Ах, вот что! Но – все же нечестно из-за угла кидаться... Вы бы показались, что ли...

(Идет Степан и удивленно смотрит на Черкуна.)

Катя. Вы думаете, я боюсь вас?

Черкун. Могу подумать и это... Но вернее, вы – очень некрасивая.

Степан. Это вы с кем же беседуете, патрон?

Черкун. С дамой...

Степан (оглядываясь). А... где она?

Черкун. Там...

Степан. Ничего не понимаю! Вас хочет видеть исправник...

Черкун. Ну, что такое?

Степан. Не знаю. Пойду посмотреть даму...

Катя. Попробуйте-ка!

Черкун (уходя). Вы осторожнее... Она швыряет в мужчин палками.

Катя. Я только в рыжих...

Степан. Значит, меня вы не стукнете палкой?

Катя. Влезайте... увидите!

Степан. Гм... страшно! А все-таки – полезу!

Катя (является на заборе). Не нужно... Если увидит отец, он вам задаст. Что вам надо?

Степан. Ничего. А вам?

Катя. Когда придет рыжий – я непременно камнем в нос ему...

Степан. Ого! За что?

Катя. Уж я знаю! Скажите, красивая дама – законная жена рыжего?

Степан. А вам зачем знать это?

Катя. Нужно, значит. А он ее любит?

Степан. Вы об этом у него спросите... или у нее...

Катя. А вы будто не знаете?

Степан. Я не опытен в этом...

Катя. Как же... притворяйтесь! Все студенты – распутные, в бога не веруют и читают запрещенные книжки... я ведь знаю! И вы читаете запрещенные книжки?..

Степан. Грешен...

(Идет Цыганов, останавливается и с улыбкой слушает.)

Катя. Ах вы... бесстыдник! Зачем же вы это делаете?

Степан. Так, знаете... привычка!

Катя (негромко). Дайте мне одну... только которая интереснее... хорошо? Я очень люблю читать... ай! (Исчезает. Степан оглядывается.)

Цыганов. Похвально, юноша!

Степан (смущен). Ну... уж вы сейчас... Совсем ничего нет особенного... просто она просила книг... конечно, через забор... ну что ж такое?

Цыганов. Да я же ничего не говорю!

Степан. Но... вот вы улыбаетесь...

Цыганов. Не красно говорите, – значит, еще не влюбились...

Степан. Вот... любовь! К чему это?

Цыганов. Я тоже часто спрашивал себя – к чему? Но это мне не помогало, юноша, и я влюблялся... А она хорошенькая, знаете... такая чертовочка растрепанная... Желаю успеха... (Возвращается, взяв со стола сверток карт. Степан смотрит на забор, потом – хочет влезть на него. Идут Богаевская и Надежда.)

Богаевская. Это вы зачем же на стену-то лезете, молодой человек?

Степан. Я фуражку... повесил фуражку, а она упала туда...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Богаевская. Да ведь фуражка на голове у вас?

Степан. Это – не та... та была... другая...

Богаевская. Вы, кажется, голову потеряли, а не фуражку... Надежда Поликарповна, вот познакомься – Степан Данилович Лукин...

Надежда (внимательно осматривает). Очень молоденький...

Богаевская (закуривает папиросу). Ну и оставим его лазить по заборам... Вот все сюда идут... Ах, Надежда, говори ты меньше, – может быть, умнее покажешься людям...

(Степа является, приносит корзину с посудой, бутылками лимонада, ликером, собирает со стола бумаги, покрывает стол скатертью. Несколько времени спустя приходят доктор, Цыганов, Анна.)

Надежда (спокойно). У меня очень большой ум...

Богаевская. Не ври! Подумай – ведь кроме любви этой твоей... ты ни о чем не можешь говорить...

Надежда. Ни о чем не могу...

Цыганов (доктору). Сначала мы с вами выпьем, доктор, не так ли?

Доктор. И потом выпьем.

Цыганов. И потом, разумеется... Степа, готово? Вот... (Возится с бутылкой. Доктор тяжелым, неподвижным взглядом смотрит на Надежду. Анна подходит и садится рядом с ней.)

Анна. А должно быть, вам скучно жить здесь?

Надежда. Некоторые жалуются на это... А мне не скучно: я целые дни книжки читаю или сижу и думаю...

Анна. Вы что читаете? Романы?

Надежда. А что же еще? Был здесь один служащий в земстве, застрелился он потом...

Анна. Застрелился? Отчего?

Надежда. Не знаю...

Доктор (угрюмо и зло). От любви к ней...

Богаевская (укоризненно). Эк вы, батюшка...

Надежда (спокойно). Он давал мне какие-то другие книги, не романы... но они скучные были, и я их не читала...

Цыганов. А здесь, в городе, в жизни – бывают романы?

Надежда. Как же без этого? И здесь влюбляются...

Анна. Должно быть, жалка эта местная любовь...

Надежда. Любовь везде одинакова, если она настоящая...

Цыганов. А что такое – настоящая любовь?

Надежда. Которая на всю жизнь...

Цыганов. Гм... да! Вы много прочитали романов... Вам, вероятно, часто объясняются в любви...

Надежда. Нет, не очень... Вот служащий этот, который застрелился, письма мне писал, а до него – земский начальник говорил (доктор медленно отходит в сторону)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru – но после этого поехал на охоту, простудился там пьяный и в три дня умер...

Анна (вздрагнув). Умер?

Надежда. Да. Не нравился он мне. Пил много, носом сопел, и лицо у него было красное. Теперь вот доктор говорит, что влюблен в меня...

Богаевская (с упреком). Матушка ты моя! Помолчать бы тебе! (Встает, идет к дому. Среди деревьев стоит доктор и неподвижно смотрит на Надежду.)

Анна (подавлена). Как вы рассказываете... просто!

Цыганов (серьезно). А вы... как относитесь к нему?

Надежда. Никак. Он на мужа моего похож...

Цыганов. Что вы! Мне кажется – нисколько!

Надежда. Нет, похож. С лица – не похож, а по душе они родные. Оба рыбу ловить любят, а кто любит рыбу удить – он все равно что полумертвый: он сидит над водой, как будто смерти ждет...

Цыганов (Анне). Тут есть какая-то правда...

Анна. Это понравилось бы Егору...

Надежда. Какие у вашего супруга глаза обаятельные! И волосы... как огонь! И весь он – отличный мужчина... как увидишь – не забудешь! А у здешних мужчин у всех глаза одинаковые, и даже... как будто нет у них глаз...

Анна (негромко). Какая вы... странная!

Цыганов (медленно). Д-да-а... Я бы даже сказал – страшная...

Надежда (впервые улыбаясь). Вы это – серьезно?

Цыганов. Мое честное слово!

Надежда. Вот доктор тоже говорит...

Анна (тихо). Бедный доктор...

(Раздается смех Монахова. Идут Черкун, исправник. Монахов, Лидия, Богаевская.)

Черкун. Анна! Яков Алексеевич уходит...

(Остается в стороне с Лидией.)

Анна. Вы не хотите посидеть еще?

Исправник. Благодарствую! На первый раз – довольно. А знаете, Сергей Николаевич, я как-то так... незаметно – выпил весь херес. Действительно, адское вино!

Цыганов (рассеянно). Вы подождите – вот я скоро получу кое-что в этом роде...

Исправник. Жду! Нетерпеливо жду! (Хохочет.)

Монахов (подходит к доктору). Что, батя, а?

Доктор. Ничего... думаю – надо пива выпить...

Монахов. Пей! Тоска пройдет...

Исправник. Итак, завтра прогулка в лодках? В пять вечера пришлю за вами пожарных лошадей... А музыку – угодно?

Богаевская. Ну, уж избавьте, батюшка... какая радость, если уши лопнут? Да пожарные и в городе могут понадобиться.

Исправник. Чур меня! Я не люблю пожаров и вообще – жары! (Хохочет.) До свиданья, господи! Ужасно рад, что в моем городе будут жить такие люди... и прочее... не умею говорить речей...

Надежда. Вы на лошадях?

Исправник. Всенепременно. Вас доставить на дом? Прошу!

Цыганов. Куда вы, Надежда Поликарповна? Посидите!..

Надежда. Пора домой... До свиданья... Маврикий, я еду домой... До свиданья, Анна Федоровна!

Монахов. Домой? Чудесно, Надя...

Анна. Я всегда рада буду видеть вас...

Цыганов. Я – тоже...

Исправник. Ее приятно видеть, а? Вашу руку, мадам! Анна Федоровна, будьте здоровы! Сергей Николаевич, так я жду... кое-чего! Почтенная Татьяна Николаевна, доброй ночи...

Богаевская. Рано пожелал, батюшка... больно щедр!

Исправник. Для вас – мне ничего не жалко... А знаете, я благодарен голове, хоть он и вздорный мужик... Не пожалуйся он на вас – еще когда я познакомился бы с вами! Всех благ!.. (Идет с Надеждой.)

Анна (идет к доктору). Доктор, хотите пройтись по саду?

Доктор. Пожалуй... идемте.

Анна. Хоть бы сказали – с удовольствием...

Доктор. Я разучился говорить человеческим языком...

(Идут, разговаривая. Черкун и Лидия, говоря вполголоса, оба серьезные, идут к столу. Цыганов, сосредоточенно смотревший вслед Надежде, наливает себе большую рюмку чего-то и пьет. Монахов, стоя около стола, одобрительно щелкает языком.)

Черкун. Ну, Сергей, ты пьешь насмерть!

Цыганов. Поучись галантности у исправника, мой друг...

Черкун (Лидии). Извините меня... На минуту, Сергей... Послушай, эта глупая баба, жена акцизного, смотрит на меня такими жадными глазами...

Цыганов. Ты глуп, Жорж... как это приятно мне!

Черкун. Нет, серьезно... мне неловко...

Цыганов. Иди! Тебя ждут... (Черкун, пожав плечами, идет к Лидии). Маврикий Осипович, – ликеру?

Монахов. Не откажусь от удовольствия и в смертный час...

Цыганов. Правильно. И сигару... Вы в карты играете?

Монахов. А на что ж природа руки мне дала?

Цыганов. Э, да вы еще и остроумный человек. Владелец такой прекрасной женщины (Монахов смеется) – приятный собеседник...

Монахов (вдруг). Хотите пари?

Цыганов. Какое пари?

Монахов. Держу сто целковых против ваших пятидесяти, что вы влюбитесь в мою жену! Идет?

Цыганов (внимательно смотрит на него и – с изящным нахальством барина). Вы ничего не имеете против этого?

Монахов (чертит пальцем в воздухе). Ноль! Благословляю!

Цыганов (усиливая тон). А если – представьте казус! – она в меня влюбится?

Монахов. Держу пятьсот против ста за нет!

Цыганов (смеясь). Вы – премилый человек... Но пока – оставим это, а? И поиграем в карты... Зовите доктора.

Притыкин там с нашим студентом занят проверкой счетов... возьмем его, – ведь он не опоздает обокрасть нас, не так ли? (Идет в дом. Там Анна играет на пианино что-то грустное.)

Монахов. Конечно!

Цыганов. Люди становятся мельче, жулики – крупнее.

(Монахов хохочет. Из-за деревьев выходят Черкун и Лидия, идут медленно, останавливаются у стола и говорят стоя.)

Черкун. Вы долго будете здесь жить?

Лидия. Не знаю. Вероятно, месяц...

Черкун. Я – до зимы почти... до поздней осени...

Лидия. Я не люблю маленькие города: в них живут ничтожные люди... Когда я среди них, я спрашиваю себя, почему же они люди?

Черкун. Да, да!.. Среди них застывает энергия. В больших городах она кипит день и ночь. Там неустанно трение враждебных сил, там никогда не прерывается битва за жизнь. Горят огни. Звучит музыка. Там все, чем жизнь красна.

Лидия. Большой город, он – как симфония. Как сказочный зал волшебника, где всё есть и всё можешь взять. Там – хочешь жить!

Черкун. Да, жить! Я хочу жить много, жадно... Я видел, я испытал все пошрое, все тяжелое. Было время – меня унижали только за то, что я хотел есть. А вы не знаете, как унижают человека за то, что у него нечистое белье и не острижены вовремя ногти?

Лидия. Я вижу – вам было плохо...

Черкун. Ну да! Мне очень нужно посчитаться с людьми за прошлое, очень! Во мне нет жалости, нет снисхождения к тем жадным и тупым животным, которые командуют жизнью... И бессилие тех, которые подчиняются, меня приводит в ярость...

Лидия. Вам и теперь нехорошо живется?..

Черкун. Теперь? Да... и теперь...

Лидия (широким жестом указывая вокруг). Вам нужно не это, – нужно широкое поле битвы. Мне кажется, вы способны на что-то крупное... большое... Вы такой... прямой... Но – умеете ли вы оценить себя? Оценить себя выше – это не ошибка, можно подняться, прыгнуть; но понизить цену себе – это значит наклониться, чтоб другие прыгали через твою голову.

Черкун. Я понимаю это...

Лидия. Мне кажется – человек не должен иметь много, но пусть то, что он имеет, будет великолепно! Не нужно быть жадным... не нужно загромождать свою душу

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
дешевым, мелким... Жизнь делается красива тогда, когда люди будут желать редкого...

Черкун. Вы – романтичны.

Лидия. Разве это плохо... если это так? Кто это?

(Идет дунькин муж. Он еще более оборван, чем в первом действии. Пьян и шагает смело.)

Черкун. Что вам угодно?

Дунькин муж (вдохновенно). Позвольте вам сказать... я – отец!

Черкун. Чей отец?

Дунькин муж. Ее... которая у вас... горничная... Степанида... Она беглая... от меня. И я – требую... потому – отец! Что поделаете? Могу требовать...

Черкун (Лидии). Вот почти таким был мой отец...

Лидия. Прогоните его, – он противен...

Черкун. Что вам нужно?

Дунькин муж. Жалованье... Дочь – чья? Моя. И жалованье – мое, оттого я и требую... А то – возьму ее, дочь свою... Павлин говорит: никто не может держать у себя чужую дочь... если она беглая... а отец всегда может требовать жалованье... Павлин говорит...

Черкун. Вы – не отец. Родить ребенка – это еще не значит быть его отцом... Отец – это человек, но разве человек – вы?

Лидия (усмехаясь). Как вы молоды! Он не поймет; зачем вы говорите?

Черкун. Да, не поймет... Ну, вы... ступайте прочь!

Дунькин муж (отступая). А... жалованье?

(Идет Анна, остановилась, смотрит.)

Черкун. Ступайте прочь!

Дунькин муж (испугался и несколько отрезвел). Ну ничего... я уйду... только – дайте хоть полтинник!

Лидия (бросая монету). Идите...

Черкун. Живее! Но?

(Дунькин муж, не оглядываясь, исчезает. Из кустов смотрит Анна.)

Лидия (улыбаясь). Как просто! Вот он и променял свою дочь на маленький кусок плохого серебра. А нас хотят заставить жалеть, даже любить таких людей... вам это нравится? Разве им поможет жалость? И разве можно их любить? Вот... Анна Федоровна! Устали от гостей?

Анна (сухо). Нет, ничего. Они играют в карты... Я вышла посмотреть...

Черкун (подозрительно). Посмотреть – на что?

Анна. Я видела, как прошел в сад этот жалкий человек...

Лидия. Ну, я иду домой... Мы вечером увидимся, я не прощаюсь...

Черкун. Да... мы увидимся...

(Лидия уходит. Черкун смотрит вслед ей. Анна наблюдает за ним, кусая губы. К ней бросается Степа.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Степа. Он за мной приходил... за мной?

Анна. Нет, Степа... это так... не бойся!

Степа. Христа ради... не отдавайте меня ему...

Анна. Да нет же! Ты успокойся... иди!

Степа. Я в монастырь уйду! Туда его не пустят... Туда ведь не пустят?

Черкун. Идите, Степа! Все это чепуха... Он ничего не может сделать с вами...

Анна. Мы не дадим вас ему...

Степа (уходя). О господи...

Анна. Мне кажется, Егор, этого человека нужно как-нибудь:

Черкун (резко). Ничего не нужно делать как-нибудь!

Анна (ласково). Ты раздражен...

Черкун. Нет. Но я хочу тебе сказать – ты слишком ярко подчеркиваешь свою неприязнь к Лидии Павловне:

Анна. Позволь! С чего ты взял?

Черкун. Неправда – везде излишня, тем более меж нами, Анна... Она мне нравится, с ней – интересно; ты это видишь и боишься...

Анна (тревожно). Чего боюсь? Я... не боюсь, нет!

Черкун. Я ведь вижу, Анна...

Анна. Что? Что ты видишь? Скажи... скажи... скорее... Нет, не говори... прошу тебя, – не надо!

Черкун (угрюмо). Тише, Анна:

Анна. Молчи! Прошу тебя... Дай мне привыкнуть к мысли...

Черкун. Эта мысль давно уже с тобой, а ты все не привыкла...

Анна. Но если – не могу! Ведь я люблю тебя, люблю! Я все тебе прощаю...

Черкун. Прощенья мне не нужно...

Анна. Я скучный, я обыкновенный человек... я знаю это, да! Но я люблю тебя... И не могу я без тебя... я не могу. Разве за это можно презирать? Разве можно... так жестоко...

Черкун. Я тебя не презираю... Это неправда... Но я уже не люблю тебя. Вот правда...

Анна. Но ты любил меня... Нет... подожди! Ты ошибаешься.

Черкун. Это сгорело. А не любя живут с женами только развратники... или лгуны...

Анна. О, подожди! Подожди... Дай мне время... я попробую, быть может, я буду... другой! Быть может, я не буду такой неинтересной...

Черкун. Эх, Анна! Стыдись! Как можно отречься от себя?

Анна. Мой дорогой! Любимый мой... Я не могу жить без тебя...

Черкун (твердо). А я – с тобой... (Идет к дому. Анна, подавленная, медленно садится к столу. Шум; кто-то перелез через забор, как слышно по звукам. Анна не слышит. Из-за деревьев выбегает Катя.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Катя (обнимая Анну). Милая, славная моя! Вы не плачьте... он подлец...

Анна (вскакивая). Уйдите! Кто вы?

Катя. Он – дурак! Разве так можно говорить? Разве можно не любить вас?

Анна. Кто вы? Как вы...

Катя. Я – Катя, я Редозубова! Вы его бросьте... вы молодая, полюбите еще! Полюбите другого, хорошего, доброго... А ему... Я бы отхлестала его по щекам...

Анна. Зачем вы слушали? О боже мой!

Катя. Я все знаю, что у вас делается... я целые дни слежу за вами в щель... и так люблю вас, так люблю!

Анна (несколько оправляясь). Это нехорошо... подслушивать...

Катя. А почему нехорошо? Надо все видеть, это интересно! Вот, если б я не пришла, вы бы сидели одна и плакали... А теперь я буду утешать вас...

(Идет Степан.)

Анна. Молчите... тише! Вы ничего не знаете, не слышали... прошу вас!

Катя (с важностью). Я понимаю! Ах, это... этот!

Степан (снимая фуражку, кланяется). Тот самый... Через забор изволили прибыть?

Катя. А вам какое дело? Вы думаете, если я через забор, так уж и дурочка? Я не глупее вас... убирайтесь!

Степан. Вот тебе и раз! Чем я прогневал...

Катя (топая ногой). Молчите! С вами не разговаривают... Идемте! (Берет Анну за руку.)

Анна. Я: простите меня... не могу... мне некогда...

Катя. Я понимаю... Я буду с вами... Идемте! (Ведет ее в глубину сада. Степан недоумекает. Идут Редозубов и Павлин, Редозубов растрепан и взволнован.)

Редозубов. Будь свидетелем, Павлин... давеча сына сманили... напоили... теперь дочь... (Степану.) Ты кто?

Служащий? Зови господ... Гляди, Павлин...

Степан. Вы ошибаетесь, почтенный...

Редозубов. Мне все равно! Здесь – вертеп, да Ах, фармазоны, а? Зови их!

Степан. Не хочу...

Редозубов. Как? Я тебе говорю, а ты...

(Черкун идет.)

Павлин. Они – студент:

Редозубов. Ага! Значит, одна шайка:

Черкун (спокойно) что такое? В чем дело?

Редозубов. Где дочь?

Черкун. Не знаю...

Редозубов. Врешь, фармазон!..

Черкун (Степану). Что такое – фармазон?

Степан. Первый раз слышу...

Редозубов. Не шути, барин! Где дочь?

Павлин. По-научному если – франкмасон говорится.

Черкун. Послушайте, старик: ваша дочь бросала в меня камнями, а больше я ничего не знаю о ней... Вы понимаете?

(Катя бежит.)

Редозубов. А это что? Катерина... кто велел...

Катя. Ну, не шуми... Иди сюда! Иди, иди... не бойся, он не пойдет...

Редозубов. Дочка моя! Не место тебе тут...

Катя (Черкуну). Вы – не ходите! Слышите... вы! Урод!.. (Уходит, увлекая за собой отца. Степан смеется. Черкун, улыбаясь, смотрит на него. Павлин поджал губы и наблюдает.)

Черкун. Нелепо... но очень мило, право! Славная девчужка... Пришла, командует... гм...

Степан (смеясь). Ах, черт возьми! Ведь ловко, патрон?

Черкун. Надо поговорить со стариком...

(На заборе появляется голова Гриши. Лицо у него испуганное.)

Павлин. Осмелюсь сказать – вы его вполне потрясли и нарушили...

Черкун (Степану). Это кто?

Степан (усмехаясь). Местный мудрец... и прочее, что потребуется...

Гриша. Барин, эй!

Черкун. Ну?

Гриша. А он меня не бил... ей-богу!

Катя (бежит). Послушайте... вы! Подите сюда: отец зовет вас... Ну, чего вы зубы оскалили? Я все знаю про вас... У-у, рыжий! (Показывает ему язык и убегает Степан раздражается хохотом. Павлин не знает, как отнестись к этому. Черкун улыбается, идет на зов Кати. Гриша опасно следит за ним.)

Занавес

Действие третье

Тот же сад. Вечер. Солнце заходит. На деревьях висят разноцветные фонарики. Стол уставлен винами и закусками; вокруг него, в беспорядке, разнообразные стулья. Около стола возится Степа; Матвей Гогин, одетый очень чисто, открывает под деревьями бутылки пива. В глубине сада у забора стоит Притыкин; рядом с ним Монахов тихонько наигрывает на кларнете. В доме шумят. Кто-то одним пальцем играет на пианино «Чижика» и все сбивается. Хохочет исправник.

Матвей. Я уже около трех сотен накопил...

Степа. Какое мне дело до этого?

Матвей. Значит – не дурак...

Степа. Я не говорила, что вы дурак. А вот вы жадный... всё про деньги говорите... как все мужики...

Матвей. Что ж – мужики?

(Черкун идет к столу, вслед за ним Надежда.)

Черкун. Степа, дайте сельтерской! (Надежде.) И вы захотели освежиться? Душно там, да?

Надежда. Нет... ничего...

Черкун. Почему это вы так... странно смотрите на меня?

Надежда (негромко). Что же тут странного?

Черкун (усмехаясь). Не дать ли вам холодной соды... сельтерской, а?

Надежда. Нет, я не желаю...

Черкун (идет обратно). Ну-с, пойду доигрывать...

(Надежда медленно идет за ним.)

Матвей (упрямо). Что я мужик, ничего не значит! Степан Данилыч студент, он все знает... он говорит – раньше все люди мужиками были, а потом, которые умные, господами сделались... вот оно!

Степа. Отстаньте... не люблю я таких...

Матвей. Женюсь – полюбите... Я парень здоровый...

Степа (как бы про себя). Я в монастырь уйду...

(Идут исправник и Цыганов, оба выпивши.)

Матвей (смеется). Ну, это вы врете... в монастырь... тоже!

Исправник (у стола). Здесь все прекрасно, но закуска и выпивка далеко.

Цыганов (наливая вино). Она – эпическая женщина...

Исправник. Вы всё про нее?... Н-да... зверь! Я вот два года за ней ухаживаю... Мужчина не урод, как видите, военный и прочее. Вы, говорит, не герой... А почему я не герой? Неизвестно. И, наконец, что такое – герой? В уездном городе и вдруг – герой! Смешно...

(Монахов и Притыкин идут к столу.)

Богаевская (кричит). Яков Алексеевич, вам сдавать!

Исправник (идет с куском в руках). Спешу...

Цыганов (Монахову). А мы вот всё говорим о вашей супруге...

Монахов. Приятно слышать... А что именно вы говорите, если это не секрет?

Цыганов. Хотим понять, что она такое? И не понимаем...

Притыкин. Женщину очень трудно понять:

Монахов. Это ты про Марию Ивановну?

Притыкин (дергает его за рукав). Нет, вообще... Редкие понимают женщину...

Монахов. Что мне нужно, я, батя, понял... а что не нужно, того и понимать не надо...

Притыкин. Это, конечно, спокойнее. Опять же – всего никогда не поймешь...

Цыганов. Где вы ее достали, мой друг, а?

Монахов. В епархиальном училище за обедней заметил...

Притыкин. Вон она идет... и доктор около...

(Смеется. Монахов негромко вторит ему. Цыганов смотрит на них, и усы его презрительно вздрагивают.)

Монахов (Цыганову). А Мопассана вашего она не одобряет, – скучно, говорит, и очень все кратко. Зато мне он нравится! Такие есть штучки... ой-ой!

Цыганов. Надежда Поликарповна, хотите еще шампанского?

Надежда. Пожалуйста... Мне очень нравится оно...

Монахов. Смотри, Надежда, будешь пьяной...

Надежда. Какие грубости ты говоришь! Люди могут подумать, что я уж была пьяная. Зачем ты ходишь с этой палкой?

Монахов. А вот скоро играть буду.

Притыкин (берет Монахова под руку). Идемте, посмотрим, как исправник козыряет...

(Идут. Монахов – неохотно.)

Цыганов (подает бокал Надежде). Вам не нравится кларнет?

Надежда. Я гитару люблю, на ней можно играть очень трогательно. А кларнет всегда точно с насморком... Вы очень много пьете, доктор...

Доктор. Меня зовут Павел Иванович...

Цыганов. Представьте! Первый раз слышу ваше имя... странно, а?

Доктор. Что – имя? Здесь души не замечают...

Цыганов. Какой вы всегда невеселый, дорогой мой Павел Иванович...

Доктор. Не всякий способен смеяться в мертвецкой...

Черкун (кричит). Сергей! Тебя зовет Лидия Павловна...

Цыганов. Извиняюсь... Иду...

Доктор (тяжело смотрит на Надежду). Он вам нравится, этот?

Надежда. Приятный... говорит интересно и всегда чисто одет...

Доктор (негромко, глухо). Он – мерзавец. Он хочет развратить вас... он это сделает... мерзавец!

Надежда (спокойно). Вы всегда всех ругаете, и при этом видно, что у вас зубы гнилые...

Доктор (страстно и тоскливо). Надежда! Я не могу видеть тебя среди них... это убьет меня! Голосом души своей говорю – уйди! Они жадные... им ничто не дорого... они готовы всё пожрать...

Надежда (встает). Зачем же вы говорите на ты? Это вовсе невежливо...

Доктор. Не уходи! Послушай... ты, как земля, богата силой творческой... ты носишь в себе великую любовь... дай же мне частицу ее! Я весь изломан, раздавлен страстью... Я буду любить тебя, как огонь, и всю жизнь!

Надежда. Ах, господи... ну если вы мне совсем не нравитесь! Вы посмотрите на себя – какой же вы любовник? Даже смешно это...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Доктор. Смотри же... помни! Я лягу на твоём пути, – увидишь! Один уже убит тобой...
Я буду вторым... Как только я увижу, что этот прохвост овладел тобой...

Надежда (с легкой досадой). Вы, право, очень глупый человек! Как это можно овладеть мною, если я не хочу? И все это совсем не касается вас... Какой вы досадный... даже нестерпимо!

Веселкина (бежит). Вы можете представить, какая неожиданная новость? Вдруг – приехала Анна Федоровна... Я ничего не понимаю! Значит, – они не разошлись? Или снова сошлись? А как же тогда Лидия Павловна? Ведь он в нее влюблен...

(Доктор отходит к столу и тяжело смотрит на Надежду.)

Надежда (медленно). Как это интересно... Только я не верю... что он влюбился в Лидию Павловну...

Веселкина. Что вы! Весь город знает это...

Надежда. Этого нельзя знать, милая, потому что это – в сердце.

Веселкина. И в глазах, и в голосе...

Надежда (задумчиво). А вот зачем она приехала... его жена? Зачем? Хотя она и неопасная противница...

Доктор. Кому?

Надежда (не сразу, медленно). А вам какое дело?

Веселкина (доктору). Вы нездоровы? У вас лицо...

Доктор (негромко, как эхо). А вам какое дело?

Веселкина. Фу, как невежливо! Пойдемте, дорогая, посмотрим, как все это будет...

(Идут. Из-за деревьев является Монахов, подходит к доктору с усмешкой.)

Монахов. Что, батя, а?

Доктор. Сто раз я слышал этот умный вопрос... Что вы хотите знать? Ну?

Монахов. Шш! Эк вы... Мне ничего не надо знать... я знаю все, что надо...

Доктор (зло). Вы знаете, что я... люблю вашу жену?

Монахов (тихо, с усмешкой). Кто этого не знает, батя?

Доктор (хочет уйти). Ну... и ступайте к черту!

Монахов (хватает его за рукав). Тс! Зачем ругаться? Мы рождены не для волнений, сказал поэт... и не люблю я ничего драматического...

Доктор (резко, тихо). Что вам нужно?

Монахов (таинственно). Чтобы она – несчастье испытала... чтобы удар дали... но – не я! И не вы, батя... Вас мне жалко... я ведь – добрый... и я вижу... все вижу. От удара она мягче будет... несчастье смягчает... поняли, батя?

Доктор. Вы... пьяны? Или вы...

Монахов (с усмешкой). Выпил... все выпили! Разве это не приятно? Это очень приятно...

Доктор (злобно). Вы просто... гадина! (Быстро идет прочь. Монахов подходит к столу – на лице его жалкая, странная улыбка. Наливает вина. Бормочет.)

Монахов. Да... тебе, брат, больно? А мне – не больно?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Притыкина (идет, за ней Дробязгин, Веселкина). Маврикий Осипович, слышал, а?

Монахов. Что именно?

Веселкина. К Черкуну жена воротилась...

Монахов (как всегда). Уже воротилась? Н-да... как же к этому происшествию нужно отнестись?

Притыкина. Сам-то не понимаешь, батюшка?

Веселкина. Ведь он влюбился в Лидию Павловну...

Дробязгин (торопливо). По-моему, они очень подходят друг к другу...

Монахов. Вот и прекрасно...

Притыкина. Что же тут прекрасного? (Дробязгин оглянулся, взял со стола грушу и незаметно ест ее.)

Монахов. Всё. И что они подходят, и что она воротилась... и вы все прекрасные люди, и я хороший человек... Главное – не надо нам мешать друг другу... (Смеется и идет.)

Притыкина. А верно, хороший он... только мало понимает...

Веселкина. Ему некогда понимать, нужно за женой следить...

Дробязгин. Надежда Поликарповна – скромная женщина...

Веселкина. Вы всегда всё знаете! Она только и ждет, как бы влюбиться в кого-нибудь...

Дробязгин. Этого все желают... даже курицы...

Притыкина (вздыхая). Вот уж верно... все желают!

Веселкина. Вы, Пелагея Ивановна, Архипа Фомича любите?

Притыкина. Я-то его очень, да он-то меня не особенно... Ну, что ж делать? Сама виновата: не ходи сорок за двадцать... Вон – голова идет... и сама рожденница с ним... очень милая женщина!

(Идут Богаевская, Редозубов с сыном, Павлин. Дробязгин подтягивается, принимая скромный вид. Гриша делает ему дружеские гримасы, Веселкина смеется, видя это.)

Павлин. Я говорю ей: монастырь – это, девушка, не трудно, а ты вот гнусного родителя твоего возьми и пригрей, – это ноша, это, говорю, крест...

Редозубов. Слышишь, Гришка?

Гриша. Слышу... Ведь я в монастырь не хочу... чего же?

Редозубов. Эх... дурак!

Притыкина. Уж как все хорошо у вас, Татьяна Николаевна! Всего-то много, и все вкусное, все редкое... ох, дорогая вы моя, как это приятно!

Богаевская. Ну, я рада, коли угодила... Жарко вот очень...

Притыкина. А вы лимонаду с коньячком... меня Сергей Николаевич научил лимонад с коньяком пить... освежает!

Редозубов (тоскливо). Татьяна Николаевна! Зачем ты меня позвала? Сидел бы я дома... Вон Павлин говорит – это, говорит, Валтасаров пир...

Богаевская. Оставь детей и уходи, коли не нравится... А Павлин глупости говорит, хоть он и старик...

Редозубов (задумчиво). Заглотал он меня... Что хочет, то и делаю... Это – я?

Богаевская. Зато глупостей меньше делать стал. Давно уж тебя, батюшка, следовало ограничить...

Редозубов. Столбы сломал я... Семь лет за них держался, сколько денег убил по судам...

Павлин. Столбов – жалко. Очень украшали они улицу.

Богаевская. Ну и врешь...

Притыкина. Ездить стеснительно было... а так – ничего! Все-таки каждый видит, каждый спросит, чьи столбы? И знает, что вот в Верхополье городской голова – Редозубов...

Редозубов. Гришка! Чего глаза пялишь на бутылки?

Гриша. Я так, папаша... Больно много их...

Богаевская. Что ты на него орешь? Сам сделал парня дураком, да сам же и сердится...

Редозубов. Ты думаешь, я не вижу, что делается? Эти фармазоны... они варвары, они – нарушители! Они всё опрокидывают, все валится от них...

Богаевская (позевывая). Видно, плохо было построено...

Редозубов. Ты – барыня... тебе ничего не жалко... Вы, баре, чужими руками делали, оттого вам и не жаль... а мы – своим горбом... да...

Богаевская. Да, мы не жадничали... И что нами хорошо было сделано, то, батюшка мой, осталось... А вот умрешь ты, и на месте, где жил, останется только земля испорченная... земля ограбленная.

Редозубов (гневно). Гришка! Иди прочь... Где Катерина? (Идут исправник и Притыкин.) Зови ее домой... иди! Вон – Архип идет... чем он меня лучше? А его наравне со мной ставят... (Идет прочь. Павлин за ним.)

Богаевская. А пожалуй, напрасно я старику-то наговорила... а? Вот... дура...

Притыкина. Ну, дорогая, а он как говорил?

Исправник. Ваш дом – эдем, Татьяна Николаевна, и сами вы – богиня...

Богаевская. Да, очень похожа...

Исправник. А посему – желаю вам праздновать день вашего рожденья еще раз пятьдесят!

Богаевская. Не много ли?

Притыкин. Действительно, Татьяна Николаевна... верно! В другом бы месте Редозубов излял меня, как собака, а у вас – не может! Потому – вас все уважают... и никто ничего не может...

Богаевская (спокойно). Знают, что вон выгнать могу...

Исправник. Браво!

Притыкин (с восторгом). Знают!

Притыкина (вздыхая). Это очень хорошо, если человек чувствует, что его выгнать могут!

Притыкин (жене, значительно, задорно). Это вы... насчет кого же?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Притыкина. Вообще! А ты думал – про тебя?

Притыкин. То-то.

Исправник. Смирно-о! Выпили, закусили, – ну-с?

Притыкин. В стуюлку?

Притыкина. В стуюлку и я буду...

Исправник. Извиняюсь...

Богаевская. Идите, батюшка, идите...

(Все уходят. Богаевская сидит в кресле, обмахиваясь платком. С правой стороны доносится голос Степана. Матвей развешивает и оправляет фонарики. Степан и Катя идут рядом. Степан, как всегда, говорит резко и как бы насмешливо.)

Степан... Там горит великий огонь разума, и все честные, все умные люди видят при свете его, как грязно и скверно устроена жизнь...

Катя (негромко). Там много честных и умных?

Степан (усмехнулся). Ну... не очень... (Богаевская тихо смеется.) Потому-то я и говорю – идите туда! Отдайте хоть два-три года вашей юности мечтам о новой жизни и борьбе за эти мечты. Бросьте частицу вашего сердца в общий костер протеста против пошлости и лжи...

Катя (просто). Я пойду...

Степан. Быть может, вы испугаетесь и снова вернетесь в это болото... но – будет у вас чем вспомнить юность... а это – хорошая награда за то, что вы можете дать...

Катя. Я не ворочусь...

Степан. Сюда, в этот чертов угол, не долетает ни звука той жизни... Вы посмотрите, как слепы, глухи, глупы все здесь...

Катя (вздрыгнула). Монахов и доктор похожи на лягушек...

Степан. Что вам делать здесь? Ну, выйдете вы замуж за какого-нибудь купчика, вроде вашего брата...

(Видит Богаевскую, немного смущен, поправляет фуражку.)

Богаевская (улыбаясь). Что, милый? Чего конфузитесь?... Он хорошо говорит, Катюша... честно говорит! Ничего не обещает – это хорошо... А когда обещать начнет – не верь...

Степан (грубовато, очень искренно). Знаете... славная вы... честное слово!

Богаевская. Ну, ну... идите! Идите... живите!

(Степан и Катя уходят.) Эх... милые вы мои человеки... (Идет Лидия, читает какую-то записку, нервно двигает бровями.) Лидуша!

Лидия. А, вы здесь? Надоели вам эти люди, да?

Богаевская. В мои годы люди скоро надоедают... Послушай-ка, хочу я тебе сказать... присядь-ка! Видишь ли, я тринадцать лет безвыездно прожила здесь... одичала я и многого теперь не понимаю... так ты уж извини мне... ежели я что-нибудь не так скажу...

Лидия (кладет ей руку на плечо). Не нужно говорить об этом... Ведь вы... по поводу моих отношений к Черкуну?

Богаевская. Да, да... Болтают они тут... перемигиваются...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лидия. Что нам они?

Богаевская. Ну... не о чем и говорить.

Лидия (задумчиво). Вот... если хотите... Его жена прислала мне записку, в которой сообщает, что у нее нет вражды ко мне... что-то в этом роде. Как жалки люди, не правда ли?

Богаевская. Люди-то? Да-а... Ее мне жалко...

Лидия (улыбаясь). Надеюсь, вы не считаете меня способной отнять у нищего его единственный кусок?

Богаевская. Ну что ты, Лидочка! Ты – Богаевская, а этого достаточно, чтобы знать себе цену... Ну, отдохнула, пойду к ним снова... Скажи – он нравится тебе?..

Лидия. Не очень... Но среди других...

Богаевская. Груб он... резок... Ну, дай бог счастья тебе...

Лидия. О, тетя... если я захочу, я сама возьму...

Богаевская (тихо). Вот они идут...

Лидия (пожимая плечами). Зачем же шептать?

(Идут Анна, Надежда, Черкун.)

Богаевская. Здравствуйте, Анна Федоровна... Вот как приятно для меня: день моего рождения, и вы приехали...

Анна (нервно оживлена). Поздравляю вас... Здравствуйте, Лидия Павловна. (Лидия подает руку, молча улыбаясь.) Так странно мне – я жила это время почти одна, в глухом деревенском углу, в тишине... и вот теперь попала прямо в этот шум... даже голова кружится!..

Черкун (хмуро). Ты бы отдохнула...

Анна. Потом... А где же Катя?

Надежда (Лидии). Какая Анна Федоровна миленькая стала, – смотрите-ка!

Лидия. Она всегда была такой красивой... мне кажется...

Катя (бежит). Приехала! Ай, как хорошо... как я рада, милая... приехала! Как похудела... а глаза какие...

(Они обнимаются. Черкун хмурит брови. Надежда следит за ним и Лидией. В кустах Веселкина, Монахов.)

Анна. Какие?

Катя. Серьезные... беспокойные.

Анна. Как ты живешь, скажи?

Катя. Мне хорошо... интересно! Я все гуляю с Лукиным... отец меня грызет за это – ух как! А Лукин – он очень умный... только говорит со мной, как с девочкой... Он гораздо лучше говорит с мужиками... Пройдемся, а?

Анна (идет). Он ведь сам из простых...

(Цыганов идет. Черкун смотрит вслед жене, из-за деревьев ему улыбается рожа Монахова. Вдали стоит доктор. Лидия, напевая, чистит грушу.)

Черкун. Ты что же бросил гостей?

Цыганов. Надежда Поликарповна ушла, а вдали от нее – я чувствую себя не на своем

Надежда. Как хорошо вы говорите комплименты: сразу и не поймешь даже...

Цыганов. Благодарю за комплимент:

Надежда. А вот Егор Петрович... никогда не говорит любезностей...

(Лидия идет к дому.)

Цыганов. Это мужчина дикий, невоспитанный...

Надежда. Маврикий! Что ты там нашел?

Монахов. Паука...

Надежда. Какие гадости!

Монахов. Я люблю наблюдать... занятие поучительное...

Цыганов. Чему же учит вас паук, а?

Монахов. А вот он поймал букашку и – сам-то маленький – не может сладить с ней... Посуетился около нее, к соседу побежал – помоги, дескать, съесть...

Доктор (издали, грубо и глухо). Он действует, как вы, Монахов... совсем как вы... (Идет прочь.)

Цыганов. Что такое?

Надежда. О господи... вот испугал.

Монахов. Выпил! В пьяном виде многие философствуют. (Идет туда, где скрылся доктор.)

Черкун. Удивительно грубое животное этот доктор!

Цыганов. Вы слышите, как говорит этот рыжий господин, а?

Надежда. Правду говорит... и это очень хорошо... И всегда Егор Петрович говорит прекрасно...

Цыганов. Нам придется стрелять друг в друга, Жорж, я это чувствую!.. Богиня моя, уйдемте прочь от него... он скверно действует мне на нервы... Давайте гулять по саду и говорить о любви...

Надежда (идет). А вот Егор Петрович никогда не говорит о ней...

Цыганов. Он – личность бесстрастная...

Надежда. Уж это извините... Как вы хорошо зовете его – Жорж.

(Уходят. Черкун озабоченно колотит пальцами по столу и резко насвистывает что-то. Идут Анна, Катя, Степан. Со стороны дома слышен торжествующий голос Притыкина. Ко времени, когда Анна начинает говорить о детях, у стола являются исправник, Притыкин. Гриша, шевеля губами, внимательно читает этикетки на бутылках.)

Притыкин. А я-таки наговорил словечек старому черту Редозубову, будет он меня помнить. Он боится задеть меня здесь, а я тут – свой человек! (Хохочет.)

Анна. Прошло два месяца, но, право, точно годы я прожила! Так все это страшно...

Степан. Да-с... жизнь серьезная...

Анна. Ты знаешь, Катя, – есть люди, которые с наслаждением бьют женщин... кулаками по глазам... по лицу, до крови... ногами бьют... ты понимаешь?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Катя (негромко, не сразу). Я знаю. Отец бил маму... Гришу бьет...

Анна (тоскливо). О боже... милая моя, дитя мое!

Черкун. Ты сядь... не волнуйся...

Степан. Забавно мне смотреть на вас... вы точно вчера прозрели...

Анна. Какие страшные дети есть там! Они заражены... болезнью... глаза у них тревожные, унылые, точно погребальные свечи... А матери бьют и проклинают своих детей за то, что дети родились больными... Ах, если б все люди знали, на чем построена их жизнь!

Притыкин. Мы знаем! Это вам в диковинку, а мы очень даже хорошо знаем! Народ – зверье... и становится все хуже... Еще бабы – смиреннее, а мужики сплошь арестанты!

Монахов. Ну и бабы тоже. Кто тайно водкой торгует?

Исправник. О да! А вам известно, как они мужей травят? Испечет, знаете, пирожок с капустой и мышьяком и – угостит, да-с.

Катя (горячо). А как же иначе, если они дерутся? Так и нужно.

Притыкина (пугливо). Ах, милая! Ведь что говорит!

Исправник (шутя). А вот за такие речи я вас, сударыня...

Катя. Не дышите на меня... ф-фу!

Анна (растерянно). Но, господа, если вы знаете все это...

Черкун. Не будь наивной, Анна...

Степан (усмехаясь). Кого вы здесь думаете удивить?

Катя. Как не люблю я вашу улыбку... Чему вы смеетесь всегда?

Степан. Жизнь полна преступлений, которым имени нет... и преступники не наказаны, они всё командуют жизнью... а вы – всё только ахаете...

(Исправник берет под руку Притыкина и уходит с ним.)

Катя. Ну, что же делать?

Анна. Что нужно делать?

(Гриша оглянулся, взял со стола бутылку и уходит с ней.)

Степан. Открывайте глаза слепорожденным – больше вы ничего не можете сделать... ничего!

Черкун. Надо строить новые дороги... железные дороги... Железо – сила, которая разрушит эту глупую, деревянную жизнь...

Степан. И сами люди должны быть как железные, если они хотят перестроить жизнь... Мы не сделаем этого, мы не можем даже разрушить отжившее, помочь разложиться мертвому – оно нам близко и дорого... Не мы, как видно, создадим новое, – нет, не мы! Это надо понять: это сразу поставит каждого из нас на свое место...

Монахов (Кате). А ваш братец бутылку шартрезу взял и – видите? – пьет!

Катя (убегая). Ах... негодяй!..

Монахов. Зелье крепкое!

Гриша (его не видно). А тебе что? Не твое... Пошла, ну... не дам!

Степан (идет на шум). Он еще стукнет ее...

Анна. Сергей Николаевич продолжает воспитывать его? Это может дурно кончиться...

Черкун. Ну, Сергей едва ли учил красть бутылки...

Анна. А пить вино? (Оглядывается. Быстро и нервно говорит.) Чтобы сразу все было понятно, Егор, я приехала к тебе...

Черкун. Отложим это до другого времени...

Анна. Нет, подожди! Я примирилась с мыслью, что мы с тобой чужие... что я чужая для тебя...

Черкун (негромко, усмехаясь). Чужая? Тебя со мной роднили поцелуи и только?

Анна (тоскливо). Нет... я не знаю! Скажу одно: мне без тебя так трудно! Я так глупа... бессильна! Я ничего не знаю и не умею!

Черкун. Послушай... скажи мне сразу, чего ты хочешь?

Анна. Не обижай меня! Я ведь не за милостыней пришла... Я люблю тебя, да... очень сильно люблю, Егор... но я знаю: если ты решил... это бесполезно, если ты решил...

Черкун (глухо). Зачем друг другу дергать нервы, Анна?

Анна. Моя любовь – маленькая, но она мучает меня... нет, не уходи!.. Мне стыдно, что моя любовь такая... Сначала мне было обидно, больно... я думала о смерти, когда уехала:

Черкун (угрюмо). Что я могу сказать тебе? Не понимаю я тебя...

Анна (со страхом и мольбой). Я так беспомощна... я такая ничтожная... и все так страшно... когда одна: Так нестерпимо жалко видеть больного, избитого ребенка, который даже плакать боится...

Черкун (твердо). Анна, мне нужно знать, чего ты хочешь?

Анна. О... я хочу побыть около тебя еще немного: еще немного! Я не помешаю тебе... живи, как хочешь! Но мне необходимо это:

Черкун (угрюмо). Тебе тяжело будет, – смотри!

(Катя идет.)

Анна (с бледной улыбкой). Тогда я уйду – я уйду! Видишь ли, я ничего не понимаю, я ни о чем не думала серьезно до этой поры... Ты должен научить меня...

Катя. О чем ты говоришь?

Анна. О жизни, девочка моя! (Мужу.) Ты должен что-то дать мне взамен того, что взял...

Черкун. Не знаю... как я сделаю это – не знаю, Анна! Мне так неловко:

Катя (ворчливо). Ага, неловко! То-то! (Топая ногой.) Ух... ненавижу мужчин! Когда-нибудь я этого Лукина... так отщелкаю!

Анна (с улыбкой). Мне ведь тоже неловко – и обидно, что я такая... Но куда же я пойду? Не знаю: В моей семье – всё по-старому, все чувствуют себя правыми и всё злятся, всё обижаются. Старая мебель и книги, старые вкусы холодно и мертво! Порой они вдруг испугаются, засуетятся и говорят со злобой и со страхом, что жизнь испорчена – и снова, как в чаду, живут в своих воспоминаниях о старине... (К столу подходят Цыганов и Надежда. Цыганов наливает себе вина.) Я отвыкла от них, они мне непонятны:

Цыганов. С вами, моя дорогая, приятно и страшно, как над пропастью:

Надежда. Как вы много пьете!

Катя. Вы помирились?

Черкун. Не говори ей, Анна. Пускай она умрет от любопытства:

Катя. Да ведь я вижу... Эх, кабы вы были моим мужем... я бы вас – вот как держала!
(Крепко сжимает кулак.)

Черкун. Ну, не пугайте меня...

Анна. Милая ты моя...

(За деревьями является Монахов.)

Цыганов. Как злит меня, что вы неуязвимы для яда, который я хотел бы вам привить... Как это жаль!..

Анна (быстро). Пойдем отсюда, Катя... (Ведет ее за руку.)

Катя. Только не в комнаты! В беседку...

Черкун (усмехаясь, идет к дому). Ты слишком откровенно ведешь свои дела, Сергей...

Цыганов. Мир может восхищаться ими, если хочет...

Надежда (задумчиво). Жорж... милое имя! Маврикий, ты чего там?

Монахов (является, кивая головой на стол). А вот... сюда!

Надежда. Как нехорошо это – вертеться на глазах...

Монахов (кратко). Ты чего ворчишь? Опять живот болит? Или мозоль?

Надежда (Цыганову). Вы понимаете: это он нарочно грубости и гадости говорит, чтобы отвратить от меня мужчин...

Цыганов. Да? Прием... любопытный...

Надежда (искренно и просто). Ах, если бы вы знали, какой это противный человек! То он говорит, что у меня изо рта пахнет...

Монахов (тревожно). Ну что ты, Надя? Кому же я говорил?..

Надежда (идет к нему). Напомнить? Я напомню...

Монахов (отступает). Ну вот, Надя... что такое? Я пошутил...

(Они скрываются в деревьях. Цыганов устало садится в кресло, лицо у него тоскливое. К столу подходят Дробязгин и Гриша.)

Дробязгин. Сергей Николаевич! Позвольте вас спросить, что такое тайные пороки?

Цыганов. Я вам не скажу этого, мой друг... предпочитаю видеть вас явно порочным... Это значительнее и красивее...

Дробязгин. А добродетели тайные бывают?

Цыганов. Они, должно быть, всегда таковы... я не видал явных добродетелей...

Гриша. А как оно называется... это зеленое, густое... которое первый-то раз вы мне поднесли... помните?

Цыганов. Шартрез, юноша...

(Гриша повторяет вполголоса и улыбается. В саду Матвей зажигает фонарики.)

Дробязгин. А кто, Сергей Николаевич, мудрейший из мудрецов?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов. По этому поводу в истории философии рассказано следующее: было три мудреца; первый доказывал, что мир есть мысль, другой утверждал противное: я, право, не помню, что именно. Но я наверно знаю, что третий соблазнил жену первого, украл у второго рукопись, напечатал ее как свою и его увенчали лаврами...

Гриша (с восторгом). Ловко!

Дробязгин (неуверенно). Н-да... действительно... подкузьмил!

Цыганов. И объегорил, прибавьте... А теперь давайте выпьем, и да здравствует юность! Поздно понимает человек, как это прекрасно – быть юношей!

(Лидия стоит с цветком в руках и брезгливо смотрит, как мужчины пьют.)

Дробязгин (задумчиво). Я полагаю, Сергей Николаевич, так, что воровство – всегда будет?

Цыганов. Непременно, мой друг... По крайней мере до той поры, пока кто-нибудь не украдет всё... понимаете – всё! Тогда красть будет нечего, и поневоле все люди станут честными...

Гриша (хохочет). Гольми все будут... А вот Емелька Пугачев хотел всё-то украсть, так его живьем сварили... растопили котел серебра да башкой его туда... издох! (Хохочет.)

Лидия. Дядя Серж!

Цыганов. Что вы мне прикажете, дорогая моя?

(Дробязгин и Гриша почтительно сторонятся и уходят.)

Лидия. Зачем это вы их... так?

Цыганов. Приятно, знаете, немножко развратить этих двух поросят... может быть, порок сделает их более похожими на людей... а?

Лидия. Серж Цыганов, гурман и лев, еще недавно законодатель мод напивается... с кем?

Цыганов. И влюблен в жену акцизного надзирателя... Да, земля вертится скверно, что-то испортилось в гармонии вселенной...

Лидия. В самом деле – что с вами?

Цыганов (негромко). Какая это женщина... черт возьми!

Лидия. Вы дурите?

Цыганов. Нет...

Богаевская (кричит). Сергей Николаевич!

Цыганов. Иду. Знаете, моя дорогая... я, может быть, предложу ей вступить со мной в законный брак... Мне уже пора в брак, как острят приказчики... Идете?

Лидия. Нет... Тяжело смотреть на вас, господи... уехать хочется отсюда...

Цыганов. Потому что кто-то неожиданно приехал?

Лидия. Зачем же быть вульгарным и со мной?

(Цыганов пожал плечами и уходит. Лидия, тихо напевая, идет направо. Навстречу ей, быстро – Анна.)

Анна. Вы получили мою записку?

Лидия. Зачем вы написали это?

Лидия. Вы унижаете себя... мне кажется...

Анна. Ах, разве это важно, если любишь!

Лидия. Вы хотите сказать мне что-то?

Анна (тревожно и тоскливо). Да. Да. Не презирайте меня... я сама себе противна в эту минуту... У меня нет другого места, вы понимаете, нет у меня другого места... Жизнь так огромна. Я могу жить только около него...

Лидия (холодно). Зачем мне это нужно знать?

Анна. Не говорите так. Сильные должны быть добрыми... Я хочу спросить вас и не могу... вы знаете, о чем я хочу спросить вас?..

Лидия. Да. Пожалуй, знаю... Люблю ли я вашего мужа, – это? Нет. Не люблю...

(Гриша осторожно подходит к столу, берет бутылку вина и исчезает.)

Анна. Правда? (Хватает ее за руку.) А – он? А он вас? Скажите!

Лидия. Не знаю. Не думаю...

Анна (тоскливо). Этого нельзя не знать!..

Лидия. Мы с ним друзья... о многом говорим...

Анна (гордо). А! Теперь я сама могу поговорить о многом!

Лидия (улыбаясь). Вот и прекрасно!

Анна. Я женщина, я люблю, я хочу быть с ним...

Лидия. Могу уйти?

Анна (искренно). Я вам противна, да? Поймите, – я не могу жить иначе...

Лидия. Простите меня... но, мне кажется, ваша... такая любовь – тяжела ему.

Анна. Он – сильный, он очень сильный!

Лидия. До свиданья! (Идет.)

Анна. Не презирайте меня... Ну, все равно! О господи... помоги мне... помоги мне!

(Идут исправник и Притыкин, оба сильно выпившие. Анна, заметив их, поспешно исчезает.)

Исправник. Представь, Архип, что ты исправник и тебе надо жениться... на ком? Вот вопрос... да!

Притыкин. Я бы во всяком положении на богатой женился...

Исправник. Это разумеется... Ну, а если они обе богаты – и Монахова и Лидия Павловна? Ну?

Притыкин. Я бы Лидию Павловну взял...

Исправник. Н-да... а почему?

Притыкин. Потому – Монахова замужем... А вот студент этот, знаете... я вам скажу...

Исправник. Черт с ним! Мальчишка... Она замужем... мм... это верно! Но ведь она может быть вдовой...

Притыкин. Это всякая женщина может...

Исправник (поражен). Именно... всякая! Ф-фу! Значит – все мы умрем... ты понимаешь?

Притыкин. Уж такое положение.

Исправник. Верно – положение! Это ты хорошо сказал... каналья! Положат тебя, и – лежи...

Притыкин. Он такие слова говорит... ой-ой!

Исправник (задумчиво). Другие люди ездят на охоту, играют в карты, а ты – лежи...

Притыкин. Вы обратите внимание: да! Он говорит – народ своей кровью...

Исправник. Ерунда!

(Дробязгин бежит.)

Притыкин. Нет... он язва!

Дробязгин. Яков Алексеевич, пожалуйста! Доктор Монахову в морду дал!

Исправник. Что такое? Почему?

Дробязгин. Неизвестно...

(Втроем идут к дому. За деревьями является Дунькин муж, одичавший от пьянства, оборванный. Черкун ведет за руку доктора, сзади идет Надежда и потом Степа.)

Черкун. Вы сейчас же уйдете...

Доктор (ревет). Кто вы такой? Вы здесь развратили всех...

Черкун (тихо). Ну... молчать! Стыдитесь...

Доктор. Вы оба – воронье... Я вам не падаль... меня не расклеваете, как Редозубова... Кто вы такой, я спрашиваю?

Черкун. Да ну, идите же! (Ведет его в глубину сада.)

Надежда (радостно, Степе). Ты видела, как он его? Какой прекрасный... храбрый! Как просто... схватил, увел... (Идет вслед за Черкуном.)

Степа (кричит). Егор Петрович! (Видит отца, – испугана и обозлилась.) Опять пришел... опять! Зачем? Чего тебе?

Дунькин муж. Степанида! Я твой отец... верно? Иди ко мне... значит!

Степа. Я не хочу! Уйди! Я не пойду...

Дунькин муж. А я тебя через полицию...

Степа. В могилу – уйду... (Идут Черкун,

Надежда, Анна, Лидия, Цыганов.) Слышал? Ты не отец мне... ты болезнь моя...

Черкун. Ты снова? Чего тебе?

Дунькин муж. За ней... за этой...

Степа. Он по душу мою пришел...

Анна. Уйдите, Степа...

Черкун. Ну, ты ступай вон!

Дунькин муж. Уж ежели отняли дочь... дайте хоть рубль.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Степа (выхватив из кармана деньги, бросает их и бежит прочь). На! Подаvisь! На!

Черкун. Послушай, если ты...

Надежда. Ах, ну зачем вы с ним говорите?

Черкун. Позвольте, Надежда Поликарповна...

Надежда. Вам вовсе нельзя говорить с таким. Ты – уходи. А завтра я скажу исправнику, чтобы он тебя уничтожил...

Дунькин муж (подбирая деньги). Нельзя меня уничтожить... не боюсь я...

Цыганов. Каков мужчина, а? Все растет...

Лидия. Чувствует свою силу... силу слабости...

Анна. Вот вы, Сергей Николаевич, постоянно даете ему...

Цыганов. О, не беспокойтесь! Это меня не разорит...

Надежда (Черкуну). Какой сегодня тяжелый день для вас... всё неприятности!..

Анна (невольно, как эхо). Тяжелый... Ты устал, Егор?

Черкун. Я вот... не знаю, что нужно сделать с этим человеком, чтоб он оставил дочь свою в покое? Это злит.

Надежда. Вам ничего не надо делать! Я сама... вы только не волнуйтесь...

Цыганов. Моя дорогая, – ваш супруг, вот кто, мне кажется, взволнован...

Надежда (как бы удивилась). Он?

Черкун (вдруг обозлился). Он – как лужа грязи, в которую наступили ногой... ваш супруг...

Анна (негромко, пораженная). Егор... что ты?

Цыганов (усмехнулся). Ты, Жорж, преувеличиваешь...

Черкун (Надежде). Я удивляюсь, как вам не стыдно терпеть около себя такого... пошляка!

Надежда (даже дыхание у нее захватило от восторга). Ах... как вы это сказали!.. Как верно... строго! (Цыганову.) Вот кто страшный... вот кто!

Анна (беспокойно, Лидии). Боже мой... Какая она... странная... не правда ли? Вы видите?

Лидия. Да... вижу... Идемте.

Надежда. Я – не странная... я мужество люблю...

Черкун (смущен). Ну... это уж что-то... я не понимаю! Пойду... пройдуся...

Надежда. И я с вами... и я тоже...

(Идут.)

Анна (тревожно, Цыганову). Она – смешная, да? Она – милая, я понимаю... но – только... плохо воспитана?

Цыганов (Анне). Вам надо отдохнуть с дороги. Так шумно здесь... пестро...

Анна. Да... я пойду... Нет... какая она... все-таки... (Поспешно уходит. Цыганов курит и улыбается. Слышен пьяный смех и говор – это идут Монахов, Дробязгин, Гриша.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лидия (брезгливо). Как все это отвратительно... И эта женщина... обе эти женщины...
как они жалки... Что вы смеетесь?

Цыганов. А вдруг она нашла героя, а?

Лидия (не сразу). Нет. Это... невероятно, дядя Серж,

Цыганов (усмехаясь). Что тут невероятного?

Монахов. Он... ударил меня?.. Хорошо... пускай!.. А я – жив... А он скоро сдохнет...

Лидия. Идут пьяные... я уйду.

Цыганов. Идемте...

Гриша (убежденно). Я тоже... могу в рожу дать... во!

Лидия. Но – зачем, зачем он вмешивается в эту... грязь?

Цыганов. Это – стихия, она втягивает... это – как магнит, дорогая моя... Голодный инстинкт, чуть прикрытый ветошью романтики...

(Они уходят. Монахов подмигивает своим спутникам и грозит пальцем вслед Цыганову.)

Дробязгин. Почему? Он очень умный... ей-богу!

Монахов. Что такое ум? (Хохочет. Дробязгин и Гриша вторят ему.)

Занавес

Действие Четвертое

Большая, уютная комната. В левой стене – дверь в прихожую и два окна, вправо – дверь в комнату Анны и другая к Егору. Прямо широкие двери в гостиную, она выступает в комнату углом, между ним и голландской печью в правом углу – ниша, в ней широкий диван, на диване полулежит Цыганов и курит. Направо, между дверей – пианино; Анна что-то играет, чуть касаясь клавиш. Посередине комнаты за столом Богаевская раскладывает пасьянс. В комнате Черкуна Степан тихо щелкает на счетах. Черкун задумчиво ходит по комнате, останавливается пред окном, смотрит во тьму. Ветер. Горят лампы.

Богаевская. Холодновато!

Анна. Дать вам шаль?

Богаевская. Лидуша пошла за ней...

Цыганов. Юноша! Бросьте вы щелкать!

Степан. А вот поймаю – брошу...

Богаевская. Кого это вы ловите?

Степан. Купца Притыкина...

Богаевская. Разве плутует?

Степан. Довольно усердно...

Богаевская. Да... вот он, купец! Даже и влюбленный – плутует...

Цыганов. Сие свойственно людям всех сословий... Я, в сущности, против обличения мошенников: это только изощряет их приемы. Что ты все ходишь, Егор? кого ты ждешь?

Черкун (не вдруг). Так... хожу вот... А что тебе?

Цыганов. Я не имею больше вопросов, как говорят прокуроры... Какая дурацкая погода!

Анна. Его взволновал спор...

Черкун (сухо). Откуда это известно тебе?

Анна. Мне кажется... когда не соглашаются – это раздражает...

Черкун (насмешливо). Да? Поздравляю... очень оригинальное наблюдение.

Богаевская. Интересно спорили... да! Я хоть и не поняла ничего... а интересно!

Черкун. Лидия Павловна – слишком прямолинейна...

Цыганов. Это говоришь ты?

Богаевская. А скучно мне будет, когда вы уедете... очень скучно!

Цыганов. Поезжайте с нами. Что вам делать здесь?

Богаевская. А там? Мне, батюшка, везде нечего делать... И всю жизнь я ничего не делала...

Цыганов. И ни одной ошибки?

Богаевская (мешая карты). И ни одной ошибки... Нет, Анна Федоровна, не вышло...

Анна (грустно). Нет?... Жаль... А мне так хотелось, чтоб вышло...

Богаевская. А вот мы еще раз спросим судьбу...

Степан (торжественно-шутливо). Судьбу насиловать нельзя...

Черкун (негромко). Она сама насилует людей:

Степан. А особенно жадных...

Богаевская. А вы – щелкайте, щелкайте...

(Лидия входит, несет шаль.)

Цыганов. Пока судьба вас не отщелкала...

Богаевская. Ну, вот спасибо, Лидуша... Ты слышала – у Архипа Притыкина роман с Веселкиной Марией...

Лидия. Как это интересно, тетя!

Богаевская. Все-таки... забавно!

Цыганов. Вас, дорогая моя, ничто не интересует, кроме верховой езды... Странно вы живете... скачете верхом по полям во всякую погоду и – только! Удивительно изменились вы...

Лидия. В дурную сторону?

Цыганов. Конечно! Люди с детства идут только в эту сторону!..

Лидия. Тогда – чему же удивляться?

Цыганов. Я ждал, что вы будете прекрасным ядовитым цветком, на ниве порока... а вы – что такое вы? Чего вы ищете? Чего вам хочется?

Лидия. Найду – узнаете...

Степан. Не там вы ищете, где надо... не там!

Богаевская. Однако, бабушка, быть может, я стесняю ваше красноречие?

Цыганов. О нет! Почему?

Богаевская. То-то! А то некоторые стесняются говорить пошлости при мне... дескать, старушка почтенная...

Лидия. Вы слишком строги, тетя... В обществе, где я вращалась, говорят хуже...

Богаевская. Хуже? Ну извиняюсь... одичала я...

Цыганов. О полноте!

(Вбегает Катя.)

Степан (выскакивая). Ну? Как? Что?

Катя. Да... Еду...

Степан (одобрительно). Bravo! Молодец...

Катя (подходит к Анне). Тяжело! Он плачет... отец плачет! Такой жалкий...

Степан. Это – возмездие! Он всю жизнь давил людей...

Катя (топая ногой). Не смейте так! Не ваше дело...

Анна. Ну, не волнуйся... ничего...

Цыганов. Это именно его дело... ведь он вас утащил...

Катя. Меня никто не утащил, я – сама... не говорите мне глупостей... А отца мне жалко... я его люблю... я знаю: он грубый, он жестокий... и все такие! Все люди – грубые и жестокие... И вы, Степан Данилович... и вы тоже...

Степан (вспыхнул, усмехается). Может быть... ну что же? Но жизнь так устроена, что жестокость необходима...

Катя. Ненавижу я вашу усмешку... молчите!

Черкун (улыбаясь). Милый звереныш...

Цыганов. А у вас, юноша, сварливая будет жена:

Степа (входит). Степан Данилович...

Степан (брезгливо). Вы не можете без пошлостей?

Черкун (с гримасой). Господа!

Степа. Степан Данилович, вас спрашивает Гогин...

(Степан, круто повернувшись, идет в прихожую, Степа – за ним.)

Цыганов. Задорный юноша... Чему вы улыбаетесь, Лидия Павловна?..

Лидия. Хорошая пара...

Черкун. Д-да... славные...

Лидия. Красивая жизнь впереди у них...

Цыганов. Но, вероятно, голодная...

Лидия. Мне нравится Лукин... В нем есть что-то значительное...

Цыганов. Его усмешка отрицает вас...

Лидия. Она всех отрицает...

(Из прихожей идет, усмехаясь, Степан; за ним Гогин, одетый в хорошую новую поддевку. Он мнетя и что-то шепчет на ухо Степану.)

Степан. Э, нет, скажите сами, синьор...

Черкун. Что такое? Что вам нужно, Гогин?

Матвей (конфузится). Да вот: жениться хочу...

Цыганов. Оригинально! Как это вы надумали, а?

Матвей. Уж так... пора! Двадцать три года мне...

Черкун. Ну? Что же дальше?

Матвей. Так вот, Егор Петрович, помогите!

Заслужу!.. Как я сам из мужиков, то знаю все больные места ихние: уж я им не дам...

Степан. Воспитали человека... отечеству на пользу...

(Катя и Анна выходят и стоят у пианино.)

Черкун (хмуро). Чем – помочь?

Матвей. Да видите... выбрал я Степаниду, а она не хочет: не пойду, говорит, и шабаш! А она такая скромная, баловать не станет, я ожидаю, а бояться будет... Так вот я просить вас и барыню хочу – припугните вы ее!

Черкун. Это... зачем же?

Матвей. А чтобы она шла за меня, а то, скажите ей, – к отцу, мол, отправим! Она его до смерти боится. А я ему уж полтину дал, чтобы он ее, значит, ко мне толкнул...

Катя (изумленно). Ах, какой мерзавец!

Матвей (вздрагнул). Чего-с?

Черкун (сухо, Степану). Выдайте ему расчет...

Матвей (поражен). Расчет? Мне? За... за что?

Степан. Подумайте – за что бы?

Черкун. Идите...

Матвей (опускается на колени). Егор Петрович...

Черкун (резко). Встать!

Матвей (вскакивает). Сергей Николаевич, за что же?

Катя (торжественно). Ага-а?

Матвей (слезливо). Что я худого сделал? Эх, Степан Данилович... подвели вы меня под обух...

Цыганов. Вы – идите... Потом, может быть...

Черкун (спокойно). Ничего не может быть...

Матвей (уходя со Степаном). Господа... напрасно это! Разве так можно? а? Вдруг, ни с того ни с сего... а?

Цыганов (Черкуну). Мне не кажется, что ты поступил, как Соломон... нет! Денег он уже наворовал... зачем гнать его? Парень неглупый... а кулаком будет все равно... Умные люди – всегда жулики...

Степа (вбегает и бросается в ноги Черкуну). Егор Петрович... дай вам бог...

Черкун. Э, черт возьми! Сейчас же встаньте!

Степа (встает). Я боялась, я дрожала... думала – отдадут они меня ему...

Катя. Какая глупая...

Анна. Степа! Вас никто не может...

Степа (со страхом). Да ведь я – одна! Одна я! Со мной – всё можно сделать... И возьмут они меня... отец и этот... они возьмут!

Анна (подходит к ней). Полноте, Степа...

Степа. Уйду в монастырь... оттуда не достанут... Ведь не достанут?!

Анна (уводит ее к себе). Идите ко мне...

Катя (Черкуну). Вот это вы хорошо сделали! Так и нужно... Раз-два шишка на лбу и никакого удовольствия...

Черкун. Наконец-то удостоился вашей похвалы...

Цыганов (позевывая). Которой ждал так трепетно и долго...

Черкун. Но когда вот так – раз-два – я вашего папашу поучил...

Катя (убегая в комнату Анны). Ишь вы! То – отец мой...

(Анна идет навстречу, наливает стакан воды и уходит.)

Анна. Как хорошо ты поступил, Егор...

Черкун (морщится). Ну, Анна, перестань...

Цыганов. Так, Жорж! Именно скромность всего приличнее герою...

Лидия. Нет, дядя Серж, как быстро следует за подвиги награда!..

Анна (уходя). Как вы не устаете, господа, осмеивать все на свете?

Черкун (хмуро). Вы, кажется, думаете, что я не способен верно оценить все это? да?

Лидия (прислушиваясь). Звонок?

Черкун (быстро). Да... Пойду открою... (Идет.)

Цыганов. А я знаю, кого он хочет встретить...

Лидия. Вы что молчите, тетя?

Богаевская. Нельзя же в одно время думать и говорить... У меня тут затруднение...

Цыганов. А я знаю, кого он ждет...

Богаевская. Откуда-то явилась пятая дама, и нет девятки...

Лидия. Вот девятка... а это не дама – валет...

Богаевская. Воистину так... ишь ты! Глаза-то... Валет... ну-с...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов (поет). А я знаю... а я знаю...

Лидия. Неостроумно, дядя Серж... Тетя, вы скоро пойдете к себе? Это очень вредно – так долго сидеть...

Богаевская (озабоченно). Подожди... я сейчас... Да... я – скоро...

(Идут Черкун, исправник.)

Черкун. Все еще не нашли? Исправник (уныло). Нет. Черт его знает, где он... И куда можно убежать из этого города? Добрый вечер, Лидия Павловна... Здравствуйте, почтенная Татьяна Николаевна...

(Молча жмет руку Цыганова.)

Богаевская (не глядя на него). Ну, что ваш чиновник?

Исправник. Пропал, каналья... Ищем, ищем... в горле пересохло!

Цыганов. Последнему могу помочь. (Наливает вина.) Да сколько он украл?

Исправник. Четыреста шестьдесят три рубля тридцать две копейки... болван! Уж тащил бы всё, там тысяч восемь было... А то – один пакет, осел! И наконец – ну, украл... ну что же? Не редкость... не убийство! Приди и скажи, – вот я... Получишь за это смягчение вины... а он, извольте видеть, скрылся... и девять человек ищут его...

Черкун. Несчастный мальчишка...

Богаевская (не отрываясь от карт). И украл, как нищий... с копейками!

Цыганов. Bravo, Татьяна Николаевна!

(Лидия и Черкун смеются.)

Исправник (смотрит на часы.) Я, видите ли, заехал сказать вам, Сергей Николаевич... это самое... и прочее... Вы его видели в день совершения кражи... так вот придется вам...

Цыганов (серьезно). Понимаю. На меня падает подозрение в соучастии...

Исправник. Э... как? (Хохочет.) Ах вы!.. Как хочется посидеть у вас... а надо ехать... там какой-то дурак жену избил...

Богаевская (как раньше). До смерти?

Исправник. Кажется, до смерти... А где же Притыкин? Он со мной приехал... Мы думали несколько повинтить...

Черкун. Он занят с Лукиным...

Исправник (грустно). А на дороге полицейский доложил об этой драке... Да, вот еще Лукин... Вы бы сказали ему, чтобы он... воздержался. Про него ходят слухи... насчет его знакомств с рабочими на фабриках... Ну зачем это? Тут, знаете, есть такой благочестивый мужчина – Головастиков... купорос! Сами его боимся... Всё знает! Сны ваши и те знает... А мне не хочется прибегать к мерам... не люблю неприятностей!

Цыганов. Хорошо! Беру это на себя... Кому приятны неприятности?

Исправник. Вот именно! Ну-с – общий поклон... Ах, Сергей Николаевич, славный вы человек...

Цыганов (проводя его). Несмотря на тяготеющее подозрение в соучастии с Порфирием Дробязгиным, укравшим тридцать две казенных копейки?

(Исправник хохочет. Из прихожей доносится слащавый голос Притыкина и едкие возгласы Степана.)

Черкун (негромко, Лидии). Как это вам нравится, а?

Лидия. Вы по поводу Лукина?

Черкун. О нет! Это естественно... а вот этот Дробязгин... черт его возьми! Как бы ему помочь, что ли? Ведь если правду говорить – Сергей... вы понимаете?

Лидия (улыбаясь). Вы скоро будете совсем почтенным человеком... право!

Черкун (серьезно). Он развратил мальчишку... это несомненно! Чему же вы смеетесь?

Лидия. А помните – когда-то вы хотели поставить город вверх дном?

Черкун. Хотел? Ну да... хотел... Так что же? Что вы хотите сказать?

Лидия. Я только напоминаю. Вы говорили, что вашей волей сюда придут новые мысли, новые вкусы... А дядя Серж ничего не говорил, но, посмотрите, сколько мертвецов разложилось благодаря ему...

Черкун. Ага, я понимаю вас! Говорите дальше...

Лидия. Я вот не вижу, чтобы жизнь обновилась благодаря вам... а сами вы, мне кажется, немного потускнели...

Степан (из прихожей). Егор Петрович, на минуту!

Притыкин (жалобно). Пожалуйста, Егор Петрович!

Черкун (уходя). Я вам отвечу... потом...

Лидия. Тетя! Да бросьте же! Пойдем к себе, а?

Богаевская. Я и здесь, как у себя... подожди... Тут все так спуталось, запуталось... перепуталось... Это, милая моя, самый трудный пасьянс, «две необходимости» – зовут его...

Лидия. Я – иду... (Идет в прихожую и по лестнице вверх.)

Богаевская (наклонясь над картами). Ты идешь... ты идешь... а вот я что буду делать? Да... А вот я и не знаю, что мне делать... (Поднимает голову, оглядывается.) А?... Ушли все... и осталась я одна... ну, одна так одна... (Смотрит на карты и вдруг смешивает их.) Эх, Татьяна... скоро ты умрешь,

Татьяна... скоро ты умрешь, старая дура... да... (Идет в прихожую – в дверях стоит Притыкина, в платке, жалкая, лицо дряблое, не накрашенное, как всегда. Богаевская отступает перед ней.) Что тебе? Кто это?

Притыкина (тихо). Я...

Богаевская. Это... ты, Палагея?

Притыкина. Да... я... Муж-то здесь?

Богаевская. Кажется, здесь... ну?

Притыкина (тихо плачет). Ведь бросает он меня... покидает он меня... Все вечера у Веселкина сидит, в карты с ним играет... и дочь его обольстить хочет... милая вы моя!

Богаевская. Ну, не дури... врешь все! Тоже... обольстителя нашла! Не срамись... иди ко мне... наверх...

Притыкина. Сердечная вы моя, – бьет меня! Век ты мой загубила, говорит, чертова кукла... старая, говорит, ведьма ты... Иди вон, говорит... А куда я пойду? Имущество все на него переведено... все у него в руках... матушка, что делать буду?

Богаевская (идет). Лезь наверх... не шуми тут...

Притыкина (следуя за ней). Лезу, лезу: Посоветуйте вы мне, как с ним быть? Как я

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
буду теперь? Ай! Голос его слышу... пустите вперед меня... матушка...

(Они скрываются. Почти в то же время хлопает быстро открытая дверь, и из прихожей является взволнованный Притыкин; за ним Черкун и Степан.)

Притыкин. Нет, господин студент, так со мной нельзя-с! Я человек всем здесь известный... и даже буду головой... да-с! А вы еще, с позволения сказать, просто молодой человек... и больше ничего!

Черкун. Ну, здесь не место кричать...

Притыкин. А место здесь называть меня жуликом? Почему я жулик... именно-с?

Степан (с усмешкой). А вот – цифры...

Притыкин. Цифры? Цифры можно написать... какие угодно... это не резон... да-с!

Степан. Вы и написали какие вам было угодно... Вот объясните мне, откуда у вас эти шесть тысяч триста рублей взялись...

Притыкин. Егор Петрович, позвольте мне не объяснять... пусть это будет между нами... Сергей Николаевич верит мне... А господин Лукин – я не знаю, чего они желают...

Степан. Поймать вас в плутовстве...

Притыкин. Плутовство? Нет... я так не могу!..

Черкун (сухо). Оставим это до завтра...

Притыкин. Нет-с, не могу! Я человек честный... Сергей Николаевич это знает... Я насчитал верно-с... спросите их... они знают...

Черкун (негромко, гневно). Молчать... Идите сюда... ну?

(Ведет Притыкина к себе.)

Притыкин. Позвольте... тащить меня нельзя...

(Черкун вталкивает его в дверь и резко захлопывает ее. Степан бросил счета на стол, сунул руки в карманы и уходит.)

Степан (сквозь зубы). Э... жулье!..

(Из комнаты Анны выходит Степа с какой-то книгой в руках, проходит в гостиную. Слышен голос Анны – она что-то читает. В прихожей шум, шаги. Идут Цыганов и Надежда.)

Цыганов...И стоял на крыльце... один. Осенью иногда хорошо посмотреть в небо...

Надежда. А где же все?

Цыганов (усмехаясь). Тот, кого вам нужно, явится, когда услышит ваш голос... но он не даст вам ничего... Осенью по небу быстро бегут тучи... тяжелые тучи...

Надежда. Не люблю черного цвета. Самый важный, самый внушительный цвет – красный. В красном королевы ходят и разные аристократки...

Цыганов. Не видал, но представляю, как это красиво... Н-ну-с, скоро я уеду, дорогая моя...

Надежда (на диване). Вы не один уедете...

Цыганов. Не один? Как это понять? Вы решили?

Надежда. Что я решила?

Цыганов (негромко). Едете со мной? В Париж? Подумайте – Париж! Маркизы, графы, бароны – все в красном... И у вас будет все, что вы захотите... я все дам...

Надежда (спокойно). Это просто даже неприлично, Сергей Николаевич! Как будто я какая-нибудь... этакая:

Цыганов. Вы – дивная, вы – редкая... страшная! И я люблю вас, поверьте мне! Люблю, как юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслаждений ждет вас...

Надежда. Сергей Николаевич, ну зачем же все это? И разве можете вы любить, как юноша, когда вам скоро пятьдесят лет, и через два года, может быть, вы совсем лысый будете? И что же это за езда по Парижам, если я вас не могу любить? Вы очень интересный мужчина, но пожилой и мне не пара. Обидно даже, извините меня, слышать такие ваши намерения...

Цыганов (почти стонет). О черт возьми! Ну... хотите – обвенчаемся? Я устрою вам развод с мужем и...

Надежда. Не все ли это мне равно? Ведь важен мужчина, а не что-нибудь другое... Нет, вы меня, пожалуйста, оставьте... Вы многому меня научили, стала я теперь умнее и смелее...

Цыганов (приходит в себя). Ну хорошо! Давайте – похороним это, мой друг! Честное слово – моя последняя попытка... больше нет времени... и сил! И сил нет...

Надежда. Ну вот! Вы умный человек... вы понимаете, что силу в лавочке не купить...

Цыганов (как всегда). О да, вы правы! Это нечто вроде ума – его не продают даже в универсальных магазинах...

Надежда. Вот видите!

(Входят Редозубов и Павлин. Редозубов сильно постарел.)

Редозубов. Здорово... Дочь у вас?

Цыганов. Здесь, кажется... (Стучит в дверь к Анне.)

Редозубов (Павлину). Видишь? Всё – парами... да...

Анна (из двери). А, здравствуйте, Василий Иванович... Катя!

Надежда. Добрый вечер, Анна Федоровна...

Анна (вздрагнула). Ах... это вы?

Надежда. Да...

Катя (отцу). Ты что приплелся?..

Павлин (негромко). Тоскуют...

Анна (зовет). Степа! (Надежде.) Вы будете пить чай? Вы любите...

Надежда. Не откажусь...

(Степа входит.)

Анна (Степе.) Пожалуйста, Степа, чаю... Я – сейчас! (Уходит к себе.)

Цыганов. И коньяку, Степа, и коньяку...

(Подходит к Надежде и тихо говорит ей что-то.)

Редозубов. Ты с кем там была? Только с ней?

Катя. Молчи... что за глупости!

Редозубов. Иди домой... а? Последние-то дни дома бы посидела... а?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Катя. Хорошо... Подожди, я сейчас... (Быстро идет к Анне.)

Редозубов (Павлину). Видел? Совсем чужая стала... Отбили дочь... сына – пьяницей
сделали... разрушили жизнь мою... И – ничего...

Павлин (тихонько). Не огорчайтесь... подождите!

Редозубов. Чего ждать? Кому жаловаться?

Павлин. Исправника они купили, но господу никто купить не может... поняли?

Редозубов. Притыкина обласкали, а меня исказили... Теперь – дочь... Она, может, там
со студентом, а я... жду! Я? (Вдруг встает и свирепо кричит.) Катька!

Надежда. Ах!.. Что это?

Цыганов. Что с вами, почтенный?

(Выходит Черкун, за ним – Притыкин с видом человека, у которого болят зубы.
Выбегает Катя, Анна.)

Катя. Что ты кричишь?

Редозубов. Домой!

Черкун. Послушайте... здесь не базар...

Редозубов (рычит). На... на – добей! Разбойник! Бей меня...

Катя. Отец... о господи!..

Черкун. Послушайте, старик...

Редозубов. Молчи! Не говори со мной... фармазон! Катерина, домой! Что, Архип... а?
Радуешься? Блюдолиз...

Притыкин. Я, Василий Иванович... не виноват!

Редозубов. Ага! Женился на богатой старухе, ограбил ее... любовниц заводись... в
головы лезешь... прихвостень!

Черкун. Ну, вот что – идите же ругаться куда-нибудь в другое место...

Катя (кричит). Иди... или тебя выгонят отсюда! Ведь это будет стыдно мне, больно
мне, как я тогда приду к ним? Ведь я возненавижу тебя, если выгонят...

Редозубов. Что?.. Как?

Анна. Послушайте: она вас любит... ей жалко вас... она плакала... она вас любит!

Редозубов. Коли любит... как же бросает меня, а?

Катя. Идем... иди, ради бога! (Ведет отца в прихожую. Павлин как-то странно
вильнул и остановился у двери.)

Черкун. Архип Фомич, вы тоже уходите. Нам больше не о чем говорить...

Притыкин (вздыхая). Что ж... уйду... А между прочим, господину Лукину я этого не
забуду... Он здешний... я тоже... да-с...

Анна. Боже мой... как все это... странно...

(Надежда все время из угла следит с улыбкой за Черкуном. Улыбка неподвижная,
странная. Цыганов усиленно курит сигару и смотрит на всех, шевеля усами. Степа
готовит чай и пугливо, с ненавистью, поглядывает на Павлина. Анна, посмотрев на
Надежду, вздрогнула, делает движение к ней, но, быстро повернувшись, уходит в
свою комнату.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов (Черкуну). Ты с ним... подвел итоги?

Черкун. Да. Нам нужно поговорить с тобой... О, Надежда Поликарповна, вы пришли? А я не вижу вас! Ну здравствуйте... Скверная погода, не правда ли?..

Цыганов. Мы с тобой, очевидно, не сейчас будем говорить...

Черкун. Ну разумеется! Вы что же здесь, в углу и в темноте? Идемте в гостиную...

Надежда. С удовольствием... А я ждала, когда вы взглянете на меня...

(Они уходят в гостиную – оттуда слышен их негромкий говор.)

Цыганов (Павлину). Н-да... вы здесь? Н-ну, что ж вы скажете мне?

Павлин. Разрушился старик-то... Ему бы допустить, чтоб его выгнали отсюда, – после такого с ним поступка Катюше-то, действительно, невместно было бы ходить сюда...

Степа (невольно, негромко). У-у... змей!

Цыганов (задумался и не слушал Павлина). Д-да... ну что же?

Павлин. А там уж видно было бы... Осмелюсь, сударь мой, спросить вас как труд мой? Рассмотрели? (Цыганов смотрит на него и молчит. Павлин отодвинулся от него.) Тетрадочку моего рукописного труда, говорю я, изволили читать?

Цыганов. Что? Ах да... (Резко.) Это чепуха, старик...

Павлин (не верит). Девятилетний труд мой – чепуха?

Цыганов (пренебрежительно). Сейчас я принесу эту философию... подождите... (Идет в гостиную.) Согрейте мне бутылку красного, Степа...

Павлин (негромко). А я, девушка, сегодня опять папашу твоего видел. (Степа оперлась руками о стол и в упор смотрит на Павлина.) Ветер на улице, дождик сеет... а отец твой пьяненький идет... голый весь и – плачет... и горько плачет!..

Степа (глухо). Врешь! За что мучаешь? (Бросает в него крышкой от самовара.) Вот тебе... дьявол... колдун!

Анна (отворяя дверь). Что это?

Павлин (поднимая крышку). Тушилочка упала... по неосторожности...

Степа. Прогоните его!..

Цыганов (выходя). Вот, получите...

Степа. Прогоните его!

(Анна подходит к ней, тихо спрашивает о чем-то. Степа уходит. Анна стоит у стола, слышит разговор в гостиной, – на ее лице боль и отвращение.)

Павлин. Зачем же, девушка, гнать? Я и самовольно уйду. Так, изволили сказать, чепуха?

Цыганов. Да, да...

Павлин. Значит – девять лет я ошибочно рассуждал? Покорнейше благодарю вас, сударь мой... А с вашей стороны – ошибки быть не может? Прощайте...

(Идет.)

Цыганов. Действительно – купорос, как говорит исправник... Однако вам дурно?

Анна (шепотом). Что она говорит? Послушайте...

Цыганов (негромко). Я при таких условиях не позволяю себе что-либо слышать...

Анна. О, что она делает?

Цыганов (громко). Вы что же, господа, не идете? Чай готов...

Черкун. Сейчас...

Анна (негромко, с болью). Вы думаете, я... вы думаете, я подслушивала, да? Как вам не стыдно!

Цыганов. Да нет же! Егор, пойдй сюда...

(Анна бежит в свою комнату.)

Черкун (в двери). Ну? Что?

Цыганов (негромко). Пойди сюда... Сейчас твоя жена слышала что-то и очень взволновалась...

Черкун (с гримасой). Э, обычная история! Надежда Поликарповна шалит... и больше ничего! Рассказывает мне, как разные люди должны объясняться в любви... Это удивительно забавно... (Поспешно уходит. Цыганов пожал плечами, расправил усы, налил большую рюмку коньяку, выпил. Взял шляпу, идет в прихожую; навстречу Монахов, смирный, грустный.)

Монахов (тихо). Здравствуйте!

Цыганов. Добрый вечер... Хотите коньяку?

Монахов. Позвольте... холодно... Надежда моя здесь?

Цыганов. Налить еще?

(Монахов молча кивает головой. Цыганов насвистывает что-то.)

Монахов (тихо). А я... за ней...

Цыганов (улыбаясь). Позвать?

Монахов. Нет... не надо... Я лучше еще выпью...

Цыганов (улыбаясь). Разве это лучше?

Монахов. Не смейтесь... что уж!

Цыганов. А помните – пари?

Монахов. Что ж... вы проиграли...

Цыганов. Вас однако не радует это? Э, что это вы? Не надо!..

Монахов (плачет). Тоска... как я теперь буду, а? Подумайте... как? Ведь, кроме ее, ничего нет! Ничего!

Цыганов (скрывая брезгливость). Ну, пойдёмте... ко мне... или на воздух... Идите, пожалуйста! Страдайте, если это необходимо, но никогда не нужно быть смешным и некрасивым, мой друг...

(Идут в прихожую. В комнате тихо. Из гостиной раздаётся мурлыкающий, пониженный голос Надежды.)

Надежда. Настоящая любовь ничего не жалеет, ничего не боится...

Черкун (смеясь). Ну, оставим это... вы сегодня так говорите... (Является в дверях гостиной, взволнован.)

Надежда (сзади его). О любви ничего нельзя сказать... Это я вам о том говорила, как разные герои объясняются. А любить нужно молча...

Черкун (бормочет). Молча?.. Ну... давайте чай пить... что ли...

Надежда (негромко). Бойтесь?

Черкун. Я? Чего?

Надежда. Меня. Вот уж не думала я...

Черкун. Довольно однако...

Надежда. Не думала, что вы бояться можете...

Черкун (близко к ней). Смотрите... берегитесь!

Надежда. Чего же мне беречься?

Черкун (кладет ей на плечи руки свои). Ты любишь меня... да? Ну, говори... любишь?

Надежда (тихо, твердо). Да. Как увидела... сразу... Мой – Жорж! Ты мой Жорж... (Обнимает его. Он делает движение, чтобы освободить себя. Анна выходит, лицо у нее заплакано, в руках платок. Увидала мужа и Надежду, выпрямилась, вся натянулась, как струна.)

Анна (негромко). Это... мерзко!

Черкун (с пьяной улыбкой). Не спеши, Анна... хотя – все равно!

Надежда. Да. Уж теперь – все равно!

Анна (с отвращением). О... вы – зверь! Вы – гадкий зверь...

Надежда (спокойно). Это потому, что полюбила?

Черкун (точно проснулся). Подожди, Анна, молчи...

Анна. Молчать? Как низко ты упал... Я поняла бы... если б не эта... если б – другая... но – эта! Это животное...

Надежда (Черкуну). Уйдем, Жорж...

Черкун. Надежда Поликарповна, послушайте...

(Шум в прихожей. Быстро вбегает Цыганов, за ним бежит доктор и Монахов.)

Цыганов. Уймите этого болвана!

Доктор (в руках у него большой старый револьвер. Держась рукой за косяк, он целит в Цыганова.) Я тебя убью... убью... (Спускает курок. Осечка.)

Цыганов. Осел! Стрелять не умеешь!

Черкун (бросаясь к доктору). Брось!

Анна и Надежда (вместе). Уйди! Убьет!

Доктор (вертит пальцами барабан). Будь проклят!. черт...

Надежда (вырывая револьвер). Ах ты... глупый!

Черкун. Вы с ума сошли?

Монахов. Надя... Брось пистолет!

Лидия (вбегает). Что случилось?

Цыганов (возбужденно). У меня достаточно своих грехов... я не хочу платиться за чужие... дикарь!

Анна (Лидии). Он целовал ее... ее! (Монахову.) Уберите отсюда эту... (Лидии.) Он целовался с ней...

Лидия (ведет ее прочь, к ней). Степа! Позовите тетю сюда...

Доктор (глухо, Черкуну). С ним? С вами?

Черкун. Ступайте вон...

Цыганов (обертывая руку платком). Проснулся... идиот!

Доктор (тоскливо). Надежда! Кого ты выбрала?

Надежда (все время смотрела на него с довольной улыбкой). Я вам не ты...

Доктор. Кого ты выбрала?

Надежда (указывая на Черкуна, гордо). Его!

Монахов (стонет). Надя... Надя! За что?.. Надюша!

Богаевская (идет). Что, скандал? Дожили! (Проходит в комнату Анны.)

Доктор (Цыганову). Вы... барин! Я – виноват... оказывается, надо было его... а впрочем, это все равно! Вы оба – хищники... мне жаль, что я не убил вас... мне жаль...

Надежда (сожалея). Что вы можете... эх вы!

Доктор. Да, ничего не могу! Все сгорело в душе моей...

Черкун. Ну... довольно, я говорю!

Монахов. Надя, уйдем домой!

Надежда (твердо). Мой дом – там, где он... там мой дом!

Доктор. Четыре долгих года горело сердце... что я теперь?

Цыганов. Егор! Чего он разглагольствует? Сорвал мне ноготь...

Черкун (доктору). Вы дешево отделались за вашу выходку... Ступайте! Будет...

Доктор (пришел в себя, просто). Прощай, Надежда! Я тебя люблю... Прости меня... за все! Прощай... Ты погибнешь с ними... погибнешь! Прощай!.. Прощайте... воронье... (Идет.)

Цыганов (Надежде). Ну, вы довольны, наконец? Всё – как в романе: любовь счастливая, штуки три несчастных... попытка выпалить из револьвера... кровь (показывает завернутый платком палец) – хорошо?

Надежда (тупо). Что ж он теперь... тоже убьет себя?

Цыганов. Я бы застрелился... от стыда...

Монахов (Черкуну, тихо). Отдайте мне... жену! Отдайте... Больше ничего не имею... всё в ней! всю жизнь ей отдал... воровал – для нее...

Черкун (резко). Пожалуйста... возьмите!

Надежда (изумленно, Черкуну). Что ты сказал? Возьмите? да?

Черкун (твердо). Да. Вот что, Надежда Поликарповна, я вас прошу: простите меня...

Надежда. За что?

Черкун. Не придавайте значения моему поступку... Минутная вспышка... вызванная вами же... это не любовь...

Надежда (глухо). Говори проще... чтобы я поняла скорее.

Черкун. Я не люблю вас... нет!

Надежда (не верит). Да... нет же! Ты – поцеловал меня... Меня никто не целовал... только ты!

Монахов (кратко). А я... а я, Надя?

Надежда (тяжело). Молчи, покойник!

Черкун. Кончим все это! Вы поняли меня?.. Простите... если можете! (Хочет уйти.)

Надежда (странно, печально). Да нет же! Я вот сяду... Жорж, сядьте рядом, а? Егор Петрович...

Черкун. Я не люблю вас... не люблю! (Уходит к себе. Надежда тихо опускается на диван. Остолбенела.)

Цыганов радостно изумлен. Усы у него двигаются. Монахов стоит у двери, весь какой-то кривой, изломанный.)

Цыганов (весело). Вот идиотский город! Всё вверх ногами в нем: доктор должен лечить, а он – наносит раны...

Монахов. Надя!..

Надежда. А...

Монахов. Идем домой...

Надежда (негромко, спокойно). Иди один, покойник... иди!

(Вздыхнув, Монахов ушел в прихожую.)

Цыганов (негромко). Поезжайте-ка в Париж, дорогая моя, а?

Надежда. А он меня не любит?.. это верно?

Цыганов. Конечно! Разве, когда любят...

Надежда. Не надо... я сама знаю...

Цыганов. Ну, вот видите, радость моя...

Надежда (в тоске). А может... только боится?

Цыганов (вздыхнул). Ну... чего ему бояться?

Надежда. А доктор... убьет себя... да?

Цыганов. Сомневаюсь... Но если и так, – что же? Вы к этому привыкли... теперь вот доктор... потом, вероятно, я...

Надежда (качая головой). Из чего ему убить себя? Пистолет – вот он...

Цыганов. Можно другой купить...

Надежда. Здесь – не продают... Душно здесь! Ох, как душно мне... Пойдемте... хоть на крыльцо... постоим там... пойдемте!

Цыганов. За вами я – куда угодно... хоть на крышу! Ведь я люблю вас... я вас – люблю!

Надежда. Нет... не надо! (С глубоким убеждением.) Как вы можете любить, если он не может? Он! Он испугался... сам он! Никто не может меня любить... никто. Никто не может любить меня...

(Они уходят. Из комнаты Анны выбегает Стёпа, за ней Лидия. Степа берет что-то из шкафа. Выходит Черкун, угрюмый, подавленный.)

Лидия. Пятнадцать капель, Степа...

Степа. Как страшно... Господи! Какая это жизнь?

Лидия. Идите, нужно скорее...

Черкун. Что... Анна?

Лидия (пожимая плечами). Ничего... как скажешь иначе?

Черкун. Мне... то есть ей трудно будет видеть меня...

Лидия. А что вам нужно от нее?

Черкун. Я очень прошу вас сказать ей... что

Монахова...ушла. Я объяснил ей мой поступок... и просил простить меня... Она ушла... больше не вернется...

Лидия. Я плохо понимаю...

Черкун. Она... сама же разбудила во мне зверя... ну, я поцеловал ее... не мог сдержать себя... Сильна – эта женщина!

Лидия (с иронией). А! Это она виновата? Вас – соблазнили? Бедный...

Черкун (тихо). Вы... я вам противен?

Лидия (тихо, сильно, мстительно). О да, вы мне противны, да! Я презираю вас...

Черкун. Нет! Зачем вы так? Почему, когда вы видели, что я падаю...

Лидия. Я не занимаюсь спасением погибающих... Пусть тот, кто способен погибнуть, – погибнет! Это освежает жизнь... это уничтожит лишнее... только лишнее!

Черкун. Я чувствовал – вы что-то искали во мне... Я много любовался вами... и... но я теперь не смею этого сказать...

Лидия. Да, вы не смеее сказать это! Да! Я искала... я думала, что найду стойкого, твердого человека, которого можно бы уважать... Я давно ищу... я ищу человека, чтобы поклониться ему, чтобы пойти рядом с ним... Пусть это мечта... но я буду искать человека...

Черкун (тихо). Чтобы поклониться ему...

Лидия. И пойти рядом с ним... Да неужели нет на земле людей-жрецов, людей-героев, для которых жизнь была бы великой творческой работой... неужели нет?

Черкун (глухо, с отчаянием). Здесь невозможно сохранить себя, поймите это... невозможно! Сила этой жизни... этой грязи...

Лидия (гневно). Всюду – жалкие, всюду – жадные...

(Выстрел на дворе.)

Черкун (тоскливо). О... еще! Что там... еще?

Анна (выскакивает из комнаты). Егор! Где...Ах... боже мой...

(Валится на диван.)

Лидия (идет). Я посмотрю...

Богаевская. А я уж хотела спать идти... да...

Цыганов (в прихожей). Не ходите...

Черкун. Кто стрелял?

Цыганов (бледный, усы опустились). Она... Надежда Поликарповна...

Черкун. В... кого?

Цыганов (вздрагивая). В себя... при мне... при муже... так спокойно... просто... черт побери!

Богаевская (идет в прихожую). Вот дуреха! Кто бы мог подумать, а?

Анна (бросается к мужу). Егор... ты не виноват! Нет, Егор...

Черкун. Где... этот... доктор?

Монахов (идет). Не надо доктора... ничего не надо...

Господа, вы убили человека... за что?

Анна. О, Егор... это не ты... это – не ты!

Монахов (тихо, с ужасом). Что же вы сделали? а? Что вы сделали?

(Все молчат. Слышно, как на дворе воет ветер.)

Занавес

Враги
(сцены)

Действующие лица

Бардин, Захар, 45 лет.

Полина, его жена, под 40 лет.

Бардин, Яков, 40 лет.

Татьяна, его жена, 28 лет, актриса.

Надя, племянница Полины, 18 лет.

Печенегов, генерал в отставке, дядя Бардиных.

Скроботов, Михаил, 40 лет, купец, компаньон Бардиных.

Клеопатра, жена его, 30 лет.

Скроботов, Николай, брат его, 35 лет, юрист, товарищ прокурора.

Синцов, конторщик.

Пологий, конторщик.

Конь, отставной солдат.

Греков, Левшин, Ягодин, Рябцов, Акимов, рабочие.

Аграфена, экономка.

Бобоедов, ротмистр.

Квач, вахмистр.

Поручик.

Урядник.

Жандармы, солдаты, рабочие, служащие, прислуга.

Действие первое

Сад. Большие, старые липы. В глубине, под ними, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар. Вокруг стола плетеные стулья и кресла. Аграфена варит кофе. Под деревом стоит Конь, куря трубку, перед ним Пологий.

Пологий (говорит, нелепо жестикулируя) ...Конечно, ваша правда, я человек маленький, жизнь у меня мелкая, но каждый огурец взращен мною собственноручно, и рвать его без возмездия мне я не могу разрешить.

Конь (угрюмо). А твоего разрешения никто и не просит.

Пологий (прижимая руку к сердцу). Но позвольте! Если вашу собственность нарушают, – имеете вы право просить защиты закона?

Конь. Проси. Сегодня огурцы рвут, а завтра головы рвать будут... Вот тебе и закон!

Пологий. Однако... это странно и даже опасно слышать! Как же вы, солдат и кавалер, можете пренебрегать законом?

Конь. Закона – нет. Есть – команда. Налево кругом марш! И – ступай! Скажут – стой! Значит – стой.

Аграфена. Вы бы, Конь, не курили здесь вашу махорку, от нее лист на деревьях вянет...

Пологий. Если бы они с голоду, – это я понимаю... Голод может объяснить многие поступки; можно сказать, что все подлости совершаются для утоления голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

Конь. Ангелы – не едят, а сатана против бога пошел все-таки...

Пологий (радостно). Вот это я и называю озорством!..

(Идет Яков Бардин. Говорит негромко и как бы сам прислушивается к своим словам. Пологий кланяется ему. Конь небрежно «отдает честь».)

Яков. Здравствуйте. Вы – что?

Пологий. К Захару Ивановичу с покорной просьбой...

Аграфена. Жаловаться пришел. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли.

Яков. А-а... Это нужно сказать брату...

Пологий. Совершенно верно... я к ним и направляюсь.

Конь (ворчливо). Никуда ты не направляешься, а стоишь на одном месте и ноешь.

Пологий. Я вам, думается, не мешаю. Если бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вам мешал.

Яков. Конь, подите сюда...

Конь (идет). Крохобор ты, Пологий... кляузник!

Пологий. Вы совершенно напрасно произносите эти слова... Язык дан человеку для вознесения жалоб...

Аграфена. Да перестаньте, Пологий... точно вы не человек, а комар...

Яков (Коню). Что он тут, а? Ушел бы..

Пологий (Аграфене). Если слова мои беспокоят ваше ухо, но сердца не трогают, – я замолчу. (Идет прочь и, прохаживаясь по дорожке, щупает рукой деревья.)

Яков (смущенно). Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидел кого-то?

Конь (усмехаясь). Было. Это – было.

Яков (прохаживаясь). Гм... удивительно! Почему пьяный я всегда дерзости говорю?

Конь. Бывает это. Иной раз пьяные люди лучше трезвых, храбрее. Никого не боится, ну и себя не милует... У нас в роте унтер-офицер был, трезвый подлиза, ябедник, драчун. А пьяный – плачет. Братцы, говорит, я тоже человек, плюньте, просит, мне в рожу. Некоторые – плевали.

Яков. А с кем я вчера говорил?

Конь. С прокурором. Сказали ему, что у него деревянная голова. Потом о директоровой жене сказали прокурору, что у нее любовников много.

Яков. Ну, вот... а какое мне дело до этого?

Конь. Не знаю. Еще вы..

Яков. Хорошо, Конь, довольно... а то окажется, что я всем что-нибудь сказал неприятное... Да, вот какое несчастье – водка... (Подошел к столу и смотрит на бутылки, наливает большую рюмку, маленькими глотками высасывает ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхает.) Вам немножко жалко меня, а?

Аграфена. Очень жалко... такой вы простой со всеми – точно и не барин...

Яков. А вот Конь никого не жалеет, он только философствует. Чтобы человек задумался, его надо обидеть – так, Конь? (В палатке раздается крик генерала:

«Конь! Эй!» Вас сильно намучили, оттого вы и умный?

Конь (идет). Я как увижу генерала, то сразу дураком становлюсь...

Генерал (выходит из палатки). Конь! Купаться, живо!

(Идут в глубину сада.)

Яков (сел, качается на стуле). Моя супруга еще спит?

Аграфена. Уже встали. Купались.

Яков. Так вам меня жалко?

Аграфена. Вам бы полечиться.

Яков. Ну, налейте мне немножко коньяку.

Аграфена. Может, не надо, Яков Иванович?

Яков. А почему? Если я не выпью однажды, – это ничему не поможет.

(Вздыхнув, Аграфена наливает коньяку. Быстро идет Михаил Скроботов, возбужденный; нервно тербит острую черную бородку. Шляпа – в руке, и он мнет ее пальцами.)

Михаил. Захар Иванович встал? Нет еще?

Разумеется! Дайте мне... есть тут холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яков Иванович!.. Вы знаете новость?.. Эти подлецы требуют, чтобы я прогнал мастера Дичкова... да! Грозят бросить работу... черт бы их...

Михаил. Это – просто, да, но – не в этом же дело! Дело в том, что уступки их развращают. Сегодня они требуют – прогнать мастера, завтра они захотят, чтобы я повесился для их удовольствия...

Яков (мягко). Вы думаете, они завтра захотят этого?

Михаил. Вам – шутки! Нет, вы бы попробовали повозиться с чумазыми джентльменами, когда их около тысячи человек да им кружат головы – и ваш братец разной либеральностью, и какие-то идиоты прокламациями...

(Смотрит на часы.) Скоро десять, а в обед они обещают начать свои дурачества... Да-с, Яков Иванович, за время моего отпуска ваш почтенный братец испортил мне фабрику... развратил людей недостатком твердости...

(Справа является Синцов. Ему лет тридцать. В его фигуре и лице есть что-то спокойное и значительное.)

Синцов. Михаил Васильевич! В контору пришли депутаты рабочих, требуют хозяина.

Михаил. Требуют? Пошлите вы их ко всем чертям! (Полина идет с левой стороны.) Извиняюсь, Полина Дмитриевна!

Полина (любезно). Вы – всегда ругаетесь. Почему – сейчас?

Михаил. Да вот, все этот пролетариат!.. Он там – требует!.. Раньше он у меня смиренно просил...

Полина. Вы жестоки с людьми, уверяю вас!

Михаил (разводит руками). Ну, вот!

Синцов. Что же сказать депутатам?

Михаил. Пусть подождут... Идите!

(Синцов не спеша уходит.)

Полина. Интересное лицо у этого служащего. Давно он у нас?

Михаил. Около года, кажется...

Полина. Он делает впечатление порядочного человека. Кто он?

Михаил (пожимая плечами). Получает сорок рублей.

(Смотрит на часы; вздыхая, оглядывается, видит под деревом Пологого.) Вы что? За мной?

Пологий. Я, Михаил Васильевич, к Захару Ивановичу...

Михаил. Зачем?

Пологий. По случаю нарушения права собственности...

Михаил (Полине). Вот, рекомендую, тоже один из новых служащих! Человек со стремлением к огородничеству.

Глубоко убежден, что все на земле создано затем, чтобы нарушать его интересы. Все ему мешает – солнце, Англия, новые машины, лягушки...

Пологий (улыбаясь). Лягушки, смею заметить, всем мешают, когда они кричат...

Михаил. Идите-ка вы в контору! Что это за привычка у вас – бросить дело и ходить жаловаться? Мне это не нравится... Идите!

(Пологий, поклонившись, идет. Полина с улыбкой смотрит на него в лорнет.)

Полина. Вот какой вы строгий! А он – смешной... Вы знаете, в России люди разнообразнее, чем за границей.

Михаил. Скажите – безобразнее, – и я соглашусь. Я командую народом пятнадцать лет... Я знаю, что это такое – добрый русский народ, раскрашенный поповской литературой.

Полина. Поповской?

Михаил. Ну, конечно. Все эти Чернышевские, Добролюбовы, Златовратские, Успенские... (Глядит на часы.) Долго же не идет Захар Иванович, ах!

Полина. Вы знаете, чем он занят? Доигрывает вчерашнюю партию в шахматы с вашим братом.

Михаил. А там после обеда хотят работу бросать... Нет, знаете, из России толку не выйдет никогда! Уж это верно. Страна анархизма! Органическое отвращение к работе и полная неспособность к порядку... Уважение к законности – отсутствует...

Полина. Но это естественно! Как возможна законность в стране, где нет законов? Ведь, между нами говоря, наше правительство...

Михаил. Ну, да! Я не оправдываю никого! И правительство. Вы возьмите англосакса... (Идут Захар Бардин и Николай Скроботов.) Нет лучшего материала для строения государства. Англичанин перед законом ходит, как дрессированная лошадь в цирке. Чувство законности у него в костях, в мускулах... Захар Иванович, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вам сообщить о новом результате вашей либеральной политики с рабочими: они требуют, что-бы я немедленно прогнал Дичкова, в противном случае после обеда бросают работу... да-с! Как вы на это смотрите?

Захар (потирая лоб). Я? Гм... Дичков? Это... который дерется? И насчет девиц что-то такое?... Прогнать Дичкова, разумеется! Это – справедливо.

Михаил (волнуется). Ф-фу! Уважаемый компаньон, давайте говорить серьезно. Речь идет о деле, а не о справедливости; справедливость – это вот задача Николая. И я еще раз скажу, что справедливость, как вы ее понимаете, пагубна для дела.

Захар. Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

Полина. Деловые разговоры при мне... с утра...

Михаил. Тысяча извинений, но я буду продолжать... Я считаю это объяснение решительным. До моего отъезда в отпуск я держал завод вот так (показывает сжатый кулак), и у меня никто не смел пищать! Все эти воскресные развлечения, чтения и прочие штуки я, как вам известно, не считал полезными в наших условиях... Сырой русский мозг не вспыхивает огнем разума, когда в него попадает искра знания, – он тлеет и чадит...

Николай. Говорить надо спокойно.

Михаил (едва сдерживаясь). Благодарю за совет. Он очень мудр, но – мне не годится! Ваше отношение к рабочим, Захар Иванович, в полгода развинтило и расшатало весь крепкий аппарат, созданный моим восьмилетним трудом. Меня уважали, меня считали хозяином... Теперь всем ясно, что в деле два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

Захар (смуценно). Позвольте... Зачем же так?

Полина. Михаил Васильевич, вы говорите очень странно!

Михаил. Я имею причину говорить так... я поставлен в глупейшее положение! Прошлый раз я заявил рабочим, что скорее закрою фабрику, чем выгоню Дичкова... Они поняли, что я сделаю так, как говорю, и успокоились. В пятницу вы, Захар Иванович, сказали рабочему Грекову, что Дичков – грубый человек и вы его собираетесь прогнать...

Захар (мягко). Но, дорогой мой, если он бьет людей по зубам... и прочее?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Согласитесь – этого нельзя терпеть! Мы же европейцы, мы культурные люди!

Михаил. Прежде всего мы – фабриканты! Рабочие каждый праздник бьют друг друга по зубам, – какое нам до этого дело? Но вопрос о необходимости учить рабочих хорошим манерам вам придется решать после, а сейчас вас ждет в конторе депутация – она будет требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете делать?

Захар. Но разве Дичков такой ценный человек, а?

Николай (сухо). Насколько я понимаю – здесь дело идет не о человеке, а о принципе.

Михаил. Именно! Стоит вопрос: кто хозяин на фабрике – мы с вами или рабочие?

Захар (растерянно). Да, я понимаю! Но...

Михаил. Если мы уступим им, – я не знаю, чего они еще потребуют. Это нахалы. Воскресные школы и прочее сыграло свою роль за полгода – они смотрят на меня волками, и есть уже прокламации... слышен запах социализма... да!

Полина. Такая глушь, и вдруг – социализм... это забавно.

Михаил. Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитриевна, когда дети малы, они все забавные, но постепенно они растут, и однажды – мы встречаемся с большими мерзавцами...

Захар. Что же вы хотите делать? А?

Михаил. Закрывать завод. Пусть немножко поголодают, это их охладит. (Яков встает, подходит к столу и выпивает; потом медленно уходит прочь.) Когда мы закроем завод, в дело вступят женщины... Они будут плакать, а слезы женщин действуют на людей, опьяненных мечтами, как нашатырный спирт, они отрезвляют!

Полина. Вы ужасно жестко говорите!

Михаил. Так требует жизнь.

Захар. Но, знаете, эта мера... вызвана ли она необходимостью?

Михаил. Вы можете предложить что-нибудь другое?

Захар. Если я пойду поговорю с ними, а?

Михаил. Вы, конечно, уступите им, и тогда мое положение станет невозможным... Вы извините меня, но ваши колебания мне обидны, да! Не говоря о их вреде...

Захар (поспешно). Но, дорогой, ведь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помещик, чем промышленник... Все это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливым... Крестьяне мягче, добродушнее рабочих... с ними я живу прекрасно!.. Среди рабочих есть очень любопытные фигуры, но в массе – я соглашусь – они очень распухшие...

Михаил. Особенно с той поры, как вы надавали им обещаний...

Захар. Но, видите ли, после вашего отъезда сразу началось какое-то оживление... то есть возбуждение... Я, может быть, вел себя неосторожно... однако нужно было успокоить их. Писали в газетах о нас... И очень резко, знаете...

Михаил (нетерпеливо). Сейчас семнадцать минут одиннадцатого. Вопрос необходимо решить; он стоит так: или я закрываю завод, или ухожу из дела. Закрыв завод, мы не терпим убытка, – я принял меры. Спешные заказы готовы, и в складах кое-что есть...

Захар. Н-да-а. Необходимо решить сейчас... я понимаю! Как вы думаете, Николай Васильевич?

Николай. Думаю, что брат прав. Необходимо твердо держаться строго определенных принципов, если нам дорога культура.

Захар. То есть вы тоже думаете – закрыть? Как это досадно!.. Дорогой Михаил Васильевич, не обижайтесь на меня.. я отвечу минут... через десять!.. Хорошо?

Михаил. Пожалуйста!

Захар. Полина, я тебя попрошу, иди со мною..

Полина (идя за мужем). Ах, боже мой! Как все это неприятно..

Захар. У крестьянина есть врожденное веками чувство уважения к дворянину..

(Ушли.)

Михаил (сквозь зубы). Кисель! Это он говорит после аграрных погромов на юге! Дуррак...

Николай. Спокойнее, Михаил! Зачем так распускаться?

Михаил. У меня нервы болят, пойми! Я иду на фабрику и – вот! (Вынимает из кармана револьвер.) Меня ненавидят благодаря этому болвану! И я не могу бросить дело – ты первый осудил бы меня за это. В нем весь наш капитал. Уйди я – этот лысый идиот все погубит.

Николай (спокойно). Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

Синцов (идет). Вас просят рабочие..

Михаил. Меня? Что такое?

Синцов. Распространился слух, что с обеда завод закроют.

Михаил (брату). Каково! Откуда они знают?

Николай. Вероятно, это Яков Иванович сказал.

Михаил. А.. черт! (Смотрит на Синцова с раздражением, которого не может сдержать.) А почему именно вы так беспокоитесь, господин Синцов? Приходите, спрашиваете.. а?

Синцов. Меня просил сходить за вами бухгалтер.

Михаил. Да? Что это за привычка у вас смотреть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смею спросить?..

Синцов. Я думаю – это мое дело.

Михаил. А я думаю иначе.. и предлагаю вам вести себя со мной более прилично.. да! (Синцов пристально смотрит на него.) Ну-с? Чего вы ждете?

Татьяна (входит с правой стороны). А, директор.. торопитесь? (Кричит Синцову.) Матвей Николаевич, здравствуйте!

Синцов (ласково). Добрый день! Как чувствуете себя? Не устали, нет?

Татьяна. Нет, спасибо. Руки болят от весел..Идете на службу? Я вас провожу до калитки. Знаете, что я вам хочу сказать?

Синцов. Нет, разумеется.

Татьяна (идет рядом с Синцовым). Во всем, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше – чего-то эмоционального, преднамеренного.. Есть речи, которые более убедительны тогда, когда в них мало чувства.. (Не слышно, что говорят.)

Михаил. Извольте видеть, какая ситуация! Служащий ваш, которого вы оборвали за дерзость, фамильярничает на ваших глазах с женой брата вашего компаньона.. Брат – пьяница, жена – актриса. И на кой черт они сюда приехали? Неизвестно!..

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Николай. Странная женщина. Красива, умеет одеваться, так соблазнительна – и, кажется, устраивает роман с нищим. Эксцентрично, но глупо.

Михаил (с иронией). Это демократизм. Она, видишь ли, дочь сельской учительницы и говорит, что ее всегда тянет к простым людям... Черт меня дернул связаться с этими помещиками...

Николай. Ну, положим, это неплохо, хозяин дела – ты.

Михаил. Буду! Но еще не хозяин...

Николай. Я думаю, она очень доступна... кажется – чувственная.

Михаил. Этот либерал – спать лег там, что ли?.. Нет, Россия нежизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты с толку, никто не в состоянии точно определить свое место, все бродят, мечтают, говорят... Правительство кучка каких-то обалдевших людей... злые, глупые, они ничего не понимают, ничего не умеют делать...

Татьяна (возвращается). Кричите?.. Все почему-то начинают кричать...

Аграфена. Михаил Васильевич, вас просят Захар Иванович.

Михаил (идет, не дослушав). Наконец!

Татьяна (садится к столу). Почему он такой возбужденный?

Николай. Полагаю, вам это не интересно.

Татьяна (спокойно). Он мне напоминает одного полицейского. У нас в Костроме часто дежурил на сцене полицейский... такой длинный, с вытаращенными глазами.

Николай. Не вижу сходства с братом.

Татьяна. Я говорю не о внешнем сходстве... Он, полицейский, тоже всегда торопился куда-то, он не ходил, а бегал, не курил, а как-то задыхался дымом; казалось, он не живет, а прыгает, кувыркается, стараясь поскорее достичь чего-то... а чего – он не знал.

Николай. Вы думаете – не знал?

Татьяна. Я уверена. Когда у человека есть ясная цель, он идет спокойно. А этот торопился. И торопливость была особенная – она хлестала его изнутри, и он бежал, бежал, мешая себе и другим. Он не был жаден, узко жаден... он только жадно хотел скорее сделать все, что нужно, оттолкнуть от себя все обязанности – и обязанность брать взятки в том числе. Взятки он не брал, а хватал, – схватит, заторопится и забудет сказать спасибо... Наконец он подвернулся под лошадей, и они его убили.

Николай. Вы хотите сказать, что энергия брата бесцельна?

Татьяна. Да? Так вышло? Я не хотела этого сказать... Просто он похож на того полицейского...

Николай. Лестного тут мало для брата.

Татьяна. Я не собиралась говорить о нем лестно...

Николай. Вы оригинально кокетничаете.

Татьяна. Да?

Николай. Но – невесело.

Татьяна (спокойно). Разве есть женщины, которым с вами весело?

Николай. Ого!

Полина (идет). Сегодня у нас все как-то не клеится. Никто не завтракает, все

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
раздражены... Точно не выпались. Надя рано утром ушла с Клеопатрой Петровной в лес за грибами... Я вчера просила ее не делать этого... О, боже... трудно становится жить!

Татьяна. Ты много кушаешь...

Полина. Таня, зачем этот тон? Ты ненормально относишься к людям...

Татьяна. Разве?

Полина. Легко быть спокойной, когда у тебя ничего нет и ты свободна! А вот когда около тебя кормятся тысяча людей... это не шутка!

Татьяна. Ты брось, не корми их, пусть они сами живут, как хотят... Отдай им все – завод, землю – и успокойся.

Николай (закуривая). Это вы – из какой пьесы?

Полина. Зачем так говорить, Таня? Не понимаю! Ты бы видела, как расстроен Захар... Мы решили закрыть завод на время, пока рабочие успокоятся. Но ты подумай, как это тяжело! Сотни людей останутся без работы. А у них дети... ужасно!

Татьяна. Так не закрывайте, если ужасно... Зачем же делать неприятности самим себе?

Полина. Ах, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроем – рабочие сделают стачку, и это будет еще хуже.

Татьяна. Что будет хуже?

Полина. Все вообще... Не можем же мы уступить всем их требованиям? И, наконец, это совсем не их требования, а просто социалисты научили их, они и кричат... (Горячо.) Этого я не понимаю! За границей социализм на своем месте и действует открыто... А у нас, в России, его нашептывают рабочим из-за углов, совершенно не понимая, что в монархическом государстве это неуместно!.. Нам нужна конституция, а совсем не это... Как вы думаете, Николай Васильевич?

Николай (усмехаясь). Несколько иначе. Социализм очень опасное явление. И в стране, где нет самостоятельной, так сказать, расовой философии, где всё хватают со стороны и на лету, там он должен найти для себя почву... Мы люди крайностей... вот наша болезнь.

Полина. Это очень верно! Да, мы люди крайностей.

Татьяна (вставая). Особенно ты и твой муж. Или вот товарищ прокурора...

Полина. Ты не знаешь, Таня... а Захара считают одним из красных в губернии!

Татьяна (ходит). Я думаю, он краснеет только со стыда, да и то не часто...

Полина. Таня! Что ты, бог с тобой?..

Татьяна. Разве это обидно? Я не знала... Мне наша жизнь кажется любительским спектаклем. Роли распределены скверно, талантов нет, все играют отвратительно... Пьесу нельзя понять...

Николай. В этом есть правда. И все жалуются – ах, какая скучная пьеса!

Татьяна. Да, мы портим пьесу. Мне кажется, это начинают понимать статисты и все закулисные люди... Однажды они прогонят нас со сцены...

(Идут генерал и конь.)

Николай. Однако! Куда вы метнули.

Генерал (кричит, подходя). Полина! Молока генералу, – х-хо! Холодного молока!.. (К Николаю.) А-а, гроб законов!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвечай урок: что есть солдат?

Конь (скучно). Как угодно начальству, ваше превосходительство!

Генерал. Может солдат быть рыбой, а?

Конь. Солдат должен все уметь...

Татьяна. Милый дядя, вы и вчера забавляли нас этой сценой... Неужели каждый день?

Полина (вздыхая). Каждый день, после купанья.

Генерал. Каждый день, да! И всегда разное – обязательно! Он, старый шут, должен сам выдумывать ответы и вопросы.

Татьяна. Вам это нравится, конь?

Конь. Его превосходительству нравится.

Татьяна. А вам?

Генерал. Ему тоже...

Конь. Стар я для цирка... ну, а терпеть надо, когда есть нужно...

Генерал. А! Хитрая каналья! Кругом марш!..

Татьяна. Вам не скучно издеваться над стариком?

Генерал. Я сам старик! А вы сами скучная... Актриса должна смешить, а вы что?

Полина. Ты знаешь, дядя...

Генерал. Ничего не знаю...

Полина. Мы закрываем завод...

Генерал. Ага! Прекрасно! Он – свистит. Рано утром спишь так крепко, вдруг – у-у-у! Закрывать его!..

Михаил (быстро идет). Николай, на минутку! Ну, завод закрыт. Но на всякий случай надо принять меры... Пошли телеграмму вице-губернатору: кратко сообщи положение дела и требуй солдат... Подпиши моим именем.

Николай. Я с ним тоже приятель.

Михаил. Иду объявить этим депутатам – к черту!.. Ты не говори о телеграмме, я сам скажу, когда будет нужно... Да?

Николай. Хорошо.

Михаил. А великолепно чувствуется, когда поставишь на своем! Я, брат, старше тебя годами, но моложе душой, а?

Николай. Это не молодость, а нервозность, я думаю...

Михаил (с иронией). Вот я тебе покажу нервозность! Увидишь! (Смеется, уходит.)

Полина. Решили, Николай Васильевич, да?

Николай (уходя). Да, кажется.

Полина. О, боже мой!

Генерал. Что решили?

Полина. Закрывать завод...

Генерал. Ах, да... Конь!

Конь. Здесь.

Генерал. Удочки и лодку.

Конь. Готово.

Генерал. Пойду молчать с рыбами... Это более умно, чем скучать с людьми... (Хохочет.) Ловко сказано, а? (Надя бежит.) А-а, мотылек!.. Что такое?

Надя (радостно). Приключение! (Обернувшись назад, зовет.) Идите, пожалуйста! Греков! Вы не пускайте его,

Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходим мы из лесу – вдруг трое пьяных рабочих... понимаешь?

Полина. Ну вот! Я всегда говорила тебе...

Клеопатра (за нею Греков). Представьте, какая гадость!

Надя. Почему – гадость? Просто смешно!.. Трое рабочих, тетя... Улыбаются и говорят: «Барыни вы наши милые...»

Клеопатра. Я непременно попрошу мужа прогнать их...

Греков (улыбаясь). За что же?

Генерал (Наде). Это кто такой – чумазый?

Надя. Наш спаситель, дед, понимаешь?

Генерал. Ничего не понимаю!

Клеопатра (Наде). Вы рассказываете бог знает как.

Надя. Я говорю, как нужно!

Полина. Но ничего нельзя понять, Надя!

Надя. Вы мне мешаете потому что!.. Подходят к нам и говорят: «Барышни! давайте с нами песни петь...»

Полина. Ах, какое нахальство!

Надя. Вовсе нет! «Мы, говорят, знаем, – вы очень хорошо поете... Конечно, мы выпивши, но выпившие мы лучше!» Это верно, тетя! Пьяные они не такие хмурые, как всегда...

Клеопатра. На наше счастье, вот этот молодой человек...

Надя. Я расскажу лучше вас! Клеопатра

Петровна начала их ругать... Это вы напрасно! Уверю вас!.. Тогда один из них, такой высокий и худой...

Клеопатра (с угрозой). Я его знаю!

Надя. Взял ее за руку и – так грустно – сказал: «Такая вы красивая, образованная женщина, смотреть на вас приятно, а вы – ругаетесь. Разве мы вас обидели?» Он очень хорошо сказал, так... от души! Ну, а другой, – он действительно... Он сказал: «Чего ты с ними говоришь? Разве они что-нибудь могут понять? Они – зверье!..» Это мы зверье – я и она! (Смеется.)

Татьяна (усмехаясь). Ты, кажется, довольна этим титулом?

Полина. Я говорила тебе, Надя... Вот ты бегаешь всюду...

Греков (Наде). Я могу идти?

Надя. О нет, пожалуйста! Хотите чаю? Или молока? Хотите?

(Генерал хохочет, Клеопатра пожимает плечами. Татьяна смотрит на Грекова и что-то напевает сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытирает ложки полотенцем.)

Греков (улыбаясь). Спасибо, не хочу.

Надя (убедительно). Вы, пожалуйста, не стесняйтесь!.. Это всё... добрые люди, уверяю вас!

Полина (протестуя). О, Надя!

Надя (Грекову). Вы не уходите, я сейчас все расскажу...

Клеопатра (недовольно). Одним словом, этот молодой человек явился вовремя и уговорил своих пьяниц-товарищей оставить нас в покое... а я попросила его проводить нас. Вот и все...

Надя. Ах, ну что это! Если бы все было, как вы рассказываете... все умерли бы со скуки!

Генерал. Каково, а?

Надя (Грекову). Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сесть! Отчего вы все такие кислые?

Полина (сидя, Грекову). Благодарю вас, молодой человек...

Греков. Не за что...

Полина (более сухо). С вашей стороны было очень хорошо защитить женщин.

Греков (спокойно). Они не нуждались в защите... их никто не обижал.

Надя. Но, тетя же! Разве можно так говорить?..

Полина. Я попрошу не учить меня...

Надя. Но пойми – никакой защиты не было! Он просто сказал им: «Оставьте, товарищи, это нехорошо!» Они обрадовались ему: «Греков! Идем с нами, ты – умный!» Он действительно, тетя, очень умный... вы извините меня, Греков, но ведь это правда!..

Греков (усмехаясь). Вы ставите меня в неловкое положение...

Надя. Это не я, а вот они. Греков!

Полина. Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза... Все это смешно... И – довольно!

Надя (возбужденно). Так смейтесь! Почему же вы сидите, как сычи? Смейтесь!

Клеопатра. У Нади способность из всякого пустяка делать историю с шумом, с восторгом. И особенно это хорошо сейчас на глазах... чужого человека, который, видите, – смеется над ней.

Надя (Грекову). Вы надо мной смеетесь? Почему?

Греков (просто). Я люблюсь вами, а не смеюсь...

Полина (поражена). Что? Дядя...

Клеопатра (усмехаясь). Вот вам!

Генерал. Ну, баста! Хорошенького понемножку. Молодой человек, вот, возьми себе и – ступай...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Греков (отворачиваясь). Благодарю... не нужно.

Надя (закрыв лицо руками). Ой! Зачем?

Генерал (останавливая Грекова). Подожди! Это – десять рублей...

Греков (спокойно). Ну, и что же?

(Секунду все молчат.)

Генерал (смущен). Э... Вы кто такой?

Греков. Рабочий.

Генерал. Кузнец?

Греков. Слесарь.

Генерал (строго). Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

Греков. Не хочу.

Генерал (раздражаясь). Что за комедия? Чего же тебе нужно?

Греков. Ничего.

Генерал. А может быть, ты хочешь попросить руку барышни, а? (Хохочет. Все смущены выходкой генерала.)

Надя. Ой!.. что вы делаете!

Полина. Дядя, пожалуйста...

Греков (генералу спокойно). Вам сколько лет?

Генерал (удивлен). Что? Мне... лет?

Греков (так же). Сколько вам лет?

Генерал (оглядываясь). Что такое? Шестьдесят один год... Ну, и что же?

Греков (идет прочь). В эти годы следует быть умнее.

Генерал. Как?... Мне... умнее?..

Надя (бежит за Грековым). Послушайте... вы не сердитесь! Он – старик. И все они добрые люди, честное слово!

Генерал. Что за чертовщина?

Греков. Вы не беспокойтесь... это все естественно!

Надя. Им – жарко... У них поэтому дурное настроение... А я так плохо рассказала.

Греков (улыбаясь). Как бы вы ни рассказали, вас не поймут, поверьте.

(Они скрываются.)

Генерал (ошалев). Это он меня... смел, а?

Татьяна. Вы напрасно сунули ваши деньги.

Полина. Ах, Надя... Эта Надя!

Клеопатра. Скажите! Какой гордый испанец! Вот я попрошу мужа, чтоб он его...

Генерал. Такой щенок!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Полина. Надя – невозможна!.. Пошла с ним... Как она волнуется!

Клеопатра. Они с каждым днем все больше распускаются, ваши социалисты...

Полина. Почему вы думаете, что он социалист?

Клеопатра. Уж я вижу! Все порядочные рабочие – социалисты.

Генерал. Я скажу Захару... сегодня же в шею с завода этого молокососа!

Татьяна. Завод закрыт.

Генерал. Вообще – в шею!

Полина. Таня! Позови Надю... я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена...

(Татьяна идет.)

Генерал. Ах, скотина! Сколько лет, а?

Клеопатра. Эти пьяные свистели вслед нам... А вы с ними любезничаете... чтения разные... к чему это?

Полина. Да, да!.. Вы представьте: в четверг, я еду в деревню, вдруг свистят! Даже мне свистят, а? Не говоря о неприличии – это может испугать лошадей!

Клеопатра (поучительно). Захар Иванович во многом виноват!.. Он неверно определяет расстояние между собой и этим народом, как говорит муж...

Полина. Он мягок... он хочет быть добрым со всеми! Добрые отношения с народом выгоднее для обеих сторон, это его убеждение... Крестьяне очень оправдывают его взгляды... Берут землю, платят аренду, и – все идет прекрасно. А эти... (Идут Татьяна и Надя.) Надя! моя милая, ты понимаешь, как неприлично...

Надя (горячо). Это вы... вы неприличны! Вы все угорели от жары, вы злые, больные и ничего не понимаете!.. А вы, дед... ах, какой вы глупый!..

Генерал (взбешен). Я? Глуп? Еще раз?

Надя. Зачем вы сказали это... о руке? Не стыдно вам?

Генерал. Стыдно? Нет, баста! Благодарю! Довольно на сегодня! (Идет прочь и орет.) Конь! Черт бы взял всю твою родню, где там увязли твои дурацкие ноги, болван, тупая башка?!

Надя. А вы, тетя, вы!.. Еще за границей жили, о политике говорите!.. Не пригласить человека сесть, не дать ему чашку чая!.. Эх вы...

Полина (встает, бросает ложку). Это нестерпимо... что ты говоришь?..

Надя. И вы, Клеопатра Петровна, тоже... дорогой вы были с ним и ласковы и любезны, а здесь...

Клеопатра. Да что ж – целовать мне его, что ли? Извините, он не умыт. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вот, Полина Дмитриевна, видите? Это демократизм или – как там – гуманизм!.. Это все ложится пока на шею моего мужа... но ляжет и на вашу, вы увидите!

Полина. Клеопатра Петровна, я извиняюсь перед вами за Надю...

Клеопатра (уходя). Это лишнее. И не в ней дело, не в одной Наде... Все виноваты!

Полина. Послушай, Надя! Когда твоя мать, умирая, поручила мне тебя, твое воспитание...

Надя. Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не так!

Полина (изумленно). Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мне, я

Надя (со слезами, но сдерживая их). Ничего вы не знаете, вот! И бедные богатым не родня... Моя мама была бедная, хорошая... Вы не понимаете бедных!.. Вы вот даже тетю Таню не понимаете...

Полина. Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

Надя (уходя). И уйду!.. А все-таки я права! Не вы, а я!

Полина. Ф-фу! Боже мой!.. Здоровая девушка – и вдруг... такой припадок, почти истерия! Ты извини меня, Таня, но здесь я вижу твое влияние... да! Ты говоришь с нею обо всем, как со взрослой... вводишь ее в компанию служащих... Эти конторщики... какие-то чудачки из рабочих... абсурд! Наконец, катанья в лодках...

Татьяна. Ты успокойся... выпей чего-нибудь, что ли! Тебе нужно согласиться, что с этим рабочим ты вела себя... довольно бестолково! Ведь он не изломал бы стула, если б ты предложила ему сесть.

Полина. Ты не права, нет... Разве можно сказать, что я дурно отношусь к рабочим? Но все должно иметь свои границы, моя дорогая!..

Татьяна. Затем я ее никуда не ввожу, как ты говоришь. Она сама идет... и я не думаю, что ей нужно мешать.

Полина. Она сама идет! Как будто она понимает – куда?

(Медленно идет Яков, выпивший.)

Яков (садясь). А на заводе будет бунт...

Полина (тоскливо). Ах, перестаньте, Яков Иванович!..

Яков. Будет. Бунт будет. Они зажгут завод и всех нас изжарят на огне... как зайцев.

Татьяна (с досадой). Ты, кажется, уже выпил...

Яков. Я в это время всегда уже выпил... Сейчас видел Клеопатру... это очень дрянная баба! Не потому, что у нее много любовников... но потому, что в груди у нее, вместо души, сидит старая, злая собака...

Полина (встает). Ах, боже мой, боже мой!.. Все шло хорошо, и вдруг... (Ходит по саду.)

Яков. Небольшая собака, с облезлой шерстью. Жадная. Сидит и скалит зубы... Уже сыта, все ела... но чего-то хочет еще... А чего – не знает... И беспокоится...

Татьяна. Замолчи, Яков!.. Вон идет твой брат.

Яков. Мне не нужен брат! Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить... Но все-таки это мне обидно. Обидно... и не мешает мне любить тебя...

Татьяна. Ты бы освежился... Иди, выкупайся...

Захар (подходя). Что? Объявили уже, что завод закрывается?

Татьяна. Не знаю.

Яков. Не объявили, но рабочие знают.

Захар. Почему? Кто сказал им?

Яков. Я. Пошел и сказал.

Полина (подходит). Зачем?

Яков (пожимая плечами). Так... Им это интересно. Я им все говорю... если они

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
слушают. Они меня любят, я думаю. Им приятно видеть, что брат их хозяина –
пьяница. Это должно внушать идею равенства.

Захар. Гм... ты, Яков, часто бываешь на заводе... против этого я, конечно, ничего не
имею!.. Но Михаил Васильевич говорит, что иногда ты, разговаривая с рабочими,
осуждаешь порядки на заводе...

Яков. Это он врет. Я ничего не понимаю в порядках и беспорядках.

Захар. А также он говорит, что ты иногда приносишь с собой водку...

Яков. Врет. Не приношу, а посылаю за ней, и не иногда, а всегда. Ты же
понимаешь, что без водки – я им не интересен!

Захар. Но, Яков, посуди сам, ты – брат хозяина...

Яков. Это не единственный мой недостаток...

Захар (обиженно). Ну, я молчу! Молчу! Вокруг меня создается непонятная мне
атмосфера враждебности...

Полина. Да, это верно. Ты послушал бы, что тут говорила Надежда!

Пологий (бежит). Позвольте сказать... сейчас – сейчас убит господин директор...

Захар. Как?

Полина. Вы... что вы?

Пологий. Совершенно... убит... упал...

Захар. Кто... кто стрелял?

Пологий. Рабочие...

Полина. Схватили их?

Захар. Доктор там?

Пологий. Я не знаю...

Полина. Яков Иванович!.. Да идите вы!

Яков (разводя руками). Куда?

Полина. Как это случилось?

Пологий. Господин директор были в ажитации... и попали ногой в живот рабочему...

Яков. Идут... Сюда...

(Шум. Ведут Михаила Скроботова, под одну руку Левшин, лысоватый пожилой рабочий,
под другую – Николай. Их провожают несколько рабочих и служащих.)

Михаил (устало). Оставьте меня... положите...

Николай. Ты видел, кто стрелял?

Михаил. Я устал... я устал...

Николай (настойчиво). Ты заметил, кто стрелял?

Михаил. Мне больно... Какой-то рыжий... Положите меня... Какой-то рыжий...

(Его укладывают на дерновую скамью.)

Николай (уряднику). Вы слышали? Рыжий...

Михаил. А! Теперь все равно...

Левшин (Николаю). Вы бы не тревожили его в такую минуту...

Николай. Молчать! Где же доктор?.. Доктор где, я спрашиваю?

(Все бестолково суетятся, шепчутся.)

Михаил. Не кричи... Мне больно... Дайте же отдохнуть!..

Левшин. Отдохните, Михаил Васильевич, ничего! Эх, дела человеческие, копеечные дела! Из-за копейки пропадаем... Она и мать нам и смерть наша...

Николай. Урядник! Попросите удалиться всех лишних.

Урядник (негромко). Пошел прочь, ребята! Нечего тут смотреть...

Захар (тихо). Где же доктор?

Николай. Миша!.. Миша!.. (Наклоняется к брату, и все наклоняются за ним.) Мне кажется... он скончался... да.

Захар. Не может быть! Это обморок.

Николай (медленно, негромко). Вы понимаете, Захар Иванович? Он умер...

Захар. Но... вы можете ошибиться!

Николай. Нет. Это вы поставили его под выстрел, вы!

Захар (поражен). Я?

Татьяна. Как это жестоко... глупо!

Николай (наступая на Захара). Да, вы!..

Становой (бежит). Где господин директор? Тяжело ранен?

Левшин. Помер. Торопил, торопил всех, а сам – вот...

Николай (становому). Он успел сказать, что его убил какой-то рыжий...

Становой. Рыжий?

Николай. Да, примите меры... немедленно!

Становой (уряднику). Немедленно собрать всех рыжих!

Урядник. Слушаю.

Становой. Всех!

(Урядник уходит.)

Клеопатра (бежит). Где он?.. Миша!.. Что такое... обморок? Николай Васильевич... Это обморок? (Николай отвертывается в сторону.) Умер? Нет?

Левшин. Успокоился... Пистолетом грозил. А вот он, пистолет, против него и обернулся.

Николай (злобно, но негромко). Вы – прочь! (Становому.) Уберите этого!

Клеопатра. Ну, что... что, доктор?

Становой (Левшину, тихо). Ты! Пошел!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Левшин (тихо). Иду. Зачем толкать?

Клеопатра (негромко). Убили?

Полина (Клеопатре). Моя дорогая...

Клеопатра (негромко, зло). Подите прочь! Ведь это ваше дело... ваше!

Захар (подавленно). Я понимаю... вы поражены... но зачем же... зачем же так?

Полина (со слезами). Вы подумайте, дорогая, как это страшно!..

Татьяна (Полине). Ты уйди... Где же доктор?

Клеопатра. Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

Николай (сухо). Успокойтесь, Клеопатра! Захар

Иванович не может не сознавать своей вины перед нами...

Захар (подавленный). Господа... Я не понимаю! Что вы говорите? Разве можно бросать такое обвинение?

Полина. Какой ужас! Боже мой... так безжалостно!

Клеопатра. А, безжалостно? Вы натравили на него рабочих, вы уничтожили среди них его влияние... Они боялись его, они дрожали перед ним... и – вот! Теперь они убили... Это вы... вы виноваты! На вас его кровь!..

Николай. Довольно... не надо кричать!

Клеопатра (Полине). Плачете? Пусть она из глаз ваших потечет, его кровь!..

Урядник (идет). Ваше благородие!..

Становой. Тише, ты!

Урядник. Рыжие готовы!

(В глубине сада идет генерал, толкая перед собой коня, громко хохочет.)

Николай. Тише!.. Клеопатра. Что, убийцы?

Занавес

Действие второе

Лунная ночь. На земле лежат густые, тяжелые тени. На столе в беспорядке набросано много хлеба, огурцов, яиц, стоят бутылки с пивом. Горят свечи в абажурах. Аграфена моет посуду. Ягодин, сидя на стуле с палкой в руке, курит. Слева стоят Татьяна, Надя, Левшин. Все говорят тихо, пониженными голосами и как будто прислушиваясь к чему-то. Общее настроение – тревожного ожидания.

Левшин (Наде). Все человеческое на земле – медью отравлено, барышня милая! Вот отчего скучно душе вашей молодой... Все люди связаны медной копеечкой, а вы свободная еще, и нет вам места в людях. На земле каждому человеку копейка звенит: возлюби меня, яко самого себя... А вас это не касается. Птичка не сеет, не жнет.

Ягодин (Аграфене). Левшин и господ учить начал... чудак!

Аграфена. Что ж? Он правду говорит. Немножко правды и господам знать надо.

Надя. Вам очень тяжело жить, Ефимыч?

Левшин. Мне – не очень. У меня детей нет. Баба есть – жена, значит, – а дети все померли.

Надя. Тетя Таня! Почему, когда в доме мертвый, все говорят тихо?..

Татьяна. Я не знаю..

Левшин (с улыбкой). Потому, барышня, что виноваты мы перед покойником, кругом виноваты..

Надя. Но ведь не всегда, Ефимыч, людей.. вот так.. убивают.. При всяком покойнике тихо говорят..

Левшин. Милая, – всех мы убиваем! Которых пулями, которых словами, всех мы убиваем делами нашими. Гоним людей со свету в землю и не видим этого, и не чувствуем.. а вот когда бросим человека смерти, тогда и поймем немножко нашу вину перед ним. Станет жалко умершего, стыдно пред ним и страшно в душе.. Ведь и нас так же гонят, и мы в могилу приготовлены!..

Надя. Да-а.. это страшно!

Левшин. Ничего! Теперь – страшно, а завтра – все пройдет. И опять начнут люди толкаться.. Упадет человек, которого затолкают, все замолчат на минутку, сконфузятся.. вздохнут – да и опять за старое!.. Опять своим путем.. Темнота! А вот вы, барышня, вины своей не чувствуете: вам и покойники не мешают, вы и при них можете громко говорить..

Татьяна. Что нужно сделать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?..

Левшин (таинственно). Копейку надо уничтожить..схоронить ее надо! Ее не будет, – зачем враждовать, зачем теснить друг друга?

Татьяна. Это – всё?

Левшин. Для начала – хватит!..

Татьяна. Хочешь пройтись по саду, Надя?

Надя (задумчиво). Хорошо..

(Они идут в глубину сада; Левшин – к столу. У палатки появляются генерал. Конь, Пологий.)

Ягодин. Ты, Ефимыч, и на камне сеешь.. чудак!

Левшин. А что?

Ягодин. Напрасно стараешься.. Разве они поймут? Рабочая душа поймет, а господской это не по недугу..

Левшин. Девчоночка-то хорошая. Мне про нее Митяйка Греков сказывал..

Аграфена. Может, еще выпьете чаю?

Левшин. Это – можно.

(Молчат. Слышен густой голос генерала. Мелькают белые платья Нади и Татьяны.)

Генерал. Или протянуть через дорогу веревку.. так, чтобы ее не видно было.. идет человек и вдруг – хлоп!

Пологий. Приятно видеть, когда человек падает, ваше превосходительство!

Ягодин. Слышишь?

Левшин. Слышу..

Конь. Сегодня этого нельзя ничего – покойник в доме. При покойнике не шутят.

Генерал. Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду!

(К столу идут Татьяна и Надя.)

Левшин. Стар человек!

Аграфена (идет к дому). Уж так он озорничать любит...

Татьяна (садится к столу.) Ефимыч, скажите, вы – социалист?

Левшин (просто). Я-то? Нет. Мы вот с Тимофеем ткачи, мы – ткачи...

Татьяна. А вы знаете социалистов? Слышали о них?

Левшин. Слыхали... Знать – не знаем, а слышали, да!

Татьяна. Вы Синцова знаете? Конторщика?

Левшин. Знаем. Мы всех служащих знаем.

Татьяна. Говорили с ним?

Ягодин (беспокойно). О чем нам говорить? Они – наверху, мы – внизу. Придешь в контору, они нам скажут, что им директор велел... и всё! Вот и знакомство.

Надя. Вы, кажется, боитесь нас, Ефимыч? Вы не бойтесь, нам интересно...

Левшин. Зачем бояться? Мы ничего худого не сделали. Нас вот позвали сюда для охраны порядка, – мы пришли. Там народ, который разозлился, говорит: сожжем завод и всё сожжем, одни угли останутся. Ну, а мы против безобразия. Жечь ничего не надо... зачем жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и деды... и вдруг – жечь!

Татьяна. Вы не думаете ли, что мы расспрашиваем вас с каким-нибудь злым умыслом?

Ягодин. Зачем? Мы зла не желаем!

Левшин. Мы так думаем – что сработано, то свято. Труды людские ценить надо по справедливости, это так, а не жечь. Ну, а народ темен – огонь любит. Обозлились. Покойничек строгонек был с нами, не тем будь помянут! Пистолетом махал... угрожал.

Надя. А дядя? Он – лучше?

Ягодин. Захар Иванович?

Надя. Да! Он – добрый? Или он... тоже обижает вас?

Левшин. Мы этого не говорим...

Ягодин (угрюмо). Для нас все одинаковы. И строгие и добрые...

Левшин (ласково). И строгий – хозяин, и добрый – хозяин. Болезнь людей не разбирает.

Ягодин (скучно). Конечно, Захар Иванович человек с сердцем...

Надя. Значит, лучше Скроботова, да?

Ягодин (тихо). Да ведь директора нет уж...

Левшин. Дядюшка ваш, барышня, мужчина хороший... Только нам... нам от красоты его не легче.

Татьяна (с досадой). Пойдем, Надя... Они не хотят понять нас... ты видишь!

Надя (тихо). Да...

(Молча идут. Левшин смотрит вслед им, потом на Ягодина; оба улыбаются.)

Ягодин. Вот тянут за душу!

Левшин. Интересно, видишь, им...

Ягодин. А может, думают, и сболтнут чего-нибудь.

Левшин. Барышня-то хорошая... Жаль – богатая!

Ягодин. Матвею-то Николаевичу надо сказать... барыня, мол, расспрашивает...

Левшин. Скажем. И Грекову Митяйке скажем.

Ягодин. Как-то там, а? Должны нам уступить...

Левшин. Уступят. А погода опять наступят.

Ягодин. На горло нам...

Левшин. А как же?

Ягодин. Да-а... Спать хочется!

Левшин. Потерпи... Вон генерал идет.

(Генерал. Рядом с ним почтительно шагает Пологий, сзади – Конь. Пологий вдруг подхватывает генерала под руку.)

Генерал. Что такое?

Пологий. Ямочка!..

Генерал. А!.. Что тут на столе? Дрянь какая-то. Это вы ели?

Ягодин. Так точно... Барышня тоже с нами кушали.

Генерал. Ну, что же?.. Охраняете, а?

Ягодин. Так точно... караулим.

Генерал. Молодцы! Скажу про вас губернатору. Вас сколько тут?

Левшин. Двое.

Генерал. Дурак! Я умею считать до двух... Сколько всех?

Ягодин. Человек тридцать.

Генерал. Оружие есть?

Левшин (Ягодину). Тимофей, у тебя где пистолет?

Ягодин. Вот он.

Генерал. Не бери за дуло... черт! Конь, научи болванов, как надо держать оружие в руке. (Левшину.) У тебя есть револьвер?

Левшин. Не-ет, у меня нет!

Генерал. Что же, если мятежники придут, вы будете стрелять?

Левшин. Они не придут, ваше превосходительство... так это они: погорячились, и – прошло.

Генерал. А если придут?

Левшин. Обиделись они очень... по случаю закрытия завода... Некоторые детей имеют...

Генерал. Что ты мне поешь! Я спрашиваю – стрелять будешь?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Левшин. Да мы, ваше превосходительство, готовы... почему же не пострелять? Только не умеем мы. И – не из чего. Из ружей бы... Из пушек.

Генерал. Конь! Иди, научи их... Ступай туда, к реке...

Конь (угрюмо). Докладываю вашему превосходительству – ночь теперь. И произойдет возбуждение, если стрелять. Прилезет народ. А мне – как желаете.

Генерал. Отложить до завтра!

Левшин. А завтра все будет тихо. Завод откроют...

Генерал. Кто откроет?

Левшин. Захар Иванович. Он теперь насчет этого собеседует с рабочими...

Генерал. Черт! Я бы этот завод закрыл навсегда. Не свисти рано утром!..

Ягодин. Позднее и нам бы лучше.

Генерал. А вас всех – уморить голодом! Не бунтуй!

Левшин. Да мы разве бунтуем?

Генерал. Молчать! Вы чего тут торчите? Вы должны ходить вдоль забора... и если кто полезет – стрелять... Я отвечаю!

Левшин. Идем, Тимофей! Пистолет-то захвати.

Генерал (вслед им). Пистолет!.. Ослы зеленые! Даже оружия не могут правильно назвать...

Пологий. Осмелюсь доложить вашему превосходительству – народ вообще грубый и зверский... Возьму свой случай: имея огород, собственноручно развожу в нем овощи...

Генерал. Да. Это похвально!

Пологий. Работаю по мере свободного времени...

Генерал. Все должны работать!

(Татьяна и Надя.)

Татьяна (издали). Зачем вы так кричите?

Генерал. Меня раздражают. (Пологому.) Ну?

Пологий. Но почти каждую ночь рабочие похищают плоды моих трудов...

Генерал. Воруют?

Пологий. Именно! Ищу защиты закона, но оный представлен здесь господином становым приставом, личностью, равнодушной к бедствиям населения...

Татьяна (Пологому). Послушайте, зачем вы говорите таким глупым языком?

Пологий (смущен). Я? Извините!.. Но я три года учился в гимназии и ежедневно читаю газету...

Татьяна (улыбаясь). Ах, вот что...

Надя. Вы очень смешной. Пологий!

Пологий. Если это вам приятно, я очень рад! Человек должен быть приятен...

Генерал. Вы рыбу удить любите?

Пологий. Не пробовал, ваше превосходительство!

Генерал (пожимая плечами). Странный ответ.

Татьяна. Чего не пробовали – удить или любить?

Пологий (сконфузился). Первое.

Татьяна. А второе?

Пологий. Второе пробовал.

Татьяна. Вы женаты?

Пологий. Только мечтаю об этом... Но, получая всего двадцать пять рублей в месяц (быстро идут Николай и Клеопатра) – не могу решиться.

Николай (обозлен). Нечто изумительное! Полный хаос!

Клеопатра. Как он смеет? Как он мог!..

Генерал. В чем дело?

Клеопатра (кричит). Ваш племянник – тряпка! Он согласился на все требования бунтовщиков... убийц моего мужа!

Надя (тихо). Но разве все они убийцы?

Клеопатра. Это глумление над трупом... и надо мной! Открыть завод в то время, когда еще не похоронен человек, которого мерзавцы убили именно за то, что он закрыл завод!

Надя. Но дядя боится, что они всё сожгут...

Клеопатра. Вы ребенок... и должны молчать.

Николай. А речь этого мальчишки!.. Явная проповедь социализма...

Клеопатра. Какой-то конторщик всем распоряжается, дает советы... осмелился сказать, что преступление было вызвано самим покойным!..

Николай (записывая что-то в записную книжку). Этот человек подозрителен, – он слишком умен для конторщика...

Татьяна. Вы говорите о Синцове?

Николай. Именно.

Клеопатра. Я чувствую, что мне как будто плюнули в лицо...

Пологий (Николаю). Позвольте заметить: читая газеты, господин Синцов всегда рассуждает о политике и очень пристрастно относится к властям...

Татьяна (Николаю). Вам это интересно слышать?

Николай (с вызовом). Да, интересно!.. Вы думаете меня смутить?

Татьяна. Я думаю, что господин Пологий лишний здесь...

Пологий (смущенно). Извините... я уйду! (Уходит спешно.)

Клеопатра. Он идет сюда... я не хочу, не могу его видеть! (Быстро уходит.)

Надя. Что такое творится?

Генерал. Я слишком стар для такой канители. Убивают, бунтуют!.. Пригласив меня к себе отдыхать, Захар должен был предвидеть... (Появляется Захар; взволнован, но доволен. Видит Николая, смущенно останавливается, поправляет очки.) Послушай, дорогой племянник... э... ты понимаешь свои поступки?

Захар. Подождите, дядя, минутку... Николай Васильевич!

Николай. Да-с...

Захар. Рабочие были так возбуждены... И боясь разгрома завода... я удовлетворил их требование не прекращать работ. А также насчет Дичкова... Я поставил им условие – выдать преступника, и они уже принялись искать его...

Николай (сухо). Они могли бы не беспокоиться об этом. Мы найдем убийцу без их помощи.

Захар. Мне кажется, лучше, если они сами... да...Завод мы решили открыть завтра с полудня...

Николай. Кто это – мы?

Захар. Я...

Николай. Ага... Благодарю за сообщение... Однако мне кажется, что после смерти брата его голос переходит ко мне и к его жене, и, если я не ошибаюсь, вы должны были посоветоваться с нами, а не решать вопроса единолично...

Захар. Но я вас приглашал! Синцов ходил за вами... вы отказались...

Николай. Согласитесь, что мне трудно в день смерти брата заниматься делами!

Захар. Но ведь вы были там, на заводе!

Николай. Да, был. Слушал речи... ну, что ж из этого?

Захар. Но поймите – покойный, оказывается, отправил в город телеграмму... он просил солдат. Ответ получен – солдаты придут завтра до полудня...

Генерал. Ага! Солдаты? Вот это так! Солдаты – это не шутка!

Николай. Мера разумная...

Захар. Не знаю! Придут солдаты... настроение рабочих повысится... И бог знает что может случиться, если не открыть завод! Мне кажется, я поступил разумно... возможность кровавого столкновения теперь исчезла...

Николай. У меня иной взгляд... Вы не должны были уступать этим... людям, хотя бы из уважения к памяти убитого...

Захар. Ах, боже мой... Но вы ничего не говорите о возможной трагедии!

Николай. Это меня не касается.

Захар. Ну да... но я-то? Ведь я должен буду жить с рабочими! И если прольется их кровь... Наконец, они могли разбить весь завод?

Николай. В это я не верю.

Генерал. Я тоже!

Захар (подавлен). Итак, вы осуждаете меня?

Николай. Да, осуждаю!

Захар (искренно). Зачем... зачем вражда? Я ведь хочу одного – избежать возможного... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное течение жизни? А вы смотрите на меня с ненавистью, рабочие – с недоверием... Я же хочу добра... только добра!

Генерал. Что такое – добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро... А делай – дело... Как сказано, а?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Надя (со слезами). Молчи, дед! Дядя... успокойся... он не понимает!.. Ах, Николай Васильевич, – как вы не понимаете? Вы такой умный... почему вы не верите дяде?

Николай. Извините, Захар Иванович, я уйду. Я не могу вести деловые разговоры с участием детей...

(Идет прочь.)

Захар. Вот видишь, Надя...

Надя (берет его за руку). Это ничего, ничего... Знаешь, главное, чтобы рабочие были довольны... их так много, их больше, чем нас!..

Захар. Подожди... я должен тебе сказать... я очень недоволен тобой, да!

Генерал. Я тоже!

Захар. Ты симпатизируешь рабочим... Это естественно в твои годы, но не надо терять чувства меры, дорогая моя! Вот ты утром привела к столу этого Грекова... я его знаю, он очень развитой парень, – однако тебе не следовало из-за него устраивать тете сцену.

Генерал. Хорошенько ее!

Надя. Но ведь ты не знаешь, как это было...

Захар. Я знаю больше тебя, поверь мне! Народ наш груб, он некультурен... и, если протянуть ему палец, он хватается всю руку...

Татьяна. Как утопающий – соломинку.

Захар. В нем, мой друг, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать... да! Ты, пожалуйста, подумай над этим.

Генерал. А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной черт знает как, девчонка! Напоминаю тебе, что ты моей ровесницей будешь лет через сорок... тогда я, может быть, позволю тебе говорить со мной, как с равным. Поняла? Конь!

Конь (за деревьями). Здесь!

Генерал. Где этот... как его, штопор?

Конь. Какой штопор?

Генерал. Этот... как его? Плоский... Ползучий...

Конь. Пологий. Не знаю.

Генерал (идет в палатку). Найди!

(Захар, опустив голову и вытирая платком очки, ходит; Надя задумчиво сидит на стуле; Татьяна стоит, наблюдая.)

Татьяна. Известно, кто убил?

Захар. Они говорят – не знаем, но – найдем... Конечно, они знают. Я думаю... (Оглядываясь, понижает голос.) Это коллективное решение... заговор! Говоря правду, он раздражал их, даже издевался над ними. В нем была этакая болезненная особенность... он любил власть... И вот они... ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человека и смотрят такими ясными глазами, как бы совершенно не понимая своего преступления... Так страшно просто!

Татьяна. Говорят, Скроботов хотел стрелять, но кто-то из них вырвал у него револьвер и...

Захар. Это все равно. Убили они... а не он...

Надя. Ты бы сел... а?

Захар. Зачем он вызвал солдат? Они об этом узнали... они всё знают! И это ускорило его смерть. Я, конечно, должен был открыть завод... в противном случае, я надолго испортил бы мои отношения с ними. Теперь такое время, когда к ним необходимо относиться более внимательно и мягко... и кто знает, чем оно может кончиться? В такие эпохи разумный человек должен иметь друзей в массах... (Левшин идет в глубине сцены.) Это кто идет?

Левшин. Это мы ходим... охраняем.

Захар. Что, Ефимыч, убили человека, а теперь вот стали ласковые, смиренные, а?

Левшин. Мы, Захар Иванович, всегда такие... смиренные.

Захар (внушительно). Да. И смиренно убиваете?.. Кстати, ты, Левшин, что-то там проповедуешь... какое-то новое учение – не нужно денег, не нужно хозяев и прочее... Это простительно... то есть понятно у Льва Толстого, да... Ты бы, мой друг, прекратил это! Из таких разговоров ничего хорошего для тебя не будет.

(Татьяна и Надя идут направо, где звучат голоса Синцова и Якова; из-за деревьев появляется Ягодин.)

Левшин (спокойно). Да я что говорю? Пожил, подумал, ну и говорю...

Захар. Хозяева – не звери, вот что надо понимать... Ты знаешь – я не злой человек, я всегда готов помочь вам, я желаю добра...

Левшин (вздыхнув). Кто себе зла желает?

Захар. Ты пойми – я вам, вам хочу добра!

Левшин. Мы понимаем...

Захар (посмотрев на него). Нет, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То – звери, то – дети...

(Идет прочь. Левшин, опираясь руками на палку, смотрит вслед ему.)

Ягодин. Опять проповедь читал?

Левшин. Китаец... Совсем китаец... Что говорит? Ничего, кроме себя, не может понять...

Ягодин. Добра, говорит, хочу...

Левшин. Вот, вот!

Ягодин. Идем, а то вон они!..

(Идут в глубину сцены. Справа Татьяна, Надя, Яков, Синцов.)

Надя. Кружимся мы все, ходим... точно во сне.

Татьяна. Хотите закусить, Матвей Николаевич?

Синцов. Дайте лучше стакан чаю... Я сегодня говорил, говорил... даже горло болит.

Надя. Вы ничего не бойтесь?

Синцов (садясь за стол). Я? Ничего!

Надя. А мне страшно!.. Вдруг все как-то спуталось, и я уж и не понимаю... где хорошие люди, где – дурные?

Синцов (улыбаясь). Распутается. Вы только не бойтесь думать... думайте бесстрашно, до конца!.. Вообще – бояться нечего.

Татьяна. Вы полагаете – все успокоилось?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Синцов. Да. Рабочие редко побеждают, и даже маленькие победы дают им большое удовлетворение.

Надя. Вы их любите?

Синцов. Это не то слово. Я с ними долго жил, знаю их, вижу их силу... верю в их разум...

Татьяна. И в то, что им принадлежит будущее?

Синцов. И в это.

Надя. Будущее... Вот чего я не могу себе представить.

Татьяна (усмехаясь). Они очень хитрые, эти ваши пролетарии! Мы с Надей пробовали говорить с ними... вышло глупо...

Надя. Обидно даже. Старик говорил так, точно мы обе – какие-то нехорошие люди... шпионы, что ли! Тут есть другой... Греков... он иначе смотрит на людей. А старик все улыбается... И – так, точно ему жалко нас, точно мы бальные!..

Татьяна. Не пей ты так много, Яков! Неприятно смотреть.

Яков. Что ж мне делать?

Синцов. Разве уж нечего?

Яков. Питаю отвращение... непобедимое отвращение к деловитости и к делам. Я, видите ли, человек третьей группы...

Синцов. Как?

Яков. Так уж! Люди делятся на три группы: одни – всю жизнь работают, другие – копят деньги, а третьи – не хотят работать для хлеба, – это же бессмысленно! – и не могут копить денег – это и глупо и неловко как-то. Так вот я – из третьей группы. К ней принадлежат все лентяи, бродяги, монахи, нищие и другие приживалы мира сего.

Надя. Скучно ты говоришь, дядя! И совсем ты не такой, а просто – ты добрый, мягкий.

Яков. То есть никуда не гожусь. Я это понял еще в школе. Люди уже в юности делятся на три группы...

Татьяна. Надя верно сказала: это скучно, Яков...

Яков. Согласен. Матвей Николаевич, как вы думаете, жизнь имеет лицо?

Синцов. Может быть...

Яков. Имеет. Оно всегда – молодое. Не так давно жизнь смотрела на меня равнодушно, а теперь смотрит строго и спрашивает... спрашивает: «Вы кто такой? Вы куда идете, а?» (Он испуган чем-то, хочет улыбнуться, но губы у него дрожат, не слушаются, лицо искажает жалкая гримаса.)

Татьяна. Ты оставь это, пожалуйста, Яков!.. Вон прокурор гуляет... мне бы не хотелось, чтобы ты при нем говорил.

Яков. Хорошо.

Надя (тихо). Все чего-то ждут... и боятся. Почему мне запрещают знакомиться с рабочими? Это глупо!

Николай (подходит). Могу я попросить стакан чая?

Татьяна. Пожалуйста.

(Несколько секунд все сидят молча. Николай стоит, размешивая ложкой чай.)

Надя. Я хотела бы понять, почему рабочие не верят дяде, и вообще...

Николай (угрюмо). Они верят только тем, которые обращаются к ним с речами на тему «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... В это они верят!

Надя (поводя плечами, тихо). Когда я слышу эти слова... этот всемирный созыв... мне кажется, что все мы на земле – лишние...

Николай (возбуждаясь). Конечно! Так должен себя чувствовать каждый культурный человек... И скоро, я уверен, на земле раздастся другой клич: «Культурные люди всех стран, соединяйтесь!» Пора кричать это, пора! Идет варвар, чтобы растоптать плоды тысячелетних трудов человечества. Он идет, движимый жадностью...

Яков. А душа у него в животе, в голодном животе... Картина, возбуждающая жажду. (Наливает себе пива.)

Николай. Идет толпа, движимая жадностью, организованная единством своего желания – жрать!

Татьяна (задумчиво). Толпа... Всюду толпа: в театре, в церкви...

Николай. Что могут внести с собой эти люди? Ничего, кроме разрушения... И, заметьте, у нас это разрушение будет ужаснее, чем где-либо...

Татьяна. Когда я слышу о рабочих как о передовых людях, мне это странно! Это далеко от моего понимания...

Николай. А вы, господин Синцов... вы, конечно, не согласны с нами?..

Синцов (спокойно). Нет.

Надя. Помнишь, тетя Таня, старик говорил о копейке? Это ужасно просто.

Николай. Почему же вы не согласны, господин Синцов?

Синцов. Иначе думаю.

Николай. Вполне резонный ответ! Но, быть может, вы поделитесь с нами вашими взглядами?

Синцов. Нет, мне не хочется.

Николай. Крайне сожалею! Утешаюсь надеждой, что, когда, мы встретимся с вами еще раз, ваше настроение изменится. Яков Иванович, если можно, я попрошу вас... проводите меня! Я до такой степени расстроил нервы...

Яков (вставая с трудом). Пожалуйста. Пожалуйста... (Идут.)

Татьяна. Этот прокурор – противная фигура. Мне неприятно соглашаться с ним.

Надя (встала). Почему же ты соглашаешься?

Синцов (усмехаясь). Почему, Татьяна Павловна?

Татьяна. Я сама чувствую так же...

Синцов (Татьяне). Вы думаете так, но чувствуете иначе, чем он. Вы хотите понять, он об этом не заботится... ему понимать не нужно!

Татьяна. Вероятно, он очень жесток.

Синцов. Да. Там, в городе, он ведет политические дела и отвратительно относится к арестованным.

Татьяна. Кстати, он что-то записывал себе в книжку о вас.

Синцов (с улыбкой). Вероятно, записывал. Беседует с Пологим... вообще –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru работает!.. Татьяна Павловна, у меня к вам есть просьба...

Татьяна. Пожалуйста... поверьте, если я могу, я сделаю с удовольствием!

Синцов. Спасибо. Вероятно, вызваны жандармы...

Татьяна. Да, вызваны.

Синцов. Значит, будут обыски... Вы не можете мне кое-что спрятать?

Татьяна. Вы думаете, у вас будет обыск?

Синцов. Наверное.

Татьяна. И могут арестовать?

Синцов. Не думаю. За что?.. Говорил речи? Но Захар Иванович знает, что я в этих речах призывал рабочих к порядку...

Татьяна. А в прошлом у вас... ничего?

Синцов. У меня нет прошлого... Так вот, можете вы мне? Я не беспокоил бы вас... но я думаю, что все, кто мог бы спрятать эти вещи, завтра будут обысканы.

(Смеется тихонько.)

Татьяна (смущена). Я буду говорить открыто... Мое положение в доме не позволяет мне смотреть на комнату, отведенную мне, как на мою...

Синцов. Не можете, значит? Ну что ж...

Татьяна. Не обижайтесь на меня!

Синцов. О, нет! Ваш отказ понятен...

Татьяна. Но подождите, я поговорю с Надей...

(Идет. Синцов барабанит пальцами по столу, глядя вслед ей. Слышны осторожные шаги.)

Синцов (тихо). Кто это?

Греков. Я. Вы одни?

Синцов. Да. Там ходят люди... Что на заводе?

Греков (усмехаясь). Вы знаете, они решили найти стрелявшего. Теперь там производят следствие. Некоторые кричат: «Социалисты убили!» Вообще запела шкура свою скверную песню.

Синцов. Вы знаете – кто?

Греков. Акимов.

Синцов. Неужели? Эх... не ожидал! Такой славный, разумный парень...

Греков. Горяч он. Хочет заявить... У него жена, ребенок... ждут другого... Сейчас я говорил с Левшиным. Он, конечно, сочиняет фантазии: надо, говорит, подменить Акимова кем-нибудь помельче...

Синцов. Чудак... Но как это досадно! (Пауза.) Вот что, Греков, зарывайте все в землю... Спрятать негде.

Греков. Я нашел место. Телеграфист согласился всё взять. Вам бы, Матвей Николаевич, уйти отсюда!

Синцов. Нет, я не уйду.

Синцов. Ну что ж! А если я уйду – это произведет скверное впечатление на рабочих.

Греков. Это – так... Но жалко вас...

Синцов. Чепуха. А вот Акимова жалко.

Греков. Да. И ничем не поможешь! Хочет заявить... А смешно на вас смотреть в роли начальника охраны хозяйской собственности!

Синцов (улыбаясь). Что поделаешь? Команда моя, кажется, спит?

Греков. Нет. Собрались кучками, рассуждают. Хорошая ночь!

Синцов. Я бы тоже ушел отсюда... да вот жду... Вас, наверное, тоже арестуют.

Греков. Посидим! Иду. (Уходит.)

Синцов. До свидания. (Татьяна идет.) Не трудитесь, Татьяна Павловна, все устроилось. До свидания!

Татьяна. Мне, право, очень грустно...

Синцов. Доброй ночи!

(Уходит. Татьяна тихо шагает, глядя на носки своих туфель. Идет Яков.)

Яков. Почему ты не идешь спать?

Татьяна. Не хочу. Я думаю уехать отсюда...

Яков. Да. А вот мне – некуда ехать... я проехал уже мимо всех континентов и островов.

Татьяна. Здесь тяжело. Все качается и странно кружит голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

Яков. Гм... Ты этого не любишь... к сожалению, для меня... к сожалению...

Татьяна (говорит сама себе). Но сейчас – я солгала. Надя, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи... но я не имею права толкать ее на такую дорогу.

Яков. О ком ты говоришь?

Татьяна. Я? Так это... Странно все... еще недавно жизнь была ясна, желания определены...

Яков (тихо). Талантливые пьяницы, красивые бездельники и прочие веселых специальностей люди, увы, перестали обращать на себя внимание!.. Пока мы стояли вне скучной суеты – нами любовались... Но суета становится все более драматической... Кто-то кричит: эй, комики и забавники, прочь со сцены!.. Но сцена – это уже твоя область, Таня!

Татьяна (беспокойно). Моя область?.. Я думала, что я стою на сцене твердо... могу вырасти высоко... (С тоской и с силой.) Мне тяжело, мне неловко перед людьми, которые смотрят на меня холодными глазами и молча говорят: «Мы это знаем. Это старо и скучно!» Я чувствую себя слабой, безоружной перед ними... я не могу взять их, не могу возбудить!.. Я хочу дрожать от страха, от радости, я хочу говорить слова, полные огня, страсти, гнева... слова, острые, как ножи, горящие, точно факелы... я хочу бросить их людям множество, бросить щедро, страшно!.. Пусть люди вспыхнут, закричат, бросятся бежать... Но таких слов – нет. Я останавливаю их и снова бросаю им слова, прекрасные, как цветы, полные надежды, радости, любви!.. Все плачут... и я тоже... такими хорошими слезами плачу!.. Мне аплодируют, цветы меня душат... меня несут на руках... На минуту я владыка людей... в этой минуте жизнь... вся жизнь в одной минуте! Но – живых слов нет.

Татьяна. Все лучшее всегда в одной минуте. Как хочется других людей более отзывчивых – другой жизни, не такой суетливой... жизни, в которой искусство было бы всегда необходимо... всем и всегда! Чтобы я не была лишней... (Яков смотрит во тьму, широко открыв глаза.) Зачем ты так пьешь? Это убило тебя... Ты был красив...

Яков. Оставь...

Татьяна. Ты чувствуешь, как мне тяжело?

Яков (с ужасом). Как бы я ни был пьян – я все понимаю... вот несчастье! Мозг с проклятой настойчивостью работает, работает... всегда! И передо мною – морда, широкая, неумытая морда с огромными глазами, которые спрашивают: «Ну?» Понимаешь, она спрашивает только одно слово: «Ну?»

Полина (бежит). Таня!.. Таня, прошу тебя, иди туда... Эта Клеопатра... она сошла с ума! Она всех оскорбляет... Ты, может быть, успокоишь ее.

Татьяна (тоскливо). Ах, да отстаньте вы от меня с вашими дрызгами! Съешьте скорее друг друга, но не мечитесь, не путайтесь под ногами у людей!

Полина (испугалась). Таня!.. Что ты? Что с тобой?

Татьяна. Что вам нужно? Чего вы хотите?

Полина. Да ты посмотри на нее... она идет сюда!

Захар (его еще не видно). Я вас прошу – замолчите, наконец.

Клеопатра (так же). Вы... это вы должны молчать передо мной!..

Полина. Она будет кричать здесь... тут ходят мужики... это ужасно! Таня, я прошу тебя...

Захар (идет). Послушайте... я, кажется, с ума сойду!

Клеопатра (идет за ним). Вы от меня не убежите, я вас заставлю выслушать меня!.. А, вы заигрывали с рабочими, вам нужно их уважение, и вы бросаете им жизнь человека, точно кусок мяса злым собакам! Вы гуманисты за чужой счет, за счет чужой крови!

Захар. Что она говорит

Яков (Татьяне). Ты ушла бы. (Уходит.)

Полина. Сударыня! Мы порядочные люди и не можем позволить кричать на нас женщине с такой репутацией...

Захар (испуганно). Молчи, Полина... ради бога!

Клеопатра. Почему вы порядочные люди? Потому что болтаете о политике? О несчастьях народа? О прогрессе и гуманности, да?

Татьяна. Клеопатра Петровна!.. Довольно!

Клеопатра. Я не говорю с вами, нет! Вы здесь лишняя, это не ваше дело!.. Мой муж был честный человек... прямой и честный... Он знал народ лучше вас... Он не болтал, как вы... А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его!

Татьяна (Полине и Захару). Да уйдите вы!

Клеопатра. Я сама уйду!.. Вы ненавистны мне... все ненавистны! (Уходит.)

Захар. Вот бешеная баба... а?

Полина (со слезами). Нужно бросить все... нужно уехать! Так оскорблять людей...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Захар. И почему она так?.. Если бы она любила мужа, жила с ним в мире... А то меняет каждый год по два любовника... и в то же время кричит!

Полина. Нужно продать завод!

Захар (с досадой). Бросить, продать... это не так, не то! Надо подумать... хорошенько подумать!.. Вот я сейчас говорил с Николаем Васильевичем... эта баба ворвалась и помешала нам...

Полина. Он ненавидит нас, Николай Васильевич... он зол!

Захар (успокаиваясь). Он слишком озлоблен и потрясен, но он умный человек, и у него нет причины ненавидеть нас. Его связывают со мной теперь, после смерти Михаила, вполне реальные интересы... да!

Полина. Я ему не верю, я боюсь его... он тебя обманет!

Захар. Ах, Полина, это все пустяки!.. Он очень разумно судит... да! Дело в том, что в моих отношениях с рабочими я выбрал шаткую позицию... в этом надо сознаться. Вечером, когда я говорил с ними... о, Полина, эти люди слишком враждебно настроены...

Полина. Я говорила тебе... говорила! Они всегда – враги! (Татьяна идет прочь и тихо смеется. Полина глядит на нее и, нарочно повышая голос, продолжает.) Нам все враги! Все завидуют... и потому бросаются на нас!..

Захар (быстро ходит). Ну, да... отчасти так, конечно! Николай Васильевич говорит: не борьба классов, а борьба рас – белой и черной!.. Это, разумеется, грубо, это натяжка... но если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее... Равенство... физиологическое равенство... гм... Хорошо. Но сначала – будьте людьми, приобщитесь культуре... потом будем говорить о равенстве!..

Полина (вслушиваясь). Это новое у тебя...

Захар. Это схематично, недодумано... Надо понять себя, вот в чем дело!

Полина (берет его за руку). Ты слишком мягок, мой друг, вот отчего тебе так трудно!

Захар. Мы мало знаем и часто удивляемся... Вот, например, Синцов – он удивил меня, расположил меня к себе... такая простота, такая ясная логика!.. Оказывается, он социалист, вот откуда простота и логика!..

Полина. Да, да... он обращает на себя внимание... такое неприятное лицо!.. Но ты отдохнул бы... пойдём, а?

Захар (идет за ней). И еще один рабочий, Греков... ужасно заносчив! Сейчас нам с Николаем Васильевичем вспомнилась его речь... Мальчишка... но так говорит... с таким нахальством...

(Ушли. Тишина, Где-то поют песню. Потом раздаются тихие голоса. Появляются Ягодин, Левшин и Рябцов, молодой парень. Он часто встряхивает головой; лицо добродушное, круглое. Все трое останавливаются у деревьев.)

Левшин (тихо, таинственно). Тут, Пашок, дело товарищеское.

Рябцов. Знаю я...

Левшин. Дело общее, человеческое... Теперь, брат, всякая хорошая душа большую цену имеет. Поднимается народ разумом, слушает, читает, думает... Люди, которые кое-что поняли, – дороги...

Ягодин. Это верно, Пашок...

Рябцов. Знаю... Чего же? Я пойду.

Левшин. Зря никуда идти не надо, – надо понять... Ты молодой, а это каторга...

Ягодин. Может, и не каторга!.. Для каторги тебе, Пашок, года не вышли...

Левшин. Будем говорить – каторга! В этом деле страшнее – лучше. Ежели человек и каторги не боится, значит, решил твердо!

Рябцов. Я решил.

Ягодин. погоди. Подумай...

Рябцов. Чего же думать? Убили, так кто-нибудь должен терпеть за это...

Левшин. Верно! Должен. А ежели одному не пойти – многих потревожат. Потревожат лучших, которые дороже тебя, Пашок, для товарищеского дела.

Рябцов. Да ведь я ничего не говорю. Хоть молодой, а я понимаю – нам надо цепью... крепче друг за друга...

Левшин (вздыхнув). Верно.

Ягодин (улыбаясь). Соединимся, окружим, тиснем – и готово.

Рябцов. Ладно. Чего же? Я один, мне и следует. Только противно, что за такую кровь...

Левшин. За товарищей, а не за кровь.

Рябцов. Нет, я про то, что человек он был ненавистный... Злой очень...

Левшин. Злого и убить. Добрый сам помрет, он людям не помеха.

Рябцов. Ну, всё?

Ягодин. Всё, Пашок! Так, значит, завтра утром скажешь?

Рябцов. Да чего же до завтра-то? Я говорю – я иду.

Левшин. Нет, ты лучше завтра скажи! Ночь, как мать, она добрая советчица...

Рябцов. Ну, ладно... Я пойду теперь.

Левшин. С богом!

Ягодин. Иди, брат, иди твердо...

(Рябцов уходит не спеша. Ягодин вертит палку в руках, рассматривая ее. Левшин смотрит в небо.)

Левшин (тихо). Хороший народ расти начал, Тимофей!

Ягодин. По погоде и... урожай!

Левшин. Этак-то пойдет, выправимся мы.

Ягодин (грустно). Жалко парня-то...

Левшин (тихо). Как не жалко! И мне жалко. Вот, иди-ка в тюрьму, да еще по нехорошему делу. Одно ему утешение – за товарищей пропал.

Ягодин. Да...

Левшин. Ты... Молчи уж!.. Эх, напрасно Андрей курок спустил! Что сделаешь убийством? Ничего не сделаешь! Одного пса убить – хозяину другого купить... вот и вся сказка!..

Ягодин (грустно). Сколько нашего брата погибает...

Ягодин. Чего ты?

Левшин. Тяжело! Скорее бы распутать жизнь-то!

Занавес

Действие третье

Большая комната в доме Бардиных. В задней стене четыре окна и дверь, выходящие на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочих, среди них Левшин, Греков. Комната имеет нежилой вид: мебели мало, она стара, разнообразна, на стенах отклеились обои. Управой стены поставлен большой стол. Конь сердито двигает стульями, расставляя их вокруг стола. Аграфена метет пол. В левой стене большая двухстворчатая дверь, в правой тоже.

Аграфена. На меня сердиться не за что...

Конь. Я не сержусь. Мне наплевать на всех... я, слава богу, умру скоро... У меня уж сердце останавливается.

Аграфена. Все умрем... хвастаться нечем...

Конь. Будет уж... омерзело все! В шестьдесят пять лет – пакости, как орехи... зубов у меня нет заниматься ими... Нахватали народу... мочат его на дожде...

(Из левой двери выходят ротмистр Бобоедов и Николай.)

Бобоедов (весело). Вот и зал заседания, чудесно! Так, значит, вы при исполнении служебных обязанностей?

Николай. Да, да! Конь, позовите вахмистра!

Бобоедов. И мы подаем это блюдо так: в центре этот... как его?

Николай. Синцов.

Бобоедов. Синцов... трогательно! А вокруг него – пролетарии всех стран?... Так! Это радует душу... А милый человек здешний хозяин... очень! У нас о нем думали хуже. Свояченицу его я знаю – она играла в Воронеже... превосходная актриса, должен сказать. (Квач входит с террасы.) Ну что, квач?

Квач. Всех обыскали, ваше благородие!

Бобоедов. Да. Ну и что же?

Квач. Да ничего не оказалось... спрятали! Докладам: становой очень торопится, ваше благородие, и невнимателен к занятиям.

Бобоедов. Ну, конечно, полиция всегда так! У арестованных нашли что-нибудь?

Квач. У Левшина за образами оказалось.

Бобоедов. Принеси все в мою комнату.

Квач. Слушаю! Молодой жандарм, ваше благородие, который недавний, из драгун который...

Бобоедов. Что такое?

Квач. Тоже невнимателен к занятиям.

Бобоедов. Ну, уж ты сам с ним справляйся. Иди! (Квач уходит.) Вот, знаете, птица этот квач! С виду так себе и даже как будто глуп, а нюх собачий!

Николай. Вы, Богдан Денисович, обратите внимание на этого конторщика...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бобоедов. Как же, как же! Мы его прижмем!

Николай. Я говорю о Пологом, а не о Синцове. Он, мне кажется, вообще может быть полезен.

Бобоедов. А, этот наш собеседник! Ну, разумеется, мы его пристроим...

(Николай идет к столу и аккуратно раскладывает на нем бумаги.)

Клеопатра (в дверях направо). Ротмистр, хотите еще чаю?

Бобоедов. Благодарю вас, пожалуйста! Красиво здесь... Очень! Чудесная местность!.. А ведь я госпожу Луговую знаю! Она в Воронеже играла?

Клеопатра. Да, кажется, играла... Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

Бобоедов (любезно). Всё, всё нашли! Мы найдем, не беспокойтесь! Для нас даже там, где ничего нет, всегда что-нибудь... найдется.

Клеопатра. Покойник смотрел легко на все эти прокламации... он говорил, что бумага не делает революции...

Бобоедов. Гм... Это не совсем верно!

Клеопатра. И называл прокламации – предписания, исходящие из тайной канцелярии явных идиотов к дуракам.

Бобоедов. Это метко... хотя тоже неверно?

Клеопатра. Но вот они от бумажек перешли к делу...

Бобоедов. Вы будьте уверены, что они понесут строжайшее наказание, строжайшее!

Клеопатра. Это меня очень утешает. При вас мне сразу стало как-то легче... свободнее!

Бобоедов. Наша обязанность вносить в общество бодрость...

Клеопатра. И так отрадно видеть довольного, здорового человека... ведь это редкость!

Бобоедов. О, у нас в корпусе жандармов мужчины на подбор!

Клеопатра. Пойдемте же к столу!

Бобоедов (идет). С удовольствием! А скажите, в этот сезон где будет играть госпожа Луговая?

Клеопатра. Не знаю.

(С террасы входят Татьяна и Надя.)

Надя (взволнованно). Ты видела, как посмотрел на нас старик... Левшин?

Татьяна. Видела...

Надя. Как это все нехорошо... как стыдно! Николай Васильевич, зачем это? За что их арестовали?

Николай (сухо). Причин для арестов более чем достаточно... И, попрошу вас, не ходите через террасу, пока там эти...

Надя. Не будем... не будем...

Татьяна (смотрит на Николая). И Синцов арестован?

Николай. И господин Синцов арестован.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Надя (ходит по комнате). Семнадцать человек! Там, у ворот, плачут жены... а солдаты толкают их, смеются! Скажите солдатам, чтобы они хоть вели себя прилично!

Николай. Это меня не касается. Солдатами командует поручик Стрепетов.

Надя. Пойду, попрошу его... (Уходит в дверь направо. Татьяна, улыбаясь, подошла к столу.)

Татьяна. Послушайте, кладбище законов, как вас называет генерал...

Николай. Генерал не кажется мне остроумным человеком. Я бы не повторял его острот.

Татьяна. Я ошиблась, он называет вас – гроб законов. Вас это сердит?

Николай. Просто, я не расположен шутить.

Татьяна. Будто вы такой серьезный?..

Николай. Напомню вам – вчера убили моего брата.

Татьяна. Да вам-то что до этого?

Николай. Позвольте... как?

Татьяна (усмехаясь). Не надо никаких ужимок! Вам не жалко брата... Вам никого не жалко... вот, как мне, например. Смерть, то есть неожиданность смерти, на всех скверно действует... но, уверяю вас, вам ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человеческой жалостью... нет ее у вас!

Николай (с усилием). Это интересно. Но что вы хотите от меня?

Татьяна. Вы не замечаете, что мы с вами родственные души? Нет? Напрасно! Я актриса, человек холодный, желающий всегда только одного играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вам хочется быть прокурором, а?

Николай (негромко). Я хочу, чтобы вы кончили это...

Татьяна (помолчав, смеется). Нет, я не способна к дипломатии. Я шла к вам с целью... я хотела быть любезной с вами, обворожительной... Но увидела вас и начала говорить дерзости... Вы всегда вызываете у меня желание наговорить вам обидных слов... ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей... Да, я хотела вас просить...

Николай (усмехаясь). Догадываюсь о чем!

Татьяна. Может быть. Но теперь это уже бесполезно, да?

Николай. Теперь и раньше – все равно. Господин Синцов скомпрометирован очень сильно.

Татьяна. Вы чувствуете маленькое удовольствие, говоря мне это? Так?

Николай. Да... не скрою.

Татьяна (вздыхнув). Вот видите, как мы похожи друг на друга. Я тоже очень мелочная и злая... Скажите – Синцов всецело в ваших руках... именно в ваших?

Николай. Конечно!

Татьяна. А если я попрошу вас оставить его?

Николай. Это не будет иметь успеха.

Татьяна. Даже если я очень попрошу вас?

Татьяна. Да? Почему?

Николай. Вы – красавица... женщина, несомненно, оригинального склада ума... у вас чувствуется характер. Вы имеете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво... и занимаетесь каким-то ничтожеством! Экцентricность – болезнь. И всякого интеллигентного человека вы должны возмущать... Кто ценит женщину, кто любит красоту, тот не простит вам подобных выходов!

Татьяна (смотрит на него с любопытством). И так, я осуждена... увы! Синцов – тоже?

Николай. Вечером этот господин поедет в тюрьму.

Татьяна. Решено?

Николай. Да.

Татьяна. Никаких уступок из любезности к даме? Не верю! Если б я сильно захотела, вы отпустили бы Синцова.

Николай (глухо). Попробуйте захотеть... попробуйте.

Татьяна. Не могу. Не умею... Но все-таки скажите правду, – сказать однажды правду – это нетрудно, – вы отпустили бы?

Николай (не сразу). Не знаю...

Татьяна. А я знаю! (Помолчав, вздохнула.) Какие мы с вами оба дряни...

Николай. Однако есть вещи, которые нельзя прощать и женщине!

Татьяна (небрежно). Ну, что там? Мы одни... никто нас не слышит. Ведь я имею право сказать вам и себе, что оба мы...

Николай. Прошу вас... я не хочу более слушать...

Татьяна (настойчиво, спокойно). А все-таки вы цените эти ваши принципы ниже поцелуя женщины!

Николай. Я уже сказал, что не хочу вас слушать.

Татьяна (спокойно). Так – уходите. Разве я вас держу? (Он быстро уходит. Татьяна кутается в шаль, стоит среди комнаты и смотрит на террасу. Из двери с правой стороны идут Надя и поручик.)

Поручик. Солдат никогда не обижает женщину, даю вам честное слово! Женщина для него – святыня...

Надя. Вот вы увидите...

Поручик. Это невозможно! Только в армии еще сохранилось рыцарское отношение к женщине...

(Проходят в дверь налево. Идут Полина, Захар и Яков.)

Захар. Видишь ли, Яков...

Полина. Вы подумайте, как же иначе?

Захар. Тут реальность, необходимость...

Татьяна. Что такое?

Яков. Вот отпекает меня...

Полина. Удивительная жестокость! Все нападают на нас! И даже Яков Иванович, всегда такой мягкий... Но разве мы вызывали солдат? И никто не приглашал

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
жандармов. Они всегда сами являются.

Захар. Обвинять меня за эти аресты...

Яков. Я не обвиняю...

Захар. Ты не говоришь прямо, но я чувствую...

Яков (Татьяне). Я сижу, он подошел ко мне и говорит: «Ты что, брат?» А я сказал: «Противно, брат!» Вот и всё!

Захар. Но надо же понять, что пропаганда социализма в такой форме, как это делается у нас, нигде не возможна, нигде не допустима...

Полина. Занимайтесь политикой, это всем нужно, но при чем тут социализм? Вот что говорит Захар. И он прав!

Яков (угрюмо). Какой же социалист старик Левшин? Просто он заработался и бредит... от усталости...

Захар. Они все бредят!

Полина. Надо щадить людей, господа! Мы так измучены!

Захар. Ты думаешь, мне не тяжело, что вот у меня в доме устраивается судилище? Но все это – затея Николая Васильевича, а спорить с ним после такой драмы... было бы невозможно!

Клеопатра (быстро идет). Вы слышали? Убийца найден... сейчас его приведут сюда.

Яков (ворчит). Ну, вот...

Татьяна. Кто это?

Клеопатра. Какой-то мальчишка... Я рада... Может быть, с точки зрения гуманности это нехорошо, но я – рада! И если он – мальчишка, я бы велела его пороть каждый день до суда... Николай Васильевич где?... Не видали? (Идет в дверь налево, навстречу ей генерал.)

Генерал (угрюмо). Ну, вот!.. Стоят все, как мокрые курицы.

Захар. Неприятно, дядя...

Генерал. Жандармы? Да... этот ротмистр порядочный нахал! Мне хочется сыграть с ним штуку... Они не останутся ночевать?

Полина. Я думаю, нет... зачем же?

Генерал. Жаль! А то бы... ведро холодной воды на него, когда он ляжет спать! Это делали у меня в корпусе с трусливыми кадетами... Ужасно смешно, когда голый и мокрый человек прыгает и орет!..

Клеопатра (стоя в дверях). Бог знает, что вы говорите, генерал! И почему? Ротмистр очень приличный человек и удивительно деятельный... явился и всех переловил! Это надо ценить! (Уходит.)

Генерал. Гм... для нее все мужчины с большими усами – приличные люди. Каждый должен знать свое место, вот что... Именно – в этом порядочность! (Идет к двери налево.) Эй, Конь!

Полина (негромко). Она положительно чувствует здесь себя хозяйкой. Вы посмотрите, как она себя ведет!.. Невоспитанная, грубая...

Захар. Скорее кончалось бы все это! Так хочется покоя, мира... нормальной жизни!

Надя (вбегают). Тетя Таня, он глуп, этот поручик!.. И он, должно быть, бьет солдат... Кричит, делает страшное лицо... Дядя, надо, чтобы к арестованным пустили жен... тут есть пять человек женатых!.. Ты поди скажи этому жандарму... оказывается,

Захар. Видишь ли, Надя...

Надя. Вижу, ты не идешь!.. Иди, иди, скажи ему!.. Там плачут... Иди же!

Захар (уходя). Я думаю – это бесполезно...

Полина. Ты, Надя, всегда всех тревожишь!

Надя. Это вы всех тревожите...

Полина. Мы? Ты подумай...

Надя (возбужденно). Все мы – и я, и ты, и дядя... это мы всех тревожим! Ничего не делаем, а всё из-за нас... И солдаты, и жандармы, и всё! Эти аресты – тоже... я бабы плачут... всё из-за нас!

Татьяна. Поди сюда, Надя.

Надя (подходит). Ну, пришла... ну, что?

Татьяна. Сядь и успокойся... Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сделать...

Надя. А ты даже сказать ничего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

Полина. Твоя покойница мать, говоря о тебе, была права, – ужасный характер.

Надя. Да, она была права... Она работала и ела свой хлеб. А вы... что вы делаете? Чей хлеб едите вы?

Полина. Вот, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить этот тон... что за окрики на старших!

Надя. Да вы не старшие! Ну, какие вы старшие?.. Просто – старые вы!

Полина. Таня, право это всё твои идеи! И ты должна сказать ей, что она глупая девочка...

Татьяна. Слышишь? Ты глупая девочка... (Гладит ее плечо.)

Надя. Ну, вот. И больше вы ничего не можете сказать!.. Ничего! Вы даже защищать себя не умеете... удивительные люди! Вы, право, все какие-то лишние, даже здесь, в вашем доме, – лишние!

Полина (строго). Ты понимаешь, что ты говоришь?..

Надя. Пришли к вам жандармы, солдаты, какие-то дурачки с усиками, распоряжаются, пьют чай, гремят саблями, звенят шпорами, хохочут... и хватают людей, кричат на них, грозят им, женщины плачут... Ну, а вы? При чем тут вы? Вас куда-то затолкали в углы...

Полина. Пойми, ты говоришь вздор! Эти люди пришли защищать нас.

Надя (горестно). Ах, тетя! Солдаты не могут защитить от глупости, не могут!

Полина (возмущена). Что-о?

Надя (протягивая к ней руки). Ты не сердись! Я это о всех говорю! (Полина быстро уходит.) Вот... убежала! Скажет дяде, что я груба, строптива... дядя будет говорить длинную речь... и все мухи умрут со скуки!

Татьяна (задумчиво). Как ты будешь жить? Не понимаю!

Надя (обводя руками кругом себя). Не так! Ни за что – так! Я не знаю, что я буду делать... но ничего не сделаю так, как вы! Сейчас иду мимо террасы с этим офицером... а Греков смотрит, курит... и глаза у него смеются. Но ведь он знает, что его... в тюрьму? Видишь! Те, которые живут, как хотят, они ничего не боятся... Им

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
весело! Мне стыдно смотреть на Левшина, на Грекова... других я не знаю, но эти!..
Этих я никогда не забуду... Вот идет дурачок с усиками... у-у!

Бобоедов (входит). Как страшно! Кого это вы пугаете?

Надя. Я вас боюсь... Вы пустите женщин к мужьям, да?

Бобоедов. Нет, не пушу. Я – злой!

Надя. Конечно, если вы жандарм. Почему вы не хотите пустить женщин?

Бобоедов (любезно). Сейчас – невозможно! А вот потом, когда их повезут, я разрешу проститься.

Надя. Но почему же невозможно? Ведь это от вас зависит?

Бобоедов. От меня... то есть – от закона.

Надя. Ну, какой там закон! Пустите... я вас прошу!

Бобоедов. Как это – какой закон? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй-яй!

Надя. Не говорите со мной так! Я не ребенок...

Бобоедов. Не верю! Законы отрицают только дети и революционеры.

Надя. Так вот я революционерка.

Бобоедов (смеясь). О! тогда вас надо в тюрьму... арестовать и в тюрьму...

Надя (с тоской). Ах, не надо шутить! Пустите их!

Бобоедов. Не могу... Закон!

Надя. Дурацкий закон!

Бобоедов (серьезно). Гм... это вы напрасно! Если вы не дитя, как вы говорите, вы должны знать, что закон установлен властью и без него невозможно государство.

Надя (горячо). Закон, власти, государство... Фу, боже мой! Но ведь это для людей?

Бобоедов. Гм... я думаю! То есть прежде всего – для порядка!

Надя. Так это же никуда не годится, если люди плачут. И ваши власти и государство – все это не нужно, если люди плачут! Государство... какая глупость! Зачем оно мне? (Идет к двери.) Государство! Ничего не понимают, а говорят! (Уходит. Бобоедов несколько растерялся.)

Бобоедов (Татьяне). Оригинальная барышня! Но – опасное направление ума... Ее дядюшка, кажется, человек либеральных взглядов, да?

Татьяна. Вам это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человек.

Бобоедов. Ну, как же? Это все знают!.. Неуважение ко власти – вот и либерализм!.. А ведь я вас, мадам Луговая, видел в Воронеже... как же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно тонкой игрой! Может быть, вы заметили, я всегда сидел рядом с креслом вице-губернатора? Я тогда был адъютантом при управлении.

Татьяна. Не помню... Может быть. В каждом городе есть жандармы, не правда ли?

Бобоедов. О, еще бы! Обязательно в каждом! И должен вам сказать, что мы, администрация... именно мы являемся истинными ценителями искусства! Пожалуй, еще купечество. Возьмите, например, сборы на подарок любимому артисту в его бенефис... на подписном листе вы обязательно увидите фамилии жандармских офицеров. Это, так сказать, традиция! Где вы играете будущий сезон?

Татьяна. Еще не решила... Но, конечно, в городе, где непременно есть истинные ценители искусства!.. Ведь это неустраимо?

Бобоедов (не понял). О, конечно! В каждом городе они есть, обязательно! Люди все-таки становятся культурнее...

Квач (с террасы). Ваше благородие! Ведут этого... который стрелял! Куда прикажете?

Бобоедов. Сюда... введи всех их! Позови товарища прокурора. (Татьяне.) Пардон! Должен немножко заняться делом.

Татьяна. Вы будете допрашивать?

Бобоедов (любезно). Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться с людьми... Маленькая переключка, так сказать!

Татьяна. Мне можно послушать?

Бобоедов. Гм... Вообще это не принято у нас... в политических делах. Но это уголовное дело, мы находимся не у себя, и мне хочется доставить вам удовольствие...

Татьяна. Меня не будет видно... Я вот отсюда посмотрю.

Бобоедов. Прекрасно! Я очень рад хоть чем-нибудь отплатить вам за те наслаждения, которые испытывал, видя вас на сцене. Я только возьму некоторые бумаги.

(Уходит. С террасы двое пожилых рабочих вводят Рябцова. Сбоку идет Конь, заглядывая ему в лицо. За ними Левшин, Ягодин, Греков и еще несколько рабочих. Жандармы.)

Рябцов (сердито). Зачем руки связали? Развяжите... ну!

Левшин. Вы, братцы, развяжите руки ему!.. Зачем обижать человека?

Ягодин. Не убежит! Один из рабочих. Для порядку – надо! По закону требуется, чтобы вязать...

Рябцов. Не хочу я этого! Развязывай! Другой рабочий (Квачу). Господин жандарм! Можно? Парень смирный... Мы диву даемся... как это он?

Квач. Можно. Развяжи... ничего!

Конь (внезапно). Вы его напрасно схватили!.. Когда там стреляли, он на реке был... я его видел, и генерал видел! (Рябцову.) Ты чего молчишь, дурак? Ты говори – не я, мол, стрелял... чего ты молчишь?

Рябцов (твердо). Нет, это я.

Левшин. Уж ему, кавалер, лучше знать, кто...

Рябцов. Я.

Конь (кричит). Врешь ты! Пакостник... (Входят Бобоедов и Николай Скроботов.) Ты в тот час в лодке по реке ехал и песни пел... что?

Рябцов (спокойно). Это я... после.

Бобоедов. Этот?

Квач. Так точно!

Конь. Нет, не он!

Бобоедов. Что? Квач, уведи старика! Откуда старик?

Квач. Состоит при генерале, ваше благородие!

Николай (присматриваясь к Рябцову). Позвольте, Богдан Денисович... Оставьте, Квач!

Конь. Не хватай! Я сам солдат!

Бобоедов. Стой, Квач!

Николай (Рябцову). Это ты убил хозяина?

Рябцов. Я.

Николай. За что?

Рябцов. Он нас мучил.

Николай. Как тебя зовут?

Рябцов. Павел Рябцов.

Николай. Так! Конь... вы говорите – что?

Конь (волнуясь). Не он убил! Он по реке ехал в тот час!.. Присягу приму!.. Мы с генералом видели его... Еще генерал говорил: хорошо бы, говорит, опрокинуть лодку, чтобы выкупался он... да! Ишь ты, мальчишка! Ты это что делаешь, а?

Николай. Почему вы, Конь, так уверенно говорите, что именно в минуту убийства он был на реке?

Конь. До того места, где он был, от завода в час не дойдешь.

Рябцов. Я прибежал.

Конь. Едет в лодке и песни поет. Убивши человека, песню не запоешь!

Николай (Рябцову). Ты знаешь, что закон строго наказывает за попытку скрыть преступника и за ложное показание... знаешь ты это?

Рябцов. Мне все равно.

Николай. Хорошо. Итак, это ты убил директора?

Рябцов. Я.

Бобоедов. Какой звереныш!..

Левшин. Эх, кавалер, посторонний вы тут!

Николай. Что такое?

Левшин. Я говорю – посторонний кавалерто, а мешается...

Николай. А ты не посторонний? Ты причастен к убийству, да?

Левшин (смеется). Я-то? Я, барин, один раз зайца палкой убил, так и то душа тосковала...

Николай. Ну, и молчать! (Рябцову.) Где револьвер, из которого ты стрелял?

Рябцов. Не знаю.

Николай. Какой он был? Расскажи!

Рябцов (смуцен). Какой... какие они бывают? Обыкновенный.

Конь (с радостью). А, сукин кот! И револьвера-то не видал!

Николай. Величины какой? (Показывает размер руками в пол-аршина.) Такой? Да?

Рябцов. Да... поменьше...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Николай. Богдан Денисович, пожалуйте сюда.

(Говорит ему вполголоса.) Тут скрыта какая-то пакость. Необходимо более строгое отношение к мальчишке... Оставим его до приезда следователя.

Бобоедов. Но ведь он сознается... чего же?

Николай (внушительно). Мы с вами имеем подозрение, что этот мальчишка не настоящий преступник, а подставное лицо, понимаете?

(Из двери около Татьяны осторожно выходит пьяный Яков и молча смотрит. Порой голова его бессильно опускается, точно он задремал; вскинув голову, испуганно оглядывается.)

Бобоедов (не понимает). Ага-а... да, да, да! Скажите, а?..

Николай. Это заговор! Коллективное преступление...

Бобоедов. Каков мерзавец, а?

Николай. Пусть вахмистр уведет его пока. Самая строгая изоляция! Я сейчас уйду на минуточку... Конь, вы пойдете со мной! Где генерал?

Конь. Червей роет...

(Уходят.)

Бобоедов. Квач, уведи-ка этого. И смотреть за ним! Чтобы ни-ни!

Квач. Слушаю! Ну, идем, малый!

Левшин (ласково). Прощай, Пашок, прощай, милый!..

Ягодин (угрюмо). Прощай, Павлуха!..

Рябцов. Прощайте... Ничего!.. (Рябцова уводят.)

Бобоедов (Левшину). Ты, старик, знаешь его?

Левшин. А как не знать? Работаем вместе.

Бобоедов. А тебя как зовут?

Левшин. Ефим Ефимов Левшин.

Бобоедов (Татьяне, негромко). Вы посмотрите, что будет! Скажи мне, Левшин, правду – ты человек старый, разумный, ты должен говорить начальству только правду...

Левшин. Зачем врать...

Бобоедов (с упоением). Да. Так вот, скажи ты мне по чистой совести что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

Левшин (спокойно). Ничего там нет.

Бобоедов. Это правда?

Левшин. Да уж так...

Бобоедов. Эх, Левшин, стыдно тебе! Ты вот лысый, седой, а врешь, как мальчишка!.. Ведь начальство знает не только то, что ты делаешь, а что думаешь – знает. Плохо, Левшин! А это что такое в руках у меня?

Левшин. Не видать мне... слаб я глазами...

Бобоедов. Я скажу. Это запрещенные правительством книжки, призывающие народ к бунту против государя. Эти книжки взяты у тебя за образами... ну?

Левшин (спокойно). Так.

Бобоедов. Ты признаешь их своими?

Левшин. Может быть, и мои... Ведь они похожи одна на другую...

Бобоедов. Так как же ты, старый человек, лжешь?

Левшин. Да я вам, ваше благородие, сущую правду сказал. Вы спросили, что у меня за образами лежит, а уж, если вы спрашиваете об этом, значит, там ничего нет, значит – вытащили. Я и сказал – ничего там нет. Зачем же стыдить меня? Я этого не заслужил.

Бобоедов (смущен). Вот как? Прошу однако поменьше разговаривать... со мной шутки плохи! Кто дал тебе эти книжки?

Левшин. Ну, это зачем же вам знать? Этого я не скажу. Уж я и позабыл, откуда они... Вы уж не беспокойте себя.

Бобоедов. Ага... так? Хорошо... Алексей Греков! Который Греков?

Греков. Это я.

Бобоедов. Вы привлекались к дознанию в Смоленске по делу о революционной пропаганде среди ремесленников – да?

Греков. Привлекался.

Бобоедов. Такой молодой и – такой талантливый? Приятно познакомиться!.. Жандармы, выведите их на террасу... здесь стало душно. Вырыпаев Яков? Ага... Свистов Андрей?

(Жандармы выводят всех на террасу. Бобоедов со списком в руках идет туда же.)

Яков (тихо). Нравятся мне эти люди!

Татьяна. Да. Но почему они так просты... так просто говорят, просто смотрят – почему? В них нет страсти? Нет героизма?

Яков. Они спокойно верят в свою правду...

Татьяна. Должна быть у них страсть! И должны быть герои!.. Но здесь... ты чувствуешь – они презирают всех!

Яков. Хорош Ефимыч!.. Какие у него всё понимающие, грустно-ласковые глаза. Он как бы говорит: «Ну, зачем все это? Ушли бы вы в сторону... дали бы нам свободу... ушли бы!»

Захар (выглядывая из дверей). Удивительно тупы эти господа представители закона! Устроили судьбище... Николай Васильевич держится каким-то завоевателем...

Яков. Ты, Захар, только против того, что вся эта история разыгрывается у тебя на глазах?

Захар. Ну, конечно, меня могли бы избавить от этого удовольствия!.. Надя совсем взбесилась... Наговорила мне и Полине дерзостей, назвала Клеопатру шукой, а теперь валяется у меня на диване и ревет... Бог знает, что делается!..

Яков (задумчиво). А мне, Захар, становится все более противен смысл происходящего.

Захар. Да, я понимаю... Но что же делать? Если нападают – надо защищаться. Я положительно не могу найти себе места в доме... точно он перевернулся книзу крышей! Сыро сегодня, холодно... этот дождь!.. Рано идет осень!

(Идут Николай и Клеопатра, оба возбужденные.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Николай. Я убежден теперь – его подкупили...

Клеопатра. Сами они не могли этого выдумать... Тут необходимо искать умного человека.

Николай. Вы думаете – Синцов?

Клеопатра. А кто же? Вот мосье Бобоедов...

Бобоедов (с террасы). Чем могу служить?

Николай. Я окончательно убедился, что мальчишку подкупили... (Говорит тихо.)

Бобоедов (негромко). О-о? Мм...

Клеопатра (Бобоедову). Вы понимаете?

Бобоедов. М-н-да-а... Какие мерзавцы!

(Оживленно разговаривая, Николай и ротмистр скрываются в дверях. Клеопатра, оглянувшись, видит Татьяну.)

Клеопатра. А... вы здесь?

Татьяна. Еще что-то случилось?

Клеопатра. Вам это безразлично, я думаю... Вы слышали о Синцове?

Татьяна. Знаю.

Клеопатра (с вызовом). Да, арестован! Я рада, что, наконец, выкосили на заводе всю эту сорную траву... а вы?

Татьяна. Я думаю, вам безразлично, что я чувствую...

Клеопатра (злорадно). Вы симпатизировали этому Синцову! (Смотрит на Татьяну, и лицо ее становится мягче.) Как вы странно смотрите... и лицо измученное... почему?

Татьяна. Вероятно, от погоды.

Клеопатра (подходит к ней). Вот что... может быть, это глупо... но я человек прямой!.. Пожила я... много! Много чувствовала... и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина может быть другом женщины...

Татьяна. Вы что-то хотите спросить?

Клеопатра. Сказать, не спросить! Вы мне нравитесь... такая вы свободная, так ловко одеты всегда... и хорошо держитесь с мужчинами. Я вам завидую... и как вы говорите, и как ходите... А иногда я вас не люблю... даже ненавижу!

Татьяна. Это интересно. За что?

Клеопатра (странно). Кто вы такая?

Татьяна. То есть?

Клеопатра. Не понимаю я – кто вы? Я хочу видеть всех людей определенными, я люблю знать, чего человек хочет! По-моему, люди, которые нетвердо знают, чего они хотят, – такие люди опасны! Им нельзя верить!

Татьяна. Странно говорите вы! Зачем мне нужно знать ваши взгляды?

Клеопатра (горячо и тревожно). Нужно, чтобы люди жили тесно, дружно, чтобы все мы могли верить друг другу! Вы видите – нас начинают убивать, нас хотят ограбить! Вы видите, какие разбойничьи рожи у этих арестантов? Они знают, чего хотят, они это знают. И они живут дружно, они верят друг другу... Я их ненавижу! Я их боюсь! А мы живем все враждую, ничему не веря, ничем не связанные, каждый сам по себе... Мы вот на жандармов опираемся, на солдат, а они – на себя... и они

Татьяна. Мне тоже хочется спросить вас прямо... Вы были счастливы с мужем?

Клеопатра. Зачем вам это?

Татьяна. Так. Любопытно!

Клеопатра (подумав). Нет. Он был всегда занят не мною...

Полина (идет). Слышали? Конторщик Синцов оказался социалистом! А Захар был с ним откровенен и даже хотел сделать его помощником бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но подумайте, как трудно становится жить! Рядом с вами ваши принципиальные враги, а вы их не замечаете!

Татьяна. Как хорошо, что я не богата!

Полина. Ты скажи это в старости! (Клеопатре мягко.) Клеопатра Петровна, вас просят еще раз примерить платье... И прислали креп...

Клеопатра. Иду... Нехорошо... неровно бьется сердце у меня... Не люблю быть больной!

Полина. Хотите, я вам капель дам от сердцебиения? Очень помогают.

Клеопатра (идя). Спасибо!..

Полина. Я сейчас приду. (Татьяне.) С ней необходимо быть мягче, это ее успокаивает! Это хорошо, что ты поговорила с ней... И вообще я завидую тебе, Таня... ты всегда умеешь встать на такую удобную центральную позицию!.. Пойду, дам ей капель.

(Оставшись одна, Татьяна смотрит на террасу, где под караулом солдат расположились арестованные. Из двери выглядывает Яков.)

Яков (с усмешкой). А я стоял за дверью и слушал.

Татьяна (рассеянно). Говорят, это нехорошо... подслушивать...

Яков. Вообще нехорошо слышать, что говорят люди. Как-то жалко их... Вот что, Таня! Я уезжаю...

Татьяна. Куда?

Яков. Вообще... Не знаю еще... Прощай!

Татьяна (ласково). Прощай!.. Напиши!

Яков. Ужасно скверно здесь!

Татьяна. Ты когда едешь?

Яков (странно улыбаясь). Сегодня... Уезжай и ты... а?

Татьяна. Да, я уеду. Почему ты улыбаешься?

Яков. Так... Может быть, мы не увидимся более...

Татьяна. Глупости.

Яков. Ну, прости меня! (Татьяна целует его в лоб. Он тихо смеется, отстраняя ее.) Ты поцеловала меня, точно покойника... (Медленно уходит. Татьяна, посмотрев вслед ему, хочет идти за ним, но останавливается, сделав слабый жест рукой. Выходит Надя с зонтом в руках.)

Надя. Пожалуйста, пойдем со мной в сад... У меня голова болит... я сейчас плакала, плакала... как дура! Если я пойду одна, снова буду плакать,

Татьяна. О чем плакать, девочка? Не о чем!

Надя. Мне досадно. Я ничего не понимаю. Кто же прав? Дядя говорит он... а я не чувствую этого! Он добрый, дядя? Я была уверена, что он добрый... а теперь – не знаю! Когда он говорит со мной, мне кажется, что я сама злая и глупая... а когда я начну думать о нем... и спрашивать себя обо всем... ничего не понимаю!

Татьяна (грустно). Если ты будешь сама себе ставить вопросы, ты сделаешься революционеркой... и погибнешь в этом хаосе, милая ты моя!..

Надя. Надо чем-нибудь быть, надо! (Татьяна тихо смеется.) Чему ты смеешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

Татьяна. Я потому засмеялась, что сегодня все это говорят... все, вдруг!

(Идут. Навстречу им генерал и поручик. Поручик ловко уступает дорогу.)

Генерал. Мобилизация, поручик, необходима! Она имеет двоякую цель... (Наде и Татьяне.) Вы куда, а?

Татьяна. Гулять.

Генерал. Если встретите этого конторщика... как его? Поручик, как фамилия этого человека, с которым я вас познакомил давеча?

Поручик. Покатый, ваше превосходительство!

Генерал (Татьяне). Пошлите его ко мне, я буду в столовой пить чай с коньяком и с поручиком... х-хо-хо! (Огляды- вается, прикрыв рот рукой.) Благодарю, поручик! У вас хорошая память, да! Это прекрасно! Офицер должен помнить имя и лицо каждого солдата своей роты. Когда солдат рекрут, он хитрое животное, – хитрое, ленивое и глупое. Офицер влезает ему в душу и там все поворачивает по-своему, чтобы сделать из животного – человека, разумного и преданного долгу...

(Идет Захар, озабоченный.)

Захар. Дядя, вы не видели Якова?

Генерал. Не видал Якова... Там есть чай?

Захар. Есть, есть! (Генерал и поручик уходят. С террасы идет Конь, сердитый, растрепанный.) Конь, вы не видели брата?

Конь (сурово). Нет. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человека – не скажу... Буду молчать... Ладно! Я поговорил на своем веку...

Полина (идет). Там пришли мужики, они опять просят отсрочить аренду.

Захар. Вот! Нашли время...

Полина. Жалуются, что урожай плохой и платить им нечем.

Захар. Они всегда жалуются!.. Ты не встречала Якова?

Полина. Нет. Что же им сказать?

Захар. Мужикам? Пусть идут в контору... я не буду с ними говорить!

Полина. Но в конторе нет никого! Ты же знаешь – у нас полная анархия. Вот уж скоро обед, а этот ротмистр все просит чаю... В столовой с утра не убран самовар, и вообще – жизнь похожа на какое-то дурачество!

Захар. Ты знаешь, Яков вдруг собрался куда-то ехать!

Полина. Ты прости мне, но, право, хорошо, что он уедет...

Захар. Да, конечно. Он ужасно раздражает, говорит чепуху... Вот сейчас пристал ко мне, спрашивает – можно ли из моего револьвера убить ворону? Говорил какие-то дерзости. Наконец ушел и унес револьвер... Всегда пьяный...

(С террасы входит Синцов с двумя жандармами и Квач. Полина, молча посмотрев на Синцова в лорнет, уходит. Захар смущенно поправляет очки, потом отступает.)

Захар (укоризненно). Вот, господин Синцов... как это грустно! Мне очень жаль вас... очень!

Синцов (с улыбкой). Не беспокойтесь... стоит ли?

Захар. Стоит! Люди должны сочувствовать друг другу... И даже, если человек, которому я доверял, не оправдал моего доверия, все равно, видя его в несчастии, я считаю долгом сочувствовать ему... да! Прощайте, господин Синцов!

Синцов. До свидания.

Захар. Вы не имеете ко мне... каких-либо претензий?

Синцов. Решительно, никаких.

Захар (смущенно). Прекрасно. Прощайте! Ваше жалованье будет выслано вам... да. (Идет.) Но это невозможно! Мой дом становится какой-то жандармской канцелярией!

(Синцов усмехается. Квач все время пристально рассматривает его, особенно руки. Заметив это, Синцов тоже несколько секунд смотрит в глаза Квача. Тот усмехается.)

Синцов. Ну? В чем дело?

Квач (радостно). Ничего... ничего!

Бобоедов (входит). Господин Синцов, вы сейчас отправитесь в город.

Квач (радостно). Ваше благородие, они совсем не господин Синцов, а другое!..

Бобоедов. Как? Говори яснее!

Квач. Да я же их знаю! Они жили на Брянском заводе, и там их имя было Максим Марков!.. Там мы их арестовали... два года назад, ваше благородие!.. На левой руке, на большом пальце, у них ногтя нет, я знаю! Они не иначе как бежали откуда-нибудь, если по чужому паспорту живут!

Бобоедов (приятно удивлен). Это правда, господин Синцов?

Квач. Все правда, ваше благородие!

Бобоедов. Так, значит, вы не Синцов, те-те-те...

Синцов. Кто бы я ни был, вы обязаны вести себя со мной прилично... не забывайте!

Бобоедов. Ого-го! Сразу видно серьезного человека. Квач, ты сам повезешь его!.. Смотри в оба!

Квач. Слушаю!

Бобоедов (радостно). Так вот, господин Синцов, или как вас там зовут, вы едете в город. Ты, Квач, немедленно доложишь начальнику все, что знаешь о нем, и сейчас же затребовать прежнее производство... впрочем, это я сам! Подожди, Квач... (Быстро уходит.)

Квач (добродушно). Вот и снова встретились!

Синцов (усмехаясь). Вы рады?

Квач. А как же? Знакомый!

Синцов (брезгливо). Вам пора бы уже бросить это дело. Волосы седые, а приходится, как собаке, выслеживать... Неужели вам не обидно?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Квач (добродушно). Ничего, я привык! Я уже двадцать три года служу... И совсем не как собака! Начальство меня уважает. Орден обещали! Теперь дадут!

Синцов. За меня?

Квач. А за вас! Вы откуда бежали?

Синцов. Потом узнаете.

Квач. Узнаем! А помните там, на Брянском, черный такой был в очках? Учитель Савицкий? То он тоже был недавно опять арестован... Ну, только умер он в тюрьме... Очень больной был! Мало вас все-таки!

Синцов. Будет много... подождите!

Квач. О? Это хорошо! Больше политических – нам лучше!

Синцов. Награды чаще получаете?

(В дверях появляются Бобоедов, генерал, поручик, Клеопатра и Николай.)

Николай (взглянув на Синцова). Я чувствовал это... (Исчезает.)

Генерал. Хорош!

Клеопатра. Теперь понятно, откуда все пошло!

Синцов (с иронией). Послушайте, господин жандарм, вам не кажется, что вы ведете себя глупо?

Бобоедов. Не... не учить меня!

Синцов (настойчиво). Нет, я поучу! Прекратите этот дурацкий спектакль!

Генерал. О-о... какой, а?

Бобоедов (кричит). Квач, уведи его!

Квач. Слушаю! (Уводит Синцова.)

Генерал. Это, должно быть, зверь, а? Как он... рычит, а?

Клеопатра. Я уверена, что это он начало всему!

Бобоедов. Возможно... очень возможно!

Поручик. Будут его судить, да?

Бобоедов (усмехаясь). Мы их без соуса едим... и так вкусно!

Генерал. Это остроумно. Как устриц... хам!

Бобоедов. Ага! Ну, вот, ваше превосходительство, теперь мы живо разделим всю дичь и избавим вас от этого анекдота! Николай Васильевич, вы где?

(Все скрываются в дверях. С террасы входит становой.)

Становой (Коню). Допрос здесь будет?

Конь (угрюмо). Я не знаю... Ничего не знаю!

Становой. Стол, бумаги... значит, здесь! (Говорит на террасу.) Введите сюда всех! (Коню.) Покойник-то ошибся: сказал – рыжий его застрелил, а оказывается – черноватый!

Конь (ворчливо). И живые ошибаются...

(С террасы снова вводят арестованных.)

Становой. Ставь их здесь... рядом! Старик, становись с краю! Не стыдно тебе! Старый черт!

Греков. Зачем же вы ругаетесь?

Левшин. Ничего, Алеша! Пускай его...

Становой (грозя). Я тебе поговорю!

Левшин. Ничего! Должность такая... обижающая человека, у них.

(Входят Николай, Бобоедов. Садятся за стол. Генерал усаживается в кресло в углу, сзади него поручик. В дверях – Клеопатра и Полина. Потом сзади них Татьяна и Надя. Через их плечи недовольно смотрит Захар. Откуда-то боком и осторожно идет Пологий, кланяется сидящим за столом и растерянно останавливается посреди комнаты. Генерал манит его к себе движением пальца. Он идет на носках сапог и становится рядом с креслом генерала. Вводят Рябцова.)

Николай. Начнем. Павел Рябцов!

Рябцов. Ну?

Бобоедов. Не – ну, дурак, а – что угодно!

Николай. Итак, вы настаиваете, что директор убит вами?

Рябцов (недовольно). Я сказал уж... чего же еще?

Николай. Вы знаете Алексея Грекова?

Рябцов. Это какого?

Николай. А вот, рядом с вами стоит!

Рябцов. Он у нас работает.

Николай. Значит, вы знакомы с ним?

Рябцов. Мы все знакомы.

Николай. Конечно. Но вы у него бывали в доме, гуляли с ним... вообще, вы его коротко, близко знаете? Вы – товарищи?

Рябцов. Я со всеми гуляю. Все мы – товарищи.

Николай. Да? Я думаю – вы лжете! Господин Пологий, скажите нам Рябцов и Греков в каких отношениях?

Пологий. В тесных отношениях дружбы... Здесь имеются две компании. Молодыми предводительствует Греков, юноша очень дерзкий в обращении с лицами, которые стоят неизмеримо выше его. А пожилыми руководствует Ефим Левшин... человек фантастический в своих речах и лисообразный в обращении...

Надя (тихо). Ах, какой мерзавец!

(Пологий оглядывается на нее и вопросительно смотрит на

Николая. Николай тоже кидает взгляд в сторону Нади.)

Николай. Ну-с, дальше!

Пологий (вздыхнув). Их соединяет господин Синцов, который со всеми в хороших отношениях. Это личность не похожая на простого человека, с нормальным умом. Он читает разные книги и имеет обо всем свои суждения. В квартире у него, которая наискось моей и состоит из трех комнат...

Николай. Вы не так подробно...

Пологий. Извините... Правда требует полноты форм! В квартиру его заходят всевозможные личности, а также присутствующие здесь, как то: Греков...

Николай. Греков, это правда?

Греков (спокойно). Прошу ко мне не обращаться с вопросами, я отвечать не буду.

Николай. Напрасно!

Надя (громко). Вот хорошо!

Клеопатра. Что за выходки?

Захар. Надя, дорогая моя!..

Бобоедов. Тсс...

(На террасе шум.)

Николай. Я нахожу излишним присутствие здесь посторонних лиц...

Генерал. Гм... Кто же тут посторонние?

Бобоедов. Квач, посмотри, что за шум?

Квач. Человек рвется в дверь, ваше благородие! Прет в дверь и ругается, ваше благородие!

Николай. Что ему надо? Кто это?

Бобоедов. Спроси!

Пологий. Прикажете продолжать или приостановиться?

Надя. О, подлец!

Николай. Приостановитесь... Посторонних лиц я прошу уйти!

Генерал. Позвольте... это как понять?..

Надя (кричит задорно). Посторонние здесь – вы! Вы, а не я! Вы везде посторонние... я здесь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

Захар (возбужденно, Наде). Уйди! Немедленно... уйди!

Надя. Да? вот как!.. Значит, это я... действительно я посторонняя здесь! Так я уйду, но я скажу вам...

Полина. Удержите ее... она скажет что-нибудь ужасное!

Николай (Бобоедову). Скажите жандармам, чтобы закрыли двери!

Надя. Вы все бессовестные люди... без сердца, жалкие... несчастные...

Квач (входит, радостно). Ваше благородие! Еще один открывается!

Бобоедов. Что?

Квач. Еще один убийца пришел!

(К столу идет, не торопясь, Акимов, рыжеватый парень, с большими усами.)

Николай (невольно приподнимаясь). Что вам нужно?

Акимов. Это я убил директора.

Николай. Вы?

Акимов. Я.

Клеопатра (тихо). А-а... мерзавец! Совесть имеешь!..

Полина. Боже мой! Какие ужасные люди!

Татьяна (спокойно). Эти люди победят!

Акимов (угрюмо). Ну, что же? Натe, ешьте! Я убил.

(Общее смущение. Николай что-то быстро шепчет Бобоедову, тот растерянно улыбается. В толпе арестованных молчание; все стоят неподвижно. В дверях Надя смотрит на Акимова и плачет. Полина и Захар шепчутся. В тишине ясно слышен негромкий голос Татьяны.)

Татьяна (Наде). Не плачь, эти люди победят!..

Левшин. Эх, Акимов, напрасно ты..

Бобоедов. Молчать!

Надя (Акимову). Зачем вы сделали это, зачем?

Левшин. Не кричи, ваше благородие. Я – старше тебя.

Акимов (Наде). Вы – ничего тут не поймете, – ушли бы...

Клеопатра. А ведь каким святеньким притворялся этот мерзкий старик!

Бобоедов. Квач!

Левшин. Ты чего же, Акимов? Ты – говори! Ты скажи, что он тебе пистолет ко грудям приставил, ну, тогда ты и тово...

Бобоедов (Николаю). Вы слышите, чему он учит? Ах, старый лгун!

Левшин. Нет, я не лгун...

Николай. Ну-с, а как же вы теперь, Рябцов?

Рябцов. А – никак...

Левшин. Молчи! Ты – молчи. Они хитрые, они словами сильнее нас...

Николай (Бобоедову). Вышвырните его!

Левшин. Нас – не вышвырнешь, нет! Будет, швыряли! Пожили мы в темноте беззаконья, довольно! Теперь сами загорелись – не погасишь! Не погасите нас никаким страхом, не погасите.

Занавес

Комментарии

Мещане

Впервые напечатано отдельной книгой издательством «Знание» в 1902 г. под заглавием: «Мещане. Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах».

«Мещане» – первая пьеса М.Горького.

Замысел пьесы относится к началу 1900 г., но работа над пьесой шла медленно, и первые результаты её не удовлетворяли автора. В августе он писал А.П.Чехову, что его пьеса, «доведённая им до третьего акта, благополучно скончалась», а в сентябре сообщал: «Газеты зря кричат. Драму я не написал и не напишу, – пока» (Архив А.М.Горького). Вскоре М.Горький, встретившись с Вл. И.Немировичем-Данченко, рассказал ему содержание пьесы.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Работа над «Мещанами» продолжалась в 1901 г. Весной этого года, когда М. Горький работал над третьим актом, он был арестован и заключён в тюрьму. По выходе из тюрьмы, живя в Нижнем Новгороде под полицейским надзором, он возобновил работу над пьесой и закончил её в конце сентября. Последние 28 дней он работал чрезвычайно интенсивно и сообщил об этом в середине сентября К.П. Пятницкому: «Во всю мочь завинчиваю пьесу» (Архив А.М. Горького).

Пьеса имела первоначально название: «Сцены в доме Бессеменовых. Драматический эскиз в 4 актах».

Вл. И. Немирович-Данченко специально приехал в Нижний Новгород, чтобы познакомиться с пьесой. В шуточной форме М. Горький сообщил К.П. Пятницкому о своих переживаниях во время чтения пьесы Вл. И. Немировичу-Данченко: «Я – ваш Алёшка – с честью выдержал предварительное испытание на чин драматурга! (Берегись, Вильям Шекспир!) Говорю – с честью – не стыдясь – ибо уполномочен моим экзаменатором сказать больше. Вл. Немирович-Данченко клятвенно уверял меня, что пьеса – удалась и что сим делом заниматься я способен. Я ему верю.. Вы знаете – три дня я его ждал и чувствовал себя мальчишкой, волновался, боялся и вообще дурачки вёл себя. А когда начал читать пьесу, то делал огромные усилия для того, чтобы скрыть от Немировича-Данченко то смешное обстоятельство, что у меня дрожал голос и тряслись руки. Но – сошло!» (Архив А.М. Горького).

Вл. И. Немирович-Данченко увёз рукопись пьесы в Москву и вскоре выслал М. Горькому машинописную копию. М. Горький сделал на ней небольшие добавления и исправления и отослал К.П. Пятницкому для издания. В начале 1902 г. пьеса была напечатана издательством «Знание» и разошлась в течение этого года в количестве 60 000 экземпляров.

В конце 1901 г. Художественный театр начал работать над постановкой пьесы. М. Горький, не имея возможности выехать из Нижнего Новгорода в Москву для беседы с режиссёрами и актёрами, послал К.С. Станиславскому письмо с подробными характеристиками всех персонажей пьесы.

Добавлением к этим характеристикам действующих лиц пьесы являются строки М. Горького в письме к актёру А.А. Тихомирову, написанные осенью 1902 г.: «Что вы играете Шишкина – я рад. Это славный, прямодушный, до святости честный человек из тех, которые ломаются, но не гнутся, из тех, что голодают – смеясь, бунтуют против стеснений их – и чужой – личной свободы, храбро подставляя спины под нагайки... до поры, до времени, пока сами, – взявшись за ум – не возьмутся за палки, дабы с честью встретить нагайку» (Архив А.М. Горького).

Текст пьесы дважды проходил театральную цензуру, и каждый раз количество изъятых отрывков и их размер увеличивались. Цензоры вычёркивали из произведения наиболее социально заострённые фразы и слова. Изымались места, где говорилось о тяжёлой жизни рабочего класса, о его правах и предсказывалась неизбежность революционной перестройки существующих порядков.

Например, цензурой были вычеркнуты следующие реплики:

Действие второе:

Нил. Хозяин тот, кто трудится...

Нил. Да, хозяин тот, кто трудится... Запомните-ка это!

Действие четвёртое:

Поля...не все ещё люди живут! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству их жить-то и некогда совсем... они только работают, куска хлеба ради... а вот, когда и они...

Нил. Прав – не дают, права – берут... Человек должен сам себе завоевать права, если не хочет быть раздавленным грудой обязанностей...

Нил...В одном не вижу ничего приятного – в том, что мною и, другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь – не вся за ними! Они. пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru Несмотря на обильные цензурные сокращения, постановка «Мещан» Художественным театром вызвала опасения и беспокойство правительственных кругов. Первый спектакль состоялся 20 (26?) марта 1902 г. в Петербурге, куда на весенние гастроли выехал театр. «На генеральную репетицию, – вспоминал К.С. Станиславский, – ...съехался весь «правительствующий» Петербург, начиная с великих князей и министров, – всевозможные чины, весь цензурный комитет, представители полицейской власти и другие начальствующие лица с жёнами и семьями. В самый театр и вокруг него был назначен усиленный наряд полиции; на площади перед театром разъезжали конные жандармы. Можно было подумать, что готовились не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению» (К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.-Л. 1941, стр. 328-329).

После этого просмотра текст пьесы подвергся новым цензурным сокращениям.

С осени 1902 г. «Мещане» шли на сцене Художественного театра в Москве. Чтобы воспрепятствовать распространению постановок «Мещан» на столичных и провинциальных сценах, к пьесе М.Горького была применена исключительная цензурная мера: пьеса разрешалась к постановке каждый раз по особому ходатайству Русского театрального общества или же местного губернатора, причём – только по экземпляру пьесы, специально для данной постановки скреплённому драматической цензурой. Пьеса была запрещена для сцены народных театров и для постановок в переводе на языки народов России. При всём этом однако пьеса ставилась во многих городах, возбуждая повсюду огромный интерес. В Белостоке во время спектакля произошла даже демонстрация. В 35 номере газеты «Искра» за 1903 г., в отделе «Из нашей общественной жизни», напечатан следующий отрывок из частного письма о событиях, происшедших в городе Белостоке 15 февраля 1903 г.: «В театре на «Мещанах» была громадная демонстрация. Кричали: «долой самодержавие, произвол, долой Метленко (полицейстер), да здравствует свобода!» Бросали карточки с теми же надписями. Городовые с шашками наголо в театре же начали бить куда попало. Произошла схватка. В театре стоял крик, шум, некоторые зрители падали в обморок, так что не окончили играть. Потом перенесли демонстрацию на улицу. Было сильное возбуждение. Озверевшая полиция начала стрелять. Полицейстер с револьвером в руках метался, как разъярённый зверь, по городу. Были вызваны войска, закрыли все магазины (в 6 ч. вечера). Убит один рабочий, есть и раненые. Арестовали до 30 человек: рабочих, гимназисток и учеников коммерч. училища. Возмущённая этими зверствами учащая молодёжь энергично протестовала. Вообще, демонстрация имела громадное воспитательное значение. «Публика» воочию увидела, к чему приводит произвол грубой полиции. Демонстрация продолжалась 4 часа, охватив почти все улицы. Возбуждение в городе громадное. Со всех фабрик начали собираться рабочие, вооружённые палками».

Судя по «Хронике рабочего движения», помещённой в следующем номере «Искры», волнения в Белостоке продолжались несколько дней.

Цензурные изъятия и препятствия к постановке «Мещан» были ликвидированы лишь в начале 1905 г. под напором надвигающейся революции. После Великой Октябрьской революции «Мещане» прочно вошли в репертуар советского театра и сделались одной из любимых пьес советского зрителя.

Пьеса «Мещане» включалась во все собрания сочинений.

В Архиве А.М.Горького хранится рукопись пьесы, а также её машинописная копия с правкой, сделанной рукой М.Горького в конце 1901 г. Эта машинопись послужила оригиналом для первого издания «Мещан», с которого потом печатались все следующие издания до наших дней. К исправлению или переработке текста «Мещан» М.Горький более не возвращался.

В Архиве А.М.Горького имеется также первоначальная редакция четвёртого действия пьесы, значительно отличающаяся от окончательного текста.

В настоящем издании пьеса печатается по рукописи с учётом тех добавлений и исправлений, которые М.Горький внёс своей рукой в машинописную копию текста.

На дне

Впервые напечатано отдельной книгой, под заглавием «На дне жизни», издательством Мархлевского в Мюнхене, без указания года, и под заглавием «На дне», издательством товарищества «Знание», СПб. 1903. Мюнхенское издание поступило в продажу в конце декабря 1902 г., петербургское – 31 января 1903 г. Спрос на

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru книгу был необыкновенно велик: весь тираж первого петербургского издания, в количестве 40 000 экземпляров, разошёлся в течение двух недель; к концу 1903 г. было продано более 75 000 экземпляров – подобным успехом до того времени не пользовалось ни одно литературное произведение.

Творческий замысел пьесы «На дне» относится к самому началу 1900 г. Весной этого года, в Крыму, М. Горький рассказал К.С. Станиславскому содержание задуманной пьесы. «В первой редакции главная роль была роль лакея из хорошего дома, который больше всего берёт воротничок от фрачной рубашки – единственное, что связывало его с прежней жизнью. В ночлежке было тесно, обитатели её ругались, атмосфера была отравлена ненавистью. Второй акт кончался внезапным обходом ночлежки полицией. При вести об этом весь муравейник начинал копошиться, спешили спрятать награбленное; а в третьем акте наступала весна, солнце, природа оживала, ночлежники из смрадной атмосферы выходили на чистый воздух, на земляные работы, они пели песни и под солнцем, на свежем воздухе, забывали о ненависти друг к другу» (К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.–Л. 1941, стр.330).

В середине октября 1901 г. Горький сообщил К.П. Пятницкому, что им задуман «цикл драм» из четырёх пьес, каждая из которых будет посвящена изображению определённого слоя русского общества. О последней из них в письме сказано: «Ещё одну: босьяки. Татарин, еврей, актёр, хозяйка ночлежного дома, воры, сыщик, проститутки. Это будет страшно. У меня уже готовые планы, я вижу – лица, фигуры, слышу голоса, речи, мотивы действий – ясны, всё ясно!..» (Архив А.М. Горького).

Писать «На дне» М.Горький начал в конце 1901 г., в Крыму. В воспоминаниях о Л.Н.Толстом М.Горький рассказывает, что он читал в Крыму написанные части пьесы Л.Толстому. Весной 1902 г. М.Горький прочёл два первых акта пьесы Вл. И.Немировичу-Данченко.

В Арзамасе, куда М.Горький прибыл 5 мая 1902 г., он напряжённо продолжал работу над пьесой. 15 июня пьеса была закончена и беловой рукопись её выслана в Петербург, К.П.Пятницкому. Получив из Петербурга машинописные копии вместе с рукописью, М.Горький исправил текст пьесы и внёс в него ряд существенных дополнений. 25 июля один экземпляр пьесы был снова отправлен в Петербург, в издательство «Знание». Другой экземпляр М.Горький послал А.П.Чехову. После этого драма ни разу не подвергалась авторской правке.

Заглавие в процессе работы над пьесой менялось несколько раз. В рукописи она называлась «Без солнца», «Ночлежка», «Дно», «На дне жизни». Последнее заглавие сохранилось даже в беловой машинописи, правленной автором, и в печатном мюнхенском издании. Окончательное заглавие – «На дне» – впервые появилось только на афишах Московского Художественного театра.

10 августа 1902 г. Вл. И.Немирович-Данченко приезжал к М.Горькому в Арзамас и здесь получил от него экземпляр пьесы. 6 сентября в Москве автор читал её артистам Художественного театра.

Постановка пьесы на сцене русских театров встретила большие препятствия со стороны театральной цензуры. Сначала пьеса была категорически запрещена. «Пришлось ехать в Петербург, – пишет Вл. И.Немирович-Данченко, – отстаивать чуть ли не каждую фразу, скрепя сердце делать уступки и в конце концов добиться разрешения только для одного Художественного театра. От ряда бесед с тогдашним начальником Главного управления по делам печати, профессором Зверевым, у меня осталось впечатление, что «На дне» была разрешена только потому, что власти рассчитывали на решительный провал пьесы» («Горький», сб. под ред. И.Груздева, М.–Л. 1928, стр.151–152). Другим театрам разрешение на постановку пьесы давалось в виде исключения и каждый раз только «по особому ходатайству» местных властей или Русского театрального общества. фактически до апреля 1905 г. пьеса находилась под неофициальным запретом.

Чтобы уничтожить или хотя бы ослабить революционную направленность пьесы, театральная цензура сделала в пьесе большие купюры и некоторые изменения.

Впервые пьеса поставлена на сцене 18/31 декабря 1902 г. Художественным театром в Москве. «Спектакль имел потрясающий успех. Вызывали без конца режиссёров, всех артистов и... самого Горького» (К.С.Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.–Л. 1941, стр.335).

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Пьеса «На дне» была переведена на многие иностранные языки и, начиная с 1903 г., с огромным успехом обошла сцены всех крупных городов мира. В Софии, в 1903 г., спектакль вызвал бурную уличную демонстрацию.

В ряде статей и писем М. Горький неоднократно давал пояснения к пьесе.

«...Речь Сатина о человеке-правде бледна, – писал он К.П. Пятницкому 15 июля 1902 г. – Однако – кроме Сатина – её некому сказать, и лучше, ярче сказать – он не может. Уже и так эта речь чуждо звучит его языку. Но – ни черта не поделаешь!» (Архив А.М. Горького).

В 1928 г. М. Горький писал курским красноармейцам:

«Товарищи! Вы спрашиваете: «Почему в пьесе «На дне» нет сигнала к восстанию?»

Сигнал этот можно услышать в словах Сатина, в его оценке человека. В то время, в 901 году, когда я писал эту пьесу, я уже знал, что «народ» не есть нечто целое, – как учили «народники», – а разбит, раздроблен классовым устройством государства на враждебные «сословия», группы. Зрелище жизни, разделённой на «героев и толпу», тоже не могло удовлетворить меня. Я хотел – и хочу – видеть всех людей героями труда и творчества, строителями новых, свободных форм жизни. Мы должны жить так, чтоб каждый из нас, несмотря на различие индивидуальностей, чувствовал себя человеком, равноценным всем другим и всякому другому. Это достижимо лишь после того, как люди уничтожат частную собственность, источник вражды между ними, источник всех несчастий и уродств. Иными словами: это достижимо лишь при социализме.

Само собою разумеется, что проповедь социализма я не мог вложить в уста людей, разбитых жизнью, не способных к труду, готовых поддаться всякому утешению. Утешители, проповедники примирения с жизнью, враждебны мне, кто бы они ни были: люди, верующие в бога, или писатели, вроде американца О. Генри...

Но из утешений хитрого Луки Сатин сделал свой вывод о ценности всякого человека» (Архив А.М. Горького).

В советские годы М. Горький, вернувшись к теме и образам пьесы «На дне», работал над киносценарием «По пути на дно». Сценарий остался незаконченным.

Как отмечает в своих воспоминаниях Н.К. Крупская, «На дне» принадлежит к числу пьес, которые нравились В.И. Ленину. Сам Владимир Ильич писал матери, М.А. Ульяновой, ещё 4 февраля 1903 г.: «В театре немецком были раз, – хотелось бы в русский Художественный – посмотреть «На дне» (В.И. Ленин. Письма к родным. М.-Л. 1934, стр.290). Это желание ему удалось осуществить только после Великой Октябрьской социалистической революции (Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине. 1930, стр.37).

Пьеса «На дне» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по машинописному тексту, правленому автором в 1902 г.

Дачники

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1904 год», книга третья, спб. 1905.

М. Горький задумал написать пьесу об интеллигенции осенью 1901 г. Об этом он сообщил в письме от 18 октября 1901 г. К.П. Пятницкому: «Вы знаете, я напишу цикл драм. Это факт. Одну – быт интеллигенции. Куча людей без идеалов и вдруг! – среди них один – с идеалом! Злоба, треск, вой, грохот!» (Архив А.М. Горького).

Летом 1902 г. М. Горький усиленно работал над пьесой. 21 июня 1902 г. он писал К.П. Пятницкому: «Начал писать ещё пьесу «Дачники». Думаю изображать современную «буржуазно-материалистическую интеллигенцию», – как выражается Бердяев. Очень хочется подарить «всем сёстрам – по серьгам», в том числе и Бердяеву небольшие.

Чувствую я, что в воздухе носится новое миропонимание, миропонимание демократическое, а уловить его – не могу, не умею. А – носится и зреет» (Архив А.М. Горького).

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
В 1904 г., характеризуя свою пьесу в письме к одному из режиссеров, М. Горький отмечал: «Я хотел изобразить ту часть русской интеллигенции, которая вышла из демократических слоёв и, достигнув известной высоты социального положения, потеряла связь с народом – родным ей по крови, забыла о его интересах, о необходимости расширить жизнь для него...»

Эта интеллигенция стоит одиноко между народом и буржуазией без влияния на жизнь, без сил, она чувствует страх перед жизнью, полная раздвоения, она хочет жить интересно, красиво, и – спокойно, тихо, она ищет только возможности оправдать себя за позорное бездействие, за измену своему родному слою – демократии.

Быстро вырождающееся буржуазное общество бросается в мистику, в детерминизм – всюду, где можно спрятаться от суровой действительности, которая говорит людям: или вы должны перестроить жизнь, или я вас изуродую, раздавлю.

И многие из интеллигенции идут за мещанами в тёмные углы мистической или иной философии – всё равно – куда, лишь бы спрятаться.

Вот – драма, как я её понимаю. Ключом к ней является, на мой взгляд, монолог Марьи Львовны в IV акте» (Архив А.М. Горького).

Над «Дачниками» М. Горький работал до осени 1904 г. В августе 1904 г. пьеса была завершена, и автор читал её артистам театра К. Незлобина в Москве.

10 ноября 1904 г. «Дачники» впервые были поставлены на сцене театра В.Ф. Комиссаржевской, в Петербурге. Во время представления пьесы буржуазно-монархическая часть зрителей пыталась сорвать спектакль. Однако демократическая часть зрителей превратила спектакль в торжество присутствовавшего на спектакле М. Горького, устроив ему восторженные овации.

В 1905 г. пьеса ставилась в провинции. Во время представления «Дачников» в Киеве в театре Соловцова 5 февраля 1905 г. произошли «беспорядки». Зрители требовали освободить М. Горького из Петропавловской крепости. В театре были разбросаны прокламации с портретом М. Горького. В зрительном зале раздавались возгласы: «Да здравствует свобода!», «Долой самодержавие!» и т. п. (Сб. «Революционный путь Горького». М.-Л. 1933, стр. 100-101).

Политические демонстрации в связи с представлением «Дачников» на сцене в 1905 г. происходили также в Ростове-на-Дону, в Саратове, Одессе и других городах.

Пьеса «Дачники» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту третьего «Сборника товарищества «Знание» за 1904 год», сверенному с рукописью и машинописной копией, правленной М. Горьким в 1904 г.

Дети солнца

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1905 год», книга седьмая, СПб. 1905, и отдельным изданием в Штутгарте.

Пьеса «Дети солнца» писалась в январе-феврале 1905 г. в Петропавловской крепости, в камере номер 39 Трубецкого бастиона, куда М. Горький был заключён 12 января 1905 г. после ареста по делу о 9 января. На первой странице рукописи пьесы, хранящейся в Архиве А.М. Горького, есть надпись: «Писалось в Петропавловской крепости 16 января – 20 февраля 1905 года. Первая тетрадь. А. Пешков».

Находясь в заключении, М. Горький обратился за разрешением заниматься литературным трудом к коменданту Петропавловской крепости. Последний запросил департамент полиции: «...прошу... меня уведомить, полагаете ли вы со своей стороны возможным разрешить Алексею Пешкову написать комедию, но, конечно, под неременным условием, чтобы написанная им комедия, по просмотре её департаментом полиции, была вручена ему или жене его только по освобождении из Трубецкого бастиона» (см. сборник «Революционный путь Горького», М.-Л. 1933, стр. 91). 5 февраля департамент полиции «разрешил» М. Горькому «написать комедию». 14 февраля пьеса была переслана в Петербургское жандармское управление. В тот же день М. Горький был освобождён из крепости и, так как ему запрещено было жить в Петербурге, выехал в Ригу. Перед выездом, 15 февраля, он написал заявление в департамент полиции о выдаче К.П. Пятницкому рукописи пьесы. Пятницкий получил её

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiy.mos.ru после 22 февраля, как явствует из его переписки с М. Горьким. Таким образом, авторская датировка: «Писалось в Петропавловской крепости 16 января – 20 февраля 1905 года» – не вполне точна и, очевидно, сделана позднее.

Получив пьесу от Пятницкого, М. Горький коренным образом её переделал. Видимо, работа над нею была закончена уже в марте: в самом начале апреля в русской печати появляются сообщения о постановке пьесы в театре В. Ф. Комиссаржевской. В ответ на эти сообщения петербургский генерал-губернатор Трепов просил петербургского градоначальника принять меры к недопущению постановки пьесы на сцене.

Вскоре же, по-видимому, в мае, М. Горький передал пьесу Московскому Художественному театру.

Одновременно он пересмотрел её последнюю редакцию и внёс в неё ряд изменений и исправлений, подготавливая пьесу для первого бесцензурного издания, которое вышло в свет под названием: «Дети солнца. Драма в 4-х действиях», Штутгарт, издательство И. Дитца, 1905.

В Архиве А. М. Горького сохранился машинописный текст пьесы с правкой М. Горького, послуживший оригиналом для издания Дитца.

Там же хранится ещё одна машинописная копия пьесы – дубликат первой, в которой имеется дополнительная существенная правка М. Горького.

Исправления, сделанные М. Горьким в обеих машинописных копиях, в русские издания пьесы не входили.

4 августа 1905 г. пьеса была переслана в Главное управление по делам печати, в драматическую цензуру. По первоначальному отзыву драматической цензуры можно было ожидать запрещения пьесы. Однако революционная обстановка в стране заставила цензора драматических сочинений разрешить пьесу к постановке.

Пьеса впервые была представлена на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской, в Петербурге, 12 октября 1905 г. как свидетельствует запись в книге режиссёрского управления, спектакль прошёл с большим подъёмом. В Московском Художественном театре первое представление пьесы состоялось 24 октября 1905 г.

Пьеса «Дети солнца» входила во все собрания сочинений. Начиная с 1907 г., она получила подзаголовок «Сцены».

Печатается по тексту, подготовленному автором для штутгартского издания, с учётом всех поправок, внесённых М. Горьким во вторую машинописную копию.

Варвары

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1906 год», книга девятая, СПб. 1906. В том же году пьеса была издана отдельной книгой издательством Дитца.

Написана пьеса летом 1905 г., предположительно в период от начала июня до сентября, на даче в Куоккале, под Петербургом.

Сохранилось письмо М. Горького к Н. Д. Красову, режиссёру «Петербургского театра» (письмо датируется предположительно 1907 г.). Посоветовав театру избрать для постановки пьесу «Враги», М. Горький указывает, что в случае, если будет решено ставить «Варваров», следует обратить внимание на Монахову. «Она, – писал М. Горький, – искренно верит в возможность какой-то великой, пламенной и чистой любви, верит в человека-героя, достойного этой любви.

Она любит Черкуна с первого взгляда – за его смелые глаза, резкие движения, она думает, что вот – герой! Всё время она покорно, но уверенно смотрит на него, ждёт его. Она не может не думать, что он – для неё, она – для него.

В последнем акте она не может сразу поверить в свою ошибку, но, когда она убеждается, что ошиблась, – в этот миг её сердце умирает» (Архив А. М. Горького).

Впервые пьеса была поставлена в России на сцене провинциальных театров (Курск, Екатеринослав, Луганск и др.) в мае 1906 г., в том же 1906 г. представление

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru состоялось в Берлине. В 1907 г. пьеса была поставлена в Петербурге, в «Современном театре» и в «Новом Васильеостровском».

В Архиве А.М.Горького хранятся две рукописных черновых редакции пьесы с большим количеством исправлений, а также машинописная копия с правкой автора. Отредактированный машинописный текст был, по-видимому, снова перепечатан и в копиях отправлен в издательства Дитца и «Знание», где они послужили оригиналами набора, причём для сборника «Знания» текст снова был отредактирован писателем.

Пьеса «Варвары» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту девятого «Сборника товарищества «Знание» за 1906 год».

Враги

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1906 год», книга четырнадцатая. СПб. 1906, и одновременно издана отдельной книгой за границей в издании Дитца.

Как видно из письма М.Горького к И.П. Ладыжникову, пьеса была закончена в августе 1906 года (Архив А.М. Горького).

По докладу цензора от 13 февраля 1907 г. пьеса Главным управлением по делам печати была к представлению на сцене запрещена. В докладе цензора говорится: «В этих сценах ярко представляется непримиримая вражда между рабочими и работодателями, причём первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели – уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами. Впрочем, по словам одного из действующих лиц, совершенно безразлично, каковы качества хозяина, достаточно того, что он «хозяин», чтобы для рабочих он являлся врагом. Автор, устами жены брата директора фабрики, Татьяны, предсказывает победу рабочих. Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть дозволены к представлению» (см. «Литературная газета». 1936, номер 37, 30 июня).

Впервые на русской сцене пьеса «Враги» была показана лишь Ленинградским государственным академическим театром драмы 25 сентября 1933 г. 10 октября 1935 г. состоялось первое представление пьесы в Московском Художественном академическом театре.

Для ленинградского театра М.Горький заново переработал текст пьесы. Помимо многочисленных исправлений и дополнений, М.Горький написал новый конец пьесы. Ввиду значительных отличий нового конца пьесы приводим здесь прежний текст этого конца. После реплики: «Татьяна (наде). Не плачь, эти люди победят!..» в первоначальном тексте следовало (фамилия Акимов в этом тексте читалась: Якимов):

«Николай. Ну-с, господин Рябцов! А как же вы теперь?»

Рябцов (смущённо). А – никак...

Якимов. Молчи, Паша!.. Ты – молчи!

Левшин (радостно). Э-эх, братики, милые!..

Николай (ударив кулаком по столу). Молчать!

Якимов (спокойно). Не кричи, барин. Мы – не кричим.

Надя (Якимову, громко). Послушайте... разве это вы убили? Это – они всех убивают... это они убивают всю жизнь своей жадностью, своей трусостью!.. (Ко всем.) Это – вы, вы преступники!

Левшин (горячо). Верно, барышня! Не тот убил, кто ударил, а тот, кто злобу родил!.. Верно, милая!

(Общее смятение, шум.)

Пьеса «Враги» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту четырнадцатого «Сборника «Знания» за 1906 год» с учётом всех поправок и дополнений, сделанных автором в 1933 г.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 6. Пьесы 1901–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!